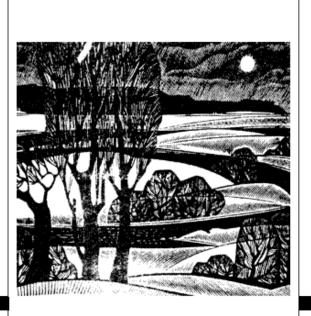
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<u>Приокскис</u> <u>30Ри</u>

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ĵ

2011

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посильно помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решаема каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: СD-диск с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Cir, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

IPHOKSKUS 30PH

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД литературно-художественный и публицистический журнал

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ ОСНОВАН В 2005 ГОДУ 2011 — 3(24)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	
Между бурей и «Буревестником»: К юбилею Леонида Андреева	3
К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ	
И ДРАМАТУРГА ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА АНДРЕЕВА (1871—1919)	
Пеонид Николаевич Андреев. Бездна	7
АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ	
Владимир Жириновский: Думать о будущем России	15
ПОВЕСТЬ	
Рудольф Артамонов. Повесть о русской Сольвейг	21
Илья Луданов. Секрет Небосвода	
Марина Майорова. «Скользящий блик утраченного рая»	59
СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА: АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА	
Алексей Яшин. Дежа вю истории?	96
Гатьяна Камаева. Цыганская любовь. Продаю девственность	115
Геннадий Маркин. Божья кара	127
Валерий Маслов. Притчи	132
Яков Шафран. Вторая натура	134
В МИРЕ ПОЭЗИИ: ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ	
Наталья Квасникова. Старый Крым (поэма)	143
Сергей Крестьянкин. Пародии	
Владимир Резцов. Взгляд русского мужика на глобальную проблему терроризма	
Пюдмила Авдеева. Строкой стиха Победе поклонюсь	
Владимир Сапожников. Простите, женщины, меня	
Сергей Соколкин. Personalia	
Вячеслав Боть. О Толстом	
Владимир Родионов. Горьки иголки	
Пюдмила Катукова. Родина	
Олег Пантюхин, Май	
Александр Хадарцев. Ибрагим (поэма)	172
МОЛОДЫМ У НАС ДОРОГА	
К итогам 1 слета молодых поэтов Тульского края	
Cannay Original Paragrap	100

Маргарита Ларина. Серая улица	
Олеся Янгол. Я знаю птичий язык	195
ПРЕДСТАВЛЯЕМ МОСКОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ	
«ВДОХНОВЕНИЕ»:	
Пюдмиа Авдеева, Валентина Ефремова, Анри Маркович, Татьяна Емельянова, Вячеслав	
Приходкин, Нина Антропова, Валентин Медведев, Ирина Антонова, Алексей Мягин,	
Нина Попова, Ольга Астафьева, Татьяна Минаева, Александрина Суровцева,	
Нэлли Кругликова, Наталья Титова	198
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
Сергей Гора. Алый тюльпан на снегу	215
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ	
Владлен Белкин. «Русь, куда же несешься ты?»	217
Владимир Шанин. Суриков или трилогия страданий	223
Александр Матвеичев. Моя Великая Отечественная	245
ГВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»	
Андрей Ставцев. Две птицы	. 265
СКАЗКИ СО СМЫСЛОМ	
Николай Макаров. Сказки о Белозёре	. 271
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Владмир Корнилов. Единение духом и памятью	285
Владислав Горелик. Потаенные мысли Вождя	
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на СD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. на 4-й стр. обложки. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети. Адрес редакции: 300025, Тула, a'я 920, А. А. Яшину; e-mail: priok.zori@mail.ru; тел.: (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Вячеслав БОТЬ (Тула) Тамара БУЛЕВИЧ (Красноярск) — зам. главного редактора по сибирским регионам Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель Правления Союза писателей России Виктор ГРЕКОВ (Белев) Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом критики Олег КОЧЕТКОВ (Коломна) Валерий КРУЧИНИН-РУСИЧ (Сокольники) Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула) Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь Владимир МИРНЕВ (Москва), президент Академии российской литературы Игорь НЕХАМЕС (Москва) Олег ПАНТЮХИН (Щекино) Ирина ПАРХОМЕНКО (Плавск) **Наталия ПАРЫГИНА** (Тула) Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отд Владимир САПОЖНИКОВ (Тула) – зав. отделом поэзии Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК Александр ХАДАРЦЕВ (Тула) Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент Академии российской литературы

Технический редактор Яков ШАФРАН (Тула) Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)

Информационная поддержка:

- Литературное агентство «Московский Парнас»
- журнал «Подъем» (Воронеж)
- «Литературная газета»
- газета «Российский писатель»
- газета «Тульский литератор» — газета «Щекинский вестник»
- газета «Марийская правда» (Йошкар-Ола)
- газета «Слобода» (Тула)
- газета «Тульская правда»

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации $\Pi H \ \ \mathbb{N}^{\!\!\!\! 2} \ \ TY \ 71-00079$ от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.medtsu.tula.ru (в PDF формате)

© «Приокские зори», 2011

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

МЕЖДУ БУРЕЙ И «БУРЕВЕСТНИКОМ»: К ЮБИЛЕЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

В советское время имя Леонида Андреева являлось фигурой «полуумолчания», то есть сорок лет его вообще не издавали, только в 1957 году появился томик избранных (наверное, избранные Ф. М. Левиным, составителем книги) повестей и рассказов. И затем еще тридцать лет наш выдающийся писатель в отечественной печати оставался на «марочной диете»: ни тебе повторения семнадцатитомного прижизненного собрания сочинений (СПб., 1910—1916), ни сколь-либо тиражных центральных изданий. Редко-редко, явно для поправки финансовых дел, «добро» на печатание небольших по объему книжек давалось периферийным издательством...

Почему так? — Тем более, что в знаменитые проскрипционные списки пролеткультовской Комиссии Луначарского — Крупской он попал ненароком, чисто случайно, как эмигрировавший после Октябрьской революции, да и в финской деревушке Нейвала — не в Париже же, не в Берлине? — он прожил

менее двух лет, скончавшись в сентябре 1919 года.

И это при всем том, что в период «бури и натиска» русской реалистической литературы начала XX века его ближайшими соратниками и единомышленниками являлись Горький, Чехов, Серафимович, Вересаев, тот же Луначарский? То есть, логически рассуждая, с позиции официальной советской литературной историографии автор «Рассказа о семи повешенных» должен бы был занять свое достойное место, как мы озаглавили этот очерк, между бурей и «Буревестником», то есть между реалистическим, художественным восприятием предреволюционного состояния всего русского общества и собственно призывом к радикальному обновлению одряхлевшего государственного устройства России. Символом же такого призыва стал «Буревестник» Горького.

Но как раз Алексея Максимовича осторожное, сверхполиткорректное советское литературоведение почти что намеками и обозначает как полутайного инициатора забвения Леонида Андреева. Автору этих строк до определенного времени не давала покоя головоломка: да, «рука» Горького здесь прослеживается однозначно, но что явилось причиной? — Ведь более близких товарищей по литературным и политическим убеждениям, по личной дружбе, нежели Горький и Андреев, в кругу русских писателей-реалистов 1900—1910-х годов и не было. И в творческом реноме, и в поведенческом плане они воспринимались почти как братья-близнецы.Кажется, из известных литературных воспоминаний Телешева такая мизансцена: Горький и Андреев одновременно появляются на некоем литературном журфиксе, где собрался весь цвет столичных писателей. По демократической моде тех времен оба пришли в косоворотках с поясками, широких брюках из «чертовой кожи», заправленных в высокие смазные сапоги. Собравшиеся в парадном зале богатого дворянского дома литераторы-либералы, все сплошь во фраках и смокингах, гасят на своих лицах невольные улыбки, а большой барин и эстет Иван Бунин с сарказмом обращается к вошедшим: «Господа! Вы-ы на охоту собрались?»

И так далее, и во всем. Опять же причину конфликта Горького и Андреева, точнее — причину «руки» первого в забвении творчества Андреева, то же политкорректное литературоведение видит единственно в известном «женском вопросе», возникшем в отношениях двух писателей. Но и это не складывается, ведь здесь проигравшей стороной, обидной для любо-

го мужчины, оказался именно Андреев.

…Головоломка — по крайней мере для нас — разрешилась, когда, еще в студенческие годы, мне стало доступным Юбилейное полное собрание сочинений в 90 томах Льва Толстого. Прочитав тридцать томов дневников и писем, не раз встретил мнение Льва Николаевича в том смысле, то он ставит Леонида Андреева в творческом плане выше Горького. Почеловечески это понятно: «Рассказ о семи повешенных» и «Жизнь Василия Фивейского» куда как ближе к нравственным исканиям позднего Толстого, нежели босяцкие рассказы и «Мать» Горького. Опять же Лев Николаевич известен своей неординарностью в индивидуальной и сравнительной оценке творчества канонических и современных ему художников слова. Достаточно вспомнить его негативное отношение к Шекспиру. В то же время он высоко ставил столь нелюбимых «передовой общественностью» 1900—1910-х годов исателей, как Михаил Арцыбашев («У последней черты»), Федор Сологуб («Мелкий бес»), Дмитрий Мережковский («Христос и Антихрист»), хотя бы их писатели-демократы и клеймили порнографистами, мистиками и декадентами.

Но — слово сказано, а Алексей Михайлович, при всех его творческих и личностных достоинствах, как и всякий большой писатель, пришедший в большую же литературу «своими шагами», очень щепетильно относился к оценке своего творчества. И тем более в советский период его жизни, когда он практически ничего художественного не создал, исключая пьесу «Сомов и другие» — малоудачную и, как говорится, напи-

санную не ко времени.

...И Горького здесь можно понять: слишком сильный разбег он взял в первую половину своей жизни, раньше времени «выложился» как художник слова. Такое часто бывает с писателями. Тот же гений русской, советской литературы Михаил Шолохов.

Конечно, здесь нельзя и недопустимо все упрощать: что-де обиженный отзывом Толстого Горький приказал «сбросить Андреева с корабля истории» — в духе идеологов Пролет-

культа. Здесь ситуация намного тоньше и изощреннее; достаточно вспомнить реалии литературной жизни страны, в 20—50-е годы, что так блестяще описал Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите». Среди пестрого состава тогдашних столичных литераторов и окололитературных лиц, где наиболее напористыми являлись пролеткультовцы и «набежавшие классики одесской литературы», было немало подхалимов и вообще державших постоянно нос по ветру. Да тут еще Иосиф Виссарионович назначил Горького главным писателем страны, поручив в рамках созданного Союза писателей СССР разгребать авгиевы конюшни литературного пестроцветья 20—30-х годов... Эти-то подхалимы и прилипалы и оттеснили Леонида Андреева в «попутчики», памятуя тот самый отзыв Льва Толстого.

А дальше вплоть до 80-х годов все шло по накатанной, по главенствующей в советском литературоведении инерции. Даже после начала публикации книг Андреева в конце 50-х годов, в официальном мнении писатель относился к некоему третьему разряду. Так в первом томе Малой Советской Энциклопедии (1958-й год) Леониду Андрееву уделена треть колонки без фото и с обтекаемыми эпитетами: «содержит черты критического реализма», «творчество Андреева остается противоречивым» и так далее. Даже не упомянуто лучшее — это не только наше субъективное мнение — произведение Андреева — рассказ «Бездна».

...Написанное выше — не просто занимательный экскурс в «литературную кухню», но косвенное подтверждение того факта, что творчество Леонида Андреева при его жизни и в последующие девяносто лет, вплоть до наших дней, принадлежит, по словам Горького, «человеку редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественному в своих поисках истины».

Эти слова охотно подтвердит всякий читатель и почитатель русской литературы, тонко чувствующий художественное слово. Есть в литературном процессе такое понятие, как «дуновение свежего ветра». Растолковать его можно следующим сравнением. Как на человека, живущего на берегу моря и уже привыкшего к ровной штилевой погоде, стоящей не один день, в этой сонной размеренности вдруг налетает резковатый, йодистый ветерок — предвестник скорого шторма, так и на читателя действует «дуновение свежего ветра», когда при долгом чтении великолепных книг классики ему вдруг попадает в руки том нового для него писателя. Не только для него нового, но и для всей устоявшейся традиции литературы.

...Вот такое ощущение автор этого очерка и испытал, когда — опять же еще в студенческие годы — в тульской «Буккиге», богатой в семидесятые годы на староизданные раритеты, приобрел том Леонида Андреева «нивского» издания 1912-го года. Первым в этой книге стоял «Рассказ о семи повешенных». Еще там были «Жизнь Василия Фивейского».

5

^{*} Кстати и по поводу: в мае этого года исполнилось 120 лет со дня рождения Михаила Афанасьевича Булгакова (1891—1940).

«Бездна», «Иуда Искариот» — то есть самые значимые произведения доселе неизвестного мне писателя.

Кстати говоря, такое же ощущение испытывал, впервые читая книги Федора Сологуба (не путать с автором знаменитого «Тарантаса» графом Владимиром Соллогубом), Дмитрия Мережковского и Михаила Арцыбашева, то есть всех тех писателей — а Соллогуба еще и великолепного поэта, — каждый из которых, как и Леонид Андреев, ранний Горький, «свежего ветра», чей талант сравним, а в чем-то и превосходил, с признанными классиками русской литературы концы XIX — начала XX вв. Но им опять же «повезло» попасть в проскрипционные списки Комиссии Луначарского — Крупской, то есть до конца века минувшего их имена были изъяты из литературного процесса. Самое обидное, что были изъяты именно в тот (советский) период, когда наша страна была действительно самой читающей в мире. Такого феномена нигде больше не было, а теперь и не будет... Сейчас — читай не хочу их, но дорого яичко в пасхальный день. Время чтения в России ушло, читают на сон грядущий только свои чековые книжки. У кого они, конечно, имеются.

Не является целью и задачей настоящей «Колонки главного редактора» литературоведческий анализ творчества Леонида Андреева, но отметим, что «свежесть ветра» в его произведениях — это прежде всего новый для русской литературы показ художественными средствами динамики изменения, перевоплощения черт характера на стыке социального и биологического. Может поэтому некоторые литературоведымодернисты и «сватают» Андреева к фрейдистам? Например, сравнивая его лучшие произведения с «Самопознанием Дзено» итальянца Итало Звево — классиком литературного фрейдизма? Но быть фрейдистом — это для Леонида Андреева слишком мелко и примитивно. Здесь надо копать глубже, прочтя прежде всего «Иуду Искариота», но особенно – «Бездну». Потому мы и публикуем ее ниже.

В этом, относительно небольшом по объему, рассказе Леонид Андреев мастерски показал как легко человек социальный скатывается до животного, биологического вида, «расчеловечивается» — термин новейшей социальной психологии. Как в единый момент рушится в человеке все, что дало ему не одно тысячелетие цивилизации и культуры. Какое же хрупкое создание природы есть человек? Как зыбки в его натуре границы

между социальным и биологическим!

Многие большие и великие художники слова стремились обыграть эту зыбкость, показать, как человек деградирует по определяющим его человеческую, гуманитарную сущность объектам: культура, любовь, женщина, деньги, семья... Но, пожалуй, только Андрееву одной лишь, заключительной фразой рассказа удалось отобразить этот миг перехода хрупкой границы: «И с силой он прижался к ее губам, чувствуя, как зубы вдавливаются в тело, и в боли и крепости поцелуя теряя последние проблески мысли. Ему показалось, что губы девушки дрогнули. На один миг сверкающий огненный ужас озарил его мысли, открыв перед ним черную бездну. И черная бездна поглотила его».

... Человек, преданный своей родине, своей стране, Леонид Андреев, с легкостью отказавшийся от поста министра пропаганды в правительстве Юденича, за неделю до своей смети пишет в письме к Н. К. Рериху : «Все мои несчастья сводятся к одному: нети дома. Был прежде маленький дом: дача в Финляндии... Был и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный мой дом — искусствотворчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома — холодная, промерзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом — чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества...».

^{*} Из вступительной статьи В. А. Богданова к книге: Леонид Андреев. Избранное.— М.: «Советская Россия», 1988.— С. 18.

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ И ДРАМАТУРГА ЛЕОНИДА НИКОЛАЕВИЧА АНДРЕЕВА (1871—1919)

Леонид Николаевич Андреев

БЕЗДНА

I

Уже кончался день, а они двое все шли, все говорили и не замечали ни времени, ни дороги. Впереди, на пологом холме, темнела небольшая роща, и сквозь ветви деревьев красным раскаленным углем пылало солнце, зажигало воздух и весь его превращало в огненную золотистую пыль. Так близко и так ярко было солнце, что все кругом словно исчезало, а оно только одно оставалось, окрашивало дорогу и ровняло ее. Глазам идущих стало больно, они повернули назад, и сразу перед ними все потухло, стало спокойным и ясным, маленьким и отчетливым. Где-то далеко, за версту или больше, красный закат выхватил высокий ствол сосны, и он горел среди зелени, как свеча в темной комнате; багровым налетом покрылась впереди дорога, на которой теперь каждый камень отбрасывал длинную черную тень, да золотисто-красным ореолом светились волосы девушки, пронизанные солнечными лучами. Один тонкий вьющийся волос отделился от других и вился и колебался в воздухе, как золотая паутинка.

И то, что впереди стало темно, не прервало и не изменило их разговора. Такой же ясный, задушевный и тихий, он лился спокойным потоком и был все об одном: о силе, красоте и бессмертии любви. Оба они были очень молоды: девушке было всего семнадцать лет, Немовецкому на четыре года больше, и оба они были в ученической форме: она в скромном коричневом платье гимназистки, он в красивой форме студента-технолога. И как и речь, все у них было молодое, красивое и чистое: стройные, гибкие фигуры, словно пронизанные воздухом и родные ему, легкая упругая поступь и свежие голоса, даже в простых словах звучавшие задумчивой нежностью, так, как звенит ручей в тихую весеннюю ночь, когда не весь еще снег сошел с темных полей.

Они шли, сворачивая там, где сворачивала незнакомая дорога, и две длинные, постепенно утончающиеся тени, смешные от маленьких головок, то раздельно двигались впереди, то сбоку сливались в одну узкую и длинную, как тень тополя, полосу. Но они не видели теней и говорили, и, говоря, он не сводил глаз с ее красивого лица, на котором розовый закат точно оставил часть своих нежных красок, а она смотрела вниз, на тропинку, отталкивала зонтиком маленькие камешки и следила, как из-под темного платья равномерно выдвигался то один, то другой острый кончик маленькой ботинки.

Дорогу пересекла канава с пыльными, обвалившимися от ходьбы краями, и они на миг остановились. Зиночка подняла голову, обвела вокруг затуманенным взглядом и спросила:

— Вы знаете, где мы? Я здесь ни разу не была.

Он внимательно оглядел местность.

— Да, знаю. Там, за этим бугром, город. Давайте руку, я вам помогу.

Он протянул руку, нерабочую руку, тонкую и белую, как у женщины. Зиночке было весело, ей хотелось перепрыгнуть канаву самой, побежать, крикнуть: «Догоняйте!» — но она сдержалась, слегка, с важной благодарностью наклонила голову и немного боязливо протянула руку, сохранившую еще нежную припухлость детской руки. А ему хотелось до боли сжать эту трепетную ручку, но он также сдержался, с полупоклоном почтительно принял ее и скромно отвернулся, когда у всходившей девушки слегка приоткрылась нога.

И снова они шли и говорили, но головы их были полны ощущением на минуту сблизившихся рук. Она еще чувствовала сухой жар его ладони и крепких пальцев; ей было приятно и немного совестно, а он ощущал покорную мягкость ее крохотной ручки и видел черный силуэт ноги и маленькую туфлю, наивно и нежно обнимавшую ее. И было что-то острое, беспокойное в этом немеркнущем представлении узкой полоски белых юбок и стройной ноги, и несознаваемым усилием воли он потушил его. И тогда ему стало весело, и сердцу его было так широко и свободно в груди, что захотелось петь, тянуться руками к небу и крикнуть: «бегите, я буду вас догонять» — эту древнюю формулу первобытной любви среди лесов и гремящих водопадов.

И от всех этих желаний к горлу подступали слезы.

Длинные, смешные тени исчезли, и дорожная пыль стала серой и холодной, но они не заметили этого и говорили. Оба они прочли много хороших книг, и светлые образы людей, любивших, страдавших и погибавших за чистую любовь, носились перед их глазами. В памяти воскресали отрывки неведомо когда прочитанных стихов, в одежду звучной гармонии и сладкой грусти, облекавшие любовь.

- Вы не помните, откуда это? спрашивал Немовецкий, припоминая: «...и со мною снова та, кого люблю,— от которой скрыл я, не сказав ни слова, всю тоску, всю нежность, всю любовь мою...»
- Нет,— ответила Зиночка и задумчиво повторила: «всю тоску, всю нежность, всю любовь мою»...
 - Всю любовь мою, невольным эхом откликнулся Немовецкий.

И снова они вспоминали. Вспоминали чистых, как белые лилии, девушек, надевавших черную монашескую одежду, одиноко тоскующих в парке, засыпанном осенней листвой, счастливых в своем несчастье; они вспоминали и мужчин, гордых, энергичных, но страдающих и просящих о любви и чутком женском сострадании. Печальны были вызванные образы, но в их печали светлее и чище являлась любовь. Огромным, как мир, ясным, как солнце, и дивно-красивым вырастала она перед их глазами, и не было ничего могущественнее ее и краше.

- Вы могли бы умереть за того, кого любите? спросила Зиночка, смотря на свою полудетскую руку.
- Да, мог бы,— решительно ответил Немовецкий, открыто и искренно глядя на нее.— А вы?
- Да, и я,— она задумалась.— Ведь это такое счастье: умереть за любимого человека. Мне очень хотелось бы.

Их глаза встретились, ясные, спокойные, и что-то хорошее послали друг другу, и губы улыбнулись. Зиночка остановилась.

— Постойте, — сказала она. — У вас на тужурке нитка.

И доверчиво она подняла руку к его плечу и осторожно, двумя пальцами сняла нитку.

— Вот! — сказала она и, став серьезной, спросила: — Отчего вы такой бледный и худой? Вы много занимаетесь, да? Не утомляйте себя, не надо.

- У вас глаза голубые, а в них светлые точечки, как искорки,— ответил он, рассматривая ее глаза.
 - А у вас черные. Нет, карие, теплые. И в них...

Зиночка не договорила, что в них, и отвернулась. Лицо ее медленно краснело, глаза стали смущенные и робкие, а губы невольно улыбались. И, не ожидая улыбающегося и чем-то довольного Немовецкого, она тронулась вперед, но скоро остановилась.

- Смотрите, солнце зашло! с грустным изумлением воскликнула она.
- Да, зашло, с внезапной, острой грустью отозвался он.

Свет погас, тени умерли, и все кругом стало бледным, немым и безжизненным. Оттуда, где раньше сверкало раскаленное солнце, бесшумно ползли вверх темные груды облаков и шаг за шагом пожирали светло-голубое пространство. Тучи клубились, сталкивались, медленно и тяжко меняли очертания разбуженных чудовищ и неохотно подвигались вперед, точно их самих, против их воли, гнала какая-то неумолимая, страшная сила. Оторвавшись от других, одиноко металось светлое волокнистое облачко, слабое и испуганное.

II

Щеки Зиночки побледнели, губы стали красными, почти кровавыми, зрачок неприметно расширился, затемнив глаза, и она тихо прошептала:

— Мне страшно. Тут так тихо. Мы заблудились?

Немовецкий сдвинул густые брови и пытливо оглядел местность.

Без солнца, под свежим дыханием близкой ночи, она казалась неприветливой и холодной; во все стороны раскидывалось серое поле с низенькой, словно притоптанной, травой, глинистыми оврагами, буграми и ямами. Ям было много, глубоких, отвесных и маленьких, поросших ползучей травой; в них уже бесшумно залегла на ночь молчаливая тьма; и то, что здесь были люди, что-то делали, а теперь их нет, делало местность еще более пустынной и печальной. Там и здесь, как сгустки лилового холодного тумана, вставали рощи и перелески и точно выжидали, что скажут им заброшенные ямы.

Немовецкий подавил поднимавшееся в нем тяжелое и смутное чувство тревоги и сказал:

— Нет, мы не заблудились. Я знаю дорогу. Сперва полем, а потом через тот лесок. Вы боитесь?

Она храбро улыбнулась и ответила:

— Нет. Теперь нет. Но нужно скорее домой — пить чай.

Быстро и решительно они двинулись вперед, но скоро замедлили шаги. Они не глядели по сторонам, но чувствовали угрюмую враждебность изрытого поля, окружавшего их тысячью тусклых неподвижных глаз, и это чувство сближало их и бросало к воспоминанию детства. И воспоминания были светлые, озаренные солнцем, зеленой листвой, любовью и смехом. Как будто это была не жизнь, а широкая, мягкая песня, и звуками в ней были они сами, две маленькие нотки: одна звонкая и чистая, как звенящий хрусталь, другая немного глуше, но ярче — как колокольчик.

Показались люди — две женщины, сидевшие на краю глубокой глиняной ямы; одна сидела, заложив ногу за ногу, и пристально смотрела вниз; головной платок приподнялся, открывая космы путаных волос; спина горбилась и встягивала вверх грязную кофту с крупными, как яблоки, цветами и распустившимися завязками. На проходящих она не взглянула. Другая женщина полулежала возле, закинув голову. Лицо у нее было грубое, широкое, с мужскими чертами, и под глазами на выдавшихся скулах горели по два красных кирпичных пятна, похожих на свежие ссадины. Она была еще грязнее, чем первая, и смотрела на идущих прямо и просто. Когда они прошли, она запела густым, мужским голосом:

— Для тебя одного, мой любезный,

Я, как цвет ароматный, цвела...

Варька, слышишь? — обратилась она к молчаливой подруге и, не получив ответа, громко и грубо захохотала.

Немовецкий знал таких женщин, грязных даже тогда, когда на них было богатое и красивое платье, привык к ним, и теперь они скользнули по его взгляду и, не оставив следа, исчезли. Но Зиночка, почти коснувшаяся их своим коричневым скромным платьем, почувствовала что-то враждебное, жалкое и злое, на миг вошедшее в ее душу. Но через несколько минут впечатление изгладилось, как тень облака, быстро бегущая по золотистому лугу, и когда мимо них, обгоняя, прошли двое: мужчина в картузе и пиджаке, но босиком, и такая же грязная женщина, она увидела их, но не почувствовала. Не отдавая себе отчета, она долго еще следила за женщиной, и ее немного удивило, почему у нее такое тонкое платье, как-то липко, точно мокрое, обхватывающее ноги, и подол с широкой полосой жирной грязи, въевшейся в материю. Что-то тревожное, больное и страшно безнадежное было в трепыхании этого тонкого и грязного подола.

И снова они шли и говорили, а за ними двигалась, нехотя, темная туча и бросала прозрачную, осторожно прилегающую тень. На распертых боках тучи тускло просвечивали желтые медные пятна и светлыми, бесшумно клубящимися дорогами скрывались за тяжелой массой. И тьма сгущалась так незаметно и вкрадчиво, что трудно было в нее поверить, и казалось, что все еще это день, но день тяжело больной и тихо умирающий. Теперь они говорили о тех страшных чувствах и мыслях, которые посещают человека ночью, когда он не спит, и ни звуки, ни речи не мешают ему, и то, как тьма, широкое и многоглазое, что есть жизнь, плотно прижимается к самому его лицу.

- Вы представляете себе бесконечность?— спросила Зиночка, прикладывая ко лбу пухлую ручку и крепко зажмуривая глаза.
 - Нет. Бесконечность... Нет, ответил Немовецкий, также закрывая глаза.
- А я иногда вижу ее. Первый раз я увидела, когда была еще маленькая. Это как будто телеги. Стоит одна телега, другая, третья и так далеко, без конца, все телеги, телеги... Страшно,— она вздрогнула.
 - Но почему телеги? улыбнулся Немовецкий, хотя ему было неприятно.
 - Не знаю. Телеги. Одна, другая... без конца.

Тьма вкрадчиво густела, и туча уже прошла над их головами и спереди точно заглядывала в их побледневшие, опущенные лица. И все чаще вырастали темные фигуры оборванных грязных женщин, словно их выбрасывали на поверхность глубокие, неизвестно зачем выкопанные ямы, и тревожно трепыхались их мокрые подолы. То в одиночку, то по две, по три появлялись они, и голоса их звучали громко и странноодиноко в замершем воздухе.

- Кто эти женщины? Откуда их столько? спрашивала Зиночка боязливо и тихо. Немовецкий знал, кто эти женщины, и ему было страшно, что они попали в такую дурную и опасную местность, но спокойно ответил:
- Не знаю. Так. Не нужно о них говорить. Вот сейчас пройдем этот лесок, а там будет застава и город. Жаль, что мы так поздно вышли.

Ей стало смешно, что он говорит: поздно, когда они вышли в четыре часа, и она взглянула на него и улыбнулась. Но брови его не расходились, и она предложила, успокаивая и утешая:

- Пойдемте скорее. Мне хочется чаю. Да и лес уже близко.
- Пойдемте.

Когда они вошли в лес и деревья молчаливо сошлись вершинами над их головами, стало очень темно, но уютно н спокойно.

Давайте руку, — предложил Немовецкий.

Она нерешительно подала руку, и легкое прикосновение точно разогнало тьму. Руки их были неподвижны и не прижимались, и Зиночка даже немного отодвигалась от спутника, но все их сознание сосредоточилось на ощущении этого маленького местечка в теле, где соприкасались руки. И опять хотелось говорить о красоте и таинственной силе любви, но говорить так, чтобы не нарушать молчания, говорить не словами, а взглядами. И они думали, что нужно взглянуть, и хотели, но не решались.

— А вот опять люди!— весело сказала Зиночка.

III

На поляне, где было светлее, сидели около опорожненной бутылки три человека и молча, выжидательно смотрели на подходящих. Один, бритый, как актер, засмеялся и свистнул так, как будто это значило:

— Ого!

Сердце у Немовецкого упало и замерло в страшной тревоге, но, будто подталкиваемый сзади, он шел прямо на сидящих, около которых проходила тропинка. Те ждали, и три пары глаз темнели неподвижно и страшно. И смутно желая расположить к себе этих мрачных, оборванных людей, в молчании которых чувствовалась угроза, указать на свою беспомощность и разбудить в них сочувствие, он спросил:

— Где пройти к заставе? Здесь?

Но они не ответили. Бритый свистнул что-то неопределенное и насмешливое, а другие двое молчали и смотрели с тяжелой, зловещей пристальностью. Они были пьяны, злы, и им хотелось любви и разрушения. Краснощекий, оплывший, приподнялся на локти, потом нерешительно, как медведь, оперся на лапы и встал, тяжело вздохнув. Товарищи мельком взглянули на него и опять с той же пристальностью уставились на Зиночку.

— Мне страшно, — одними губами сказала она.

Не слыша слов, Немовецкий понял ее по тяжести опершейся руки. И, стараясь сохранить вид спокойствия, не чувствуя роковую неотвратимость того, что сейчас случится, он зашагал ровно и твердо. И три пары глаз приблизились, сверкнули и остались за спиной. «Нужно бежать»,— подумал Немовецкий и сам ответил себе: «Нет, нельзя бежать».

— Совсем дохляк парень, даже обидно,— сказал третий из сидевших, лысый, с редкой рыжей бородой.— А девочка хорошенькая, дай Бог всякому.

Все трое как-то неохотно засмеялись.

— Барин, погоди на два слова! — густо, басом сказал высокий и поглядел на товарищей.

Те приподнялись.

Немовецкий шел не оглядываясь.

- Нужно погодить, когда просят,— сказал рыжий.— А то ведь и по шее можно.
- Тебе говорят! гаркнул высокий и в два прыжка нагнал идущих.

Массивная рука опустилась на плечо Немовецкого и покачнула его, и, обернувшись, он возле самого лица встретил круглые, выпуклые и страшные глаза. Они были так близко, точно он смотрел на них сквозь увеличительное стекло и ясно различал красные жилки на белке и желтоватый гной на ресницах. И, выпустив немую руку Зиночки, он полез в карман, и забормотал:

— Денег!.. Нате денег. Я с удовольствием.

Выпуклые глаза все более круглились и светлели. И когда Немовецкий отвел от них свои глаза, высокий немного отступил назад и без размаху, снизу, ударил Немовецкого в подбородок. Голова Немовецкого откачнулась, зубы ляскнули, фуражка опустилась на лоб и свалилась, и, взмахнув руками, он упал навзничь. Молча, без крика, повернулась Зиночка и бросилась бежать, сразу приняв всю быстроту, на какую была способна. Бритый крикнул долго и странно:

— A-a-a!..

И с криком погнался за ней.

Немовецкий, шатаясь, вскочил, но не успел еще выпрямиться, как снова был сбит с ног ударом в затылок. Тех было двое, а он один, слабый и непривыкший к борьбе, но он долго боролся, царапался ногтями, как дерущаяся женщина, всхлипывал от бессознательного отчаяния и кусался. Когда он совсем ослабел, его подняли и понесли; он упирался, но в голове шумело, он переставал понимать, что с ним делается, и бессильно обвисал в несущих руках. Последнее, что он увидел — это кусок рыжей бороды, почти попадавшей ему в рот, а за ней темноту леса и светлую кофточку бегущей девушки. Она бежала молча и быстро, так, как бегала на днях, когда играли в горелки,— а за ней мелкими шажками, настигая, несся бритый. А потом Немовецкий ощутил вокруг себя пустоту, с замиранием сердца понесся куда-то вниз, грохнул всем телом, ударившись о землю,— и потерял сознание.

Высокий и рыжий, бросившие Немовецкого в ров, постояли немного, прислушиваясь к тому, что происходило на дне рва. Но лица их и глаза были обращены в сторону, где осталась Зиночка. Оттуда послышался высокий, придушенный женский крик и тотчас замер. И высокий сердито воскликнул:

- Мерзавец! и прямиком, ломая сучья, как медведь, побежал.
- И я! И я! тоненьким голоском кричал рыжий, пускаясь за ним вослед. Он был слабосилен и запыхался; в борьбе ему ушибли коленку, и ему было обидно, что мысль о девушке пришла ему первому, а достанется она ему последнему. Он приостановился, потер рукой коленку, высморкался, приставив палец к носу, и снова побежал, жалобно крича:
 - Ия! Ия!

Темная туча уже расползлась по всему небу, и наступила темная, тихая ночь. В темноте скоро исчезла коротенькая фигура рыжего, но долго еще слышался неровный топот его ног, шорох раздвигаемых листьев и дребезжащий, жалобный крик:

— И я! Братцы, и я!

IV

В рот Немовецкому набралась земля и скрипела на зубах. И первое, самое сильное, что он почувствовал, придя в сознание, был густой и спокойный запах земли. Голова была тупая, словно налитая тусклым свинцом, так что трудно было ворочать; все тело ныло, и сильно болело плечо, но ничего не было ни переломано, ни разбито. Немовецкий сел и долго смотрел вверх, ничего не думая и не вспоминая. Прямо над ним свешивался куст с черными широкими листьями, и сквозь них проглядывало очистившееся небо. Туча прошла, не бросив ни одной капли дождя и сделав воздух сухим и легким, и высоко, на середину неба, поднялся разрезанный месяц с прозрачным, тающим краем. Он доживал последние ночи и светил холодно, печально и одиноко. Небольшие клочки облаков быстро пронеслись в вышине, где продолжал, очевидно, дуть сильный ветер, но не закрывали месяца, а осторожно обходили его. В одиночестве месяца, в осторожности высоких, светлых облаков, в дуновении неощутимого внизу ветра чувствовалась таинственная глубина царящей над землею ночи.

Немовецкий вспомнил все, что произошло, и не поверил. Все случившееся было страшно и непохоже на правду, которая не может быть такой ужасной, и сам он, сидящий среди ночи и смотрящий откуда-то снизу на перевернутый месяц и бегущие облака, был также странен и непохож на настоящего. И он подумал, что это обыкновенный страшный сон, очень страшный и дурной. И эти женщины, которых они так много встречали, были также сном.

— Не может быть,— сказал он утвердительно и слабо качнул тяжелой головой.— Не может быть.

Он протянул руку и стал искать фуражку, чтобы идти, но фуражки не было. И то, что ее не было, сразу сделало все ясным; и он понял, что происшедшее не сон, а ужасная

правда. В следующую минуту, замирая от ужаса, он уже карабкался вверх, обрывался вместе с осыпавшейся землей и снова карабкался и хватался за гибкие ветви куста.

Вылезши, он побежал прямо, не рассуждая и не выбирая направления, и долго бежал и кружился между деревьями. Так же внезапно, не рассуждая, он побежал в другую сторону, и опять ветви царапали его лицо, и опять все стало похоже на сон. И Немовецкому казалось, что когда-то с ним уже было нечто подобное: тьма, невидимые ветви, царапающие лицо, и он бежит, закрыв глаза, и думает, что все это сон. Немовецкий остановился, потом сел в неудобной и непривычной позе человека, сидящего прямо на земле, без возвышения. И опять он подумал о фуражке и сказал:

— Это я. Нужно убить себя. Нужно убить себя, если даже это сон.

Он вскочил и снова побежал, но опомнился и пошел медленно, смутно рисуя себе то место, где на них напали. В лесу было совсем темно, но иногда прорывался бледный месячный луч и обманывал, освещая белые стволы, и лес казался полным неподвижных и почему-то молчаливых людей. И это уже было когда-то, и это походило на сон.

— Зинаида Николаевна! — звал Немовецкий и громко выговаривал первое слово, но тихо второе, как будто теряя вместе со звуком надежду, что кто-нибудь отзовется.

И никто не отзывался.

Потом он попал на тропинку, узнал ее и дошел до поляны. И тут опять и уже совсем он понял, что все это правда, и в ужасе заметался, крича:

— Зинаида Николаевна! Это я! Я!

Никто не откликался, и, повернувшись лицом туда, где должен был находиться город, Немовецкий раздельно выкрикнул:

— По-мо-ги-те!..

И снова заметался, что-то шепча, обшаривая кусты, когда перед самыми его ногами всплыло белое мутное пятно, похожее на застывшее пятно слабого света. Это лежала Зиночка.

 — Господи! Что же это? — с сухими глазами, но голосом рыдающего человека сказал Немовецкий и, став на колени, прикоснулся к лежащей.

Рука его попала на обнаженное тело, гладкое, упругое, холодное, но не мертвое, и с содроганием Немовецкий отдернул ее.

— Милая моя, голубочка моя, это я, — шептал он, ища в темноте ее лицо.

И снова, в другом направлении он протянул руку и опять наткнулся на голое тело, и так, куда он ни протягивал ее, он всюду встречал это голое женское тело, гладкое, упругое, как будто теплевшее под прикасающейся рукой. Иногда он отдергивал руку быстро, но иногда задерживал и, как сам он, без фуражки, оборванный, казался себе не настоящим, так и с этим обнаженным телом он не мог связать представления о Зиночке. И то, что произошло здесь, что делали люди с этим безгласным женским телом, представилось ему во всей омерзительной ясности — и какой-то странной, говорливой силой отозвалось во всех его членах. Потянувшись так, что хрустнули суставы, он тупо уставился на белое пятно и нахмурил брови, как думающий человек. Ужас перед случившимся застывал в нем, свертывался в комок и лежал в душе, как что-то постороннее и бессильное.

 — Господи, что же это? — повторил он, но звук был неправдивый, как будто нарочно.

Он нащупал сердце: оно билось слабо, но ровно, и когда он нагнулся к самому лицу, он ощутил слабое дыхание, словно Зиночка не была в глубоком обмороке, а просто спала. И он тихо позвал ее:

Зиночка, это я.

И тут же почувствовал, что будет почему-то хорошо, если она еще долго не проснется. Затаив дыхание и быстро оглянувшись кругом, он осторожно погладил ее по щеке и поцеловал сперва в закрытые глаза, потом в губы, мягко раздавшиеся под крепким поцелуем. Его испугало, что она может проснуться, и он откачнулся и замер. Но тело было немо и неподвижно, и в его беспомощности и доступности было что-то жалкое и раздражающее, неотразимо влекущее к себе. С глубокой нежностью и воровской, пугливой осторожностью Немовецкий старался набросать на нее обрывки ее платья, и двойное ощущение материи и голого тела было остро, как нож, и непостижимо, как безумие. Он был защитником и тем, кто нападает, и он искал помощи у окружающего леса и тьмы, но лес и тьма не давали ее. Здесь было пиршество зверей, и, внезапно отброшенный по ту сторону человеческой, понятной и простой жизни, он обонял жгучее сладострастие, разлитое в воздухе, и расширял ноздри.

- Это я! Я! бессмысленно повторял он, не понимая окружающего и весь полный воспоминанием о том, как он увидел когда-то белую полоску юбки, черный силуэт ноги и нежно обнимавшую ее туфлю. И, прислушиваясь к дыханию Зиночки, не сводя глаз с того места, где было ее лицо, он подвинул руку. Прислушался и подвинул еще.
 - Что же это? громко и отчаянно вскрикнул он и вскочил, ужасаясь самого себя.

На одну секунду в его глазах блеснуло лицо Зиночки и исчезло. Он старался понять, что это тело — Зиночка, с которой он шел сегодня и которая говорила о бесконечности, и не мог; он старался почувствовать ужас происшедшего, но ужас был слишком велик, если думать, что все это правда, и не появлялся.

— Зинаида Николаевна! — крикнул он, умоляя.— Зачем же это? Зинаида Николаевна?

Но безгласным оставалось измученное тело, и с бессвязными речами Немовецкий опустился на колени. Он умолял, грозил, говорил, что убьет себя, и тормошил лежащую, прижимая ее к себе и почти впиваясь ногтями. Потеплевшее тело мягко поддавалось его усилиям, послушно следуя за его движениями, и все это было так страшно, непонятно и дико, что Немовецкий снова вскочил и отрывисто крикнул:

— Помогите! — и звук был лживый, как будто нарочно.

И снова он набросился на несопротивлявшееся тело, целуя, плача, чувствуя перед собой какую-то бездну, темную, страшную, притягивающую. Немовецкого не было, Немовецкий оставался где-то позади, а тот, что был теперь, с страстной жестокостью мял горячее податливое тело и говорил, улыбаясь хитрой усмешкой безумного:

— Отзовись! Или ты не хочешь? Я люблю тебя, люблю тебя.

С той же хитрой усмешкой он приблизил расширившиеся глаза к самому лицу Зиночки и шептал:

— Я люблю тебя. Ты не хочешь говорить, но ты улыбаешься, я это вижу. Я люблю тебя, люблю, люблю.

(Иллюстрация В. И. Юрлова)

Он крепче прижал к себе мягкое, безвольное тело, своей безжизненной податливостью будившее дикую страсть, ломал руки и беззвучно шептал, сохранив от человека одну способность лгать:

— Я люблю тебя. Мы никому не скажем, и никто не узнает. И я женюсь на тебе, завтра, когда хочешь. Я люблю тебя. Я поцелую тебя, и ты мне ответишь — хорошо? Зиночка...

И с силой он прижался к ее губам, чувствуя, как зубы вдавливаются в тело, и в боли и крепости поцелуя теряя последние проблески мысли. Ему показалось, что губы девушки дрогнули. На один миг сверкающий огненный ужас озарил его мысли, открыв перед ним черную бездну.

И черная бездна поглотила его.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Владимир Жириновский (г. Москва)

ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ РОССИИ

Беседа с Владимиром Вольфовичем Жириновским — Председателем ЛДПР, зам. Председателя Госдумы, доктором философских наук, Заслуженным юристом России. Беседу ведет Людмила Евгеньевна Авдеева, автор нашего журнала, поэт, литературовед, культуролог, журналист-международник, спецкорр. «Приокских зорь» в Госдуме ФС РФ.*

Л. А. Владимир Вольфович, в одном из интервью Вы говорили, что рассуждать о культуре вне жизни общества нельзя. Так давайте поговорим о роли литературы в современном российском обществе и о том, какова мера ответственности государства за гуманитарный спектр — науку, образование, культуру, искусство. Ведь сегодня уже невозможно скрывать, что за рыночные реформы мы расплачиваемся культурной деградацией общества. Во все сферы культурной жизни проникает безнравственность, вседозволенность. Идет разрушение базовых духовно-нравственных ценностей, тех гуманистических традиций русской литературы, которые во все времена были так притягательны и сделали русскую литературу ведущей на мировой культурной арене. Еще Герцен говорил, что «на Руси литература — вторая власть».

В. В. Ж. Разговор по коренным вопросам взаимосвязи культурной и общественной жизни проблемный. Он напрямую связан с возможностями современной отечественной культуры противостоять негативным общественным явлениям. Мы всегда сверхвысоко оценивали значение слова, которым можно спасти и можно убить, как писали русские поэты. Конечно, значение литературы в формировании цивильного общества переоценить трудно, ведь мы привыкли, что именно в русской литературе надо искать ответы на самые глубинные нравственные запросы, как личности, так и общества. Русская литература внесла общепризнанный вклад в мировую цивилизацию.

Сегодня же распалась связь времен, связь поколений. И это находит отражение в качественных изменениях современной культуры, в новых веяньях в литературе, в кинематографе. Обязанность деятелей культуры выносить в своем творчестве на об-

15

^{*} Интервью дано специально для журнала «Приокские зори».

суждение общества самые острые, важные для людей социальные, духовные проблемы. Честно описывать прошлое и настоящее.

- Л. А. Сегодня много говорят о глобализации, имеющей значительные возможности для развития технологий и экономики, но несущей опасность в духовную сферу жизни. Есть даже уже понятие «глобальная» универсальная культура. Глобализация пропагандирует американский вариант поп-культуры и перевернутую систему ценностей, торжество вседозволенности. Литература становится вещевым рынком, на котором коммерческая книга, выгода от продаж берет вверх. Государство отдало культуру во власть рынка, отстранившись от ответственности за духовность нации. Наряду с «черным рынком», «теневой экономикой», можно говорить о «теневой» культуре, вернее антикультуре. И сегодня уже не только старшее поколение, но и думающая молодежь не приемлет этого глумления над русской культурой.
- **В. В. Ж.** Самые главные нравственные вопросы это смысл жизни и совесть. Для меня писателем, наиболее остро решавшим эту проблему, остается Достоевский.
- Л. А. Владимир Вольфович, Вы часто в своих интервью вспоминаете Федора Михайловича Достоевского. Александр Блок писал, что «наша память хранит с малолетства веселое имя Пушкин, а позже наш ум, совесть нашу начинает тревожить угрюмое имя Достоевский». Когда Вас стало тревожить имя Достоевского, и как влияет творчество писателя на современное общество?
- **В. В. Ж.** В студенческие годы я прочитал все произведения Достоевского, его дневники и тогда уже в юности много думал о лицемерии буржуазной морали, о милосердии, размышлял над теорией Раскольникова о вседозволенности, о физическом и духовном убийстве личности. У Достоевского совесть мерило личности.
- **Л. А.** Томас Манн называл всю русскую классическую литературу «святой литературой совести». Да и строки Пушкина «глаголом жечь сердца людей» зовут пробуждать в людях совесть.
- **В. В. Ж.** Но никто так глубоко не затрагивал проблемы совести. Вседозволенность это отказ от совести и нравственности. В этом было главное предостережение Достоевского. Сейчас все стремятся к благосостоянию и о нравственности вспоминают в последнюю очередь. А вопрос, для чего живет человек, в чем смысл жизни, все равно остается. Ведь от того, ради чего живет человек, зависит и как он живет. Здесь много пищи для размышлений, сопоставлений. Современные писатели обязаны изучать современное многослойное российское общество, его нынешнее моральное состояние. Во времена Достоевского литература имела над умами значительную власть. Была четкая государственная культурная политика и в советские времена. Сегодня утверждается, как норма, безвкусица, пошлость, насилие, нажива. Я об этом говорю в своих выступлениях, пишу. И я убежден, что необходим решительный поворот всего общества к истокам духовности, к русским культурным традициям, к нравственному здоровью нации.
- Л. А. Если Вы помните, 2007 год был объявлен годом русского языка, а 2008 год годом литературы. Тогда деятели культуры и общество в целом восприняли это, как решительный поворот к оздоровлению нации. Но ведь ничего не изменилось. В чем же должна состоять стратегия государственной культурной политики?
 - В. В. Ж. Нужно уйти от примитивного взгляда на культуру, искусство и литера-

туру, как на сферу услуг по развлечению населения, понимать и повышать воспитательную роль культуры, которая является значительной силой для духовного единения общества. Необходима государственная поддержка талантливых авторов.

- Л. А. Потребительская культура в условиях рыночных отношений уже свою нишу получила а, как сказал поэт, «талантам надо помогать, бездарности пробьются сами». Без реальных практических форм помощи государства, без взаимодействия государства и культуры невозможно духовное возрождение нации, невозможно преодолеть нравственный кризис, зародившийся в 90-ые годы. Любимый вами Достоевский в речи памяти Пушкина говорил, что «мы Европу любим больше, чем сама Европа любит себя».
- **В. В. Ж.** Вот именно, если деятели нашей российской культуры полюбят Россию, свой народ и свою культуру больше, чем Запад, то общими усилиями государства и общества мы сохраним и высокий нравственный потенциал нации, и то высокое место на мировой арене, которое всегда по праву занимала русская литература.
- Л. А. В начале нашей беседы Вы вспомнили строки Шекспира «Распалась связь времен» и сказали о силе слова. О мощном влиянии слова на сознание, умонастроение действительно писали практически все русские литераторы. Николай Васильевич Гоголь считал, что «слово это высший подарок Бога человеку». А у Николая Гумилева: «Солнце останавливали словом. Словом разрушали города».
- **В. В. Ж.** Да, у поэтов много красивых строчек, воспевающих слово. Да и в Библии написано: «В начале было слово». Я тоже сторонник красивой чистой русской речи. Да и кто станет спорить, что слово правды, справедливости, доброе слово необходимо, тем более в условиях современных общественных потрясений. Я часто говорю это молодежи на встречах, во время дискуссий, но, к сожалению, людей часто захлестывают эмоции.
- Л. А. Но это не оправдывает то, что в наш язык пробрались далеко не литературные слова, и употреблять их позволяют себе не только на улице, но и на экране, и в книгах, да и в выступлениях известных людей много не только безграмотных фраз, но и далеко не литературных. Анна Ахматова в грозные годы войны писала: «Мы сохраним тебя, русская речь», а более чем через 65 лет после великой Победы, мы видим, как порой цинично относятся к родному языку даже те, кому по роду деятельности надо «сеять разумное, доброе, вечное». Великий русский язык, который, по словам Тургенева, «в дни сомнений и раздумий о судьбе родины один нам поддержка и опора», засоряется нецензурными выражениями, наполняется изуродованными на русский лад иностранными словами. Не пора ли эту проблему решать на государственном уровне?
- **В. В. Ж.** Строки хорошего русского писателя Ивана Тургенева наше поколение знает со школьных лет. Наизусть учили. Теперь действительно наблюдается смешение, как говорил другой русский классик «французского с нижегородским». Молодежь уже не так воспринимает классику, не следует языковым правилам, поэтому и появился язык подворотни, язык Интернета, искаженный язык, жестокость, насилие стали проникать на экраны, на страницы книг. Я не сторонник сквернословия и пошлости, где бы это ни было, и считаю, что все пишущие люди, все причисляющие себя к образованным интеллигентным людям, должны нести ответственность за свои творения перед обществом, перед законом. Имея исторически сложившиеся культур-

ные традиции, мы не можем не испытывать тревоги за современное состояние культуры, за нравственное здоровье нации и тем более молодежи.

- **Л. А.** Возвращаясь к упомянутой Вами гамлетовской фразе «распалась связь времен», нельзя забывать, что многие физически почувствовали, какую трагедию и боль несет распад великой страны, связи поколений. Как, на Ваш взгляд, соединить интересы поколений, какова роль современных деятелей культуры и литературы и, безусловно, власти в возрождении духовности среди молодого поколения?
- **В. В. Ж.** Здесь уже Вы ставите вопросы воспитания. А в воспитании не последнее место принадлежит умению привить ребенку любовь к чтению. К хорошей книге. А мы, что видим сегодня? У родителей нет времени вслух хорошие книжки почитать. Того же Сергея Михалкова, Носова, Барто, Чуковского. Да, наверно, и среди молодых найдутся интересные авторы. Сегодня дети с 3-х лет сидят за компьютерными играми, глаза портят. Нужны современные детские книги, интересные по содержанию, хорошо красочно оформленные, а для этого нужны и заинтересованные в расцвете России писатели, умные, талантливые и мужественные, чтобы говорить правду. Вот тогда и возобновиться связь времен и поколений и можно будет говорить о возрождении духовности и моральных ценностей в России.
- Л. А. Лев Николаевич Толстой советовал своим детям список литературы, обязательной для чтения. В него входили: «Записки охотника» Тургенева, «Записки из мертвого дома» Достоевского, «Отверженные» Гюго, романы Дюма-отца. Были и любимые в нашем детстве «Робинзон Крузо», «Дон Кихот», «Путешествия Гулливера», «Дети капитана Гранта». А чтобы Вы посоветовали прочитать молодежи из книг, повлиявших на Вас в юности, и какой литературой Вы увлекаетесь сейчас?
- В. В. Ж. Мне нравится список, предложенный Толстым. Я сам все эти книги читал в свое время с удовольствием. Из моего юношеского чтения я бы посоветовал рассказы Джека Лондона, «Братьев Карамазовых» Достоевского, «Овод» Войнич, «Севастопольские рассказы» Толстого. Молодежи надо быть в курсе современной литературы и в безграничном книжном океане учиться находить то, что отвечает убеждению, Я и сейчас читаю много исторической, мемуарной, философской литературы. В прозе привлекает острота сюжета, авторские рассуждения, отступления. Люблю сильных, думающих, делающих дело позитивных героев, а не дряблых духом слабаков. В поэзии интересны талантливо выраженные, четкие глубокие мысли и чувства. Я приверженец классической формы стиха, хотя допускаю существование разных направлений, поиск новых форм, лишь бы это не переходило границы и не становилось пустой формой без содержания. Не нравится, когда об авторе говорят «модный». Мода вообще явление временное, а талантливое произведение вне времени и в нем продолжают искать ответы на вечные вопросы и через долгие годы. Я много книг получаю в подарок от авторов. Просматриваю все, отбираю заинтересовавшее. Ведь в нынешнем потоке изданий всегда можно найти действительно достойные книги. В последнее время я с интересом прочитал «Исповедь фронтовика», написанную Героем России, летчиком истребителем Иваном Федоровичем Рубцовым. Очень содержательные воспоминания. У автора судьба трудная была, драматичная, но он человек мужественный и при этом лирик и интересный художник, в книге есть его стихи и картины. Так же рекомендую роман Сергея Небренчина «Аркаим» или «Крестный путь разведчика». Автор — профессор, доктор исторических наук, участник боевых действий в горячих точках, в том числе в Афганистане. Вы же тоже работали в Афганистане корреспондентом в те годы. Вам надо эту книгу обязательно прочитать.

- Л. А. Я прочитала эту книгу с интересом. Автор очень четко описывает и афганские события, и процесс распада Советского Союза и сегодняшний день России. Острый детективный сюжет, многие герои узнаваемы. Темы любви и ненависти, подвига и предательства раскрыты глубоко, со знанием дела. Много интересных философских размышлений. А Вы нашли время для чтения нового романа главного редактора журнала «Приокские зори» Алексея Афанасьевича Яшина «Катехизис идеалиста»?
- **В. В. Ж.** Журнал «Приокские зори» мне интересен и я просматриваю его всегда, когда поступает. Заинтересовал номер, посвященный Льву Толстому. Там и наша с Вами предыдущая беседа о современной литературе. В журнале немало интересного и в прозе, и в поэзии, и в критике, что, способствует формированию хорошего читательского вкуса. Новый роман Яшина «Катехизис идеалиста» интересно читать. Книга издана к 130-летию Сталина. Я свое отношение к этому периоду истории в своих книгах, брошюрах, выступлениях неоднократно высказывал. Сейчас мы не будем обсуждать эту противоречивую тему, вызывающую столько дискуссий и споров, но уважаемый писатель и крупный ученый Яшин поднял многие острые темы, которые, безусловно, долго будут обсуждаться.
- Л. А. Этот роман-размышление требует серьезного сосредоточенного чтения, чтобы пропустить неоднозначный исторический материал через разум и сердце. Я его читала с большим интересом, так же как и другой роман Алексея Яшина на ту же тематику, хотя и в ином жанре,— «Историк и его история». Автор искренен и глубок в своих рассуждениях о роли личности в истории, о великих и трагических событиях, пережитых нашим народом, дает емкие личностные характеристики, размышляет о западной демократии, народовластии, геополитике, о войне и мире, культуре, будущем России. Хочется, чтобы будущие поколения о нашем сложном времени, которое «трудновато для пера», узнавали не из бульварных романов и желтой прессы, а из современных серьезных и своевременных книг. Ведь сегодня нельзя найти достойных книг о жизни народа, о жизни глубинки. Говоря словами Николая Алексеевича Некрасова, «изменчивая мода нам говорит, что тема старая «страдания народа», и сегодня «наперечет сердца благие, которым Родина свята». К слову, именно «Приокские зори» в этом году публикуют материалы, посвященные юбилеям Достоевского, Некрасова и других ныне забываемых великих русских писателей.
- **В. В. Ж.** Это хорошо, что Вы заговорили о Некрасове. Хорошая у него поэма «Кому на Руси жить хорошо». Там мужики с этим вопросом и к попу, и к помещикам, и крестьянам, и к женщинам обращаются, а ответа, что жить хорошо, не получают. Вот бы сегодня нечто подобное написать. Ясно бы было, что сейчас хорошо, тем, кто награбил, а у народа все по старому, по Некрасову. Поэтому и надо с коррупцией бороться, в том числе и средствами искусства, литературы. Вот Вы о чем сейчас пишите? О природе, о погоде?
- Л. А. Нет. О Достоевском и Некрасове. И даже осмелилась на поэму: «Кому на Руси жить!?», из цикла стихотворений с эпиграфами из творчества Некрасова, который писал, что надо «толпе напоминать, что бедствует народ, когда она ликует и поет». Вы же тоже к своему 65-летию (25 апреля) издали книгу выдержек из ваших выступлений, целый ряд брошюр в защиту народа, по вопросам воспитания молодежи. А состоявшаяся в Доме журналистов презентация книги «Несгибаемый Жириновский», убеждает, что вы нацелены на глобальные действия в борьбе с беспределом в стране. И у меня экспромт:

«Год двенадцатый смотрит в лицо. \ Уже выборов близится время. \ Надо сбросить коррупции бремя, \ Чтобы жить на Руси хорошо.

В. В. Ж. Я с детства был нацелен на победу. Я хотел покорить этот неизвестный мир, стать политиком. А может быть, великим писателем, как Лев Толстой. Мои планы всегда были амбициозными. Может, поэтому я многого добился, и мне бы хотелось, чтобы в недалеком будущем была написана поэма «Всем на Руси жить хорошо».

Но коренные перемены возможны, если не только государство начнет что-то реформировать и модернизировать, но и когда у российской творческой интеллигенции будет государственный, ответственный, нравственный подход к своему творчеству. Действенная помощь государства, безусловно, необходима, как и появление достойных меценатов, но нужна и мудрость самих писателей, композиторов, художников, кинематографистов, самой творческой интеллигенции. Не надо искать легких путей для получения высоких гонораров за римейки и заимствованные голливудские сюжеты, а ставить значимые для современного зрителя пьесы, снимать полноценные отечественные фильмы, писать книги, в которых читатель будет искать ответы на вечные вопросы и настоящих героев, которым захочет подражать молодежь. Каждому, а тем более деятелям культуры, надо серьезно задуматься о будущем России.

- Л. А. Благодарю Вас, Владимир Вольфович, за интересную беседу. Будем надеяться, что российская культура, и в частности литература, использует свое самое сильное оружие интеллектуальную мощь для духовного возрождения страны. И тогда снова будут с гордостью говорить о величии нашей Родины и нашей культуры. Ваши пожелания Тульской писательской организации, отметившей свое пятидесятилетие и журналу «Приокские зори», который стал с этого года органом Академии российской литературы?
- **В. В. Ж.** Тульской писательской организации желаю приумножать свои ряды талантливыми молодыми писателями, сохранять чистые источники духовности российской литературы, а журнал «Приокские зори» поздравляю с повышением статуса и желаю сохранять высокий уровень публикаций и многообразие тематики, а авторам творческого дерзания и доброжелательных, но требовательных читателей. И думаю, что мы еще не раз встретимся на страницах журнала и обсудим «больные» проблемы и общества в целом, и современной литературы.

(38)(38)

ПОВЕСТЬ

Рудольф Артамонов (г. Москва)

ПОВЕСТЬ О РУССКОЙ СОЛЬВЕЙГ*

Часть третья. ФИМА

— Сестра Ефимия, через неделю приезжают американские братья. Как раз будет крещение. Чтобы все было чисто — халаты, полотенца. Сама знаешь, — сказал Адам Васильевич, пресвитер.

Фима знала. Уже много лет она состояла членом церкви адвентистов седьмого дня в Москве. Последние десять — была диаконисой общины. В ее обязанности входило обеспечение главных событий — крещение новообращенных и вечеря Господня. Это означало, что вместе со своими помощницами выстирывала до немыслимой белизны халаты для крещаемых и полотенца для вытирания ног при омовении.

Особенно Фима любила крещение. Приходила за несколько часов до начала молитвенного собрания. Вместе с помощницами снимала брезентовый чехол с бассейна и напускала в него воду. Если была зима, воду подогревали, и Фима измеряла температуру воды, чтобы крещаемые не простудились. Среди них были и старые люди, слабые здоровьем. В таинстве крещения она чувствовала себя вторым человеком после пресвитера. Адам Васильевич поднимал руку над будущим братом или сестрой, громко, чтобы слышно было во всем собрании, говорил торжественно:

— Крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь! — и погружал крещаемых в воду, опрокидывая их назад, а потом помогал подняться. Как ни наставляла сестра Ефимия их, как следует вести себя, чтобы крещение прошло чинно и торжественно, не всем удавалось погружение в воду с головой перенести без испуга. И вот здесь Фима играла важную роль. Она помогала фыркающему, с ошалелыми глазами человеку подняться по ступеням из бассейна, накидывала ему на плечи сухое полотенце и провожала до комнаты, где можно было переодеться. Все это Фима делала с тихим молитвенным песнопением, подпевая хору, который в это время пел — «...у реки, у Иордана, пред Тобою я стою...» Тихое торжественное пение, всплески воды, люди в белых одеждах, стоящие по краю бассейна, громко раздающиеся под сводами молитвенного дома слова пресвитера — «Крещу тебя...» приводили Фиму в священный восторг. Больное сердце старой женщины билось учащенно и болезнен-

^{*} Окончание. Начало см. в «ПЗ» № 1, 2011.

но, но Фима твердо знала, что Бог убережет ее от сердечного приступа и не даст прерваться ее служению. Она часто попадала в больницу, ревмокардит давал о себе знать, но ни разу сердечного приступа не было во время крещения или вечери Господни. Это укрепляло ее веру в Бога.

После смерти Ромашки Фима нашла утешение в религии. Не сразу она пришла в адвенстискую церковь. «Долго блуждала во тьме»,— говорила она. Побывала пяти-десятницей, православной. От пятидесятников у нее осталось тягостное воспоминание. В тесную ее комнату приходили сумрачные люди, падали на колени, закрывали глаза и начинали бормотать непонятные слова. У нее не получалось говорить на «иных языках». Эти сумрачные люди заставляли часами стоять на коленях и молиться, молиться, пока язык не станет заплетаться. Фима боялась этих людей. Отвязаться от них было трудно. Пришлось на месяц уехать в Сасово к Поле.

К адвентистам же Фиму потянуло то, что в отличие от православных, они так душевно говорили, их слова так легко воспринимались. Они называли друг друга сестрами и братьями и относились друг к другу, казалось Фиме, как настоящие сестры и братья. И ее легко приняли в свое сообщество. Но даже не это было, наверное, главное. Как сама безотчетно чувствовала Фима, было в них, адвентистах, что-то заграничное. Они опрятно одевались. В их доме молитвы, церкви, было просто и уютно, по-домашнему. Проповедники говорили понятным языком. А в песнопениях было легко разобрать слова.

 Бог мое единственное утешение и опора, — говорила Фима Татьяне, тридцатилетней женщине, социальному работнику, прикрепленному собесом обслуживать ее, старую одинокую женщину. Когда вышло постановление о том, что граждане, прожившие в Москве более пятидесяти лет, имеют право на отдельную жилплощадь, Фима получила маленькую однокомнатную квартиру. Коммунальное житье-бытье для нее, наконец, закончилось. Всю жизнь свою в Москве она прожила с соседями. Они были разные. Голдберги были добрыми интеллигентными людьми. Любили Ромашку. Оставили ему пианино. Но с ними они прожили недолго, всего три года. После них поселилась многодетная семья Архиповых. Глава семьи, дядя Саша, был инвалид, ногу потерял на фронте. Неплохой был человек, но крепко выпивал. «Выпимши», мог побить свою жену Анну. Жизнь была шумной и беспокойной. Когда дядя Саша умер от вина и фронтовых ранений, Анна с четырьмя детьми вернулась в Кимры, откуда ее с двумя детьми дядя Саша взял в жены, и двое детей у них родились в Москве. Последними Фимиными соседями по квартире были Тухватуллины. Как и от кого, Фима не могла припомнить, но знала, что Алим, отец семейства, работает в органах. В это время она уверовала, или, как сама говорила, «познала Истину». К ней стали приходить «сестры по вере». Фима побаивалась Алима. Сестры молились, пели молитвенные гимны, и Фима боялась, что за ней придут когда-нибудь ночью, как за Грегором, как за Львом Семеновичем Голдбергом. Но никто не приходил. Только однажды Алим, всегда пропадавший на работе с утра до поздней ночи, пришел к Фиме в ее маленькую комнатку и сказал ей вежливо, но твердо: «Ефимия Григорьевна, оставьте моих дочерей в покое. Вы догадываетесь, о чем я говорю?» Фима испугалась и беспрекословно подчинилась. Она перестала приглашать к себе двух девочек, дочерей Алима Тухватуллина, Галию и Раису, и говорить им о Боге. Она считала своим христианским долгом рассказать юным душам о Христе, сделать благое дело, как когда-то старинная соседка Мирра Голдберг сделала для ее сына Ромашки. Больше с Алимом Фима не сталкивалась, но затаенный страх перед ним у нее остался. Этот страх исчез только тогда, когда что-то удивительным образом изменилось в окружающей Фиму жизни. Вдруг Адам Васильевич объявил, что те сестры и братья, у кого нет Слова Божия — Библии, могут ее получить бесплатно. Братья из Америки и Германии прислали достаточное количество экземпляров. Потом эти самые братья

и сестры оттуда, из-за границы стали присылать русским адвентистам гуманитарную помощь — одежду, продукты, а затем и сами стали приезжать в их общину. А еще потом, о чудо Божие! в Кремлевском Дворце Съездов будет произносить проповедь проповедник из Америки. Вот в это время и подоспела отдельная квартира, и бояться стало больше некого.

Но жить в отдельной квартире ей пришлось уже одной. Появлению Татьяны Фима была рада. Та приходила к ней два раза в неделю. Получала заказ на покупки и отправлялась в магазин. Хлеб, молоко, крупы. «Ну, и что-нибудь сладенькое»,— под конец прибавляла Фима. Все покупки и истраченные деньги Татьяна записывала в особую тетрадь. Фиме нравилась Татьяна, мать двоих детей, девочек, подрабатывавшая социальным работником за небольшие деньги к семейному бюджету. Убедившись в порядочности и доброте Татьяны, Фима перестала заглядывать в тетрадь, где четкими столбцами, как в ученической тетрадке по арифметике, были записаны названия продуктов и напротив них цифры рублей и копеек.

— Приходи к нам на крещение. Тебе будет интересно. Приедет делегация из Америки,— сказала Фима Татьяне.

Татьяна знала, что ее подопечная — Ефимия Григорьевна Кузнецова, инвалид второй группы, 77 лет, верующая. Но не православная, а сектантка, евангелистка, или баптистка.

- A в воскресенье проповедник из Америки, брат Финли будет произносить проповедь, знаешь, где? В Кремле!
 - Не может быть, Ефимия Григорьевна. Вы что-то путаете. Это невозможно.
- Танечка, для Бога нет невозможного. Приходи и сама увидишь. Можешь взять детей и мужа.
 - Не знаю, Ефимия Григорьевна. Дел по горло.
- Главное дело спасти свою душу. Вот о чем надо заботиться, дорогая моя Танечка.

Что-то сохранилось в Фиме от ее прежней жизни. Может быть, пример Грегора стоял перед ее глазами. Она удивлялась, когда видела, с каким рвением он относился к своей работе, как горячо выступал перед рабочими на заводах и говорил о коммунизме, о светлой жизни и о том, что этому делу надо отдавать себя всего без остатка. Она тоже посвятила теперь свою жизнь служению, но только не коммунизму, как Грегор, а Богу. Ее деятельное участие в жизни общины заметили старшие братья и назначили ее диаконисой. Подходила по всем статьям — вела благочестивый образ жизни, вдова, бездетная. Фима посещала больных, распределяла гуманитарную помощь между нуждающимися членами общины, которая стала теперь приходить от адвентистов из Европы. Жизнь для Фимы переменилась, и переменилась к лучшему. Если раньше сказать о том, что она христианка, и не православная, а сектантка, как их, адвентистов, называли, было боязно, то теперь никому не стало дело до того, кто ты. Где-то за Окой открыли семинарию, где учат на проповедника. Фима очень хотела туда поехать посмотреть, но слабое здоровье не позволяло. Силы ее уходили. Как поздно наступили такие благословенные времена, когда можно служить Господу, никого не боясь и не терпя унижение. Но Фима была благодарна Богу, что дожила до такого времени.

— Не удивляйся. Все по Писанию, — говорила она Татьяне, готовой, как казалось Фиме, принять слово Божие в свое сердце и стать ее духовной дочерью. — Бог обещал, что перед концом света наступит время, когда Истина будет возвещена всему миру. А ты говоришь, дел по горло. Надо спасать себя, своих детей, мужа.

Фима умела говорить убедительно и даже страстно, когда говорила о Боге.

Так же она говорила о Боге и своей «сестре по плоти» Пелагие, когда та, не задолго до своей смерти, приезжала навестить Фиму в Москву.

- Ишь, какая речистая стала. Бога нашего, православного не трожь,— сказала Пелагия. Никакие мы не идолопоклонники. Так наши отцы веровали. В кого ты такая? Это же вера иностранная.
 - Это вера истинная, решительно сказала Фима.

Но дальше о вере сестры, две старые седые женщины, спорить не стали. Поплакали о Лизе, младшей сестре, десять лет назад умершей в далеком городе за Уралом на руках своего белокурого (какой он сейчас?) капитана. Обнялись и простились, понимая, что видятся, наверное, в последний раз.

- Буду за тебя молиться, чтобы там,— Фима показала глазами наверх,— мы были с тобой вместе.
- «Одурела совсем на старости лет Фимка»,— думала Пелагия, уезжая из Москвы в Сасово к своему одноногому мужу.
- Так что, Танечка, приходи. Впусти Бога в свое сердце, и будешь спасена.— сказала Фима.
 - Постараюсь, уклончиво ответила Татьяна.

* * *

Братья и сестры из-за рубежа теперь часто приезжали в московскую общину адвентистов. Поначалу их вид и поведение удивляли и вызывали недоумение у Фимы. В московской общине нельзя было появиться на молитвенном собрании с обнаженными руками. Старшие братья строго следили, чтобы женщины надевали блузки с длинными рукавами. Прическа должна была быть скромной, никаких завивок. О том, чтобы женщины губы красили, не могло быть и речи. А вот иностранные адвентисты, особенно американские, поразили всех своим видом. Женщины явились не только с обнаженными руками, но и в брюках, а некоторые в шортах. Фиолетовые кудряшки украшали головы пожилых женщин. Мужчины говорили громко и, сверкая вспышками, фотографировали даже во время богослужения.

- Как же так? спрашивала Фима пресвитера.
- У них так принято,— неуверенно отвечали старшие братья на такие вопросы челнов своей общины.
- Видите ли, они приехали в Москву туристами. Может быть, у них нет с собой подобающей одежды,— отвечали более догадливые.
- Бог им судья, а мы будем следовать своим путем,— говорили те, для кого молитвенный дом был домом Бога и кто приходил в него с душевным трепетом, отрешившись от всего земного.

Фима принадлежала к последним. Она приходила в Дом молитвы одетая в темное, и даже в жаркую погоду в чулках. Все, что могло отвлекать от молитвенного сосредоточения, она осуждала. В один из самых первых визитов американских братьев в их общину, во время крещения, когда она помогала новообращенной сестре выйти из воды, чернявый седеющий мужчина ослепил ее вспышкой фотоаппарата. Фима недоумевала — «как можно?» Адам Васильевич успокоил ее — «сестра Ефимия, американские братья хотят как можно больше знать о нас. Долгое время они даже не знали о нашем существовании здесь в Советском Союзе».

Фима смягчилась. Улыбчивые, дружелюбные иностранцы все больше располагали ее к себе. Они могли обнять за плечи, похлопать ласково по спине, громко рассмеяться. Что-то неуловимое и необъяснимое в них напоминало ей Грегора. Трудные долгие годы не смогли полностью стереть из ее памяти образ смуглого, черноволосого мужчины, говорившего по-русски с акцентом, сумевшего в короткие два года дать ей такое счастье, которого ей хватило на всю жизнь... Даже теперь, спустя столько лет, ее, ревностную христианку, всю себя посвятившую служению Богу, порой посещали сладостные воспоминания о плотской любви с Грегором. Она старалась отгонять их от себя, боясь их греховности. Но чем старее становилась Фима, тем чаще они ее посещали...

После крещения или окончания молитвенного собрания иностранные адвентисты обычно садились в автобус и уезжали. У них была еще культурная программа. Перед тем, как уехать, они дарили своим московским собратьям Библии в черных переплетах с тоненькими, как папиросная бумага листами, фотографировались на память с московскими братьями и сестрами по адвентистской вере, брали адреса, чтобы прислать «парсл». В маленькой квартире Фимы появились красочные открытки с изображением Христа с посохом в руке, несущего на руках белую овечку, или окруженного малыми детьми, с восторгом и умилением глядящими на него, глянцевые красочные адвентистские журналы, рассказывающие о том, как Слово Божие проповедуется по всему миру и как тысячи людей крестятся в адвентистскую веру.

Иногда иностранцы принимали приглашение старших братьев и приезжали на проспект Мира, где у московских адвентистов в трехкомнатной квартире находилось Правление.

Как диакониса Фима всегда принимала участие в этих братских трапезах. Вместе с еще несколькими сестрами она готовила и накрывала на стол. Шеф-поварское искусство, освоенное в годы эвакуации в Сасове, очень пригодилось. Фима готовила вкусно. Иностранцам нравилось. Они говорили — о'кей, файн — и улыбались Фиме. Когда все было готово и накрыто, Фима тоже садилась за стол. Она умела вести себя за столом подобающим образом. Этому она научилась у Грегора. Она не была тщеславна. Но ей хотелось показать иностранцам, что русские адвентисты тоже вполне цивилизованные люди. Из старших братьев только Мацанов Павел Андреевич, родом из Прибалтики, по мнению Фимы, имел хорошие манеры.

Умело действуя ножом и вилкой, стараясь прямо держать свою ослабевшую под тяжестью лет спину, беззвучно отпивая маленькими глоточками чай, Фима вслушивалась в иностранную речь, которая когда-то звучала и в ее доме, когда к Грегору приходили его друзья по Коминтерну. Она вглядывалась в лица иностранных адвентистов и искала в них что-либо, что могло бы напомнить ей Грегора. Нет, ничего похожего в них не было. Это были немцы, американцы, финны — светловолосые, с узкими костистыми носами. Если и случались среди них черноволосые, то были они белокожие.

Воспоминания о Грегоре Фима старалась отгонять от себя в эти минуты. Старалась сосредоточиться на том, о чем говорили эти жизнерадостные и уверенные в себе люди, совсем не похожие на своих, московских, адвентистов, редко улыбавшихся и всегда серьезных, готовых порицать и наставлять. Ей иногда казалось, что они, эти иностранцы, потому и стали адвентистами, чтобы ездить свободно по разным странам и смотреть, как там живут другие люди. Мысли о Боге, наверное, занимают мало места в их головах и сердцах. Они интересовались музеями, выставками и билетами в консерваторию.

И эти мысли Фима старалась отгонять от себя. «Бог им судья,— думала она,— а мы будем твердо стоять в вере, как нас наставляют наши старшие братья».

В их общине появились молодые люди, тоже адвентисты, знающие иностранные языки. Один из них, сын Адама Васильевича, окончил адвентистские курсы в Англии, свободно говорил по-английски и всегда был на этих встречах переводчиком.

Иностранные адвентисты рассказывали о том, как Слово Божие успешно распространяется по миру, как после проповеди брата Финли сотни и сотни людей обращаются к Богу и принимают адвентистское крещение. Вот теперь и в Советском Союзе тысячи и тысячи людей собираются послушать проповедь о Боге, и никто уже не препятствует этому. Что скоро, совсем скоро Слово Божие будет проповедано по всему миру и придет тогда Господь судить мир.

Эти слова вызывали в сердце Фимы благостное чувство. Она была уверена, что

если бы Грегор дожил до этого времени, то непременно был бы адвентистом. Он был такой нежный и добрый человек, он никогда не сердился, на своих выступлениях перед рабочими он всегда терпеливо отвечал на вопросы, растолковывал положение дел в мире и коммунистическом движении, говорил просто и понятно. «Он был бы хорошим проповедником», — думала Фима, и слезы умиления текли по все еще смуглым, но уже обвисшим щекам старой женщины. Она вытирала их кончиком надушенного платка, и все думали, что сестра Ефимия плачет от радости за успешное распространение Евангелия по всему миру.

По окончании трапезы гости и хозяева переходили в другую комнату, где стояло пианино. Раскрывали сборник молитвенных песен, регент хора Елизавета Гургеновна, черноволосая армянка с темным лицом и орлиным носом, садилась за инструмент, и московские адвентисты пели для своих иностранных братьев. Потом наступала очередь гостей. Это было странное, непривычное для Фимы пение. Оно было так похоже на эстрадные песни, передаваемые по радио и телевизору, что она, в первый раз услышав их, была едва ли не возмущена. Но дальше, больше. Однажды приехала целая группа молодых адвентистов из Америки. Они в молитвенном доме под гитару и какие-то другие, неведомые Фиме музыкальные инструменты пели так громко, притоптывая ногами, и так энергично всем своим телом делали ритмичные движения в такт музыки, что старые челны московской общины в недоумении перешептывались и переглядывались, а после собрания пришли к пресвитеру и потребовали объяснений. Добрейший Адам Васильевич только пожимал плечами.

На Фиму музыка действовала особенно сильно. Сильнее даже, чем слова проповеди. Бог теперь всецело владел ее сердцем. Но в нем, в сердце, всегда оставалось место воспоминаниям о сыне и Грегоре. Только их не хватало, чтобы пламенно верующая в Бога старая женщина была совершенно счастлива. Чем старее она становилась, тем чаще образы сына и Грегора вставали перед ее внутренним взором. Одинокими вечерами в своей однокомнатной квартире она порой почти физически ощущала их присутствие. Это ощущение было настолько сильным, что она разговаривала с ними, думала о том, понравится ли им еда, которую она приготовила для себя. Чаще всего она говорила им о Боге. Она была уверена, что они легко примут Бога в свое сердце. А если не примут? Нет, такой мысли Фима не допускала. Если не примут, значит там, на небе, они не будут вместе?! Эти мысли так сильно волновали ее, что в ее сердце возникала боль. Боль приводила ее в себя. Она начинала понимать, что Грегора и сына давно нет на этом свете, и рассказать им о Боге она уже никогда не сможет.

Музыка же действовала на нее так сильно потому, что она особенно легко вызывало перед ее внутренним взором образы двух дорогих ее сердцу людей.

Ее Ромашка сыграл бы не вот эту американскую, такую легкомысленную музыку, он сыграл бы музыку классическую, красивую, угодную Богу...

Когда визит иностранных адвентистов заканчивался, Фима по телефону заказывала для них такси. Гости поднимались, жали хозяевам руки, улыбались, а Фиму благодарили за вкусную еду, говорили — о'кей, файн,— и легонько похлопывали по спине.

* * *

— Что же ты не приходила в собрание? Было крещение. Приезжали американцы.— говорила Фима Татьяне.

Фима лежала больная.

В последнее время она стала часто прихварывать. Неугомонный образ жизни - два раза в неделю — в среду и субботу молитвенные собрания, посещения больных, развоз гуманитарной помощи по нуждающимся — становился ей уже не по силам. Старшие братья поговаривали, что пора ей на отдых, обещали платить пенсию, как старейшему члену общины, много потрудившемуся на ниве Божьей. Фима не хотела,

боялась уходить на покой. Но болезни все чаще сваливали ее. Больше всего она боялась сердца и давления. Все чаще по ночам она просыпалась от болезненного сердцебиения. Зажигала лампочку на тумбочке у кровати. Принимала лекарства. После приступа всегда возникал позыв помочиться. Она вставала и, держась за стены, осторожно шла в туалет. В эти минуты она боялась упасть. Ее воображению рисовалась картина, как она лежит одна на полу в коридоре. Пройдет неделя, а может быть две, прежде чем кто-нибудь из общины соберется ее навестить. А она уже будет мертвая, холодная. Все будут плакать по ней, говорить, что сестра Ефимия была хорошей христианкой, и радоваться, что она ушла, будучи в истинной вере, и потому на небесах ее ждет вечное блаженство. Эти мысли все чаще посещали Фиму, слезы умиления тогда текли по ее щекам и страх смерти пропадал.

Татьяна вызвала врача.

Участковый терапевт, пожилой сутулый мужчина с седыми до желтизны прямыми волосами, хорошо знавший Фиму по частым вызовам, сказал: «Голубушка, пора перестать бегать, как конь. Не девочка».

- Николай Петрович, пока Бог дает силы, буду бегать, ответила Фима.
- Так вот уже не дает. Давление низкое. Упадешь на улице.
- Господь не допустит. Ты, Николай Петрович, скажи лучше, когда в дом молитвы придешь. Тоже не молодой. Пора готовиться к встрече с Богом.
 - Все проповедуешь, сказал врач. Никак не угомонишься.

Такой разговор каждый раз повторялся между Фимой и Николаем Петровичем.

Доктор наказал Татьяне посидеть с больной хотя бы полчасика, посмотреть, как она себя будет чувствовать после приема лекарства, и ушел, унося на своих сутулых плечах груз забот о своих пациентах.

— Так что же ты не приходила в собрание. Было так торжественно. Были американцы. Фотографировали крещение. Один был очень похож на Грегора,— говорила Фима Татьяне, севшей рядом с ее кроватью, чтобы понаблюдать за ней с полчасика.— Такой же смуглый и широконосый, только седой весь. У Грегора в молодости волосы были черные, как смоль. Меня фотографировал.

В дни болезней, когда Фима надолго вынуждена была оставаться в своей одно-комнатной квартире, она была рада каждому человеку, посещавшему ее. Больше всех жаловала Татьяну. Привязалась к тихой и милой женщине, умевшей слушать терпеливо и внимательно, не поглядывая на часы. Ей Фима рассказывала не только о Боге, но и о своей жизни. Доверительно, как младшей подруге.

Татьяна знала, что когда-то давно, еще до войны, Ефимия Григорьевна была замужем за иностранцем, очень хорошим человеком. Что они вместе прожили недолго. Что сначала Ефимия Григорьевна не очень его любила, боялась даже, а потом поняла, что он хороший, добрый человек. Таких людей она уже никогда не встречала и поэтому замуж больше не выходила.

«Но он был смешной человек»,— говорила она, и Татьяна видела, как в Ефимии Григорьевне пробуждается из далекого прошлого практичная и даже озорная женщина. Она рассказывала о том, как этот смешной иностранец, «коммунист до мозга костей», очень редко пользовался льготными талонами на разные Комминтерновские блага. Как ей приходилось штопать ему носки, как Грегор занашивал ботинки, пока не отрывались подошвы, а он, вот чудак! стеснялся брать себе новые. Только когда родился Рамон, сын, муж стал брать по талонам хорошие продукты для нее, Фимы, чтобы у нее было молоко. Все чаще, видимо от старости, считала Татьяна, Ефимия Григорьевна рассказывала ей даже подробности своей интимной жизни. «Он допоздна сидел за своими бумагами, все писал что-то. Мне становилось скучно. Я говорила ему, хватит, Грегор, иди спать! Он приходил ко мне, озябший. Я как обниму его крепко. Он только скажет — О, Фима!»

Фима рассказывала и о сыне. Почему-то Татьяне она называла его не Ромашка и не Роман, а как он был назван Грегором — Рамон. Воспоминания о сыне всегда сильно волновали старую женщину. Если гибель мужа она связывала с действием каких-то, хоть и смутно ведомых, но могучих, необоримых, как судьба, сил, то в смерти сына она считала повинной себя. «Не надо, не надо было отправлять его в лагерь. Но на лето не с кем же было его оставлять. Это я настояла, чтобы Рамона взяли на три смены. В третью смену он и погиб...» Ефимия Григорьевна рассказывала Татьяне, как в то злосчастное лето она устроила сцену в профкоме завода КИМ. «Я пойду и брошусь сейчас под трамвай. Я писала заявление на три смены, а вы даете две. Они испугались, покричали, покричали и, в конце концов, дали третью смену».

Рамон не любил лагерь. Ездил туда с неохотой. Но понимал, что другого выхода нет, и, не прекословя матери, соглашался. Фиме некуда было девать его на лето. Оставлять в городе она боялась. Боялась, что улица и беспризорность погубят ее сына. Рамон рос самостоятельным мальчиком, он уже понимал, что добро, а что зло. Но грех, он ведь сильнее человека. И не таких, как Рамон, улица губила. А Фима хотела сберечь сына, вырастить его добрым, умным, каким был его отец. Соседи над Фимой смеялись. Когда Рамон садился делать уроки, она запрещала соседским детишкам шуметь, чтобы не мешали. А когда Рамон садился за пианино, Фима, наоборот, зазывала детей, усаживала и заставляла слушать игру сына. Они, высидев с полчаса, разбегались. Оставшись с сыном наедине, Фима просила Ромашку поиграть ей песню Сольвейг. Сыну говорила, что ей очень нравится мелодия. Но не только мелодия привлекала ее. В души она испытывала глубокую симпатию к Сольвейг. Фима находила в судьбе Сольвейг что-то сходное со своей судьбой. Разница была только в том, что та дождалась-таки своего непутевого мужа, а ей, Фиме, не суждено больше увидеть своего верного, любящего Грегора.

На глазах Татьяны навертывались слезы, когда она уже в который раз слышала этот рассказ Фимы о Рамоне, о его гибели, о Сольвейг.

В то лето Рамона назначили быть пионерским горнистом. Он знал музыку, ноты. Таких среди детей в лагере не было. Рамону нравилось играть на трубе. Он любовно ухаживал за ней. Натирал ее мелом до блеска, до сияния. Когда Фима в родительский день приехала навестить его в лагере, Ромашка с гордостью показывал ей трубу. Песня Сольвейг на трубе звучала тоже очень красиво. Он сыграл ее для матери после того, как продемонстрировал все обязательные в лагерной жизни сигналы — «утреннюю побудку», «построение на линейку», «призыв на обед», «отбой». Рамон и на трубе играл очень хорошо. Начальник лагеря перед всеми родителями хвалил Романа Кузнецова за серьезное отношение к своим обязанностям горниста. Фима гордилась сыном. Хотя теперь понимает, что делать это было нехорошо. Грех...

Рамон умер от воспаления брюшины. Проглядели аппендицит. Операцию сделали поздно. Лежал он в маленькой деревенской больнице, что была недалеко от лагеря. Фиме не сообщили, что он в больнице. Сообщили только о смерти...

Всякий раз, когда рассказ Ефимии Григорьевны доходил до этого места, ей становилось плохо с сердцем, и Татьяна давала ей валокордин или капли Вотчала. Иногда Татьяне удавалось своевременно отвлечь ее, перевести разговор на что-нибудь другое и не дать Ефимии Григорьевне дойти до самых горьких воспоминаний.

Татьяна видела, что старая женщина жила как бы в двух жизнях одновременно. Рядом с теперешней, все еще деятельной, полной мыслями о Боге, церковного служения, идет другая жизнь, жизнь в прошлом. Первая — чиста, аскетична, духовна. Вторая — полна до сих пор волнующими душу и плоть воспоминаниями, дорога своей неповторимостью, невозвратностью. Эта вторая жизнь все настойчивее давала о себе знать. Все чаще будоражила сердце старой женщины, вырывалась наружу повторяющимися рассказами об одном и том же.

- Ладно, иди, милочка. Мне легче стало,— сказала Ефимия Григорьевна Татьяне.— Замучилась ты со мной.
 - Я еще завтра зайду. Не нравитесь что-то вы мне.
- Вот уже и не нравлюсь,— пошутила Фима.— Возьми со второй полки слева книжечку Елены Вайт. Почитай. Что будет непонятно, спроси, я тебе разъясню. Это дух пророчества, предвестник последнего времени...
 - Ефимия Григорьевна, я побежала.

* * *

Предчувствие не обмануло Татьяну.

К Ефимии Григорьевне Кузнецовой на другой день решила зайти к первой из своих подопечных.

Дверь долго не открывали. Потом за дверью услышала шаркающие нетвердые шаги и звук поворота ключа в замке. Но войти не удалось, Дверь оказалась закрытой на цепочку. В приоткрытый проем высунулась рука Ефимии Григорьевны. Она поймала Татьянину руку и крепко ее сжала, не отпуская.

— Ефимия Григорьевна, что с вами, откройте. Это я, Таня.

За дверью раздавалось нечленораздельное мычание.

Татьяна все поняла сразу. Она уже год работала соцработником и за этот год дважды видела, как у старых женщин развивается инсульт. За несколько часов они перестают узнавать окружающих, отнимается речь или даже теряют сознание, падают.

С полчаса она простояла за приоткрытой дверью, и все это время Ефимия Григорьевна не отпускала ее руку и мычала пугающе неузнаваемым голосом.

Потом неожиданно цепочка упала, дверь открылась, и Татьяна вошла.

Перед ней стояла Ефимия Григорьевна с растрепанными волосами. По ее лицу была размазана запекшаяся кровь.

Старая женщина начала оседать на пол. Татьяна едва успела подхватить ее. С трудом дотащила до кровати и уложила на скомканную постель.

Худшие опасения подтвердились — у Ефимии Григорьевны, старой неугомонной женщины, историю жизни которой она теперь знала до мелочей и оттого дорогой ей больше всех других ее подопечных, был инсульт.

Он случился, скорее всего, ночью. Фима боролась за свою жизнь. Видимо, слабея, падая, она старалась хоть как-то удержаться на ногах. На стенах в коридоре, прихожей, на двери туалета были кровавые полосы, оставленные ее пальцами, когда она сползала вниз. Татьяна сняла прилипшие к лицу Ефимии Григорьевны волосы и увидела на лбу глубокую рану с запекшейся кровью.

«Скорая» проехала быстро.

— Ишемический инсульт, как пить дать,— сказал врач. — Если сердце хорошее, оклемается. Вы кто ей будете?

Молодой человек в неопрятном халате нараспашку действовал быстро и уверенно.

— Одинокая? Поможете собраться? Хорошо. Беру наряд в больницу.

Пока ехала перевозка, Татьяна сидела у постели Ефимии Григорьевны. Болезнь сильно изменила ее лицо. Смуглая кожа стала серой. Глаза, прикрытые веками, были неподвижны. Морщины стали глубже.

На минуту сознание вернулось к ней.

- Ты кто? чужим хриплым голосом спросила она.
- Таня я, Ефимия Григорьевна, Татьяна. Узнаете меня?

Фима не отвечала. Взгляд ее снова свидетельствовал об отсутствии сознания.

Татьяна заплакала. Ей по-женски было жалко Ефимию Григорьевну, прожившую такую тяжелую, бедную радостями жизнь, и теперь умиравшую в одиночестве. Ни родные, ни близкие не окружали ее. Кроме нее, Татьяны, некому было поплакать над

ней. Сколько раз Татьяна говорила Ефимии Григорьевне, что надо поменьше ездить, побольше дома сидеть. Церковь и без нее обойдется. Нет, неугомонная старуха каждый день находила повод куда-то поехать. Цветы купить к тайней вечере, «чтоб красиво и торжественно было в доме Божием», накормить хористов на спевке — «они ведь после работы собираются», посетить больных и одиноких членов адвентистской общины. Когда из заграницы стала приходить гуманитарная помощь — крупы, печенье, сахар, кое-что из одежды, Ефимия Григорьевна уговорила Татьяну, и та поддалась ее пламенным речам и вместе с ней ходила по ближайшим адресам, разносила сумки с продуктами. Татьяна не раз видела, как Ефимия Григорьевна, садясь в автобус, неустрашимо вступала в беспокойную толпу людей, рвущихся в дверь, и они расступалась перед энергичной старушкой, и кто-нибудь обязательно помогал ей взобраться в автобус...

Не раз Татьяна заставала ее после таких поездок еле живую, безмерно уставшую, глотающую лекарства. Но проходил день и на следующий она снова собиралась куда-то ехать, что-то делать, что без нее никто сделать не мог.

Теперь Ефимия Григорьевна лежала с окровавленным лицом, с вытянутыми вдоль туловища руками и тяжело, хрипло дышала. Татьяне казалось, что это был конец.

* * *

Фима не умерла.

Ни ревматизм, ни тяжелая жизнь, выпавшая на ее долю, не побороли в этот раз ее организм. Медленно к ней возвращалось сознание. Заживала рана на лбу, полученная от удара о дверной косяк, когда ночью она направлялась в туалет и упала, так как в глазах вдруг стало совсем темно, все вокруг закачалось, ослабели ноги. Потом в темноте, старалась подняться на ноги, боясь остаться лежать на полу. Дрожащими пальцами убирала прилипавшие ко лбу волосы, размазывая кровь по лицу. Поднималась и снова падала, оставляя кровавые полосы на обоях.

Все события той ночи постепенно вспоминались ею. Она долго не могла понять, где находится. С удивлением смотрела на белые стены, лица медперсонала, склонявшиеся над ней. Не понимала, почему ей делают больно и переворачивают ее, когда под ней становилось мокро.

Ночью в ее мозгу рождались видения прожитой жизни, невероятно яркие и правдоподобные, и в то же время искаженные какой-то немыслимой фантазией. Ей чудился Грегор, но не молодой и черноволосый, а седой, старый, с фотоаппаратом в руках. Тогда она начинала прихорашиваться, и окружающие видели, как больная Кузнецова шарит по себе руками, отрывает полоски простыни, завязывает узелки, поправляет волосы.

То рядом с ней был Ромашка. В ее видениях он всегда уходил от нее, медленно удалялся и становился все более неясной фигурой. Она протягивала к нему руки и кричала, звала его, но для окружающих это было просто двигательное беспокойство, сопровождавшееся нечленораздельным мычанием, больной женщины с ишемическим инсультом.

Иногда лицо ее просветлялось, на глазах выступали слезы, она складывала руки перед собой, и губы приходили в движение. Никто не догадывался, что в это время Фима представала перед лицом Бога и молила его о спасении дорогих ей людей. Прежде всего, Грегора Майкота, не то американца, не то мексиканца, которого она когда-то любила и о котором она не знала, успел ли он стать перед смертью адвентистом. Она молилась также о Ромашке, сыне. Она считала, что он безгрешен, и хотя не успел покреститься в адвентистскую веру, будет спасен, если горячо просить об этом Бога. И она просила, сложив молитвенно руки на груди.

Когда Татьяна пришла в больницу, чтобы передать паспорт Ефимии Григорьевны и страховой полис, она узнала, что та жива и постепенно приходит в себя.

Татьяна поднялась в отделение. Ефимия Григорьевна лежала не в палате, а в коридоре, на высокой кровати с высокими бортами.

Татьяна склонилась над ней, и Ефимия Григорьевна ее узнала. Глаза и лицо ее напряглись. Она что-то хотела сказать, но не могла. Издавала только звуки, напоминавшие мычание. Но руки слушались ее. Она взяла руку Татьяны и крепко ее сжала, долго не отпускала, шевелила губами, но, видимо, убедившись, что сказать, что хотела, не сможет, отпустила руку, и на глазах у нее выступили слезы.

Татьяна стала навещать Ефимию Григорьевну в больнице. Делать это в ее служебные обязанности не входило. Должна была обслуживать только на дому. Но оставить без присмотра старую одинокую женщину не могла.

Первое, что попросила Ефимия Григорьевна, когда речь вернулась к ней, сообщить в общину о том, что с ней и где она.

К ней стали приходить сестры из молитвенного дома. Это были пожилые женщины. Опрятно и просто одетые, они умело и деловито перестилали постель, выносили судно, кормили Фиму с ложечки. И, сделав дело, уходили. Когда сознание сестры Ефимии полностью прояснилось, они стали задерживаться еще на десятьпятнадцать минут почитать ей записи проповедей, читанных в церкви за время ее отсутствия на богослужении. После этого тихонько пели адвентиские песнопения.

С сестрами из церкви Фима разговаривала только о Божественном.

Когда же приходила Татьяна, Фима говорила с ней о мирском, чаще всего о своем далеком прошлом. Болезнь ослабила ее мозг. Реальные события перемешивались в ее больной голове с событиями явно фантастического характера.

Когда родился Рамон, Фима написала родителям Грегора.

- Куда? спросила Татьяна.
- В Мексику. Или Америку. Уже не помню.

Через полгода пришел ответ. Родители Грегора писали, что они очень рады, что у нее родился сын, и что они очень надеются, что она, Фима, воспитает его достойным человеком.

Татьяна была в недоумении, как Ефимия Григорьевна могла знать адрес, на каком языке было написано ее письмо, и как она смогла прочесть письмо родителей Грегора. Ефимия Григорьевна не могла ответить на эти вопросы.

С другой стороны, старая, больная женщина вряд ли могла придумать такое письмо. Характер, стиль ответа говорили о том, что так написать могли только не русские люди — вежливо отказать в каком-либо участии в судьбе ребенка. Неужели сердце их не дрогнуло. Неужели хотя бы одним глазом им не захотелось взглянуть на ребенка их собственного, пусть и непослушного их воле, сына. Ефимия Григорьевна не знала ответа на эти вопросы.

Однажды Ефимия Григорьевна заявила Татьяне, что Грегор жив. Она уверена в этом. Он, Грегор был умный человек. Когда их расстреливали, он упал и притворился мертвым, вполне серьезно объясняла Фима оторопевшей от такого поворота событий Татьяне. А потом ему удалось убежать в Америку. Это он, Грегор, фотографировал ее в церкви, когда было крещение. Он никого больше не фотографировал, только ее, Фиму. Долго смотрел на нее, узнавал. А потом взял фотоаппарат и, несмотря на то, что во время богослужения фотографировать нельзя, сфотографировал.

- Почему же он не подошел к вам, если узнал? в недоумении спрашивала Татьяна.
- У них была культурная программа,— убежденно отвечала Фима.— Их ждал автобус. Они не дождались конца богослужения, сразу после крещения сели в автобус и уехали. Он не мог остаться один. Он должен был ехать со всеми.

Старая женщина верила в то, что говорила. Была уверена, что отставать от всех нельзя. Раз вместе приехали, то и уезжать должны вместе.

А почему сама не подошла к нему? А потому что не сразу узнала его. Это потом она догадалась, что это был он, Грегор. Такой же смуглый. Широкий нос. Очень добрые глаза. Только седой. Так ведь сколько лет прошло. С тридцать девятого.

— Пятьдесят? Нет больше. Посчитай сама, я не могу,— сказала Фима Татьяне со слабой улыбкой, явно говорившей, что мозг ее ослабел и устал от воспоминаний.

Татьяна верила и не верила словам Ефимии Григорьевны.

Правдоподобие перемешивалось с явными фантазиями.

Однажды Ефимия Григорьевна заявила, что ее бабушка, Степанида Дмитриевна, была в услужении в царской семье. У старшей дочери царя.

- Какого царя? не скрывая недоверия, воскликнула Татьяна. Уж на сей раз, полагала она, Ефимия Григорьевна точно фантазирует.
 - Николая, спокойно и уверенно ответила Ефимия Григорьевна.
 - И какой же дочери она служила?

В это время по телевизору много показывали и рассказывали о царской семье, о расстреле в Ипатьевском доме. Перечисляли всех царских детей. Их имена были у всех на слуху. Татьяна ждала, что сейчас обнаружится вся фантастичность слов Ефимии Григорьевны.

— Старшей. Ольге. Ольге Николаевне, — последовал ответ.

Это было невероятно. Верить или не верить словам старой больной женщины? Фиме было все равно, верят ей или нет.

Воспоминания о прожитой жизни неудержимым потоком всплывали в ее голове. Их яркость, сила утомляли ее мозг. Тогда она впадала в забытье. Но и в забытье она прихорашивалась, поправляла на себе больничную рубашку, молитвенно складывала руки, плакала или смеялась.

Состояние Фимы то улучшалось, то ухудшалось. Иногда в забытье она приходила в сильное двигательное возбуждение, металась в кровати. Изо рта вырывались нечленораздельные звуки.

Когда такое возбуждение случилось при Татьяне, она убедилась, насколько сильны руки Ефимии Григорьевны, бывшей шлифовщицы завода Красный пролетарий. Их было трудно удержать от разрушительного беспокойства. Эти руки, всегда занятые трудом, и в припадке забытья находились в постоянном движении — беспокойно перебирали складки одеяла, рвали на мелкие полоски больничную рубашку, опрокидывали подносимую чашку с питьем. Удержать эти руки от постоянного движения было трудно — они были сильные.

Приходить часто к Ефимии Григорьевне Татьяна не могла. Другие старики и старухи ждали ее помощи. Была еще семья, двое девчонок и муж. Но бросить одинокую старую женщину в больнице тоже не могла. Знала, что у медсестер в больнице руки до всех больных не доходят. Кто-то всегда остается без присмотра, ухода. Часто заставала Ефимию Григорьевну в мокрой постели, голодную, с высохшими от жажды губами. Как могла она бросить ее? Не часто, но приходила.

Шла четвертая неделя пребывания Фимы в больнице.

— Танечка, надо написать Грегору письмо,— однажды сказала Ефимия Григорьевна. Лицо старой женщины светилось радостью. Эта мысль, пришедшая ей то ли в забытьи, то ли в долгие часы одинокого лежания на больничной койке, придала новую цель ее печальной жизни и наполнила ее некоторым смыслом.

Теперь в каждый приход к ней Татьяны Фима всякий раз начинала разговор с этой фразы.

— Я не знаю адреса. И вы не знаете адреса. Кому писать? — говорила всякий раз Татьяна. Отговаривать Ефимию Григорьевну от этой затеи было бесполезно. Она уже твердо верила, что Грегор не только жив, но и что он адвентист. Перед тем, как умереть она должна получить от него весточку, подтверждающую ее догадку.

- Адрес, Ефимия Григорьевна, адрес. Где его взять? отвечала Татьяна.
- Татьяна, ты такая умная женщина. Пойди, наконец, в собрание и спроси у старших братьев. Они должны знать. Они поднимут бумаги, вспомнят, когда приезжали братья из Америки и найдут его фамилию. Ты им скажи Грегор Майкот. И они дадут тебе адрес.

Фиме это казалось настолько очевидным и простым делом, что в тоне ее слов чувствовалось удивление и недоумение и даже превосходство, как это умная Татьяна не сообразила, а она, слабая больная женщина, сама додумалась, как раздобыть адрес.

Татьяна понимала всю бесполезность такой затеи, но отказать Ефимии Григорьевне не могла. Она соглашалась и обещала, но в собрание, или как Ефимия Григорьевна называла адвентистскую церковь, дом молитвы, не шла.

- Он обязательно приедет, когда узнает, что я жива,— говорила убежденно Фима. Но после паузы иногда добавляла: Может быть, у него другая семья есть... Ну и что ж. Он все равно приедет. Как ты думаешь, Татьяна?
 - Обязательно приедет.

Такой разговор теперь повторялся каждый раз, когда Татьяна приходила навестить Ефимию Григорьевну. Он лишь дополнялся новыми мелкими деталями и подробностями, но тема разговора была всегда одна и та же.

Однажды пришлось сказать неправду.

- Была я в собрании. Один мужчина сказал, что они ищут бумаги, когда найдут, скажут адрес.
- Да, Татьяна? Фима порывисто взяла и сжала руку Татьяны.— Буду молиться, чтобы нашли.
- И Фима тут же, при Татьяне, сложила молитвенно руки на груди, закрыла глаза, и губы ее стали быстро шевелиться.
- Как жалко, что не сохранились фотографии Ромашки. Сына. Была одна, да и та пропала при переезде на квартиру. Нечего будет показать Грегору... Он ведь не видел сына. Я в положении была, на седьмом месяце. Пришли ночью. Сказали, кудато вызывают. Он, наверное, знал, куда. Ничего не сказал. Стал собираться. Я-то ничего не понимала. Помогала ему одеться. А когда стал прощаться, заплакал. Он-то знал. Я не знала, куда его забирают...

По щекам Фимы потекли редкие слезинки. Потекли сами собой. В выражении ее лица ничто не изменилось.

— Я пошла к его друзьям. Никого уже не было... Сына он не видел. И фотографии нет. Тогда не до фотографий было. Если бы тогда я знала, что он жив и приедет к нам, обязательно сохранила. Но я же тогда не знала, что он приедет... Он ведь приедет, Таничка?

В другой раз Ефимия Григорьевна рассказывала, как провожала Грегора на во-кзале. Где была правда, а где вымысел, понять было невозможно.

- Каком? недоуменно спросила Татьяна. Ведь Грегора Майкота забрали ночью из дома. О вокзале Ефимия Григорьевна упоминала в своих рассказах о Грегоре в первый раз.
 - Не помню. Наверное, Виндавском?
 - Нет такого в Москве.
- Сейчас нет, а тогда был,— уверенно сказала Фима. Грегор плакал. Его друзья говорили ему, чего ты плачешь, бери Фиму с собой. А он говорит, куда же я Фиму возьму, когда сам не знаю, куда нас везут. Да еще с маленьким ребенком.
- Вы говорили, что Грегора забрали, когда сын еще не родился, напомнила Татьяна.
- Да, не родился. Я в положении была. Но когда я на вокзале была, на руках у меня был мальчик. Я точно помню.

Татьяна сочувственно смотрела на старую женщину. Прожитая давно жизнь не давала покоя ее слабеющей памяти. Будоражила ее голову. И что в этих воспоминаниях было в реальности, а что порождено болезнью, отличить было невозможно. Одно не вызывало сомнений — был Грегор, был Ромашка, сын, была счастливая, но очень короткая семейная жизнь. А дальше... А дальше были годы и годы трудной одинокой жизни, хоть и скрашенной верой в Бога, но не изгладившей воспоминаний о том коротком счастье.

Две недели Татьяна не навещала Ефимию Григорьевну. Надо было оформлять в первый класс старшую дочь.

Когда она через две недели пришла, она не смогла узнать Ефимию Григорьевну. Та лежала без сознания. Всю левую половину лица занимал огромный синяк. Ее руки и ноги были привязаны к краям кровати полотенцами. Медицинская сестра сказала, что два дня назад больная Кузнецова впала в возбужденное состояние и упала с кровати на пол. Случилось это ночью. Поднять с полу было некому. В палате одни парализованные старухи...

Татьяна осторожно развязала руки и ноги Ефимии Григорьевны, перестлала под ней мокрую постель. Попыталась накормить, но зубы ее были крепко стиснуты.

Это был конец.

Фима больше не приходила в сознание. Сидеть у постели бессознательной больной не было смысла.

Татьяна забегала в больницу, если было по пути. Перестилала мокрую постель, делала попытку накормить Ефимию Григорьевну и уходила, потратив на все не более пятнадцати минут.

Ефимия Григорьевна умерла на ее руках. Татьяна забежала, как всегда, на пятнадцать минут. Когда она пошевелила больную, та открыла глаза и спокойно, вполне разумно посмотрела на нее.

— Он приехал? — ясным чистым голосом спросила Фима.

Татьяна не смогла произнести ни звука. Она слабо кивнула головой.

— Как хорошо, — сказала Фима.

Она закрыла глаза. Грудь ее судорожно поднялась и опустилась. И Фима перестала дышать.

* * *

В обязанности социального работника входила и организация похорон одиноких стариков.

Фиму похоронили на Троекуровском кладбище. У могилы без креста, так полагается по адвентистским правилам, Татьяна постояла вместе с сестрами и братьями Ефимии Григорьевны по вере. Те спели несколько молитвенных гимнов. Постояли и разошлись. Последней ушла Татьяна.

Илья Луданов* (г. Узловая)

СЕКРЕТ НЕБОСВОДА (История одного села)

В тот год мы наконец-то добрались до аграриев. Скорее потому что другие темы знаменитых в начале века «нацпроектов» стали замарываться, о них все, казалось, было сказано, а вот с результатами «по селу» никак не налаживалось, и на «периферии» все было как и десять и двадцать лет назад: по всей стране медленно затихали деревни, рваные поселки, серые своей неизменностью, и какие-то хронически отчаянные городки среди бескрайних просторов русского лесостепья.

Надо было что-то делать: крупные чиновники уже изъерзались в высоких креслах, листая убогую статистику с полей и скотных дворов, им нужны были примеры чтобы доказать — «да, и у нас, знаете ли, деревня может жить хорошо, самодостаточно, быть примером другим и всем дотошным до модного выражения «качество жизни» западникам утереть нос.

За пару месяцев я объездил с десяток прибыльных хозяйств и вовсю готовил о них материал в наш журнал. В тех местах действительно многое строилось, закупалась техника, скот, рабочие получали приличные деньги. Но стоило поглубже взглянуть на эту картину благополучия, как тут же припудренной коррозией проступал весь фон искусственно созданного положения: либо хозяйство расцвело по воле какого-то столичного банкира, решившего удобным способом отбелить свои капиталы и вкладывающего деньги во все, что движется; либо где-то успешно работал какойнибудь редкий фермер, и если у него после двадцати лет труда все было еще как-то неплохо, то за забором снова — знакомый развал и нищета; а то еще кое-где пытался выжить, например, лично губернаторский проект на бюджетные деньги, явно для показа к приезду высоких гостей.

За все это время я, как ни бился, не мог найти благополучный городок или деревню, которая бы за счет сил своих жителей выбралась из бездны разрухи, наладила хозяйство и, уверено смотря вперед, жила своим развитием.

Все эти два месяца, когда я заговаривал о таком месте, мои коллеги из местечковых газет обреченно махали руками, и я совсем уже было свыкся с мыслью, что вернусь в редакцию с массой материала, где не будет самого главного и интересного, уже представлял себе смиренно-разочарованный взгляд начальства, которое ни в чем не упрекнет и ничего не напишет, но все поймет. Вдруг в одном райцентре, на краю карты одной из далеких областей, по виду в годах и, кажется, вволю пьющий редактор слабенькой местечковой газетки, показано прихрамывая и специально корявя слова, посоветовал мне преодолеть еще четыре десятка километров бездорожья в глубь полей, и посетить не то городок, не то большое село со странным

35

^{*} Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010 год в жанре прозы.

названием Небосвод.

- Черт знает что это такое,— с важностью объяснял он, размешивая сахар в мутном стакане чая, сидя на противно скрипящем стуле у заваленного бумагами и обрезками газет стола.— Ничего про этот Небосвод не ясно. Народ бред про какие-то чудеса несет глупость страшная, конечно. Мы там редко бываем, своих дураков хватает, но все же факты: во-первых, непонятно почему люди толпой бросили пить, хотя у нас, казалось бы, делать больше нечего,— тут он махнул в сторону окна, натянуто вздохнул, сделал глоток и поморщился.— А во-вторых, чуть ли не сами по себе, как народ там болтает, стали подниматься у них хозяйства, урожаи, говорят, хорошие пошли, и то самое «сельскохозяйственное развитие», о котором ты мне добрых полчаса околесицу несешь, вроде бы как стало оживать. Раньше же как: гнали ее, родимую, из чего только можно. Из-за этого связь-то у нас с Небосводом и оборвалась. Пить там стало не с кем, народ пошел чудной или дурной в общем, не наш какойто... Ну и плюнули наши на этот Небосвод гори он ясным огнем. Только вот ясности, по правде, от этого не прибавилось. Так что ты съезди, что ли.
 - А откуда такое название странное «Небосвод»? спросил я.
- Да черт его разберет! Раньше, поговаривали, старики знали, а сейчас...— он снова поморщился, отхлебнул чая, похрустел шеей.— Ты там Женьку найди. Сокурсник мой по «педагогическому». В смысле, звать Евгений Павлович его. Директором школы там, в Небосводе. На месте всегда от такого хозяйства никуда не денешься, да и ребятишки у них там что-то пошли один за другим... Он, может, расскажет чего.

Честно говоря, я за эти месяцы такого напомаженного блеска на чистокровном гнилье насмотрелся, что ехать сначала и не хотел. Опять, думаю, какой-нибудь миллионер в бегах поместье себе прикупил — не верил я уже в сельское благополучие. Но оказалось, что ехать-то мне больше некуда, только возвращаться разве что, а внутри остался осадок чего-то незавершенного, недоделанного, и без проверки последнего слуха возвращаться было еще противнее, чем смотреть на вычурный лоск статьи.

В общем, на следующее утро я поехал. Думаю, доберусь до школы, поговорю с директором, огляжусь маленько — и обратно. Всего день — и надоедливая совесть отбелена. Чудно, конечно, было вспоминать отзывы редактора, а еще чуднее — видеть начавшиеся с какого-то момента пути ухоженные поля и сносные по местным меркам дороги. Усмехнувшись, я проехал мимо дорожного указателя «Небосвод» у въезда в село, и скептически ухмылялся при виде дряхлых, но облагороженных домов, глядя на неумело опиленные аллеи и старую, но свежевыкрашенную школу, невдалеке от которой пылила посреди жилого квартала нелепо смотрящаяся стройка.

У входа в школу я столкнулся с человеком средних лет в непривычно белой для села сорочке, с самоваром под мышкой, громко и весело что-то знакомое напевающим, и как-то сразу догадался, что это и есть директор. Мы представились друг другу. Евгений Павлович куда-то торопился и все время за что-то извинялся.

- Вы уж простите, спешу я очень. Если вдруг вы свободны, пойдемте вместе. У нас сегодня праздник дочка внука мне родила рано утром, все никак из города дозвониться не могли.
 - Понимаю, конечно, лучше в следующий раз, обрадовался я.
- Да подождите, когда ж еще у нас будете! А вы, извините, к нам по какому вопросу, или просто? Я может, могу чем помочь?

Продолжив идти по узенькой улочке вместе с директором, я кратко рассказал, чем занимаюсь и почему здесь. Евгений Павлович на слова мои как-то странно, но добро засмеялся:

— Да ничего у нас особенного. Люди как люди, живут себе и живут. Никому не

мешают...

- Но, говорят, в последние годы в поселке наметились явные успехи...
- Как вам сказать. Ну, вот... видите стройку? мы как раз проходили мимо горы строительных лесов, по которым муравьями ползала бригада рабочих.
 - Только хотел спросить... Странно все это здесь как-то видеть.

Евгений Павлович, до этого торопясь, вдруг остановился, улыбающееся лицо в миг стало серьезным, и по взгляду я сразу понял, что он подбирает нужные слова.

- Мы строим храм,— тихо, внимательно смотря на меня, сказал он.— Всем селом строим... Представляете три поколения людей в Небосводе не слышали колокольного звона! Не видели, как кресты на солнце горят.
 - Я, признаться, оторопел от таких пояснений и вгляделся получше в директора.
- Да, строим все вместе и по очереди,— продолжал он.— На общенародные деньги, как раньше. С прошлой недели в Небосводе не осталось семьи, которая не сделала бы свой вклад в строительство. По-товарищески, общими усилиями... А впрочем, пойдемте,— и он снова увлек меня за собой, торопливо пытаясь о чем-то рассказать.— Вы, извините, если хотите, пойдемте ко мне. У меня сегодня гостей много, благостное событие. Будет много интересных людей, кого-нибудь о чем и спросите...

После таких слов я стал пристальнее посматривать по сторонам, пока мы шли к дому директора, и был немало удивлен: даже в тех местах, куда я до этого приезжал, и где было все с виду красиво, искусственность благополучия была заметна в пустых улицах с редкими алкоголиками, в ломанных скамейках и отсутствию уличных урн, и было непонятно, кем и как создавалась и поддерживалась вся эта внешняя накрашенность. Здесь же улочки и средь бела дня были заполнены самыми разными людьми.

- Удивительно, Евгений Павлович, в Небосводе очень живые улицы. Я такого кроме больших городов нигде не встречал...
- Раз вы приехали из райцентра и журналист, вам, наверное, рассказали, что у нас мало пьющих. Они еще остались, но теперь это единицы из большинства, а не наоборот, как еще недавно.
 - Сразу видно, вы педагог. Хорошо и точно говорите.
- Я еще преподаю историю и сам же историю изучаю. А этот предмет, знаете ли, думать заставляет.

Тут мы подошли к небольшому, но ухоженному дому, не формой и цветом покраски похожего на другие, а внимательным отношением к нему владельца. Когда оказались внутри, Евгений Павлович сразу бросился к телефону.

— Алло! — услышал я его крики в трубку.— Позовите к телефону Марию Евгеньевну! Мне сказали, сейчас можно, перерыв в кормлении...— наступила натянутая пауза. В коридоре вся стена была увешана фотографиями и мне сразу бросилась в глаза одна интересная особенность: здесь были только или старые снимки двадцати-, тридцатилетней давности, на которых директор угадывался в высоком парне с красивой девушкой под руку, или совсем свежие, где Евгений Павлович то на каких-то стройках, то в школе с учениками. Многолетний период будто выпал из фотографической летописи семьи.

На кухне гремела посуда, и слышался мирный говор женских голосов. Из зала выглядывал сервированный стол.

— Алло! — снова закричал в трубку Евгений Павлович. — Машенька! Здравствуй, девочка! Ну, как ты там? Мне не соврали, внук? Вот так-то! Мы, Маш, скоро приедем... Тебя и выписывают скоро?.. Ну, вот и как раз.. Сейчас мамку позову... Таня! Иди скорее! — крикнул он в кухню. Оттуда сразу выбежала маленькая бойкая женщина, но трубку директор сразу не отдал. — Маша, а ты скажи... Точно?.. Ну и прекрасно, малыш! — Евгений Павлович отдал трубку жене и, взмахнув руками, ки-

нулся ко мне.— Голубоглазый! Ей богу, голубоглазый! И русый! — он затащил меня на кухню, где суетились у плиты и стола еще две женщины.— Настасья Андреевна, Вера Трофимовна! Представляете, голубоглазый! И русый!

- И, слава богу, Евгений Павлович,— оторвалась от салатов та, что постарше.— Уж у кого еще как не у вас! Мы вот с Настей по-другому и не думали...
- Ну, уж, Вера Трофимовна, вы даете! снова взмахнул руками Евгений Павлович. Не думали! А я-то, я-то! Все боялся, как же, думаю, если не так. Должно так! И вот, посмотрите! Вот радость-то! повернулся он ко мне и выбежал на улицу.
- Евгений Павлович, простите, а какая разница, голубоглазый или нет? Ну, не был бы голубоглазый, и что?..— спросил я, выйдя вслед за директором.
- Как так не был бы голубоглазый?! резко повернулся он.— Нет уж...— директор осекся, строго посмотрел на меня, потом, будто от какой-то мысли очнулся и тихо, по-хозяйски, улыбнулся, будто зная какой-то секрет и обдумывая, как лучше мне о нем сказать.— Это для меня, извините, очень важно. Другому кому хоть кареглазого, хоть желтоглазого подавай, и пожалуйста. А мне голубоглазый внук нужен. Эй, ребята! крикнул он ехавшим невдалеке на велосипедах мальчишкам.— Максим! Саша! Помните уговор? Давайте, по всем своим, и чтобы у меня к двум были!
 - Да они уж знают! ответил старший из них, темно-рыжий мальчуган.
- А вы все равно, еще раз! И всех обойдите, чтобы были! и ребята, на удивление и не думая ослушаться, рванули на велосипедах по улице.
- Главное, гостей не забыть,— с улыбкой до ушей повернулся Евгений Павлович ко мне.

На крыльцо с полотенцем в руках вышла жена директора.

— Ну что, Танюш, поговорила? Дождались мы с тобой...— с удивительной легкостью он подскочил к жене, поцеловал ее и обнял.— Сколько у нас получается гостей, десятка два уже? Стульев не хватает? А все ведь свои... Ничего, я сейчас по соседям быстренько...

Евгений Павлович сказал, что если я хочу посмотреть на село, то надо остаться, потому как теперь к обеду будут главные лица Небосвода.

— Видите ли,— сказал он,— все, вроде, налаживается: и в школе, и дома все слава богу, вот и внук первый, а помощников нажить себе не сложилось. Только зять вот в городе, закупается к встрече Маши. Сколько лет прошло,— продолжал он, когда мы заходили в ближайший дом,— и ничего от них не осталось. Семью только какимто чудом сохранил...

Первый сосед, Николай Васильевич, оказался крепким мужиком, с глубоко посаженными глазами на морщинистом лице, в толстой рубахе и больших ботинках, известный в Небосводе пчеловод, с крупнейшей в округе пасекой. Наперед стульев он протянул нам банку меда:

 — Подай-ка, Палыч, к столу. Мед добрый, как старики говорили. А я ближе к осени с пасеки свежего еще привезу.

Дом Николая Васильевича вызвал во мне интерес. Создавалось впечатление, что когда-то запущенный и забытый, дом этот стали восстанавливать в самом лучшем виде, с искренним уважением к этим стенам. Старые стены были свежевыкрашены, прогнивший забор и порог у дома недавно заменены и белели свежими досками. Во дворе шел ремонт, будто разделяя дом надвое. Старая часть раздражала еще оставшейся гниющей корявостью и только недавно отмытым долголетним запустением. Другая часть радовала всем, под корень, новым и надежным, и было видно, что здесь мало что выправляли, а по возможности меняли заново. Пока мы ждали ушедшего в комнаты за стульями хозяина, я спросил о нем Евгения Павловича.

— A это не только у него. Это у нас теперь чуть ли не повсюду дворы и дома так поделены — у кого в большей, у кого в меньшей степени.

Вынеся нам полдюжины крепких стульев, Николай Васильевич тут же получил безотказное приглашение к обеду, и, вдруг засмущавшись — очень для меня неожиданно,— согласился.

Евгения Павловича это смущение очень развеселило, и пока мы относили первую партию стульев и шли ко второму двору, он разговорился:

- Вот Васильевич чуть было краской не пошел, а как я его понимаю, и все убеждаюсь, что надо к людям чаще ходить, с людьми говорить. Все мы потом стеснялись друг к другу ходить. Вроде как неудобно, и незачем. Сначала, не поверите, страшно было. Одиночество удивительное. Всех знаешь, со всеми рядом, а говорить не о чем, будто ничего не стало. В глаза друг другу смотреть зазорно. Тут работа спасала. Труд, как говориться, объединяет, а за общим делом всегда договориться легче. И чем больше времени проходило, все легче и легче становилось. Вот уже и общим народом собираться стали... Правда, редко еще.
- А почему же все-таки бросили пить? Как я вижу, все в один какой-то момент? Директор задумался, будто подбирая слова, и даже хотел что-то ответить, но тут мы подошли ко второму двору, и он сказал:
- Просто посмотрите на это. Сергей «последний из могикан», даст бог. Не все и не сразу. Строить оно не разрушать.

Второй двор из-за плотного и высокого, но старого и местами гнилого забора с улицы мало чем отличался от остальных, но когда мы вошли, то показалось, будто перенеслись с сытой сельской улицы куда-то в нищенский колхозный двор.

Вокруг убогость и заброшенность. Все заросло гнильем и дряхлостью. Никакого намека к делению на «старое» и «новое». Казалось, сам ход жизни когда-то, в один момент, оборвался в этом доме или замер, и все вокруг медленно, без движения, растворялось во времени.

Дверь была нараспашку. В грязных комнатах мы нашли заросшего этой же грязью человека. Он лежал на рваном диване и так сливался с серой мерзкой обстановкой, до которой гадко было и просто коснуться, что я не сразу его заметил. Выглядел он стариком, но потом Евгений Павлович рассказал, что старше его на четыре года. От рождения звали соседа Сергеем Вячеславовичем Орловым, но уже много лет называли просто Серегой, а чаще окриком, считали за пропащего, и старались без острой надобности о нем не вспоминать.

Как только мы вошли, Евгений Павлович поздоровался. Лежащий на диване несколько секунд не двигался, а потом чуть приподнялся и посмотрел на нас стеклянными глазами. С брезгливым любопытством я рассматривал новое и так мне знакомое «отгулявшее» лицо, не выражающее никакой мысли и никакого чувства.

Алкоголик что-то замычал в ответ на наши приветствия, даже присел, и чуть погодя закрыл заплывшие глаза, согнулся и обхватил голову руками.

— Нам стулья нужны, — бесстрастно продолжил директор. — У тебя от тетки остались в чулане? Я возьму несколько.

Реакции не последовало. По знаку руки Евгения Павловича мы прошли в другой конец дома, где в заваленном барахлом темном и сыром чулане, между куч рваных тряпок, я с удивлением увидел несколько старинных добротных стульев, правда, насквозь прокуренных и чем-то замызганных.

— Ничего, ототрем. Бери, — улыбнулся Евгений Павлович.

Нагруженные, мы вернулись в комнату.

- Знаешь, Сергей, у меня внук сегодня родился,— Евгений Павлович сделал паузу, будто ожидая какой-то реакции в ответ, а когда так и не дождался, наклонился вперед и громко и четко, с какой-то досадой прокричал:
 - Слышишь, Сергей, у Маши сын родился!

Сосед отлепил руки от лица, каменным и пустым взглядом снова посмотрел на

нас, но ничего так и не сказал, и мы ушли.

- Вот что делает с человеком водка, нагруженная горем,— сказал Евгений Павлович, когда мы возвращались к нему домой.— Но главное водка. Горе сразу бы убило, а если выдержал, то как хочешь, но отойди. На иное права не имеешь, в его голосе зазвучали и горькие и горделивые нотки.— С водкой хуже. С водкой, предательски похожей на воду, хуже. Она воли лишает. И если скатишься, подняться труднее в сто раз будет. А ведь когда-то первый коммерсант был на весь Небосвод. Еще при Советах начинал, в плотницкой артели. Стулья-то, видишь какие! Добра столько было, не успел еще все пропить.
 - У него что-то случилось?
 - У всех нас что-то случилось... А у него сын погиб в тюрьме.
 - За что сидел? по привычке спросил я.

Директор оглянулся на меня и с тяжестью ответил:

— Покушение на убийство,— и, немного пройдя, сказал.— Ладно уж, праздник сегодня, не будем. Не каждый день у человека внуки рождаются!

Мы прошли в дом, где уже ждал гостей окончательно сервированный стол. В коридоре я увидел старуху, всю в черном. Евгений Павлович обрадовался ей как родной, называя не иначе как «Аннушкой». Татьяна Михайловна, подруга семьи, уважительно прошептала мне, что это первая монахиня в строящемся храме. Но когда я подошел представиться, та на меня никак не отреагировала, будто не замечая, отчего я сделал вывод, что старушка немного не в себе. Легкая улыбка ни разу не покинула ее скомканного временем морщинистого лица, на протяжении всего застолья она мирно скребла вилкой по тарелке и никому не мешала.

Потом появились другие гости. Одним из первых вошел Федор Леонидович, высокий статный человек в годах, но без каких-либо намеков на проседь в густой шевелюре, с широкой, аккуратно постриженной черной бородой. Оказалось, что он мне больше всего и нужен, потому как был крупным аграрием в Небосводе, лучше остальных разбирался в торговле, и я сел рядом с ним, расспрашивая, как идут дела. Словоохотливостью фермер не отличался, но рассказывал, что несколько лет назад, когда хозяйства в Небосводе начали подниматься с колен, урожаи стали как по заказу: обильные и плодоносные. Вскоре к этому неожиданно добавилось забытое трудолюбие селян, и на фоне всей региональной отрасли за несколько лет хозяйства Небосвода шагнули вперед, заделав даже кое-какой капитал, позволяющий теперь и в неудачные годы держаться самодостаточно. Сам же Федор Леонидович поставил себе целью построить целый семейный бизнес, и теперь сыновья его были первыми помощниками на ферме, а внуки получали хорошее аграрное образование в столице.

Следом за Аннушкой и агрономом публика потекла еще разношерстней: появился единственный в Небосводе банкир Соловьев; торговцы и предприниматели — Климов, Нилов и Корнеев; еще один фермер Конев — птицевод, но, соответствуя фамилии, собирающий капитал на коневодство; Крюков, массово и увлеченно растящий картофель, и Капустин, занимающийся, правда, совсем не капустой, а разводящий по окрестным холмистым просторам плодовые сады морозостойких сортов. После пришел с тяжелой медовой рамкой знакомый сосед-пчеловод Николай Васильевич. За ним, как и положено для интеллигенции более пунктуально, стали собираться: Сергей Григорьевич Мухин, единственный на весь Небосвод доктор; директор библиотеки Тюнина Мария Сергеевна и Виктор Александрович Грачев, директор в прошлом году вновь открывшегося музея краеведения.

Интересно и удивительно было смотреть на них со стороны. Фермеры пришли по одиночке, интеллигенты, по должности, с супругами. Все дружно приветствовали хозяев дома, поздравляя с внуком, кто-то что-то приносил, и частью мужчин покурив

во дворе, рассаживались за столом. Большой радостью было мне попасть в круг, где люди были приветливы друг с другом, но я наблюдал и некоторые странности. Иногда в атмосфере взаимоуважения и благополучия виделась какая-то хорошо скрытая неловкость, будто все вместе хотели попросить друг у друга прощения, но не решались, думая, что это не нужно, что и так всем все ясно, но неуверенность в отношении к себе других, особенно поначалу, угадывалась точно, после утихая по мере длительности застольных разговоров. Для меня это было удивительно. Передо мной сидели люди в большинстве своем за пятьдесят лет, у многих уже внуки в школу собирались идти, и было странно видеть в них эту, похожую на юношескую, неловкость, которая, правда, ничуть не портила общения и даже неприметно скрашивала праздничную картину званого обеда. Из всех собравшихся, вероятно, легче всего было мне, потому как я никого не знал, и с удовольствием со всеми знакомился, пытаясь с каждым гостем перекинуться хотя бы парой фраз.

Водки на столе не было. Только пиво и вино — купленное и свойское. Первый тост поднимали за новорожденного, и тогда торговец мебелью Климов спросил:

— Дед, а как внука назовете?

Евгений Павлович, привстав, задумался, почесывая седеющую щетину.

- Это дело, конечно, молодых, сами пусть выбирают. Но мы с Татьяной, как о мальчике заговаривали, никак кроме Вани и не думали.
- Да уж, развелось на селе Иванов,— проскрипел недалеко сидящий директор музея Грачев.— Путать скоро начнем.
- Ну что ж, Виктор Александрович, раз так уж получается. Все ведь счастья хотят чуточку для своих и для себя,— заметил, разливая пиво, агроном Федор Леонидович.
- А что, Иваны в Небосводе счастливее остальных? продолжал недоумевать я, поочередно с голодного утра пробуя хозяйские блюда.
- Да, кстати, забыл совсем, это наш столичный гость! приятно улыбнулся Конев.
 - Я из Подмосковья, весело отозвался я.
- Приехал в Небосвод, услыхав про наши успехи в земледелии,— добавил Евгений Павлович, кивнув в сторону агрономов.
- Вы знаете,— посчитал нужным подняться я,— это так сначала было. Но потом я увидел, что сельское хозяйство восстанавливается у вас на волне общего подъема. И, если честно, сколько вас ни слушаю, не могу понять почему. В вас много необычного— непьющее население, какие-то голубоглазые малыши, счастливые Иваны...
 - Выпьем за журналистов! раздался тост садовода Капустина.
- Да подожди же ты! оборвал его Федор Леонидович и обратился ко мне.— Странного в Небосводе может показаться и правда немало. Вам, небось, в райцентре про нас наболтали всякого?
 - Больше догадки. Но, говорят, связь с вами теряют...
- Это правда. Но больше по собственной дурости,— сказал директор музея Грачев.
 - Оскотинившийся народец!
 - До дураков пока достучишься...
- Ну, хватит вам! Сами на себя-то давно смотрели! прикрикнул на говорливых Федор Леонидович.— А вы что, про нас написать хотите? пытливо обратился он ко мне.
- Вот уже месяца два я езжу по всем центральным областям, ищу примеры возрождения провинции, села, России если хотите... Так, чтобы сам народ, без вмешательств со стороны и понуканий понял свое положение и задумался. Чтобы, как это

ни наивно, понимаю, звучит, Отечество наше само пыталось подняться.

- Ишь, чего захотел. Чтоб само...— пробурчал где-то рядом пивовар Корнеев.
- На все воля божья...
- Без вмешательств у нас не получается...
- А что же,— среди мужчин послышался голос супруги директора, Татьяны Николаевны,— если такое бы случилось, вы напишите и вся Россия прочитает?
- Ну, вся не вся,— стесненно уточнял я,— из столичных властей кое-кто, у чиновников в областях я наш журнал как-то видел, да и в интернете есть всегда...
- Интернет мы знаем,— бордо высказался банкир Соловьев,— скоро у всех будет!
 - Значит, на всю страну? переспросил Грачев.
- Женя, Витя... ребята... Надо рассказать! перейдя вдруг на громкий шепот, с каким-то страхом в голосе, но напористо проговорила Татьяна Николаевна.— При всех рассказать!

Над столом повисла тишина. Я ничего не понимал. Евгений Павлович посмотрел на жену, а потом повернулся ко мне:

- Это, ведь, поверьте, только домыслы все наши, предположения. Такое в журнале печатать нельзя.
- Ничего себе, домыслы! Ванька-то твой родился бы что ли сегодня? вдруг взяла слово директор библиотеки Мария Сергеевна.— И Таня права все надо рассказать! Пора уже! А то все поверили молчком, жизнь даже налаживаться стала... Сама по себе что ли? Люди как ожили. А с тех пор, как в районе пальцами показывать стали, высмеяли по своей пьяной глупости нас, так до сих пор по углам все и шепчемся. Лет-то сколько прошло? Вы что же, думаете, он случайно к нам пришел, а больше нигде не появился? Разве ж это на всех сил хватит? Вот он нас в пример другим и образумил. У нас каждый это про себя знает,— и обратилась ко мне.— Чего греха таить, про себя скажу. Сама я жила... да как все жила!
- Жили страшно в водке будто крестились,— тихо проговорил Виктор Александрович. Все снова затихли.
- Эх, Ванюша мой,— вдруг среди общего молчания пробормотала Аннушка, про которую уже и забыли все.

Тут гости разом подняли головы, стали о чем-то ворохом переговариваться и засмеялись.

— Святое дело, Евгений Павлович, говори,— сконфуженно улыбаясь, сказал Сергей Павлович.— По твоему празднику у тебя в доме собрались. Ты журналиста первым встретил, тебе и говорить. И за Ивана своего.

Директор посмотрел на сказавшего это врача, а затем снова на меня.

- Да вижу, что надо. Меня это не последнего коснулось. Мы, правда, с Виктором Александровичем и Федором Леонидовичем об этом немало говорили, и прошу их помочь, если попутаюсь где, и уточнить, кто про что знает лучше.
- Давайте только сначала еще выпьем за вашего внука! А потом все послушаем, да все расскажем,— сказал сосед-пчеловод Николай Васильевич.
- Правильно! Правильно! закричали со всех сторон. Всем еще раз было налито, и гости, шумно произнося тост, выпили.

Я достал диктофон, а Евгений Павлович обратился ко всем:

— Сразу хочу у вас всех попросить прощения. Живу я в Небосводе сколько себя помню, за исключением нескольких лет института и армии, и знаю, в общем, все и обо всех. А рассказ наш таков, что про многих из вас немало сказать придется. С другой стороны, гражданин журналист, как я понимаю, долго у нас не задержится, и если писать о селе будет, имена ваши, уверен, изменит, а остальные здесь про всех

знают не хуже меня. Так что опасности нет.

Он сделал паузу, и в зале повисла напряженная тишина. Я будто кожей чувствовал эту безмолвную натянутость. Но вдруг лица, одно за другим, просветлели, воздух стал свободнее, и Евгений Павлович, кивнув, заговорил дальше:

- Начну, пожалуй, вот с чего. Не мне вам рассказывать об упадке провинции. Это всенародная беда, и как мы знаем, исправлять ее, кроме самого народа некому все властные реформы будто растворяются на русских просторах. Вы видели нищету городков нашей области, и трудно поверить, но еще дюжину лет назад Небосвод был самым убогим местечком во всей округе. Грязь, рвань, ничтожность царили на этих улочках и в людях. И ни единый человек этого не замечал — люди одинаково менялись — к звероподобию. За несколько десятков лет до этого были, конечно, попытки что-то возродить, но такие разрозненные и слабые, что разруха легко пожирала эти искры разума, а люди, в которых эти искры рождались, чаще всего исчезали из поселка или пропадали. Когда-то по чужой воле надорвавшись, теперь люди разрушались. Мы об этом с директором музея много говорили и решили, что началось все еще с наших отцов и дедов в Гражданскую войну, когда революционные принципы: Свобода, Равенство и Братство были преданы создателями этой революции. А у всех на устах кровью было написано: террор. До этого тоже было не сладко, да еще как, но такого всенародного духовного хаоса, о каком рассказывал мой раскулаченный дед, видит бог, не было.

Мы здесь, конечно, в крайней хате, и много чего и сейчас не знаем, но храм в селе стоял всей губернии на загляденье, и в Небосводе сразу после пресловутого НЭПа куда-то пропали все священники, после сбрасывать кресты с куполов, жечь иконы грудами стали, пивную в храме устроили — это как колхозы появились. Бабку с мо-им отцом, как дед в Сибирь был выслан, здесь в колхозе оставили, и отец потом мне рассказывал — тогда было самое страшное даже не то, что православную веру осквернили, а то, что все селяне вышли тогда из домов и молча, замерев со страху, смотрели как горели иконы... Одним словом — веру предали.

- Да уж, понаделали делов...— выдохнул Сергей Григорьевич, и еще хотел чтото сказать, но на него зашикали, и он замолчал.
- Ну а потом... что потом... Кроме соломенных хат у селян не осталось ничего, водка с пивом заменила молитвы. Последние, кто помнил еще Святое Писание, сгинули в 30-е и на войне в поселок не вернулся каждый третий. А сам Небосвод еще зимой 41-го пожег немец. Я не знаю, как тогда выжил народ. Но он выжил. Со временем даже сил немного набрался. Я, правда, не знаю, тот ли это был уже народ...
 - Что это ты такое говоришь?..— залепетала Татьяна Николаевна.
- Да кто знает... Ладно, мы решили говорить об одних фактах... А разруха... Она же не вчера случилась, и даже не в перестройку. Народ у нас все эти годы пил как сволочь. Просто, мне кажется, как-то человек перестал понимать и что пьет, а главное что вообще делает.
- Женя,— очнулся со своего места Виктор Александрович,— про Аннушку расскажи.
- Да. Мне еще раз придется познакомить вас с нашей Аннушкой,— обратился Евгений Павлович ко мне.— Про стариков говорить плохо не принято, но история, как говорят, не терпит сослагательного наклонения, и в нашем случае нельзя все назвать чужими именами ложь о прошлом губительна как ничто другое. Так вот,— посмотрел он еще раз на старушку и заговорил уже для всех.— Кроме того, что Аннушка у нас первая на селе монахиня, когда-то она стала и первой в Небосводе проституткой. Мне мало известно о других, но этот случай стал общей трагедией, и потому все мы об этом знаем. Может, ты, Виктор, скажешь, она все-таки твоя соседка, и знаешь ты все лучше меня.

Директор музея оглядел всех с очень серьезным, натянутым видом:

 Я тогда только с институтского распределения вернулся, с севера. Археологический музей здесь открывал. Приезжаю, а отец — царство ему небесное — и говорит: «Соседка наша, Анька, совсем спилась вконец». Был у Анны тогда муж — алкоголик форменный. Тогда еще один из немногих. После свадьбы, и как сын у них родился, он еще держался, а потом сорвался в конец. От тоски и лени, отец говорил. Ну, в общем, она его сначала образумить пыталась, терпела, потом ссорилась с ним, раз, два, и пошло-поехало: склоки, драки, недельные загулы. Но главное — мальчик. Я-то его не очень знал. А к отцу моему, как родители в угаре разойдутся, он часто прятаться прибегал. Было от чего — отец-алкоголик его пару раз так отколошматил, думали, в город в больницу везти. А мать смотрела, пила и молчала. Черт знает что, но вот... бывает. От нашей Аннушки у нее тогда ничего не было. Продолжалось это пока малышу, а звали его Ванькой, не исполнилось лет семь. Мать моя говорила, что очень хороший был мальчик, с простым русским лицом, большими голубыми глазами, и немного кудрявыми волосами. Добрый очень, слабый, и не по годам смышленый. Так, вот. Был у них еще сосед Семен — тракторист. Сволочь редкая, сколько жил — всем всегда гадил, и управы на него не было. Жил один, лютый как зверь, но механик, говорят, со способностями, а потому часто его просили сделать что-нибудь, и водочка у него водилась. И вот, сам я видел, стала Анна к нему чуть ли не каждый день за бутылкой бегать. То поесть за водку отнесет, то денег каких. А он-то на нее глаз положил, момента ждал и сам все чаще к ним заходил, выпивали, значит, вместе.

Что в тот день произошло — точно никто не скажет, не один десяток лет прошел. Но верно, отец мальчика спьяну надрался и отключился, а Анна с Семеном сидели, пили. Потом водка, как думаем, закончилась, и Семен, пообещав принести еще, утащил Анну в спальню... За бутылку она под него легла. А под кроватью, тут же, от страха трясся маленький Ваня.

Наутро мальчик пропал. Просто как в воду канул — и все... Сколько проспавшиеся родители его ни искали, сколько всей деревней ни бегали, ни допытывались — так ничего и не нашли. И раньше в Небосводе всякое случалось, но чтобы вот так пропал мальчик, и никаких следов... Отчетливо помню, как на несколько дней просветлел Небосвод в движении поиска. Но все было напрасно, люди смирились и затихли.

А через неделю у Анны случилась трагедия. Она с горя все рассказала мужу, тот, пьяный, пошел и зарубил Семена топором, а сам, очухавшись, повесился в сарае. Аннушка наша тут совсем помешалась рассудком, потому только, наверное, руки на себя и не наложила. Возили ее лечить даже, но скоро вернули обратно — толку нет, что средства на нее тратить, да и тихая она стала, хозяйственная, и никогда с тех пор не пила.

— Ладно,— оглянулся Виктор Александрович,— теперь пусть Федор Леонидович расскажет про «колхозных». Он их всех лучше знает. С ними тогда же примерно началось?

До этого внимательно слушавший фермер Федор Леонидович отпил воды из стакана и, не прекословя, принял эстафету рассказа.

— Могу сказать про себя и своих колхозников. Про трагедию Аннушки мы все слышали, но знали эту семью мало, только Семена жалко — какой бы ни был, но механик хороший. Мы, колхозники, были тогда сердцем Небосвода. На нас держалось все, и мы все держали в своих руках. Какая-никакая, но сила. В райцентр на драки ездили, бывало, девок отбивать.

А началось все с Сашки, и вы правы — в тот же год, кажется. Пришел он с армии, чудаковатый какой-то — говорили и в какой-то «точке» немного побыл. А Светка его в район замуж выскочила. Ну, он недельку погулял, и к ней какого-то чер-

та подался. Пришел пьяный, с мужем побрехался, и вот возьми сдуру Сашка нож и в бок его. Все живы остались, а Сашку в тюрьму. Ничего, думали, посидит и вернется. А через пару месяцев телеграмма — умер в тюрьме... и схоронили. За ним следом Витька Прохоров, ты, Слава, знал его, — обратился он к Кирову, — в армии на севере где-то застрелился. А с чего, так и не поняли. Ребята все наши, жалко было. Начали выпивать по случаю. А случаев хватало... В одной драке с «районными» Егорка, «весенний» кличка была, получил заточкой в живот — в свалке так и не узнали от кого. Дня три в больнице провалялся и отошел... Мать, помню, на похоронах страшно убивалась. А следующим летом еще пуще...

Главное — пить начали, как нигде... Один спьяну в реку на тракторе угодил, и сам утонул, и машину утопил. Другой, Женька Кирсанов, после гульки на быка с топором пошел, тот ему ни одного ребра целого не оставил. Помню, доходил когда, страшно мучился. «Что же это ребята?» — все спрашивал. В июле еще один, во ржи уснув, под косилку угодил. А Васька Смирнов, что на него наехал — спился потом совсем. И так вот что ни месяц — хоронили кого-то из своих. То случай, глупый какой-то, то пришибет кого, а кто сам — и все по глупости... И все нелепо как-то, не по-людски... Отцы на войне за победу под пулями погибали, а эти ...

А потом еще несколько лет сплошных неурожаев, застой, безденежье. Тут-то все, кто порезвее, рванули из Небосвода в город, как ошпаренные. Большинство так и не вернулось никогда. А те, кто наведываются изредка, — хуже иностранцев. Стало хозяйство пропадать. Да и люди — пили и пропадали. Я сам не помню, как несколько лет пролетело — очнешься чуть, поишачишь до зарплаты — и в загул. Слышали мы, что не единственные такие, что по всей области — то же, да и в стране. Все по бумаге есть, все везде работает, но ничего не выходит. К тому времени давно уж слухи ходили, что мы даже зерно за границей закупаем... А через несколько лет начала меняться власть. Кто-то где-то там устроил какие-то реформы, и мы особо не знаем, как все прошло, только у нас, следом за людьми, рухнуло и все хозяйство. Что работало — перестало работать. Кто что мог — начал растаскивать. Не воровать — как везде, — а растаскивать, дико растаскивать... Народ совсем дуреть стал. А когда еще заговорили, что все что раньше было — было «не так», и все кто как жил — жили неправильно, и власть преступна, и народ угнетен, а строй наш советский — ошибка истории — так тут уж совсем все перемешалось, одни кинулись по разные стороны, куда кто мог, другие просто спиваться стали. У нас в колхозе тогда спроси: «В какой стране живешь?» — так можно было и в морду получить. И не дай бог кому начнешь рассказывать, как все было плохо и неправильно, а где-то «за бугром» хорошо и сладко... Федор Леонидович угрюмо замолчал, обводя всех грустными глазами.-Мужики! Не знаю, что со всеми нами было бы. Знаю только, что прошло в каком-то затмении еще несколько лет. Уже и своих резать стали, никакого порядка не знали, власть презирали, смеялись над нею, и не признавали, кажется, ни бога, ни черта...он снова замолчал и посмотрел на Евгения Павловича. Ну а про Ивана ты сам рассказывай, раз уж начал.

— Когда народ в Небосводе дошел до ручки,— вернул себе слово директор,— я тоже пил, случалось — матерился в школе, бывало и бил учеников, потерял семью... Светконец, в общем, какой-то. Повсюду тоже, говорят, горько было, но такого, как у нас в Небосводе, нигде не видел. Думать разучились, говорить разучились, друг друга не признавали. Семьи все стали распадаться, дети перестали рождаться... Думали: все уж, наверное, да и рукой махнули — ничего не жалко было: ни России, ни народа... А однажды я... да нет, все мы увидели в селе Ивана. Когда это было? — обратился он к гостям.

[—] Третьего, утром, — тихо подсказала Марина Сергеевна.

[—] Да, третьего. Как потом рассказывали, каждый впервые видел Ивана в разных

местах Небосвода, но ни один не мог пройти мимо и не заметить его. Понимаете?

- Не очень, честно признался я.
- Попытайтесь представить. Вот иду я, грязный, рано утром, после вчерашней пьянки, к Корнееву опохмелиться. Он тогда тоже пил будь здоров, да и запас был у него всегда. До этого дождь несколько дней шел не переставая, улицы как ручьи. А тут свежесть такая с утра, ясный теплый день, голубое небо, все цветет и благоухает. И вдруг смотрю стоит на обочине кусок тряпья. Думал, очередной спившийся бродяга, да странный какой-то. Было в нем что-то такое. Поворачивается ко мне, и вижу: весь заросший, волосы грязно-русые такие как грива, борода с проседью охапкой сена, одет будто в какую-то шкуру, как в шубу. Сам босой, в руках палка во весь рост, а сверху поперек деревяшка привязана как крестиком. Повернулся он ко мне и вдруг чистым таким голосом говорит: «Здравствуйте, Евгений Павлович. Замечательное утро сегодня». А я иду, ничего не соображаю голова раскалывается, никого не надо. Так бы мимо, наверное, и прошел, если б он меня по имени-отчеству не назвал. Давно меня так не называли. Остановился я, посмотрел на него. С виду старик и старик, только держится прямо и твердо. И глаза... не поверите голубые, голубые, аж горят на заросшем лице, и молодые такие совсем, как у вас.
- Здравствуйте,— мямлю в ответ и чувствую, будто как полегчало. Я потом это вспомнил, а тогда заговорил от удивления.— Мы с вами знакомы? а он мне:
 - Куда же вы, Евгений Павлович, в такую рань спешите?

Я хотел было что-то сказать, да не знаю как. И соврать не получается. Стыдно признаться, и соврать стыдно. Стою я, значит, и молчу. А он продолжает:

 Зря вы торопитесь... Утро-то, какое! Красота! Хорошо у вас здесь! Как и положено в Небосводе.

Огляделся я по сторонам, и не понимаю, о чем он говорит. Улица наша как улица, битый асфальт и грязь. Покорежившиеся облупленные дома и косые черные столбы.

- Вы, не зная, что сказать, спрашиваю, не местный?
- Почему? удивился он.
- Ну,— говорю,— для местных здесь уже все привычно и скучно.
- Как же,— удивленно отвечает он,— вам может быть скучно, если вы здесь живете?

Я растерялся, а он и говорит — тихо так, но четко и, как сказать... внушительно, что ли:

— Вы здесь живете, здесь ваш дом, близкие вам люди, земля под ногами и небо над головой... Посмотрите, какое небо!

Я от неожиданности вскинул голову, а небо в то утро и прямо было на загляденье — свежее и бесконечно голубое.

- Как же вам в таком месте может быть скучно? снова спрашивает он.
- Не знаю, говорю, смущаясь. Привыкли, наверное.
- А здесь что? сказал он, оглядываясь, и будто не зная, куда попал.
- Как что? Все как всегда...— отвечаю.
- Странно, говорит он, глядя на меня изучающим взглядом.
- Да? говорю я, и понимаю тут, что чепуху несу и вообще все это какой-то бред, но чувствую голова вроде как болеть перестала, расслабление внутри вдруг появилось, и хорошо вроде как.
 - Может быть, вы просто не замечаете разницы?
 - Чего? никак не понимаю я.
 - Как дни меняются.

Ну, ничего себе, думаю, приехали! Вот что значит с волосатыми бродягами с похмелья по утрам разговаривать...

— Ладно, — говорю ему, — пора мне, дела... Идти, в смысле, надо.

Смотрит он на меня прямо-прямо так своими жутко голубыми глазами, улыбается вроде как. И знаете, проснулось во мне что-то такое, будто очнулось.

— Всего вам доброго, Евгений Павлович,— вдруг говорит он мне.— Не спешите только сильно, и берегите дочку.

Я еще больше удивился: откуда он про Машу знает? И чудно мне и хорошо одновременно. А он стоит, смотрит на меня без отрыва, и, чувствую, улыбается под бородой.

Добрался я до дома, к Маше зашел и долго смотрел, как она спит. Помню, вдруг поразился — какое ангельское лицо у нее во сне. Ей тогда семнадцать было. Старик этот не выходил у меня из головы весь день, и тогда мне еще чуднее стало, да так, что и капли в рот я не взял, и когда Николай Васильевич, помните, сосед-пчеловод, а тогда забулдыга страшный — предложил, я вдруг, себя не узнавая, отказался. А следующим утром пошел в школу...

- Погоди, Евгений Павлович, дай другим рассказать,— вставил Федор Леонидович.
 - Так это мы неделю говорить будем, откликнулся врач Сергей Григорьевич.
 - И то, правда...— послышалось со всех сторон.
- Давайте я только про себя скажу. Очень уж дивно,— Федор Леонидович повернулся ко мне и все согласно закивали.
- В то утро я был в еще худшем состоянии, чем наш дорогой директор. Колхоз окончательно развалился, поля в округе заросли бурьяном, и лучшего занятия, чем пить, никто из нас придумать не мог. Всю ночь я гулял с какими-то девками, но пришел под утро домой. Что-то уронил в прихожей, разбудил детей. Нина начала кричать, схватилась как обычно за скалку и выгнала меня за ворота. Дохлебав остатки из шкалика, я преспокойно улегся под забором. Очнулся от света яркого солнца в глаза. Вижу лежу, где и лег, а рядом, у дороги сидит какой-то волосатый старик в лохмотьях и пирамидку из камушков на земле складывает. Оборванный такой, до жути. Ну, думаю, наш колхозный брат. Только чую, не несет от него ни водкой, ни прокисшим гнильем, как от бомжей. И тут, не оборачиваясь, старик мне говорит: «Утро доброе, Федор Леонидович!» Я не понял сначала ничего. Ничего себе, думаю, «доброе» голова раскалывается страшно, тошнит чуть не выворачивает. А старик, знай себе, сидит на обочине, с камушками играет то собирает их, то разбрасывает. И спрашивает:
 - А что у вас урожая нет который год?

Голова болит страшно, а он, собака, еще и за живое... Назло, что ли, наверное, отвечаю:

- А черт его знает! и лежу себе дальше, вставать никак не хочется. А он мне снова:
 - А что-то у вас дети на селе не родятся?

Что же ты, сволочь, думаю, заладил! И откуда знаешь — смотрю, вроде, не местный. А он камушки на камушки все кладет, да так стройно, что и не падают они, и все выше и выше стопка получается.

- А что-то уезжают все, кто может из села? дальше спрашивает волосатый, а по мне уж и мурашки бегают. Ну, думаю, сейчас встану и отдубасю старика за такие вопросики. А сам смотрю на камушки, что друг на друге непонятно как лежат высотой уже в локоть, и говорю первое, что в голову приходит:
 - Так ведь и урожая нет, и дети не рождаются вот и уезжают...

Тут старик вдруг берет свою длинную палку, к верху крестом, и как ударит по башенке — камни во все стороны так и разлетелись. Поворачивается он ко мне и го-

ворит:

- А зачем им родиться?
- Ну как же, ничего не соображая, говорю я, жизнь у нас такая. А он мне:
- А зачем тебе урожай? Зачем тебе дети, если ты тут валяешься?

Лежу я под забором, журюсь на солнце, ничего не понимаю, смотрю только — день хороший такой, травка вокруг зеленая, сочная. Кусты и деревья вокруг сильные и красивые. Небо — светлое и высокое.

— Что же вы себя забросили в конец? — бросил старик обвиняющее, и пошел дальше.

А я лежу, и встать не могу, и крикнуть хочу — не получается, и только рукой машу вяло ему что-то. Тут глупая мысль такая — как же, думаю, хорошо, что у меня руки есть. Ведь я ими всю жизнь на земле проработал, семью обеспечивал. Но вдруг стало мне тогда, знаете, горько так... Очень горько. И не выходил у меня старик из головы ни на миг. Пошел я тогда в поле, недалеко от дома, стою среди бурьяна и думаю, зачем мне, и правда, урожай, и зачем люди в Небосводе, раз мы землю бросили? Жить-то оно, известно, всем хочется. Ну, а все-таки, зачем? — закончил Федор Леонидович.

- Да что там говорить,— улыбаясь, с торжественным видом поднялся директор музея.— Все мы задавали себе этот вопрос после встречи со стариком.
- За день он обошел все село,— добавил банкир Соловьев.— Я запомнил эту встречу на всю жизнь. И то отвращение, когда этот якобы старик весь в лохмотьях зашел в банк, и то свое онемение, когда увидел его глаза, и ту тупость мысли, когда он спросил, зачем я столько времени провожу с деньгами, и зачем мне денег все больше и больше, когда узнаешь, что тебе их хватает. Я, конечно, так и не ответил ему ничего, но каждый день, приходя утром на работу, а вечером домой, задаю эти вопросы себе, и не могу перестать не задавать... Они будто сами всплывают в голове.
- А меня он спросил, кто самый близкий друг человека,— перебил его Конев.— Я сидел у ворот за верстаком, выделывал шкурки кроликов,— у нас тогда мор был когда на стопке готовых шкурок увидел его руку. Пытался отшутиться насчет собаки, потом сказал, что, наверное, лошади. А он тогда спросил, кто же лучший друг лошади. Я сказал, что другая лошадь. Тогда старик спрашивает: если у лошади лучший друг лошадь, то почему же у человека лучший друг собака?.. А кто? бормочу я. Помню, он с какой-то расстроенной досадой посмотрел на меня, отвернулся и произнес: «Две тысячи лет прошло»! и представляете, двинул своей палкой мне по лбу. Все вам скажут, что кролики в селе тогда дохнуть перестали. Но я иногда все думаю: что же он хотел сказать?
- Да, все мы тогда что-то упустили,— вздохнул Николай Васильевич.— Ивана когда встретили сразу не поняли... и как много потеряли! А теперь гадай!
 - Извините, не выдержал я, откуда же он все-таки появился?
- Мы толком не знаем,— ответил Евгений Павлович.— Два или три человека его об этом спрашивали, а старик махал рукой куда-то в сторону, как потом выяснилось, все время по разным направлениям.
- И что же, за тот день он встретился со всеми жителями Небосвода? не унимался я.
- Ну, не со всеми, конечно, но коснулось это потом каждого,— посмотрел на меня директор.— Здесь сегодня почти все, кто с Иваном тогда разговаривал. Мы вам тут порассказать, конечно, можем, да вы, понятное дело, не поверите. Никто еще не поверил. Только те, кто с ним встречался.

Я не стал разубеждать их, а подумав, спросил:

- А у кого он был в тот день последним?
- Ко мне он забрел к вечеру,— откликнулась, будто дождавшись момента, директор библиотеки Марина Сергеевна.— Прямо в читальный зал и зашел. Мы как его уви-

дели, так и опешили. Представляете, в читальный зал прямо в лохмотьях, с дубиной...

- Не с дубиной, а с посохом! поправил ее Капустин.
- Подожди ты...— улыбнулась Марина Сергеевна.— И прогнать не знаю как, стою, смотрю на него, как дура. А он мне: «Меня, Марина Сергеевна, гнать не полагается. Где это видано, что б из общественных библиотек божьих людей гнали»? Ничего я не ответила, а старик начал на полках копаться. Посох в сторону отложил, возьмет книгу в руки, подержит просто, или на случайной странице откроет, и на полку поставит. Прошелся так по стеллажам и спрашивает у меня: «И что же, все это читают»? Ну, говорю, да. Каждый что-то читает. Покачал он головой, к разделу «философии» подошел, открыл «историю религии» — ее к нам тогда только из области завезли — и говорит: «Что же вы тут понаписали?» Да что вы, отвечаю, господь с вами, ничего я там не писала. «Ну, не я же, в самом деле, это придумал?» — с расстройством возмутился он, да так серьезно, что я совсем потерялась и чуть ли не спросила, а не он ли и правда это написал. Тут уже библиотеку закрывать пора, а он все с книгами возится. Я давай его выпроваживать, а старик вдруг обернется ко мне и как глянет, будто сквозь меня, и говорит: «Мне, Марина Сергеевна, идти некуда. Вы заприте меня, я здесь и заночую. Утром придете, я и уйду. И ни за что не беспокойтесь, говорит. Где это видано, чтобы божьи люди обманывали»? Так вот я, сама не своя, не знаю почему — взяла и, ничего такого отродясь от себя не ожидая, закрыла его там. И дома, представляете, своим ничего не сказала! До этого и сестре родной из читального зала на руки книги не выдавала. Будто останавливало что-то, боялась я будто чего. А тут... Так он в библиотеке и заночевал.

Утром я пораньше в библиотеку прибежала, а сатрик вышел из хранилища, как ни в чем не бывало, и одно только сказал, по сторонам поглядывая: «А ведь, и правда, все это неудивительно».

- Вы знаете, еще надо два слова сказать про ту первую ночь,— поднялся Евгений Павлович.— Я тогда чуть ли не первый раз за пару лет трезвый домой ночевать пришел и проснулся посреди ночи от непривычной тишины. У нас-то ведь как всегда было: всю ночь кто-то орет пьяные песни, где-то гремит музыка, соседи скандалят, автомобили гоняют с визгом и сигналами. Шум, гам. Хаос, короче. А тут вдруг встаю посреди ночи и тишина. Но тишина не мертвая чего можно было ожидать а как будто тишина успокоившейся бури. Тишина, которая могла бы быть и криком, но сама решила остаться тишиной.
- Позвольте, я закончу, обратился он к остальным, это важно. Утром следующего дня я первый раз за много месяцев нормально поговорил с семьей, а потом пошел в школу. У ворот вижу такую картину: человек тридцать детей, от первоклашек до средних классов, вовсю бегают и играют вокруг нашего старика. Он стоит в своих лохмотьях, смотрит на них, иногда что-нибудь скажет, и снова стоит и молчит. А дети, не поверите, не пинают друг друга и не дерутся, не хватают и не пугают девочек, а просто... как вам сказать... просто что-то делают, играют, веселятся, шутят, разговаривают... Дети его как-то сразу поняли и увидели кто он. Стою я у школы, смотрю на это чудо и глазам своим не верю. Я-то думал, если они этого лохматого встретят — заплюют или битыми кирпичами забросают — удивляться нечего, в Небосводе к тому времени благополучных семей почти не осталось. А тут будто старик с ними в одной компании. Потом он увидел меня и поднял вверх свой посох. И я увидел, что над толпой ребятишек торчит маленький деревянный крест. Махнул старик рукой, и все дети разом кинулись в школу, а сам он побрел дальше. И хотя я его в тот день больше не видел — дел в школе по горло — чувствовал, как в тот момент от него прямо по воздуху движение какое-то шло, сила что ли какая...

Тогда мы и узнали, как его зовут. Я на уроке спрашиваю у ребят, кто с вами у ворот был? А они мне хором — дед Иван, дед Иван...

— Вы знаете, дальше чуть было не приключилась беда,— сказал врач Сергей Григорьевич.— Вы заметили, что в Небосводе нет ни одного милиционера, ни военного? Ну, военных у нас и не было, а вот милиции раньше повсюду больше, чем... учителей, например. Преступность аховая, бандитизм первосортный. Ну, конечно, правоохранители у нас главными над бандитами сразу встали, подати сами в открытую собирали. Чувствовали себя царями. А тут новый, очень странный, а значит и очень подозрительный человек, с приходом которого в Небосводе вдруг начало чтото меняться. Иван тогда как раз находился у закрытого детского сада — его под торговлю лет несколько как отдали. Стоит, значит, и смотрит на всех, кто входит на базар и обратно выходит.

Подъехали к нему четверо в форме, обступили со всех сторон и, как видно, что-то спрашивают — регистрацию, мол. Так точно и неизвестно, что он им сказал, — все они очень скоро молчком из Небосвода уехали с поспешностью, похожей не бегство. А еще через месяца три-четыре правоохранительная система в селе просто-напросто развалилась сама по себе. Работы у них становилось все меньше, и скоро единственные пьющие люди стали милиционеры. И начали мы их потихоньку выдавливать, а начальство в райцентре видит, что не то что-то происходит, откопало какой-то норматив в дебрях какого-то кодекса, и теперь на весь Небосвод один участковый, да и тот все больше огородничает и в школе «безопасность жизнедеятельности» преподает.

- Просто поразительно,— я вздохнул, уже ничему не удиляясь.— Если честно, то абсолютно не верится. Если б вы мне это вот так скопом и так дружно это все не рассказывали, никогда б не поверил, а каждого, кто заикнется отправлял бы в психушку.
- Вы знаете, а ведь, наверное, тогда-то начались... э-э... предсказания,— обратился не ко мне, а ко всем Федор Леонидович.
 - Какие еще предсказания? оторопел я.
- Да как вам сказать...— покосившись на меня, сконфузился агроном.— Я даже не знаю, как правильно выразиться... предсказания, не предсказания... предупреждения, может? Да и это как-то не так. Пророчества как-то очень по-библейски. Хотя, если честно, так это в целом и было. Ведь что-то же он милиции сказал, что они его не тронули, и сами как уколотые потом ходили. А потом Иван в детский сад к торгашам зашел. Корнеев, Климов, расскажите вы.
- Ну что ж, поднялся со своего места торговец Корнеев. Скажу как знаю. Сейчас торговля в Небосводе отличается от любого другого села или поселка. А тогда, как и везде: свора нас, торгашей, брань, воровство, обвешивание и обмеривание, как только это может быть. Ну, так вот. Сидим мы, значит, пиво пьем, и заходит тут вдруг этот ворох шкур, на ногах тряпки, с палкой в руках, глянул на нас и спрашивает, чего мы здесь все делаем? Мы ему: «Как чего, дед, не видишь что ли, базар». А он какую-то чепуху в ответ: «Будете друг у друга воровать, говорит, станете обезьянами, как сами придумали». Мы, значит, обалдели, а потом давай хохотать. И кричим ему: «Где ты это, дед, такое видел, откуда взял?» А он, на прилавок глядя: — «Да вот вычитал недавно в библиотеке вашей. Там написано — дескать, были обезьяны, а стали люди. Я-то, — говорит старик, — пошутить тоже люблю, но в этой же книге написано, что это — основа науки людей, которой дети в школах обучаются». «А что, — со смехом говорим, — мы это тоже проходили». «То-то, — отвечает старик, вы, как обезьяны, здесь и сидите». Ну мы ему, конечно: — «Ты дед говори, говори да не заговаривайся, а то мы на твои седые космы не посмотрим, шею-то намнем». И он: «Это-то вы запросто, я уж не сомневаюсь», — говорит. Тут наши совсем озлобились, под пивом еще, и смотрю, сейчас они ему навалят. Да и я порядком разозлился. Только вижу, стоит старик, на нас смотрит неотрывно — и не двинутся наши с места. Да и у самого меня мысли какие-то дикие, голос будто неизвестный в голове черт

знает что несет, а вся сила из рук и из ног куда-то делась, и ни шевельнутся, ни слова вымолвить не могу. Тогда старик, как сейчас помню, говорит нам громко: «Запомните, не будет вам радости здесь, не для того этот дом построен. Не будет вам радости от денег ваших, от лжи и обмана вашего. И, даст бог, поймете вы, что творите со своими жизнями и образумитесь. Помните, говорит, Ивана, который позора вашего не выдержал».

Сказал он это, значит, развернулся и вышел. А мы все еще долго вот так, не шелохнувшись, сидели, не зная, что творится с нами, и что это такое было. Вот, в общем, и все. А через пару лет детский сад уже по назначению работал, многие из торговли ушли, а мы, кто остался, работаем на загляденье. Не магазины-конфетки, конечно, но цены ниже, чем везде.

- Ничего не понимаю, пробормотал я.
- Все так говорят, кому расскажешь,— засмеялся Виктор Александрович.— Потому в серьез и не воспринимают. А кто с ним еще-то встречался? обратился он к столу.— Ты что ль, Капустин?
- Известно я. Как раз из магазина шел. Хлеба взял,— ответил садовод.— Яблони сохнуть начали, одна за другой. Колхозники перепились, в рабочие никого не возьмешь. Да и сам я, того, случалось... Выхожу, короче, из магазина, а старик сидит на крыльце и палкой перед собой по воздуху водит. День тогда выдался ясный и ветреный. И вижу я, что кончик посоха точно также двигается, как ворох листьев на дороге перед ним танцует на ветру то по кругу, то чуть в сторону, то вверх приподнимется, то обратно по земле стелется. И так точно кончик посоха этому движению вторит, что не ясно, повторяет ли движения старик за листьями или сам ветром листья шевелит... Ну, это, конечно, все догадки мои. Я уже тогда наслушался про старика всякого. Прохожу мимо, и вид делаю, что ничего не замечаю. А он мне вдруг и говорит:
 - Спасибо за угощеньице, Петр Васильевич.

Повернулся к нему и вижу — в руке у него яблоко большое, спелое. Старик от него раз — и откусывает, а на меня не смотрит.

- За какое еще угощеньице? а сам думаю, откуда у него яблоко? У нас в мае еще все в цвету померзло, а покупных не помню когда завозили.
- Вы были очень добры к детям,— говорит мне тогда старик.— Кормили нас яблоками просто так, чтобы мы по садам не лазили.
 - Мы что, знакомы? замер я.
- Конечно,— сказал старик, удивительно легко поднялся и посмотрел на меня. Про его глаза я уже слышал, а тут сам увидел, как на заросшем лице они будто горят, как в кино.— Вы,— говорит он,— хороший человек, сердечный, зла никому не делали. А деревья просто так не сохнут. Скажите своим пусть бросают пить, и займитесь садами. Не жалейте для дела ни сил, ни здоровья, защищайте дерево. В этом году урожая не будет. Но если найдете в себе силы продержаться до следующего сезона все образуется. Люди могут меняться. Только они должны этого захотеть. И яблони оживут, если вы будете о них заботиться. Сажайте новые сорта, заботьтесь о старых, и все получится...

Дальше я, правда, как-то все плохо помню. Очнулся дома, ну, думаю, дела. Выпить сразу решил. А как налил, опрокинул, вдруг такое ужасное отвращение к водке почувствовал, что тут же меня вырвало.

За столом наступила тишина. Каждый думал о своем, но мне казалось, что мысли их витали вокруг чего-то общего. Я был поражен. Передо мной сидела дюжина взрослых, самостоятельных людей, которые с самым серьезным видом, с неподдельной верой в свои слова и слова других, рассказывали мне про чудеса, подходящие скорее для откровения какого-нибудь там Евангелия, народных сказок или сума-

сшедших бредней. Во всем этом я сомневался, доверяя лишь тому, что видел и о чем твердо знаю, но и не поверить в то, о чем говорили люди, правдивость которых была налицо, я не мог.

После Капустина снова заговорил директор школы.

— В тот день, как потом мы узнали, произошло много таких странных встреч и непонятых разговоров. Я могу привести вам немало интересных и непонятных фраз старика Ивана. С этого момента жизнь всего нашего населения, кем бы кто ни был и в каком бы состоянии не находился, сильно переменилась, изменив и жизнь Небосвода. На языке вертится запавшая в душу одна фраза, которую Иван сказал кому-то из нас: «Как цвет небес зависит от ангелов, что там живут, так и город зависит от людей, которые его населяют». Казалось бы, как просто! Но как точно!

В истории появления в селе Ивана многое уже просматривалось, хотя мало что было понятно, о еще большем люди догадывались, но сказать боялись — не пришло, наверное, еще время обо всем говорить вслух. К вечеру второго дня вокруг старика собралась добрая половина протрезвевшего села. Был там и я. Иван пришел ровно на то место, где мы на месте старой церкви строим храм. Старик сам принес дров и разжег костер. Все разместились вокруг. Его тогда уже никто ни о чем не спрашивал, а он ничего не говорил, только смотрел на всех по очереди, переводя взгляд с одного лица на другое. Тогда я понял, о чем не додумался утром, увидев с ним детей. Иван притягивал к себе людей, и мне кажется, ему от этого было очень тяжело. Но он не мог отказать. Думаю, поэтому он пробыл в Небосводе всего три дня. Уже вечером вторых суток, по разговорам, он казался сильно уставшим, но пришедших его присутствие рядом меньше воодушевлять не перестало.

Люди у костра со временем стали будто оживать, выделяясь из немой толпы. Кто-то стал рассказывать удивительные истории из прошлой жизни. Кто-то вспоминал старые анекдоты. Дети развеселились. А самые древние наши старики как по команде уселись рядом с Иваном, смотрели на огонь и молчали.

Потом Иван встал и как-то незаметно для всех ушел, как потом оказалось, устроившись на ночлег к нашей Аннушке. Была бы наша монахиня в сознании, могла бы чего рассказать. А так только от соседей знаем, что свет у нее горел до самой поздней ночи, а на следующий день видели ее всю заплаканную. Одетая во все черное, она ходила по селу, крестилась и громко вслух молилась. Я так думаю, что впервые тогда, за много десятков лет, жители Небосвода услышали слова молитвы.

Говорят, в ту ночь впервые проститутки Небосвода остались без работы, а ночные ларьки без прибыли. Но... как это сказать... еще было невероятно много грязи и мерзости. Свет еще только начал пробиваться. Годами врожденную заразу, как въевшегося паразита, выбить с насиженного места было нелегко, тем более что сделать это могли только сами люди. Иван просто говорил с нами, очищал и направлял чувства и мысли.

Теперь я понимаю, как был нам нужен тот третий день, и когда смотрю на лица детей в школе, детей нового Небосвода, думаю, что не будь этого последнего дня, посеянное в наших душах со временем могло засохнуть, и все бы вернулось на свои черные круги. Но мы, видит Бог, спаслись. И спасло жителей Небосвода, как всегда, чудо,— облегченно вздохнул Евгений Павлович, и добавил: — Дальше я один обо всем не расскажу, помогайте.

Директор музея Виктор Александрович повернулся ко мне:

- Если разрешите, я возьму на себя смелость рассказать про утро третьего дня пребывания Ивана в Небосводе, хотя бы потому, что сам стал невольным участником тех событий.
 - Давай, Виктор, давай, кому как не тебе,— затрепетали голоса со всех сторон.
 - Пожалуйста, Виктор Алексеевич, сказал я, меняя кассету моего старенького

диктофона. — Вас, как историка, особенно интересно послушать.

— Спасибо за доверие. Сначала вы должны понять: — да, вечером второго дня пребывания Ивана в Небосводе поселок «на глазах у изумленной публики» начал преображаться. Но, поверьте, это был лишь первый шаг из всего пути, что нам предстояло пройти, и тогда все только начиналось. Кем бы ни был Иван, нельзя оскотинившуюся массу в одночасье превратить в людей. А надо плюнуть на все и признать — мы были именно в таком состоянии. Поняли это только много позже. Это легко было видно по выражению лица. И вы себе не представляете, люди с какими глазами и физиономиями тогда ходили по улицам Небосвода.

Я тоже пьянствовал регулярно — недели как две тогда уже в запое, успешно пропивал зарплату и единственное, до чего не опустился (и чем, сволочь, гордился!) — не пропил пока ничего из музея. Вечером второго дня я, как и Евгений Павлович, был у костра со всеми. А глубоко ночью вместе с остальным народом побрел домой, дохлебывать горькую. Утром, помню, не спалось, и я вышел рано на улицу. Думаю, пойду-ка у Аннушки рассольничка попрошу — от меня до нее пара дворов. И вот подхожу я к ее дому, за больную голову держась, и вдруг вижу — трое у забора дубинами кого-то забивают. А сама Аннушка на земле рядом сидит и неслышно плачет. Я к ней сначала дернулся, а потом глянь — а под дубинами у этих троих лохмотья какие-то торчат. Ну, понимаю тут я, что забивают они Ивана, который у Аннушки нашей ночевал. Как я это увидел, так и онемел — стою как вкопанный. Гляжу дураком и понять не могу, что происходит и делать что не знаю. Только вдруг мысль такая четкая, что нельзя мне стоять, смотреть как убивают человека, и не вмешиваться. Что всему тогда конец, и всем нам конец, если мимо пройду. А ведь мы так привыкли к подобным картинам! Не то что чужаков — соседи друг друга лупят как хотят, родня за бутылку режет кровную родню. Никто в Небосводе на это внимания давно не обращает... И вот понимаю я, что забьют его сейчас, и тогда — все.

Смотрю, на земле посох его деревянный лежит. Схватил я его, подбежал сзади к бандитам и одного по затылку с размаху вдарил. Тот замер, повернулся ко мне, удивленно так посмотрел, будто совсем не ожидал, и вдруг завалился в траву как замертво. Тут я как заору со всей силы, и второго, что тоже обернулся, по голове посохом со всего маху — и тот также разом обмяк, и на дорогу мешком рухнул. Иван на земле лежит не шевелится, а третий на своих посмотрел, не растерялся и как с размаху засветит мне дубиной!.. Я без чувств рядом с Иваном свалился, и помню только, как этот третий снова огляделся, закричал что-то, и бросился бежать. А Аннушка смотрит на нас страшными такими глазами и слезы без единого звука по лицу у нее льются.

Сколько я без сознания пролежал, не помню, но, думаю, недолго. А когда глаза открыл, гляжу — сидит рядом на дороге Иван, смотрит заботливо, держит мою руку, и чувствую, как боль вся, все беспамятство с меня сходят.

— Спасибо вам,— говорит мне Иван просто, будто не его здесь только что до смерти забивали.— Вы спаслись — вот чудо! — обратился он к кому-то, и я увидел, что вокруг нас десятка два человек стоят и меня разглядывают. А рядом те двое, которых я ударил, так и лежат, и понимаю, что больше не встанут.— Вы не вините себя за этих,— говорит мне Иван.— Люди крестом и святое добро и адское зло делать научились,— сказал тихо Иван, отпустил мою руку и я почувствовал, что абсолютно здоров, но совершенно без сил.

Понимать ничего я не мог, оставалось только удивляться.

— У этих двух,— указывая на лежащих бандитов, обратился Иван к собравшимся,— с сердцем плохо вдруг стало. Приступ — это любая ваша экспертиза подтвердит. Нельзя же так со злом в сердце людей убивать. Сердце-то и не выдержать может...

Тут мы встали, Иван пожелал мне ни о чем не волноваться и пошел дальше, а я

все то на него глядел, то на погибших, которых отволакивали куда-то в сторону. Рядом Аннушка стояла, смотрела на Ивана, и все плакала, но уже счастливыми, как мне показалось, слезами.

- Но, кто же это такие были? спросил я.— Кто же это мог сделать?
- Ну, молодой человек! Виктор Алексеевич налил себе еще чаю. Только на моей памяти столько прекрасного изнасиловали, и спроси меня, как и зачем не найду, что вам ответить. Мерзавцев в России всегда хватало, и последнее время с избытком... Ну, на этом я заканчиваю, больше я Ивана не видел. Это, как мы тут между собой считаем, было первое чудо этого дня. Поняли мы его или нет не знаю. Но так оно все и было. Соседи мне только потом рассказывали, как третий, который убежал, Колька Смирнов, что повесился через неделю, в тот день бегал по улицам, кричал что-то нечленораздельное и в нашу сторону махал. А когда все собрались, Иван уже, как ни в чем не бывало, сидел на земле и приводил меня в чувство. Что до этого было только Аннушка знает, но она, известно, с того дня ни слова не сказала... Ну, кто может рассказать гостю, что дальше было?
- Извините, можно мне несколько слов? поднялся невысокий мужчина с другого конца стола и мне тут же подсказали, что это Сергей Григорьевич Мухин, местный врач.— Я постараюсь недолго,— поправился он и, сделав паузу, посмотрел на меня.— Вот мы тут говорим «чудо», «пророчество», а ведь никто нам этих слов не говорил. Я не к тому, что чудес не бывает по-другому этого и не назовешь, чудеса и в медицине встречаются. Я к тому, что все мы, кое-что как-то вдруг осознав по поводу происходящего, только потом поняли, как важно все, что случилось в каждой минуте, что Иван был в селе.

Я с тех пор пить бросил и медицинским спиртом из-под полы торговать перестал — насмотрелся в тот, третий день, это уж точно. Но во многих людях, с кем Иван имел какие-то контакты, произошли такие поразительные перемены, что это уже требовало от меня и попытки медицинского объяснения. Я говорил со многими, спрашивал, что они чувствовали, когда он был рядом? что в них происходило, когда он говорил? Но в том-то и беда, что с моей медицинско-научной точки зрения никогда объяснить это я не мог. Наука наличие души в человеке не доказала, но ведь никто не скажет, что ее нет! Мне тогда на язык попали такие религиозные выражения, как «нирвана», «духовное или благотворное воодушевление», но не могу же я так в документе написать! Могу только подтвердить — в том, что касается тела человека, не изменилось ничего. А как обыватель Небосвода могу сказать вот что. В людях тогда начало что-то меняться. И до сих пор меняется... А что до того, что после избиения Ивана происходило с ним... говорят по-разному, но примерно часа два он, как и до этого, просто бродил по улицам и снова пытался говорить с людьми. Это мы сейчас уверены, что с людьми надо говорить. А тогда... Ведь даже то, что некоторые увидели свое реальное положение до прихода Ивана, вселило в людей еще больший упадок. А выход у нас из этого известно какой... Еще рассказывали мне, что подходил Иван к группе наших заядлых алкоголиков и что-то пытался им говорить... Но, как известно, у кого голова водкой залита, тот и ангелов не услышит, а от Ивана или просто уходили, не слушая, а чаще — пьяно орали и чуть даже драться не лезли, но побаивались. Иногда хуже — сядет такая скотинка напротив, тупым взглядом, как бетонная стена, смотрит прямо, глазами моргает и ржет гадко над всем, что ему скажешь... И вы понимаете — ничего не сделаешь! Такую морду хочется ударить, в грязь втоптать. Но Иван, понятно, делать этого не мог, и уходил что-то сам себе говоря. Походит, походит, и к другому такому же... Это они потом все пить бросили или повымерли все под бутылкой. А тогда и не скажешь, что на них его слова хоть как-то действовали, и я не представляю, что с ним самим творилось при виде невозможности людей измениться. Мне только... кто... а, Капустин, Петр Васильевич рассказывал, что когда увидел Ивана, пытающегося заговорить с одной местной нашей алкоголичкой-проституткой, а время тогда к полудню третьего дня шло,— жутко усталый у него вид был и даже, потом говорили, вроде как глаза голубые его, которым все только удивлялись, будто бы даже посерели.

А потом снова была наша старая площадь, где как раз мой облупленный медпункт находился, рядом с обломками фундамента старой церкви. Где-то в обеденное время Иван пришел сюда, и я сам видел, как посреди развалин он встал на колени, сложил вместе руки, посмотрел вверх и стал вроде как молиться. И никогда бы никто не узнал, что он там такое сказал, и не подошел тогда к нему никто — боялись даже когда на площадь группами сходиться стали — если бы не мальчишки наши местные — сегодняшний молодой банкир Владимир Соловьев и предприниматель Слава Киров, не притащили бы туда магнитофон, не спрятались за соседней к Ивану наполовину обвалившейся стеной, и с горем пополам кое-как не сделали бы запись его голоса. Зачем они это сделали, как потом говорили, и сами не знают — просто, говорят, захотелось очень, и вдруг поняли, как надо придумать. Хотя, я думаю, это тоже, наверное, неслучайно. Но главное — кое-что у них получилось... Евгений Павлович, пожалуйста.

- Да уж понял, сделаем,— отозвался директор, доставая из глубины стола самую обычную аудиокассету. Он вставил ее в небольшой старый магнитофон, и я услышал глухой, хрипящий, чуть отдаленный голос.
- Благодарю Тебя за все, Господи! Спасибо за это испытание, за муки мои, за помощь Твою! Спасибо, что не покидал меня столько лет. Спасибо за этих людей. За уснувших, за слепых, за глухих. Знаешь Ты не ведают они, что творят! Слова Твоего не слышат, света Твоего не видят. Не верят в имя Твое. И дай мне силы, Господи, нести дальше слово Твое. А сейчас дай им сил поверить, что придет Свет! Дай мне знать, когда придет время! Я буду готов! А сейчас дай им силы услышать голос мой в пустыне этой. Пусть верят они в слово Твое. А мне дай сил нести дальше Крест мой...

Запись прервалась и над столом, в который раз, повисла напряженная тишина.

— Это лишь малая часть того, что сказал старик. Тут моим ребятам или надоело слушать непонятные слова, или спугнул их кто, но это все, что у нас осталось от Ивана,— сказал Сергей Григорьевич, замерев, глядя перед собой.— Дальше все было в таком же духе. Иван молился где-то с час, и за это время вокруг собралась толпа. Мы, конечно, пришли посмотреть на него из простого любопытства. Ничто святое нами не двигало. Кто с бодуна пришел, кто так, от нечего делать, наслушавшись историй про сумасшедшего старика. В Бога, к тому времени в Небосводе, если еще кто и верил, то только дряхлые старухи — из тех, у кого иконы по углам при Советах висели. Из нас-то, конечно, никто никакой молитвы не знал.

А когда Иван закончил, такое произошло. Вдруг, как говорится, откуда ни возьмись, хлынул сильнейший дождь. Без грома, без ветра. Закапал, и все больше и больше, пока не стал хорошим таким ливнем. Тогда Иван встал, обернулся к нам, поднял свою палку и давай ей толпу на площади крестить.

Сергей Григорьевич как-то странно посмотрел на меня, по очереди медленно обвел взглядом всех сидящих за столом и продолжил:

— И пошел Иван себе дальше. Подходил к каждому дому на своем пути и будто крестил дом. А мы стояли под дождем, и слова никто никакого сказать не мог.

Врач снова замолчал, о чем-то задумавшись, будто не умел произнести несколько предложений зараз, и собравшись с силами, посмотрел на меня.

— Я не знаю, поверили люди или нет. Но они изменились. К лучшему. Меняются и поныне. Вы сами, наверное, заметили. Небосвод оживает, и только сейчас мы начинаем понимать, что тогда село чуть было не погибло. И каждый день я смотрю на небо и прошу, чтобы те времена никогда больше повторились, а люди оставались

людьми.

В тот день дальше вот что было. Буквально минут через десять, как Иван ушел с площади, и все мы еще не пришли в себя, вдруг слышим — бежит кто-то по улице и кричит страшно... Вы разрешите, Евгений Павлович, — вдруг обратился он к директору школы.

- Да, Сергей Григорьевич, вы уж сами, пожалуйста, неожиданно вздохнул он.
- Так вот, продолжил Сергей Григорьевич, бежит к нам Крючков, нынче картофельный наш коммерсант, а тогда первый наркоман, и кричит, что зарезали кого-то. Подбежал он, кидается на всех, и из отрывков слов понимаем мы, что якобы Толик, недавно вернувшийся из тюрьмы сын Сергея, соседа нашего школьного директора, ударил ножом Машу, дочь Евгения Павловича, которая, как известно, вот только сегодня подарила ему внука, и за здоровье которого мы, даст Бог, еще выпьем. Ну, мы-то сначала решили, что точно — перекололся Крючков или ломка у него, снова денег сейчас попросит, но он так кричал на всех, что как мы все на площади стояли, так толпой сюда, к Евгению Павловичу, и пошли. Машу все знали первая красавица на селе — хорошая такая. Приходим мы, а тут — все как Крючков говорил. Я как врач первый в дом кинулся. Зашел и вижу — лежит Маша с ножом в животе на лавке, кровью истекает. Рядом все домашние бегают, кто кричит. Кто рыдает, и никто не знает, что и делать. Я бы и рад помочь, да гляжу — руки после вчерашнего, да и утрешнего, так трясутся, что и лезвие вынуть побоялся. А в Небосводе больше ни одного врача. В райцентр позвонили, «скорую помощь» вызвали, да от него, сами знаете, ехать и ехать... Вот тут мне страшно стало. Умрет ведь, думаю, у меня на руках, и никто, вы понимаете, никто, сделать ничего не может! До чего дошли... Лежит она, а под лавкой лужа крови целая. Переполох по всему Небосводу, но все только кричат и ничего не делают. Тут мне совсем плохо стало, и я вышел во двор. И хорошо даже, думаю, что дождь. А следом за мной и все кто в доме был, вышли, не могли на Машу смотреть. Евгений Павлович только остался. Так еще минут пять прошло. Сижу под дождем скрючившись, лицо в ладонях, и слышу будто впереди на дороге кто-то по лужам шлепает. Глаза поднял — Иван в своих мокрых лохмотьях во двор вошел — и в дом. Посмотрели мы ему вслед, переглянулись, ничего не поняли, но препятствовать никто не стал... Ну, дальше уж тебе слово, Евгений Павлович, — сказал Сергей Григорьевич директору. — Только ты там был. Мы не верили ему долго, - посмотрел он с улыбкой на меня, - но как увиденному не поверить? И поверили.
- Да что вам сказать...— поднялся с трудом хозяин дома.— Я-то кроме как чудом это по-другому никак назвать не могу. Сто раз уже рассказывал: сижу у нее, думаю, что кончилась вся моя жизнь. Единственная дочь, семнадцать лет... Ну, так сижу я, пошевелиться не могу, вдруг заходит Иван и ни слова не говоря, к Маше. Взял стул, сел рядом с лавкой и наклонился к ней. А ко мне сел спиной точно не вижу, что он там делает. Я сначала от неожиданности застыл, а как очнулся, подошел к нему сзади, а он, не поворачиваясь, и говорит:
- Вы выйдете, если сможете. Мне не мешайте все равно, сами знаете, никто вам не поможет.

Что надежды ни на кого нет, известно было мне. Но и с этим, бог знает с кем, бросить Машу я тоже не мог.

- Не выйду, говорю. Я ее одну не оставлю.
- Тогда садитесь, где сидели и никого не впускайте,— сказал он, за руку Машу взял и снова наклонился над ней.

Мне бы ему сказать: «Ты что, леший, делаешь?! Ну-ка отойди от моей дочери!» Но, чувствую, нельзя. Вернулся я к двери, сел, как дурак, на стул, поглядываю на него иногда сзади и на всех, кто потом пытался войти, машу руками. А Иван, как сел,

так и сидел, то наклонившись над местом, где была рана, то поднимая голову кверху и что-то бормоча себе под нос. С полчаса мы так просидели, пока он что-то блестящее на пол положил. Смотрю, а это тот самый нож — клинок на свету сверкает и ни одной капли крови на нем нет. Подбежать и посмотреть рвусь, а встать с места не могу. Тут, как кто-то говорит, мне — ни вставать и ни подходить! Я сначала внимание на это обращать не хотел, а потом на лицо Маши посмотрел, а она такая спокойная лежит, тихая. Думаю, вдруг потревожу ее, если подойду, и остался на месте. Иван все сидел и сидел, над ней склонившись, в полуобороте, шептал тихо что-то, и, как казалось, руку на ране держал.

Просидели мы так до самого вечера. «Скорая помощь» почему-то так и не приехала — мы потом только узнали, что сломалась в пути. Иван все сидел у Маши, а я у входа в комнату, и с места сдвинуться не мог. Потом он вдруг достал из-за пазухи кусок белого полотна, накрыл раненое место, встал и пошел из комнаты, мне знаком показывая с ним идти. Я уже ничего не понимал и делал, как он говорил. Вышли мы во двор, а там народу — половина Небосвода. И солнце уже село почти. Повернулся Иван ко мне:

— Спит она. До утра не тревожьте. Все будет хорошо.

Смотрю я на него и не по себе мне. Лицо у Ивана осунулось, посерело, глаза выцветшие стали, как у старика, сам он чуть не шатается, всего трясет, и будто еще больше поседел.

— Спасибо вам, — говорю. А сам как чувствую, произошло что-то.

Он ничего мне не ответил, пошел со двора и только у ворот остановился и долгодолго и внимательно смотрел на всех нас.

Потом повернулся и пошел по дороге на закат прочь из Небосвода. А мы всей толпой на улицу вывалились и смотрим ему вслед. Идет Иван так тяжело, на палку свою опирается. Идет себе и идет...

Евгений Павлович тяжело склонился над столом, потер лоб рукой, сказал еще что-то, будто про себя, и снова распрямился. Все смотрели на него и молчали.

— Вот, в общем, и вся история про Ивана. То, что чудо было, мы узнали утром, когда я зашел Маше, посмотреть, как она. Сергей Григорьевич полотно приподнял, и так, помню, и отшатнулся — на месте страшной раны остался лишь большой красный рубец. Маша, как сейчас помню, спит себе, и такая красивая во сне, что слов нет. Скоро она проснулась, как не бывало, и что удивительно — так ничего и не вспомнила, и поверила нашим рассказам, только когда сама шрам увидела.

Анатолий тот погиб в тюрьме в какой-то пьяной драке через два года. Отец его, Сергей, не старый еще совсем — вы видели, один из последних алкоголиков на селе. Аннушка наша, после ухода Ивана монахиней стала. Приезжал как-то тут какой-то... архимандрит, что ли... говорил, плохо очень, что нет в Небосводе церкви. Ну, теперьто будет скоро, даст Бог. Да?..— посмотрел он на Аннушку.— Главное — люди с тех пор оживать понемногу стали. Множество потом удивительных случаев было, но выбор, так сказать, один: или человеком становись, или помирай. И ведь знаете — мы только начинаем, все еще впереди, мы только очнулись. Но люди, похоже, начали верить в будущее.

- Они поверили в чудо,— тихо произнесла Мария Сергеевна.— Ничто другое Небосвод бы не спасло.
- Так или иначе, но все стало меняться к лучшему. Все мы стали больше быть похожи на людей.

Мы вышли из дома — вечерело, и мне надо было ехать. У ворот стоял сосед Сергей, небритый и грязный, но довольно трезвый, в непонятно откуда взявшемся потертом сером костюмчике.

- Что же ты не заходишь, Сергей? обратился к нему Евгений Павлович, когда мы подошли ближе.
 - Да нет... как же это я, пробормотал, потупившись, он.

Мы стояли и смотрели на пьяного соседа. Сергей немного подергался из стороны в сторону и, скривившись, посмотрел на директора школы.

- Ты прости меня, Жень, если можешь. И Толика прости. Плохо мы с тобой жили. Нельзя соседям так жить.
- Да, Сережа,— сказал Евгений Павлович.— Это правда плохо мы с тобой жили. Нельзя так жить. Нужно жить хорошо. Маша мне внука родила, Иваном зовут. Теперь нельзя не простить. Не прощать тоже грех.
 - Спасибо, спасибо тебе...
- Ничего! Ты только пить заканчивай. Любит Россия себя пропивать. За всех будто. Только не жизнь это, и Россия не Россия.
 - Пить брошу, правда. Теперь брошу.

Мы не верили ему и не думали, что он сам верит себе, но сказать нам было больше нечего

Прощаясь со всеми этими в несколько часов ставшими мне близкими людьми, я, конечно, обещал приехать еще, и уже садился в машину, когда Евгений Павлович сказал мне на прощанье:

— Знаете, что самое удивительное? У меня младшие классы забиты ребятней! В последние годы всех как прорвало рожать. Не знаю где брать учителей! У вас, среди знакомых, если есть такие, предложите им — пусть приезжают. У нас теперь не страшно.

Я ехал по обновленным улицам вечернего Небосвода, смотрел на то, как люди, уставшие, но веселые, возвращаются с работ, от стройки храма, гуляют по улицам целыми семьями, встречаются и разговаривают и радуются друг другу, и подумал, что не смогу написать журнальную статью о возрождении этого села. Этих перемен словами не объяснить. Чтобы понять, надо самим посмотреть на Небосвод. В начале дня туда приходит свет.

Марина Майорова (с. Пятница Владимирской обл.)

СКОЛЬЗЯЩИЙ БЛИК УТРАЧЕННОГО РАЯ...

(Лирическая повесть)

Марина Ильинична Иванова (Майорова — девичья фамилия) родилась 26 мая 1940 года в г. Ленинграде. Родители учились в Театральном институте. Отец в 1943 году погиб. Окончила музыкальное училище в Калининграде. Преподавала в музыкальном и педагогическом училищах, в педагогическом институте. Вела передачи на радио и телевидении, печаталась в газетах. Впервые ее стихи были опубликованы в «Калининградском комсомольце», а потом «Тула вечерняя» представила большую подборку стихотворений, когда она работала лектором-музыковедом в филармонии. В 1991 году ее повесть была сдана в журнал «Ясная Поляна», но из-за серьезных экономических проблем журнал прекратил свое существование, и произведение так и не увидело свет. Ее статьи публиковались в «Тульских Епархиальных Ведомостях». В 1998 году приняла монашество. Проживает во Владимирской области и продолжает литературное творчество. Были изданы ее книги «Крошка Ду» (сборник рассказов) и «Дитя Серебряного века» (поэтический сборник).

Маме моей, Татьяне Семеновой (Майоровой), посвящается

1. Милоновы

С чего начать? Начнем, пожалуй, с одного страшного известия — оно положило начало концу. Концу чего? — спросите вы, возможно. Концу существования одного замечательного сообщества, складывавшегося годами, годами. А если взглянуть шире — всем подобным сообществам приходил конец. И нередко — в виде подобных извещений.

Пришел Алкаш, необычно возбужденный, и вместо своего «алчу! жажду!» брякнул: «Нас сносят!» — и сел, вернее, плюхнулся (так как такие никогда не садятся как порядочные, а плюхаются, постепенно ломая мебель у хозяев) и сердито засопел. Сначала все молча пытались переварить услышанное, а потом хором завопили: «Сносят? Как? Куда?» — «Куда-куда! К чертовой матери, вот куда!»

Все опять замолчали, вконец обескураженные. Наконец Татьяна спросила: «Кого сносят?» «Всех! Всех сносят. Весь поселок». Засопев сильнее, Алкаш обвел ничего не понимающую компанию мрачным взглядом и пояснил: «Тут будут строить большой кемпинг. Или там пансионат — с пляжами, рестораном и разными развлекаловками».

Так пришла эта ужасная новость. А с ней ощущение странного умирания, невсамделишности всего: встреч, разговоров, самой жизни, наконец. До расселения было еще много времени, однако...

«Траурный» ужин назначили, когда первая семья получила ордер на квартиру. И

это была семья Татьяны, великолепной Татьяны, и ее мужа Николая, имевшего, между прочим, звание народного артиста, за что им и дали двухкомнатную вместо однокомнатной, положенной бездетной паре. Все это означало, что их славная компания, нет, целый мир, полный тепла, молчаливого знания друг о друге, разнообразных словесных занятий и веселых попоек, этот обжитой годами мир лишается своего центра, точки опоры. Именно в доме Татьяны, а летом на веранде или за столом в палисаднике и собиралось самое разнообразное общество, выверенное и отсеянное годами и представлявшее собой настоящий мальчишник. Женщина была одна, хозяйка дома, и скольких подруг ни приводили — и смиренных, и бойких — ни одна не приживалась в роскошной тени молчаливой, приветливой хозяйки. Видно, даже самые скромные не могли перенести ее главенства. А именно она и была тем центром, к которому летели мотыльки мужеского пола без всякой, впрочем, корысти. Не потому, что Николай был ревнив до бешенства (все помнили, как он швырнул в голову директора театра радиоприемник, и удержать его от дальнейшего удалось только Татьяне), а потому что при втором взгляде на ее прекрасное лицо у всякого нормального мужчины отпадала мысль приволокнуться за ней, возникавшая при первом взгляде неизбежно.

Татьяна была не просто красавица, она была похожа на цветущую, пышную ветку сирени. Она носила пестрые крепдешиновые платья, и это была ласкающая пестрота июньского луга. В разговоры она не вмешивалась, внимала им молча, иногда улыбаясь одними ямочками. Покуривала сигаретку, изредка бросая прелестную фразу, всегда кстати, ибо тем разряжала мелкие вспышки в компании самолюбивых петухов.

Всех привлекало в этот дом разное. Одних — очарование хозяйки, других — возможность быть выслушанным столь красивой женщиной, дружелюбновнимательной, не дающей никому оценок. Третьих — сама атмосфера непринужденности, легкости, безобидного соперничества, в котором пышно расцветали все словесные таланты. А общество было самое словесное. Процветали каламбуры, шутки, импровизации и прочие мыслительные действия невинных и смысленных животных.

Один человек в этой компании имел свою, особую корысть — Алкаш. Его не интересовала ни красота хозяйки, ни состязательный дух, ни пальма первенства среди анекдотчиков. Он любил Татьянин квас. А так как он всегда хотел пить и по его толстой ряшке всегда стекали ручьи пота, то, вваливаясь и плюхаясь, он обычно стонал: «Алчу, жажду! Где, где вожделенное?!» Спиртного он не пил, но прозвище почетное «Алкаш», произведенное от вечных «алчу, жажду» закрепилось за ним навсегда. Еще у него была одна добродетель — не будучи сплетником и почти никогда ни с кем не разговаривая, он иногда отрывисто информировал всех о новых событиях, и информация его всегда была верной и точной. Незаменимый, скромный человек!

Вся компания была особенно хороша тем, что люди в ней подобрались поразительно разные и все, совершенно все, были к месту. Ах, где вы теперь, такие разнообразные, такие славные и бескорыстные рыцари бесед! Жизнь сегодня печатает каких-то удручающе однообразных людей. А если и есть «разнообразные», то выглядят они какими-то реликтами, никто их в нашем деловом мире всерьез не принимает.

Ах, где сейчас Боль Мандо, славный Джан-Коль со своей Веркой-крикухой! Он ведь тоже прозвище свое почетное получил не сразу, а как все словесное, оно постепенно обкатывалось на языке острой компании и докатилось до заслуженного пышного Джан- Боль Мандо. На самом деле он был «Коль», как звала его Верка-крикуха. Стирая его необъятные штаны, майки и комбинезоны, она часто облегчала себе труд, выкрикивая: «Коль! Коль! Ты моя боль! Все люди как люди, ты один у меня — голь!» и что-нибудь еще подобное, но обязательно в рифму. Верка тоже была существо словесное, но к Татьяне не ходила — презирала «кобелиное сотоварищество». Она была, конечно, неправа, но упрямо стояла на своем. Коль не обращал внимания на ее вопли, он был философ и понимал, что при его профессии и габаритах стирка

его одежды превратила бы в ад жизнь любой, самой терпеливой женщины на свете. Коль был автомехаником и его главная рабочая позиция была лежачая. Как огромный скат, он часами валялся под разными машинами, и когда он выползал из-под днища, всегда собиралась толпа мальчишек, подбадривающих его разными горячими советами, потому что если вползти под машину ему удавалось сравнительно легко, то уж выползти!.. Впрочем, понятно.

На этот ежедневный спектакль приходила тетка Хасмик, кладовщица мастерской. Приходила жалеть его, потому что после смерти своего единственного сыночка Хачика, она находила утешении в жалении и посильном ухаживании за ближайшими соседями. Тетка Хасмик обычно становилась, сложив молитвенно руки на обширной груди и певуче пристанывала над барахтающимся Колем: «Ах, Коля-джан, как ти, бэдний, мучишься! Коля-джан, тибе диета нужна! А твой Верка тибе так кормит!»

Вот из этого «джан» и «Коль-моя боль» родилось со временем пышное Джан-Боль Мандо. Впрочем, кличка была подвижная и «Коль» и «Боль» менялись по обстоятельствам.

Джан-Боль, повторяем, был философ. Он всегда размышлял, никогда не обнародуя своих философских выводов. Его словесность, а он ею, конечно, обладал, обнаруживалась крайне редко, и первой ее обнаружила жена, когда из беленькой кудрявой Вероники постепенно выпестовалась Верка-крикуха. Коль говорил иногда: «Вероника, сникни». И лишь со временем Верка догадалась, что это «сникни» имеет тонкое отношение к ее имени. Она услышала, наконец, скрытую рифму в этом однообразном «Вероника, сникни». С тех пор это «сникни» стало бесить ее, как бесит быка развевающаяся перед его мордой тряпка. «Я т-те сникну!» — орала Верка, а Джан-Боль смотрел на нее прозрачным детским взором и никогда не забывал беленькую хохотушку прежних лет. Он полагал, что именно стирки извратили характер жены, и вменял эту вину себе.

Джан-Боль составлял молчаливую часть компании. Он сидел чаще всего на веранде в широченном кресле, которое кто-то специально для него притащил с помойки. Кресло помыли, заштопали, и оно подошло. Джан-Боль сидел в нем, положив здоровенные лапищи на подлокотники. Кулачок его румяного носа утопал среди щек, а в усах плавала, поворачивалась и замирала философская улыбка. Верка сюда не заглядывала, спокойную хозяйку она в душе побаивалась, и Джан-Боль отдыхал безмятежно.

Был тут еще один молчаливый, так называемый Иванов, верный Татьянин арапка. Был он такой же Иванов, как я — Ю-ши Ань. Он был еврей с мрачно-красивым итальянским лицом и с такими короткими ножками, что рост его еле достигал метра пятидесяти, что в сочетании с его прекрасным лицом сообщало бы его внешности несколько трагикомический оттенок. Но этого не происходило: Иванов был абсолютно закрытой системой и никаких интерпретаций не допускал.

У них с Татьяной были странные отношения. Зайдя с кем-то случайно, он намертво прилип к этому дому, хотя никому не понравился. Он был молчалив неинтересно. Как-то сказал неохотно, когда к нему обратились: «Я маленький начальник, мое мнение вряд ли кого-нибудь заинтересует». Так от него и отвязались, между собой называя его «начальник». Но постепенно «начальник» превратился в «мычальника», потому что единственной формой реакции Иванова был звук «хммм». Правда, надо отдать должное, бесконечно вариантный по интонации. Им Иванов выражал все: согласие, раздумье, удивление и пр. Так что кличка — «мычальник» была очень точна, но, как ни странно, она не прижилась: слишком скучен и неинтересен был сам субъект. Так он и остался при своей фамилии, Иванов.

Татьяна невзлюбила Иванова сразу и откровенно, что всех очень удивляло, т.к. она была на редкость добрым и к тому же воспитанным человеком... Она и нелюбовь

свою проявляла вполне воспитанно. Но не заметить ее мог бы только полный кретин. Иванов не был кретином. Он был безнадежно и как-то мрачно влюблен в Татьяну и поэтому терпел сколько мог. Третировала она его постоянно и очень тонко, одним взглядом: когда ее взгляд нечаянно встречал его собачьи преданный немой вопль, глаза Татьяны мгновенно теряли обычную мягкость и становились пустыми.

Как же необычно и внезапно кончилась эта война взглядов! Однажды Татьяна наливала ему чай (а она была вежливой хозяйкой) и с кем-то разговаривала. Она стояла над ним, полная цветения, держа изящный локоть над его головой, как над какой-то недостойной внимания вещью, и, оживленно переговариваясь, капнула ему кипятком на плечо, на тонкую, как всегда белоснежную, рубашку. Иванов встал, молниеносным движением схватил Татьяну и поднял над головой как картонную куклу. Народный артист Коля взревел раненым быком, но несколько пар рук осадили его, и он свалился на стул с потрясенным взглядом и разинутым ртом. В течение всего действа он несколько раз порывался броситься на обидчика, но друзья держали крепко: никому не интересна была драка, наоборот, ситуация разжигала жгучее любопытство. Сама же Татьяна, как ни странно, не издала ни звука, не сделала ни малейшей попытки освободиться из сжимающих ее тело клещей. Она только напряглась и вытянула ноги.

Иванов пару секунд постоял, держа ее легко и непринужденно на вытянутых руках. Затем осторожно спустился с бугорка, отделяющего дом от пляжа, и побежал к морю. Компания, крепко держа обезумевшего Колю, сдвинулась к порогу. Мычальник со своей ношей зашел в море по грудь и вдруг резко присел, не выпуская Татьяну. Оба скрылись под водой. Все, вскрикнув, ринулись было бежать, но в ту же секунду оба показались из воды. И так же молча Иванов принес ее к столу и бережно опустил на пол. С обоих текло, и на полу тут же образовалась огромная лужа.

На всю эту «манипуляцию» ушло всего несколько минут, т.к. море было совсем рядом. В полной тишине, можно даже сказать, немоте, Иванов-Мычальник как был мокрый, в прилипшей к телу рубашке и потемневшем от воды галстуке, сел и начал спокойно пить чай. С тех пор Татьяна его обожала, а ревнивый Николай уважал...

Дом Милоновых был всегда так открыт, так приветлив, что без конца в него приходили все новые и новые люди. Но далеко не все приживались — себялюбивым, надутым, без конца «якающим» тут места не было. Существовало много тестов для проверки гостей, но самый гениальный и безотказный назывался «вынос трофеев». Применяли его редко, но метко, когда надо было быстро отвадить назойливого и неприятного гостя. Тогда кто-нибудь, в самом разгаре беседы (чаще всего это был Штифт, как самый воспитанный, самый «сэр») вставал и торжественно возглашал: «А не пора ли нам, господа, приготовиться к выносу трофеев?» «Господа» радостно соглашались и приглашали ничего не подозревающего гостя принять участие в выносе.

Внесем маленькое пояснение. Удобства в милоновском доме, как и во всех подобных жилищах, располагались во дворе. Поэтому во всех домах поселка существовали приспособления, экономящие время и здоровье. И у Татьяны, в конце веранды, за шторкой, стояло некое подобие трона с дырой в сидении. Трон был для гигиены и сбережения чувств со всех сторон завешен до пола. И внутри его таилась старая выварка, полная «трофеев». Их-то и предлагали вынести непонравившемуся гостю. Метод действовал безотказно. И если у гостя хватало ума не удалиться сразу, то уж больше он не заявлялся в сей гостеприимный дом. Один недостаток был у данного метода: он был осуществим только в зимнее время, т.к. летом все ходили в гостеприимный деревянный домик...

Гости, менее неприятные, подвергались другим отборочным тестам. Только два из недавно прибывших не подверглись никаким испытаниям — Иванов-Мычальник и Леонтий... Иванов потому, что с ним вообще долгое время никто не разговаривал, он присутствовал как вещь. А Леонтий! Ему просто невозможно было устроить никако-

го подвоха. И не потому, что Леонтий был известным в городе певцом, не потому, что обладал недюжинным ростом — на такое в нашей компании не смотрели. Просто Леонтий был человеком редких достоинств — душа у него была детская, чувство юмора — грубовато-примитивное, гнев необузданный, щедрость для друзей совершенная, хотя дома на него иногда нападали припадки мелкой расчетливости. Бас у него был глубокий, бархатный, и в голосе его, казалось, пела вся душа. Жизнь его порой ломалась резкими зигзагами, но он не тужил. В юные годы его занесло в духовную семинарию в Алма-Ате. Но его бурлацкий нрав не снес строгой дисциплины и иерархичности семинарии. И однажды наш молодец перебрался через высокий забор и был таков. За спиной осталась стопроцентная карьера соборного протодьякона, любимца архиереев и прихожан. Но он об этом не думал. Интересно, что все-таки в конце своей не очень долгой жизни он попал на церковную стезю, украшал своим пением церковный хор. И когда уже был смертельно болен (почки), никто, даже жена, не воспринимала его всерьез как больного человека — столько в нем было жизни. И регентша порой сердилась и считала его симулянтом, когда он в изнеможении присаживался на скамейку во время пения. И только после его отпевания она позвонила его еле живой от горя жене и просила прощения: «Я ведь думала — такой богатырь и притворяется».

По его вокальным достоинствам ему бы петь в опере, но Леонтий был просто не способен на какие-нибудь карьерообеспечивающие движения, он просто любил петь. Иерархия его ценностей строилась так: первое, конечно, пение. Затем друзья, т.к. он родился с этим врожденным, редким сейчас качеством — чувством дружбы. Затем шла жена, его Люсенок, Люсичка (ударение, пожалуйста, на «и»), крепкая духом женщина, не достававшая ему до плеча, но способная с любовью сносить все его артистические выходки. Оба они вышли из первых своих супружеств, как из штормового моря и после длительных перемоганий с «разнообразными не теми», встретили, наконец, друг друга и прожили вместе столько, сколько Леонтию было еще отпущено. Люсичка в компании не бывала, он не брал ее в свое мужское приволье. Друзья же просто обожала Леонтия, с первого появления он внес с собой особый колорит могучей силы и какой-то ощутимой подлинности. Кстати сказать, к накоплению «трофеев» под троном он не имел никакого отношения. Как-то, вначале, ему сказали: «Ну что ты пойдешь в эту забегаловку? Холодно! Тут на веранде все приспособлено». Он поглядел, вернулся и царственно пророкотал: «Нет уж, эти ваши креслица, кастрюлечки, горшочки не для меня. Для вас, мелкоты. А я лучше схожу во дворец г...а», — и гордо, вальяжно уплыл к вонючему домику.

Однажды, когда Николай еще имел звание заслуженного, прошла премьера лермонтовского «Маскарада», решившая вопрос с новым званием. Сам первый секретарь обкома зашел за кулисы в окружении многочисленной свиты и пожимая руку еще не отошедшему от переживания финальной сцены, бледному Николаю, сказал: «Ну, поздравляю, поздравляю! Это успех! То-то столичные оближутся!» — и, повернувшись к свите, с деланной наивностью вопросил: «А что он у нас? Разве еще не народный?» Все засмеялись шутке начальника. Вопрос со званием в принципе уже был решен.

Николай в этот вечер был на особом подъеме. И не от похвалы «хозяина». А от пьянящего ощущения только что пережитой на сцене трагедии и того чувства полной власти над залом, какую может дать только подобное подлинное переживание. Он был центром вечеринки, его несла волна радости. Он много пел, спел даже знаменитые бродвейские песенки, арию Мекки-ножа. Читал «Вы помните, вы все, конечно, помните...» и даже сплясал каскадный номер из «Сильвы». Все — совершенно блестяще. Шампанское лилось рекой, гул стоял невообразимый. А посреди этого неудержимого веселья тихо сияла подлинная царица вечера, сама хозяйка дома. Сего-

дня она была другая, не такая как обычно. Сегодня это была блоковская Прекрасная Дама. По случаю премьеры Татьяна надела черное, чуть поблескивавшего тяжелого шелка, платье. Строгое, почти закрытое и поверх узкой щели выреза — нитку чудом сохранившихся маминых дымчатых топазов. В этом платье она была похожа на тонкую горящую свечу — так оттеняло оно серебряный дым ее волос, узкую ослепительную полоску кожи в вырезе, прозрачную зелень глаз. Спокойная, она сидела среди шума и гама, и нет-нет чей-нибудь взор останавливался на ней в немом восхищении, но встречаясь с ее дружелюбным взглядом, «подглядчик» виновато улыбался и вновь кидался в кипящий котел веселья.

Вот к такой-то загадочной царице, такой неведомой Татьяне прилип после премьеры очень неприятный человек. Это был народный поэт, обласканный и захваленный властями и привыкший к сладкому воркованию вокруг своей персоны. Года три назад он решил испробовать себя на театральном поприще, и ему это понравилось. Две его паршивые, но очень «идеологически выдержанные» пьески уже шли в театре, и он, говорят, уже кропал третью.

Он был за кулисами свой человек и, увидев такую Татьяну, увязался за ней в гости, нимало не подозревая, что его присутствие в милоновском доме ни у кого не могло вызвать особой радости. У него был нос от породы утиных, очень тонкая кожа с близкими сосудами — от выпивки его лицо становилось багровым. Но не это все делало его неприятным. Он еще имел весьма противную манеру — глядя на собеседника, непрерывно потирал ручки, как бы предвкушая его последующее съедение. Сегодня он был очень возбужден, не сводил с Татьяны глаз и перебивал всех, когда ему в голову приходил очередной комплимент. Николай мрачнел. И Штифт, предвидя неприятные осложнения, попытался разрядить обстановку. Встав в позу и протянув руки к Татьяне, он продекламировал из Верхарна: «О женщина, вся в черном, столько дней кого ты ждешь средь шума площадей?» — и после театральной паузы, повернувшись к поэту, свистящим шепотом закончил: «Я жду того, чей нож отведал крови!» Все засмеялись. Но народный поэт намеков не понимал. Он продолжил осаду. «Татьяночка! — сказал он, многозначительно улыбаясь.— Что бы там ни сказал хозяин, а у вас пока что есть только заслуженный! Не пора ли обратить вниманье на подлинно народное дарованье?» — и довольный своей шуткой, он засмеялся, не заметив, какой сталью блеснул взгляд хозяйки, и как набычился Николай. Не успели еще проявиться последствия этого барственного хамства, как Штифт, незаменимый в подобных ситуациях, подхватил гостя под ручку и, ведя его к выходу, спросил: «Не желаете ли вы, Анатолий Иванович, принять участие в некоем нашем обряде?» Все замерли, подавляя немедленно подступивший восторг. Невинная жертва осведомилась, в чем заключается этот обряд. «Обряд этот... ммм... протянул важно Штифт,— называется «Вынос трофеев». Как все пишущие, поэт был неравнодушен ко всяким неизвестным ему ритуалам и обрядам, поэтому позволил увлечь себя на веранду, за коричневую шторку. В ту же секунду он выскочил оттуда. Лицо его впервые от рожденья было белым, губы тряслись, и козлиным тенором он выкрикивал одно и то же: «Это что вы себе позволяете, а? Нет, что вы себе позволяете!» Штифт развел в недоумении руки и, глядя на разъяренного драматурга младенчески-невинным взглядом, спросил: «Что уж я себе позволяю такого необычного, Анатолий Иванович? Мы просто всегда облегчаем труд нашей хозяйке! Неужели вы можете себе представить, что такая прелестная женщина... сама станет выносить наши... э... произведения?» Штифт смотрел на него в таком недоумении и лица всех выражали такое полное понимание вопроса, что оскорбленный вдруг смутился и подумал, что, может, его и не желали оскорбить. Он как-то утих, задумался и вскоре нечаянно ушел.

К сожалению, сей довольно жестокий урок не до конца излечил влюбленного поэта. Был еще один, случайный, визит, ставший потом легендой театра и чуть не стоивший незадачливому поклоннику Татьяны жизни, а ее ревнивому мужу — очередного звания.

Как-то, через пару месяцев после описанных событий, Милоновы возвращались домой. Спектакль был удачен, в кармане не было ни гроша: не наскребли даже на бутылку пива. И Николай, терзаемый непогашенным азартом спектакля, вопил на всю улицу: «Вина! Вина! Эх! Водочки бы стопочку! Полцарства за стакан!» Вдруг с противоположного тротуара крикнули: «А у нас — бутылка! Полная, нераспечатанная!» Николай остановился. По той стороне улицы шествовал народный поэт в сопровождении актерика, комсорга театра, который в последнее время вился вокруг него в надежде получить очередную роль в его новой пьесе. Николай поморщился, но жажда превозмогла неприязнь. Он проявил роковую беспринципность, и через минуту компания, уже сдвоенная, направилась к уютному домику на берегу. Поэтдраматург радостно потирал ручки, поглядывая на Татьяну. «Только вы знаете, сказала она, посмеиваясь, у меня очень странная закуска». «Ничего, ничего, любая сойдет», дружно заверила команда. «И хлеба всего три кусочка». «Так поедим! Не маленькие!»

Действительно, на длинном столе, занимавшем почти половину комнаты, сиротливо стояла селедка «в шубе». Рядом высился недавно испеченный торт, задача которого была — как следует пропитаться кремом к завтрашнему дню. Завтра было 7 ноября, все остальное должны были принести гости после демонстрации. «Ну что ж,— сказал народный поэт все еще не народному артисту,— это даже оригинально — селедка с тортом!» Но закусить оригинально так и не пришлось. Когда была разлита водка в старинные стаканчики-неваляшки (которые, если падали, никогда не переворачивались и не разливались), разложена «шуба» по тарелкам, поэт решил сказать тост. Скажем заранее во оправдание бедолаги: он, к сожалению, никогда не понимал подлинной «глубины» своих шуток. Говоря чудовищные глупости, он думал, что всего лишь шутит, шутит невинно. Все знали это его свойство, но не всегда хватало благоразумия — потерпеть. Поэтому шутника нечасто приглашали в гости. Но он и не унывал. Он сам ходил по гостям, искренне считая, что оказывает им немалую честь.

Итак, он решил сказать тост. Глядя на хозяйку, подняв свою неваляшку, он медоточиво произнес: «Поднимаю сей оригинальный сосуд в надежде, что когда-нибудь мы с тобой, Татьяночка, выпьем в более подходящей обстановке... на брудершафт!» И выпив залпом, он оглядел всех, потер ручки и засмеялся.

О, эти шутящие поэты, обласканные любимцы непривередливой музы! В самозабвении своем, что они порой себе позволяют!

Не успела Татьяна тихо ахнуть, как раздался львиный рев. И в ту же минуту длинный, громоздкий стол со всем, что на нем стояло, встал на дыбы и опрокинулся бы на поэта, если бы тот не отскочил в сторону с невероятной прытью. Николай с ревом бросился на него, как ни старалась перехватить его Татьяна. Комсорг испуганно зажался в угол, поэт молнией увертывался от разъяренного хозяина, но все же был настигнут им в углу, за зеркальным шкафом. В этот миг Татьяне удалось схватить разъяренного мужа. Она сумела пропустить ему руки под мышки и сцепить пальцы рук на его холке. Это был замок Нельсона, которым она давно овладела в театральном кружке самообороны (самбо). Это на секунду ослабило Николая, но тут же он бросился в новую атаку на врага, волоча на себе повисшую на побелевших пальцах жену. Он даже не ощущал груза на спине и только ревел: «Уубьюуу!» и швырял в обидчика все. что попадалось под руку. Давно уже сокрушился шифоньер, с мелодичным звоном осыпавший кусочки своих зеркал. Давно уже за разбитыми окнами собралась толпа наблюдателей, которая молниеносно поделилась на две команды болельщиков. И дядя Толя-огурец, виртуозно передвигаясь на инвалидной коляске, азартно орал, надувая свою тощую, пятнистую шею: «Так ему, Иваныч! Врежь как

следует! Да вдарь ты ему под дых!» А тетя Хасмик пронзительно причитала: «Вах, вах! Бэдний! Он же убиет его!» Но Николай ничего не слышал, и только поразительная ловкость поэта спасала его от окончательного возмездия. Наконец, Николай поскользнулся на торте, и Татьяна успела отпереть дверь. Поэт с комсоргом выскочили на улицу как были, без плащей. Но Ураган с новыми силами несся на них. Догнав поэта, Николай свалил его в грязь и, мгновенно оседлав, принялся его душить. Тут, уже не на шутку напуганная Татьяна, бросилась к соседям, зовя их на помощь. Но при таком обороте дела толпа любопытных мгновенно рассеялась. Один лишь дядя Толя-огурец вертелся вокруг катающихся в грязи противников и подбадривал то одного, то другого. Поэт явно ослабел и начал хрипеть. На счастье показался патруль, матросы. Татьяна бросилась к ним, крича: «Помогите! Он убьет eго!» Матросы, подтянув плечи и ремни на бушлатах, подбежали и решительно отдернули Николая от его хрипящей жертвы. Но, увидев под разодранной рубахой тельняшку, которую Николай носил, не снимая, сразу успокоились. Миролюбиво протянув: «А, братишка!» — и тут же, потеряв к этому делу интерес, отправились дальше. Потом Татьяна со смехом рассказывая об этом, говорила: «А, братишка, свой! Значит, давай, души штафирку!» Но тогда ей было не до смеха.

Эта заминка ослабила мертвую хватку Николая, и поэту удалось выбраться изпод своего душителя. Да и «убийца» вдруг потерял свой пыл, мгновенно охладев к жертве, и позволил увести себя домой.

Когда они вошли в комнату, Татьяна не знала: плакать ей или смеяться. Картина была устрашающая: стол лежал, обнажив свой некрасивый облупленный живот, стулья валялись вперемежку с битым стеклом и посудой. А среди этого погрома медленно двигался неуклюжий желтый пес Шкотик, тщательно вылизывавший пол от остатков торта и селедки.

Николай надулся, машинально крутя перед глазами разбитые костяшки пальцев, и вдруг неприязненно глянул на Татьяну. Сердце у нее дрогнуло, она поняла, что сейчас начнется вторая серия действа, и героиней ее будет она сама. И в этот миг она потеряла сознание. Вполне правдоподобно, рассудив, что лучше уж постирать платье, чем остаток ночи выслушивать самые ужасные упреки и обвинения в поводах, которые она, оказывается, многократно подавала этому «поэтишке». Увидев ее распростертой среди размазанной закуски и битой посуды, Николай растерялся и, схватив ее на руки, побежал в спальню, приговаривая: «Что ты, что ты, кисуня?! Что с тобой?!» Он уложил ее на постель и стал дуть ей в лицо. Продержав провинившегося достаточное время в страхе, Татьяна позволила себе «прийти в сознание»...

Утром кто-то зацарапался в дверь. Татьяна накинула халат и вышла в зал. Посреди устрашающего развала стояли два юных студийца, парень с девушкой и в немом ужасе оглядывались по сторонам. Они впервые вошли в дом любимого артиста и руководителя студии. Чуть улыбнувшись, Татьяна спокойно сказала: «Не обращайте внимания. У нас тут вчера произошел несчастный случай». «А Николай Иванович?!» — ужаснулись было студийцы, но по спокойному виду хозяйки сообразили, что к волнению нет повода, и уже робко спросили, пойдет ли Николай Иванович на демонстрацию. «Нас послали к вам...» «Нет, нет,— перебила их Татьяна,— он болен», но, увидев испуг в глазах ребят, поспешила успокоить их и завела в спальню. «Коля, к тебе пришли». Николай нехотя разлепил глаза. «А, Олег, Валечка! — пробормотал он,— я вот тут немножко...» Они закивали головами. «У него небольшая температура,— сказала Татьяна и многозначительным тоном добавила: «Вы, конечно, объясните там, что Николай Иванович болен?» «Конечно, конечно!» — в один голос закричали ребята. Можно было не сомневаться — студийцы обожали Николая Ивановича и преданы были ему бесконечно. Так что никаких ненужных деталей их отчет не содержал.

Кстати, после этого инцидента Николай довольно быстро получил новое звание.

Прискорбная история никак не повлияла, хотя весь город знал правду о происшедшем. Знали ее и в обкоме. Но ввиду того, что поэт упорно твердил, что он той ночью свалился в незакрытый канализационный люк и упрямо не хотел признать себя битым, дать делу официальный ход не было никакой возможности. А в театре просто царил праздник, и Николай ходил в героях.

2. Пишущая братия

Золотое время, когда мы так задыхались, томились, скучали по истине и свободе! Что мы тогда могли знать о свободе? А уж тем более — об истине! Одно можно теперь сказать: это было время, когда ум, втиснутый в жесткие рамки всевозможных запретов, искал и находил возможности тончайших художественных реализаций. Это было время, когда ум был широко востребован, и личность ценилась, невзирая на общие попытки стушевать всех в однородную советскую «нацию». Это было время разнообразных, часто противоречивых, но обладающих магнитной силой обаяния, личностей. А мы-то думали, что мы несчастны...

Компания, которая собиралась у Татьяны и Николая, была своеобразна, как, впрочем, и многие компании тех лет. В ветхом домишке на берегу всегда было шумно и многолюдно: надо было отметить какое-нибудь событие, шли к ним. Надо было утешиться, отойти от очередной неприятности, развеяться — конечно, к Милоновым! Народу всегда было много, но соль компании, ее, так сказать, сердцевину, составляли всего несколько человек. Их дружба держалась на трех китах: любви к поэзии, к искусству, интересе к людям и неприятии какой бы то ни было позы.

Как говорилось уже, все они были люди словесные, почти все хоть что-нибудь сочиняли. Но главным и непререкаемым авторитетом был Штифт. Кличке свое он был обязан своей угловатой, сухощавой фигуре, какой-то удивительной стройности и прямоте осанки. Но и его острая, порой злая, но всегда изящная манера осаживать зарывающихся нахалов, как-то тоже сообразовывалась с этим именем — Штифт.

Он был поэтом. Настоящим. Что вполне подтверждалось тем, что его нигде не печатали. Хотя возможности такие иногда предоставлялись и ему. Однажды в юности он наивно зашел в известный молодежный журнал в Москве, попал сразу к главному редактору и прочел ему свои стихи. Редактор, известный поэт, высокий, сухощавый, темноволосый, разговаривал с ним откровенно. «Стихи у вас приличные. Мы могли бы дать небольшую подборку. Но... нужен паровоз». «Паровоз? — не понял Штифт.— Какой еще паровоз?» Редактор усмехнулся. «Ну, вы могли бы написать что-нибудь на комсомольскую тематику... О БАМе, например, и, увидев на лице Штифта растерянность и недоумение, пояснил: — Мы ведь издательство при ЦК ВЛКСМ, у нас это ведущая тематика». Штифт молчал. Лицо его ничего не выражало. Главный тоже молчал, глядя на него понимающим взглядом. Потом, слегка вздохнув, прибавил: «Ну как, сможете? Это и будет паровозик... А к нему мы прицепим вагончики — ваши стихи». Пауза затянулась. Еще раз вздохнув, редактор мягко сказал: «Подумайте... у вас есть будущее. Я это вижу отчетливо». Штифт вежливо раскланялся, обещав обязательно подумать. Он вышел полный горечи и возмущения. Через много лет, уже повзрослевший, он понял, какое доверие оказал ему тогда этот главный, так разговаривая с ним, человеком пришедшим с улицы, о котором он ничего не знал... Но тогда! Штифт, разумеется, не стал «строить» никаких паровозиков и постепенно смирился с тем, что лавры Парнаса ему не доступны.

С работой у него тоже как-то не сложилось. Он был социологом, представителем молодой, модной и совершенно бесперспективной для того времени профессии. Когда работы над несколькими актуальными, вопиющими темами были закрыты одним указанием сверху, а его кандидатская так и не дожила до защиты, так как статистиче-

ский материал, составлявший основу исследования, никак не вписывался в доктрину строительства коммунизма, он и еще несколько ребят, толковых и достаточно трезвых, «покинули юную науку по-английски,— как выразился впоследствии Штифт,— но она, наука, их ухода не заметила». Но заметила жена, Ленка, и не захотела разделять его «высокие мотивы» и неизбежную нищету и тоже удалилась. Штифт, как истинный джентльмен, оставил ей и дочери квартиру со всем нажитым за одиннадцать лет скарбом и теперь, как свободный художник, кочевал из одного домоуправления в другое, работая то дворником, то кочегаром. В те незабвенные времена этой категории работников предоставлялась жилая площадь. Служебная, разумеется. Так что образовательный ценз дворников и кочегаров в то время был весьма высок...

Благосклонные волны судьбы прибили однажды его утлую лодчонку к театральному причалу: он стал истопником театральным и там, в театре познакомился и сошелся с Милоновыми, очень скоро став завсегдатаем их дома.

Еще стоит отметить в плане поэтическом Алкаша, Аркашку Кудрявцева. Алкаш был тоже любителем поэзии и даже тайно пописывал, но вкусы его были исключительно однообразны — он признавал только Сашу Черного и раннего Заболоцкого. И когда Николай давал себя уговорить и читал из «Столбцов», например «Цирк», Алкаш выходил из заявленного и утвержденного им образа. Его потная физиономия теряла свою скучную, скаредную мину, глаза превращались в щелочки, а по щекам плавало блаженство. Он и сам мог что-нибудь накарябать в этом стиле, но его вирши были слишком грубыми, а порой и циничными. Возможно, они бы и пригодились лет этак через пятнадцать, на Арбате. А тогда только Штифт относился к ним с некоторым «гастрономическим» интересом. Но один стишок Алкаша все же произвел настоящую сенсацию. Его последняя строка вошла в золотой фонд поговорок милоновского дома. Мы считаем необходимым привести все стихотворение, иначе читатель не поймет удивительной прозорливости Алкаша, да и смысл самой строки требует полного раскрытия.

Итак, стихотворение Аркадия Григорьевича Кудрявцева (почетная кличка — Алкаш):

Быот по морде человека. Что же, это мода века. Быот по харе. Быот по роже. И по фейсу лупят тоже. Быот по рылу. Без конца: Нет лица для подлеца!

Да-а-а! Крепко сказано. Но зато актуально. Особенно в наше славное времечко.

Сама хозяйка как будто не имела отношения к сочинительству. Она была замечательным слушателем и тонким, точным, но очень деликатным критиком. Ей первой читал Николай свои новые поэтические программы. А был он чтецом выдающимся. Несколько его записей входили в так называемый «Золотой фонд» радио. И когда он оттачивал свои программы, доводя их до совершенства, критиком и режиссером была жена, Татьяна. А уж потом все выносилось на худсовет.

Татьяна и сама могла бы писать: у нее было очень емкое, образное слово. Но, вопервых, она была ленива, скорее созерцательна, чем деятельна. А во-вторых, совершенно лишена честолюбия. Как-то она написала маленький мемуар о первых мирных днях в одном из гарнизонов Белорусского фронта, куда она приехала за своей дочкой. Маринка последние месяцы войны кочевала с бабушкой и дедом-полковником в армейском обозе и была подлинным утешением для пожилых, усталых солдат. Их тоже где-то ждали дети и жены, и этот ребенок, кудрявая и важная девочка, скрашивал их тоску по мирной, семейной жизни. Татьянино эссе всех привело в восторг, и перед очередной военной датой кто-то из друзей отнес его в газету. Материал был принят с энтузиазмом — живое, нештампованное слово о войне. Требовалось очень мало — выкинуть пару слов из заключительного эпизода: «такой кудрявенький, пузатенький христенок на руках матери... серьезно и строго вглядывался в грядущую новую жизнь». Вот этого «христенка» — замечательный, сразу воспринимаемый образ — и надо было заменить. Татьяна и не шелохнулась, и очаровательное эссе так и осталось лежать в шкатулке среди метрик, писем и всевозможных квитанций. Через пару лет она написала сразу двадцать пять маленьких стихотворений. Это был, скажем, спровоцированный выброс поэзии: просто, оставшись без работы в театре, она устроилась диспетчером в одном важном, закрытом учреждении. Она должна была выпускать и впускать машины, отмечая время их отбытия-прибытия в журнале. При этом запрещались всякие занятия: ни читать, ни вязать, ни разгадывать кроссворды нельзя было категорически. И тогда в этом вакууме, в этом «отсутствии присутствия» забил фонтан поэтического вдохновения, выплеснувший целый цикл стихов, ни на что не похожих. Без всякой рифмы, похожие на афоризмы, горькие и нежные как осенние цветы. Когда она прочла их Николаю, он возмутился, обозвав это все чернухой, и сразу загасил тоненькую свечку поэтического порыва. Через несколько лет, найдя стихи в шкатулке, Татьяна неожиданно для себя дала их прочесть Штифту. Тот, прочтя их, пришел в страшное волнение. Он ходил по комнате взад и вперед, вычитывая отдельные строчки, вынимая то один листок, то другой и непрерывно повторял: «Нет! Мне так не написать... нет, куда там!.. Это же что-то уникальное», а потом остановился и резко спросил: «Слушай! Почему ты не пишешь? Я не понимаю!» «А зачем?» — спросила Татьяна. «Как зачем? И что это вообще за вопрос? Разве стихи пишут зачем-то? Их пишут, потому что их невозможно не писать. Задушат! Им требуется быть написанными».

«Нет,— сказала Татьяна,— не требуется. И потом мне Коля запретил. Он очень обиделся, когда я прочла их, кричал, что я черной краской замазываю нашу жизнь, что он и не знал, что у меня могут быть такие мысли... Назвал их «пауками». Татьяна усмехнулась. Штифт, невозмутимый Штифт взорвался. «Ну да! — закричал он. — Все хорошо, прекрасная маркиза! Твой Коля, видать, ничего не смыслит в поэзии! И как он еще умудряется читать стихи? Ему главное, чтобы все было, как в прописях, чтобы ничто не омрачало горизонты, тогда он сможет спокойно заниматься своими делами. А на то, что творится в мире, ему глубоко наплевать!» Штифт готов был и дальше продолжать свои филиппики в адрес Николая, но наткнувшись внезапно на сухой и отчужденный взгляд Татьяны, сразу остыл. «Ну, прости, прости, — заговорил он примирительно, — просто все это так неожиданно... и такой дар! Мне просто жаль. Я понимаю, что перешел все границы. Но ты не обижайся». «Ладно. Сочтем этот выпад за несколько неудачную реакцию на экзотику». «А ты подаришь мне их?» спросил Штифт и протянул руку. «Между прочим, это тебе и предназначалось,улыбаясь, ответила Татьяна, — но с одним условием: не надо никому показывать». «Идет, сказал Финдлей», — и Штифт отправил стихи во внутренний карман пиджака.

Но однажды Татьяна сама себя процитировала. Это было, когда выяснилось, что профессия Иванова — сантехник. Татьяна подошла к нему и певуче произнесла: «Трешка за поломанный бачок! Эх! Где б такую трешку раздобыть, чтоб поломанное сердце починить!» И она легонько взлохматила прекрасные, черные как смоль, итальянские кудри Иванова. И тут Иванов покраснел густым, багровым румянцем! Все засмеялись. Но настроение Мычальника вдруг резко изменилось. Он стал мрачен как никогда. Он ведь заметил молниеносный взгляд Штифта и истолковал его посвоему. А Штифт просто узнал короткий афористический стишок, и в этот момент это было их маленькой тайной с Татьяной. Иванов ничего этого не знал. Он всегда

ревновал Татьяну к Штифту, особенно он не мог выносить, когда Штифт начинал медленно читать: «Я услышал во сне аметистовый хруст... Мне приснился во сне аметистовый куст...» В этих стихах Заболоцкого слышалась некая тайна. И эта тайна казалась Иванову угрожающей. Он предполагал, что Штифт влюблен в Татьяну и считал его главным соперником. Он не ошибался. Штифт на самом деле был влюблен. Но совсем не так, как это представлялось Иванову. У Штифта и в мыслях не было ничего конкретного, плотского, — он любил Татьяну как воплощение изящества мысли, тонкости, как саму поэзию. Наконец, как Прекрасную Даму. Да и в самом Штифте, в его манерах, его тонкой сухощавой фигуре, на которой одинаково элегантно смотрелись и модный пиджак и старый выцветший свитер, в голосе Штифта, мягком, глубоком баритоне — словом, во всем чувствовалось что-то отличное, отборное. О чем весьма забавно сказала одна случайная в их компании дама, желавшая польстить заинтересовавшему ее Штифту и в то же время показать свою образованность: «Как это вам удалось, проворковала она, восхищенно глядя на него, -соединить в себе нечто блоковское и пастернаковское?» Никто не успел еще опомниться от высказанной благоглупости, как вдруг Алкаш оторвался от какого-то журнальчика, который весь вечер внимательно изучал, и недовольно пробурчал: «И вправду — нахал. Все себе и себе! Просто в его беспутной башке есть маленький блок, засеянный пастернаком». Все грохнули, а Штифт любезно поклонился слегка растерянной даме.

3. И другие...

До сих пор мы живописали картину милоновского дома со всем, его составляющим. Но было еще нечто в окружающей его среде, и это нечто воспринималось как что-то естественное, как некий фон жизни. И оценилось вполне лишь тогда, когда все разъехались и расселились по спичечным коробкам в городских густонаселенных домах. Это нечто — маленький, тесный и почти семейный мирок прибрежного поселка, где все друг друга знали, как облупленных, давно сжились и срослись друг с другом настолько, что всякий знал, что скажет любой из них в такой-то ситуации, как кто поступит в таком-то случае.. И, как всегда в подобном мирке, здесь были свои герои, свои шуты, свои свары и развлечения. И каждый человек занимал свое, ему одному присущее место. И теперь этот славный, привычный мирок разваливался, как карточный домик, под напором чужой и властной воли...

Милоновский домик стоял в небольшом тупичке. Когда-то берег был широким, с песчаным пляжем. Постепенно море, подкрадываясь все ближе и ближе, отъедало береговую полосу по кусочку, пока, наконец, милоновский дом не оказался в тревожащей близости к коварной и ласковой воде. Николай даже опасался, что их домик однажды смоет. Опасался, как выяснилось, зря.

Все остальные дома тянулись по проулкам к центральной «авеню» с ее вечной пылью, вечными козами и разномастными стадами крякающих, шипящих и гогочущих гусей и уток. На стыке проулков и уличек стояла хибара дяди Толи Огурца. А он сам, в инвалидной коляске, в кепочке блином восседал, как привратник, с рассвета до заката, обозревая всех проходящих и комментируя все, что вызывало у него интерес. А особый интерес вызывали у дяди Толи женщины, независимо от возраста и семейного статуса,— женщины, так сказать, как класс. Сам дядя Толя давно уже представлял собой нечто вроде иссохшего ящера с тощей жилистой шеей, перепелесым, обкусанным тупыми ножницами загривком и бурой пятнистой шкурой. Себя он не считал большим «красавцом», но зато хорошо представлял, как должна выглядеть нормальная женщина. И все его комментарии строились на почве этого точного знания и рыбацкого опыта. «Эй ты, стручок! — кричал он какой-нибудь девчушке.— Ты разве

девка? Тюлька ты черноспинка, вот ты кто. Пузцо-то нарастить надо бы маленько! А то кто тя такую приметит?» «Тюльки» давно перестали доказывать Огурцу, что именно это и есть самая новомодная фигура, просто проходили с независимым видом. А уж если какая-нибудь показывала язык, дядя Толя приходил в восторг, прищелкивал пальцами и долго веселился.

Высшим комплиментом у него был «бычок». «Ишь, гладенькая! — восхищался он какой-нибудь бабенкой.— Ну ровно бычок! Прям хоть щас на сковородку! И пузцо тебе, и спинка!! И все остальное приложено!» Как-то из города заехала к тетке Хасмик племянница с мужем. Увидав пышную армянку, дядя Толя заорал: «Батька родный! Встань из гроба, глянь! Вот баба так баба! С какого фасаду ни глянь, все густо! Титьки-то как бонбы!»

На этих злополучных «титьках» появился Карен, муж молодухи. Сразу поняв, к кому относится столь изысканный комплимент, он коршуном кинулся на дядю Толю, схватил его жилистую шею и стал сворачивать ее, явно собираясь задавить дядю Толю, как гуся. Немощной инвалид уже начал хрипеть, но, слава богу, близко оказались Джан-Коль и Федька-таксист. Они с трудом оторвали Карена от дяди Толиной шеи и уволокли в дом тетки Хасмик. А дядя Толя очень юрко отрулил к себе, за спасительную ограду, где долго кашлял, плакал и ругал «этого дурня», ничего на свете не понимающего: «И за что ему такая баба досталась!» С тех пор он стал осторожней в своих комплиментах.

Но неизменным оставалось его отношение к самой важной даме поселка, Зинаиде Петровне. Она была большим начальником, заведовала тем самым домоуправлением, к которому был приписан поселок. Она была очень образованной, любила красивые иностранные слова, говорила — «севрант» или «он очень кулюторный, юридированный человек». Но главное ее достоинство составляли развалистые, пышные бока, игриво колыхавшиеся при каждом шаге, и вся необъятная территория пониже спины. Под всем этим богатством виднелись тонкие и сухие козьи ножки. Дядя Толя по настроению комментировал стати начальницы. Когда из-за ноющей боли в скрюченных ногах он не высыпался, то небрежно цедил: «О! тарантас поплыл. Смотри, не развались по дороre!» Но когда он был в азарте, что происходило чаще всего, тогда с упоением вопил вслед Зинаиды Петровны: «Это ж надо такое создать! Ну, щедро, щедро! На пять баб бы хватило! Это ж прямо царь-ж...а!» И все в таком роде. Зинаида Петровна реагировал по-разному. Ее очень возмущал неведомый ей «тарантас», и она не раз грозила Огурцу прислать счет за лампу-двухсотку, вооруженную по его просьбе на столбе для лучшего освящения панорамы. Дядя Толя на время затихал, а потом опять принимался за свое. Удивительно, что на второй эпитет Зинаида почему-то не обижалась, несмотря на грубое словцо. Ее пленяло явное дяди Толино восхищение, да и льстило царское достоинство, приписываемое деликатной части ее тела.

С дядей Толей жил племянник, Витька Огурец (Огурцовы — это их фамилия), по кличке «понырок» Эту кличку он обрел не так давно, но она столь ему подходила, что закрепилась сразу и намертво. Так его окрестила тетя Лида, родственница Жори-ка-монтера, которую привезли к нему доживать из Рязанщины. Это была спокойная, крупная бабка, немногословная, но очень наблюдательная. Долго она присматривалась к чудной приморской жизни и однажды заметила: «У нас, когда я девкой была, бражку варили. Мужики ее прямо ковшами хлебали, только следи. Вот у вас тут вся жись такая, как бражка эта,— и не шибко пьяная, а все ж завсегда веселая». Потом так и говорили: «жись, как бражка». Потом заметили, что не любит баба Лида, когда ее бабкой называют: сразу строжает взгляд и губы поджимаются. Не менее наблюдательная Ганька, рыбацкая жена, даже спросила: «Баба Лида, а тебе, я вижу, не нравится, когда тебя бабушкой называют». Баба Лида опустила взор и строго заметила: «Я — девица. Замужем никогда не была. У нас в селе один только жених с войны

вернулся. На меня не хватило. Потому я никого не рожала, внуков не имею. Так что и бабушкой зваться я не достойная. Меня обычно тетей Лидой кличут». Так с тех пор ее и звали в поселке — тетя Лида.

К ней, в первую неделю ее обитания в Приморском переулке, влетел однажды Витька Огурец, пятнадцатилетний пацан с быстрым цепким взглядом почти белых на загорелой физиономии глаз. Мельком глянув на тетю Лиду, он стал бегать по комнате, все трогая и непрерывно задавая вопросы, на которые и не ждал ответа: «А это вы привезли? А это для чего? А там у вас что?» Тетя Лида с молчаливым негодованием наблюдала его кружение по комнате. Потом вдруг стальным, грозным голосом крикнула ему: «Это что еще за диво?! Ишь, разбегался! Ты кто таков? А ну, кыш! Кыш, говорю!» и схватила в руки веник. Витька тут же исчез. Потом тетя Лида долго выговаривала свое возмущение Жорику: «Это ж не парень! Это ж понырок какой-то! Так и шасть: туды! сюды! И все цапает. Не-ет, говорю тебе, такой плохо кончит. По кривой дорожке пойдет. Еще и в тюрьму угодит. Попомни мое слово!» Тетя Лида не ошиблась. Года через три-четыре, Понырок, освоившись с городской шпаной, на самом деле загремел в тюрягу.

Многих можно вспомнить из этого, ушедшего в небытие поселка. Галюню, незабвенную Галюню, жену Федьки-таксиста, рано состарившуюся, кроткую, без памяти любившую своего развеселого гулену-мужа. Федька каждый месяц уезжал в командировки. Какие командировки у таксиста? Весь поселок знал, что его «командировка» живет в тридцати километрах от города, и преподает там в младших классах. Одна Галюня не знала. И знать не желала. Когда Федька, окончательно обнаглел и привез свою «командировку» в свой дом, сказав Галюне: «Я женился! Так что изволь уважать!», Галюня, поплакав, смирилась и говорила даже: «Ну что уж! Вон какая она кралечка! А я... уж выстарелась, куда уж Федичке со мной!» Все дивились, поражались. Потом привыкли. А Галюня готовила, стирала на «молодых» и продолжала молиться на своего Федичку...

Можно вспомнить Манечку и Данечку, сестер-близняшек, безумная любовь которых друг к другу и ревность к некоему Стасику из далекого прошлого выливались в столь же безумные скандалы, в которых принимала участие масса зрителей. Кончалось все всегда по одному сценарию: Манечка шла вешаться на старую грушу, а Данечка, рыдая, бежала топиться в море. Тут зрители приходили в себя и начинали спасать и мирить несчастных сестер. А потом те сладко и вдоволь ревели на плече друг у друга.

Многих можно было бы еще вспомнить. Но нет уже их там, как и нет их теплых обжитых домишек и всей этой доброй, порой бесшабашной, проникнутой сочным южным юмором, жизни. Теперь на их месте бетонированная набережная, над которой высятся одинаковые корпуса с балконами-верандами, с бассейнами и загороженными пляжами. Словом, все, как и положено в курортной зоне...

4. Прощальный ужин

Шли месяцы после рокового сообщения Алкаша, но ничего не происходило. Мысль о том, что придется разъезжаться, оставлять насиженное место, друзей, отвыкать от шума моря у порога, постепенно стала терять свою остроту. И все чаще стала появляться другая, которой хотелось верить: Алкаш что-то напутал. И на старуху бывает проруха. Но время подтвердило, что Алкаш слов на ветер не бросает и уж если говорит, то всегда точно. Как-то вдруг стали появляться незнакомые фигуры, зачастили всякие солидные люди. Потом появились геодезисты и еще какие-то спецы со своими инструментами. Стало ясно: дело делается и от переезда никуда не денешься.

Первыми получили ордер Милоновы. Николай Иванович, известный актер, лю-

бимец города, получил квартиру в старом фонде, на Каштановой улице, недалеко от театра. Дом с кариатидами, большая двухкомнатная квартира с высокими потолками, большими окнами, с лепкой на потолке произвела на братию впечатление дворца. Сами Николая и Татьяна такого восторга не испытывали. Они повидали множество квартир, работая в разных театрах, и им было жаль родового гнезда, своего уютного домика на берегу вечно вздыхающего моря. Но улица, бульвар, заросший огромными каштанами, которые как гигантские паникадила украшались весной бело-розовыми свечами цветов и заливали окрестности нежнейшим, терпким ароматом — все это пленило Татьяну, и она примирилась с необходимостью переезда.

Начались хлопоты, неизбежные при таком грандиозном деле. Все потихоньку перевозилось, дом обнажался. Но вот все уже собрано, осталось только погрузить последние вещи и переезжать.

Наступил вечер, которого боялись, к которому готовились. Было ясно всем, что их такое теплое, такое родное, близкое содружество уходит: рвутся кровеносные сосуды, жилочки понятных недомолвок, полунамеков, взглядов, ловимых налету. Как из проколотого шарика, уходил теплый воздух, аромат почти ежедневных встреч. У каждого появятся новые соседи, знакомые и невозможно уже будет собираться по вечерам, съезжаясь с разных концов города...

С таким настроением все и собрались на последний ужин в дом Милоновых. Каждый, заходя, видел пустую комнату с огромным ободранным столом, срам внезапно обнажившихся пятнистых обоев и, так называемую, тахту — продавленный матрац, стоящий на кирпичах. Татьяна постаралась сделать все, чтобы утешить друзей. Из кухни неслись умопомрачительные запахи: пахло котлетами, ванилью и еще чем-то многообещающим. Вошла тетка Хасмик, неся что-то на огромном подносе. Она откинула полотенце, и все увидели долму. «Мой Хачик так любил долма-а-а»,— пропела-простонала тетка Хасмик. Все принялись ее целовать, усаживать, но она категорически отказалась: «Нэт-нэт, ни за что! Побудти вмэсте... Я знаю, что это — разлука!» — и глаза ее увлажнились.

Ее приход усугубил то тягостное чувство, которое все пытались побороть. Хозяйка уже собиралась что-то сказать, как вдруг дверь распахнулась и на пороге показался запыхавшийся и слегка встрепанный Иванов, Вид его был необычен. В руках он держал какой-то куль из газеты. Окинув компанию взглядом, он буркнул «я сейчас» и скрылся на веранде. Послышалось какое-то звяканье, звон стеклянной посуды и затем вновь появился Иванов. Он шел торжественно, неся в вытянутой руке бутылку из-под кефира, из нее свисали три пышные, перезрелые розы аляповатого сиреневого цвета, распространявшие густой аромат дешевой парикмахерской. Иванов прошел к столу и поставил розы перед Татьяной. «Спасибо, Левочка! Какие красавицы!» — нежно пропела она, незаметно послав Штифту угрожающий взгляд. Тот смиренно потушил глаза, полные смеха. «У нас в Кенигсберге — это потом он стал называться Калининградом, росли в саду такие розы, — сказала Татьяна, — они от немцев остались. Мама их называла центифольными, т.е. столепестковыми. Они очень хороши, когда расцветают». Иванов сидел растроганный. Та, которой он предназначал дар, оценила его. Татьяна покопалась в одной из сумок и достала изящную вазочку дымчатого стекла, со спиральными нежно-сиреневыми полосами. Она переставила розы из бутылки, и они на глазах у всех как бы приободрились и смотрелись уже вполне прилично.

...«Пора накрывать, мальчики! — скомандовала, наконец, Татьяна,— все готово! Впрягайтесь, помогайте нести на стол».

Мальчики впряглись, и скоро стол был заставлен. Появилось вино. И закипел пир.

- Минуту внимания! сказал Штифт, вставая, и постучал вилкой по бутылке. Все уставились на него в немом ожидании.
 - Вот так, хорошо! и достал из кармана листок бумаги, тут вчера, вернее,

сегодня ночью, влетел в форточку Пегасик. Нахулиганничал и улетел. А я, бедняга, ночь не спал. Вот, накропал кое-что по случаю. Прошу снисходительно выслушать.

— Давай, давай! — крикнул Николай. И Штифт стал читать:

Я пью вино. Но не боюсь вина. Меня пьянит вино иное: Какая-то неясная вина, Она лишит меня покоя.

Не Каин я. Но рая я лишен. Не Авель я, но в жертву приносимый. Меня сверлит вопрос невыносимый: В чем сила наступающих времен?

Печаль пьянит. Но есть ли в ней вино? Смешалось все. И, чашу пригубляя, Понять не в силах. Чувствую: оно — Скользящий блик утраченного рая.

- Ну, это ты, брат, загнул,— протянул недовольно Леонтий,— что-то уж слишком заумно!
- Да, конечно, на слух это сложно воспринимается, это лучше читать глазами,— согласился Штифт.
 - Не слушай его, Штифт, пробурчал Алкаш, давай дальше!
 - Идет, сказал Финдлей! ответил Штифт и продолжил:

Мои друзья беспечно веселы, И юмор их — невинного посола. Кипит шампанское острот веселых, И сдвинуты стаканы и столы.

И сдвинуты основы бытия... Вот проступают контуры программы. Но, не взирая ни на что, упрямо Летит, ныряя, дружества ладья.

Куда летит? Не видно маяка...

Штифт умолк. Все молчали, не сразу поняв, что чтение закончено и вопрос в его конце, это вопрос, обращенный к жизни каждого из них. Молчание начало сгущаться.

Татьяна подошла к Штифту, легонько провела рукой по его губам и сказала: «Ты бы, голубчик, лучше приготовил нам суфле!» Штифт онемел. Несколько секунд он ошарашено смотрел на Татьяну. Потом глаза его изумленно распахнулись, и он гулко расхохотался. Смех его потонул в общем хохоте. «Ну, Таня, Таня! — простонал он сквозь смех.— Ну можно ли тебя не любить!» А Алкаш надулся и обиженно уткнулся в тарелку.

Фраза Татьяны, развеявшая напряжение, имела за собой замечательную историю. И касалась она именно Алкаша.

Алкаш был не просто закоренелым холостяком. Казалось, он вообще не замечает существования второй половины человечества. Работа у него была напряженная, бегучая — он был настоящий профи. Фотокорреспондент. Дома у него была пожилая, больная мать и Викушка, сестренка, тринадцатилетняя инвалидка с ДЦП, невзирая на который, она была веселым, жизнерадостным существом. Алкаш был для них всем: и

поваром, и нянькой, и медбратом. Он был предельно занят, и ему было просто некогда оглядываться по сторонам. Так и принято было компанией: Алкаш любит маму, Викушку и Татьянин квас.

Но однажды он всех поразил. Смущенно надувая щеки, закашивая виновато глазом, он ввел в дом Милоновых весьма очаровательную девицу с яркими глазками, глянцевой шапочкой стриженных стрижкой «каре» волос и ослепительной улыбкой, открывающей все ее белоснежные, крепенькие зубки. «Это Катя»,— буркнул он себе под нос и тот час же уткнулся в газетку. А Катя тут же начала со всеми общаться. Она стрекотала непрерывно, восхищаясь всем подряд. Она была юна, прелестна и как-то вполне здорово невежественна. Когда очередь дошла до Штифта, он, дружески улыбнулся и пророкотал: «Завинти фонтан, детка, а то я уже захлебываюсь. Ты лучше сублимируй». Это было любимое словцо компании, начитавшейся Фрейда. В строгом смысле оно обозначало всего лишь перевод сексуальной энергии в творческую. Но компания наполнила его всевозможными тонкими смыслами. Катя, услышав незнакомое слово, растерянно захлопала лохматыми ресницами, копаясь в своем небольшом словарном запасе, и вдруг вспомнила что-то кулинарное. Лицо ее прояснилось и она произнесла свою сакраментальную фразу: «Вы имеете в виду... то есть, вы хотите, чтобы я приготовила суфле?» Штифт, как истинный кавалер, задавив в себе рвущийся приступ смеха, закивал головой и промычал, что именно этого он ждет от такой прелестной девушки. Катя, почувствовав какой-то подвох, оглянулась по сторонам, но все уже имели нормальные лица. Только ее кавалер сидел красный, как рак. Тут Татьяна подхватила ее под руку и увела ее на кухню. Больше она в этом доме не появлялась. И компания решила, что Алкаш образумился.

Но разведка доносила, что это не так. То ли юная Катя была довольно цепкой девушкой, то ли Алкаш оказался беззащитным перед ее свежим, парным, здоровым обаянием, только несколько раз разные люди видели их вместе. А однажды Николай нос к носу столкнулся с ними на базаре. Но Алкаш его «не узнал» и быстро дернув свою подругу за рукав, скрылся в толпе. Однако, распахнулись лохматые ресницы, сверкнула белозубая улыбка: ошибиться было невозможно. «Крепко, видно, скрутила Аркашку эта молодая девка!» — сказал вечером Николай Татьяне. Татьяна помолчала, подумала, а потом сказала: «А что ж, может Аркаше именно такую и нужно? А то, что смогут эти нынешние, сложные да тонкие, в его доме, с Викушкой и еле живой мамой?»

Пир был на славу. Котлеты, фаршированные помидоры и перцы, долма исчезали с завидной скоростью.

«Да-а-а, господа,— важно протянул Штифт,— а медицина, кажется, права». Все посмотрели на него с недоумением. Один Леонтий, наваливший себе на тарелку груду перцев, не обращал внимания на столь многозначительное заявление. Его принцип не отвлекаться от хорошей еды ради очередного зубоскальства, оставался нерушим. «Так вот,— продолжил Штифт,— медики утверждают, что самые толстые люди — это люди, страдающие хронической гипертонией или подверженные частым приступам уныния» Он обвел присутствующих профессорским взглядом и замолчал. «Поясни»,— буркнул Алкаш сквозь котлету. «Поясняю,— методично продолжил Штифт.— Никакие медикаментозные средства не могут так быстро изменить настроение страждущих, как вкусная и красивая еда. Потому несчастные без конца жуют, находя опору при своих переживаниях в еде. Я кончил, господа»,— сказал Штифт и отправил в рот кусок селедки. «Так вот почему ты такой тощий,— проворчал Леонтий,— ты, видать, парень из железобетона, никогда не переживаешь. Вот и не жрешь ни хрена!» Штифт улыбнулся и сказал: «Сэр! Вы как всегда — в точку».

Один человек не принимал участия ни в еде, ни в разговорах. Это был Джан-Боль Мандо. Он сидел одиноко в торце стола, высясь над ним как гора. Еда на тарелке ос-

тавалась нетронутой. Он молча слушал всех, переводя свои детские глаза с одного лица на другого. Вдруг он услышал свое имя и, как бы вынырнув из немоты, спросил: «Что?» «Да вот, я говорю, — обратился к нему Николай, — что ты, Джан-Коль, являешь собой парадокс». «Это как?» — не понял Джан-Коль. «Очень просто, — продолжил с улыбкой Николай, по теории уважаемого Штифта, мы все тут — страдальцы. Потому и налегаем на еду. А ты один среди всех бесчувственный, потому и не ешь! Хотя и толстый!» Коль-Мандо смотрел на говорящего вначале как бы ничего не понимая, но постепенно смысл шутки дошел до него. Татьяна толкнула Николая локтем в бок, но было уже поздно? Бровки на лице у Коля поползли вверх, рот приоткрылся, и все лицо вдруг приняло такую страдальческую, детскую мину, что всем стало не до смеха. «Я? Я не переживаю? Да? Да я!..» — и, не договорив, он полез изза стола, сокрушив свое необъятное кресло и свалив тарелку с едой. Татьяна бросилась к нему: «Коля! Колечка! Милый ты мой! Да ведь это шутки все! Ты же знаешь этих дурачков — они умрут, если не пошутят! Не обращай внимания на них, ведь все тебя так любят! И ты любишь нас всех! Знаю!» Она еще что-то говорила, уводя расстроенного Джан-Боля на веранду. В дверях она обернулась, укоризненно покачав головой, и покрутила пальцем у виска. Николай сидел сконфуженный и пытался еще что-то сказать в свое оправдание. Но внезапно подскочивший к нему Алкаш не дал ему даже докончить фразу. Обычно молчаливый (он больше любил не говорить, а слушать), сейчас он будто с цепи сорвался. «Вы! — кричал он в лицо Николаю, но явно имел в виду не одного его. Вы тут все слишком гениальные! Слишком! Каждый занят своей персоной! Преимущественно!» «Аркаша, Аркаша, ты что? Что с тобой?» — закричали сразу несколько голосов, но он не унимался. «Заговорила Валаамова ослица», — пробурчал себе под нос Леонтий. «И ты туда же! — накинулся на него Алкаш.— Вы все, все! О себе что-то думаете! Один нечего не думает, не мнит. Один! И того умудрились обидеть!» «Аркаша, успокойся»,— заговорила Татьяна, обнимая его за плечи. «Таня, Таня! Ведь он, как ребенок! Один среди нас... доверчивый, чистый!» «Ну конечно! Но ведь никто и не думал его обижать!» «Никто! Шутить надо с умом! Надо мной шутите, пожалуйста! Над Штифтом, над...» Тут уже Николай не выдержал и ринулся к Алкашу так решительно, что Татьяна, всплеснув руками, закричала: «Ребята! Вы еще подеритесь на прощанье!» И нервно схватив сигарету, стала изо всех сил чиркать спичкой. Спичка не загоралась. В тот же миг, неторопливо, спокойно поднявшись, подошел Иванов и стал между Николаем и Алкашом. «Я прошу, — тихо сказал он, — прошу очень — пре-кра-тите!» Он был на голову ниже обоих, но лицо его, взгляд излучали какую-то последнюю решимость. Он повернулся к Татьяне и ласково взглянул на нее. «Танечка так старалась! А вы!» Алкаш махнул рукой и сел к столу, к недоеденным котлетам. «А что вы все на меня! продолжал кипеть Николай, которому всегда было трудно выходить из «завода», будто я один!» И тут раздался тихий, протяжный, бархатный звук. Все резко повернулись на голос. Это пел Леонтий. Тихо пел, закрыв глаза. Во время перепалки он успел принять свою любимую позу, отстранявшую его от всего: от шума, болтовни и, тем более — от скандала. Он лежал на продавленной кушетке, закинув руки за голову и пел заунывную, полную сиротства и невысказанной горечи песню из давнего телевизионного фильма, из «Бумбараша»:

> Ходят ко-оо-ни над реко-оо-ю... Просят ко-оо-ни водопою... А-а-а... К речке не иду-у-т... Видно берег кру-у-т...

Леонтий пел чуть слышно, он весь был в этой скорбной, смиренной песне.

Ни ложбино-о-чки глу-убо-оокой... Ни тропино-очки у-убо-оогой... А-а-а... Как же коням бы-ыть... Кони хочу-ут пи-и-ить...

Раздражение, нервозность, растерянность, все, что так долго копилось и вылилось, наконец, в безобразную скандальную вспышку, улетучилось, исчезло от этой тихой песни. Люди снова стали людьми. Татьяна присела в ногах Леонтия, обхватив колена руками и начала тонко вплетать высокий, завитой подголосок.

Вот и пры-ы-ыгну-ул конь була-а-аны-ый... С этой кру-уучи-и-и...окая-а-аноо-ой... А-а-а-а!.. Синяя река-а-а... Больно глубо-ока-а-а...

Песня наливалась, заполняла комнату, витала добрым духом над разоренным столом, тихой бабочкой залетала в человеческие души и, не смотря на свою скорбность, рождая в них тишину и покой. Потом пели все подряд: песни романсы. Пели «Гори, гори, моя звезда», «Не пробуждай воспоминаний», пели песни народные.

«Пойди, приведи Коля» — тихонько шепнула Татьяна мужу. Он вышел. Джан-Коль сидел на веранде на табуретке, слишком маленькой для его широкого крабовидного тела... Он весь согнулся. В маленьких впадинках под глазами, образованных крутыми буграми его детских щек, стояли озерца слез. Вид у него был настолько жалкий, что сердце Николая дрогнуло. «Старик! — мягко заговорил он. — Ты что, на самом деле на меня сердишься?» Коль взглянул на него кротко и махнул рукой: «Нет-нет, проговорил он сквозь заложенный нос, — что ты...» «Э-э, братец, — рассмотрел его Николай, — да ты зареван, как трехлетний бебешка! Разве можно так распускаться? Ты ж мужик!» «Да нет, это я так...просто вы так поете...» — фраза тоскливо оборвалась, но Николай как бы услышал ее продолжение: «...а я больше никогда уже не услышу...»

— Брось, Коль,— горячо заговорил Николай,— мы еще сто раз соберемся... еще попоем!

Коль помотал головой... Николай обнял его за плечи: «Ты это брось, дружище, брось! Конечно, тяжело все это... но жизнь-то еще не кончена! Правда, старина? Пойдем-ка лучше, попоем вместе. А?» «Ты иди, иди, Николай... Я потом...потом». Николай постоял еще минутку, посмотрел еще на Коля, затем, махнув рукой, повернулся и вошел в комнату. На вопросительный взгляд Татьяны он только пожал плечами. Она вздохнула.

- Что еще споем? спросил Штифт.
- Окуджаву, попросила Татьяна Смоленскую дорогу.

По Смоленской дороге леса, леса, леса. Вдоль Смоленской дороги столбы, столбы, столбы...

...Струны гитары тихо рокотали. Штифт обнимал гитару, как подругу.

Над Смоленской дорогою, как твои глаза, Две холодных звезды голубых моей судьбы...

Алкаш, выходивший на улицу, вернулся со странным лицом. «Подойди тихонечко к дверям, посмотри»,— шепнул он Татьяне. Она встала на пороге открытой двери и замерла! Под окошком стояла тихая, молчаливая толпа. Это были соседи. Сквозь белую ситцевую занавеску струился свет, струилась музыка... Люди слушали эту му-

зыку, не похожую на яркие, броские мелодии, разносящиеся летними вечерами из открытых окон

Голоса звучали тихо, нежно, печально. И вся толпа была сейчас как один человек, все ощущали одно, не выразимое словами, но ощущаемое всем сердцем — там, за этой белой занавеской отпевается вся их общая жизнь. Отпеваются теплые вечера с бормотанием засыпающего моря, отпеваются общие, залихватски-веселые застолья, когда гулялись свадьбы или чьи-нибудь замечательные события, вроде рождения ребенка или проводов на пенсию. Уходили навсегда, не повторятся их шутки, веселые перебранки, соседские посиделки, когда ночь темна так, что не видно лица говорящего. И тепла, как мамины объятия...

Уходило все. И там, в милоновском доме, не просто пели. Там шла панихида, звучала прощальная, поминальная песнь...

...Как вожделенно жаждет век Нащупать брешь у нас в цепочке...

Ах, как сладостно и горько пелись эти слова, как совпадали они с тяжелым сломом их общей жизни!

...Возьмемся за руки, друзья, Возьмемся за руки, друзья, Чтоб не пропасть поодиночке...

 тихо, проникновенно звучало сквозь занавеску, чуть трепещущую от вечернего ветерка.

> Возьмемся за руки, друзья, Чтоб не пропасть поодиночке!

Дядя Толя-огурец сорвал с головы повидавший виды блин кепочки и уткнулся в него костистым носом. Понырок, взглянув на него, растерянно всхлипнул...

Все уже разошлись, Татьяна мыла посуду, тихо позвякивая то ложкой, то блюдцем. Николай зашел на веранду, включил свет. В своем необъятном, заштопанном кресле сидел Коль-Мандо, положив лапы на подлокотники, опустив тяжелую кудрявую голову на грудь. При свете он вскинул голову, зажмурился. «Ты что же? — недоуменно спросил Николай. Ты так и сидел тут все время? И кресло перенесли...» Джан-Коль не отвечал, только глядел на него и шишка носика, затерянного между щеками, опять начала наливаться красным. «Коль, Коль! Ты только не обижайся на меня, ладно?» Джан-Боль кивнул головой. «А хочешь,— Николай вдруг загорелся радостным вдохновением, — возьми себе что-нибудь на память. Вот, например, «Шоколадницу»! А-а! нет, не это! Слишком засижена мухами». И правда, все нежное, невинное личико и белый фартучек шоколадницы были усеяны неряшливыми, грязными точками. «Вот сволочи!» — зло прошипел Николай. И непонятно было к кому относилось это: то ли к мухам, испортившим картинку, то ли к кому-то еще, невидимо портящему и сокрушающему нашу жизнь. Николай повесил картинку обратно. «Вот! — воскликнул он довольно. — «Тройку» возьми! Повесишь дома — и у тебя тоже собачка бегать будет».

«...Собачка бегает! Собачка бегает!» — закричал однажды шестилетний соседский Пашка. Он долго разглядывал тройку деревенских ребятишек, натужно тащивших сани с бочонком. «Какая собачка?» — удивилась Татьяна. «Вот, вот она!» — заорал Пашка, и Татьяна действительно увидела, как в картинке Перова по нарисованному снегу бегала живая собачка. Это была муха, но эффект был поразительный. Но «собачка» вдруг взлетела и исчезла с картинки...

Николай снял «Тройку» и протянул Джан-Колю. «Не надо. Не надо мне!» Он по-

молчал, глядя на Николая круглыми, прозрачными глазами и тихо пробормотал: «Тройка-умройка... Собачка-задачка...» Потом, горестно вздохнув, прошептал: «Нас всех вскорости... вот так снесут».

5. Жизнь продолжается

Милоновы обживались в новой квартире. Поначалу почти каждый день приходили гости, соседи по поселку. Но через месяц началось массовое выселение, и к ноябрю поселок был пуст. Все занялись освоением новых квартир, и поток посетителей постепенно иссяк. Да и собираться вместе стало уж очень трудно. Выходной в театре был по понедельникам, а в будни — то спектакли, то репетиции, дневные и вечерние. Когда жили рядом, можно было зайти и в девять, и в десять вечера. Теперь же эта свобода исключалась. Надо было договариваться.

Первое время Татьяна была поглощена обустройством жилья. Столовая выглядела прекрасно. Ее украшал большой полированный чешский стол темно-вишневого цвета, подаренный теткой Хасмик. Она покупала его к свадьбе сына и, отдавая его Милоновым, заметила, что в ее маленькой комнате он не уместится, да и будет только напоминать ей о горе.

К столу коллеги, скинувшись, прикупили шесть красивых стульев. Татьяна перетянула новой обивкой старые кресла, поставила на телевизор китайскую вазу с лиловым драконом и желтыми орхидеями — и стало красиво и уютно. Но истинным шедевром была кухня. На гастрольные переработки был куплен приятный кухонный гарнитурчик. И из голубого в белую полоску сатина Татьяна сделала скатерть, обшив ее шитьем, и такие же веселые занавески повесила на окошко. Кухня стала ее любимым местом.

Николай довольно легко перенес переезд. По вечерам квартира наполнялась его любимыми студийцами, которые гурьбой вваливались к Милоновым, принося с собой шум, азарт юности, смех и бесконечные споры. Татьяна почти не принимала участия в веселых застольях, она готовила и подавал чай, незаметно появляясь и уходя, но большей частью сидела на кухне, куря и почитывая какую-нибудь книжечку. Впервые за много лет она познала одиночество и поначалу, после стольких лет теплого дружества, оно ее угнетало. Потом она привыкла и даже стала ценить его: одиночество располагало к размышлению. И постепенно она стала писать, но не стихи, а прозу. Писала, когда оставалась одна и тщательно скрывала это от мужа. Это были вначале маленькие зарисовки, которые со временем выстроились в интереснейший цикл рассказов под общим названием «Хроники снесенного поселка». Но пока, повторяем, это были лишь разрозненные наброски и зарисовки.

Однажды в дверь позвонили. У Татьяны было довольно паршивое настроение (привыкание ей давалось с трудом), и, идя к двери, она подумала: «Кого это несет в такую погоду!» За дверью стоял Иванов, весь промокший от дождя, со слипшимися космами кудрей и жалкой улыбкой. «Я... я, Танечка, хотел... Я пробовал, но вот... видишь, не выходит!» — несвязно забормотал он. Неожиданно для себя Татьяна страшно обрадовалась ему. «Левочка! Вот сюрприз! Как хорошо, что ты пришел. Ну, проходи же, проходи!» И она отступила в глубь прихожей. Увидев ее неподдельную радость, Иванов вспыхнул и засмеялся. «Ты правда рада, Танечка?» — чуть дрожащим голосом спросил он. «Ну конечно, конечно рада!» — засмеялась Татьяна в ответ. Потом она поняла причину своей необычной радости: Иванов был маленьким осколком утраченной жизни, наполненной теплотой, общностью взглядов, литературных пристрастий и прочим, что соединяет разных людей в сплоченный дружеский круг. И хоть Иванов в том кругу был чем-то вроде мебели, антуража в спектакле, он сумел стать привычным и даже необходимым. И сейчас это походило на то, как если

бы ребенок сломал и потерял свою игрушку, цветной калейдоскоп, и вдруг обнаружил в траве маленькую стекляшку из него, невзрачную и не очень яркую. Он непременно схватил бы эту стекляшку, зажал бы ее в ладошке и временами любовался бы на нее. С таким именно детским чувством и встретила Татьяна Иванова: он был именно той частью ее прежней жизни, которая никуда уже не денется от нее. И действительно, Иванов стал приходить к Милоновым в каждый их свободный вечер. Николай встретил его с радостным удивлением, новая компания тоже скоро привыкла к нему и перестала замечать его присутствие. Но самыми драгоценными минутами были те, когда Татьяна тихонько звала его на кухню, и там они сидели и молча пили чай. И именно ему первому, к большому собственному удивлению, Татьяна прочитала законченные «Хроники снесенного поселка»...

Но вот поток посетителей окончательно иссяк. Изредка заглядывал Алкаш, еще менее разговорчивый. Да порой приходил с ними из театра Штифт, досиживая у них до своей ночной смены в кочегарке. Жизнь втянулась в будничное русло и прошлое постепенно уходило, утрачивая остроту боли. Тем удивительней был визит двух сестер, Манечки и Данечки. Они никогда раньше не общались с Милоновыми, хоть и жили довольно близко от них. Но, видно, тоска по прежней жизни не уходила от них, и в своей новой квартире они сидели, как в клетке.

Татьяна была поражена, когда, открыв дверь, увидела их, стоящих с бодрыми, но несколько смущенными улыбками.

- Вот,— вместо «здрассте» проговорила Данечка,— пришли глянуть, как вы тут.
- Ничего, что пришли? спросила Манечка. А то вы, может, заняты?
- Проходите, девочки, проходите! опомнилась Татьяна.— Очень хорошо! Я вот сижу тут одна... Коли нет, он на репетиции.

Пока раздевались, Манечка и Данечка наперебой рассказывали, какая у них кухня, какая ванная. «А туалет!» — Манечка закатила глаза. Татьянина кухня привела их в восторг. «Надо ж! За какие-то копейки, а как красиво!» «Ничего не скажешь, уютно!» Но в зале их восторги померкли — слишком хорошо, красиво было все вокруг: и стол, и кресла, и драконы на вазе. Сестры переглянулись и тоскливо вздохнули: у них в новой квартире вся обстановка была старая, ободранная. В хибарке это не было так заметно. Татьяна мгновенно уловила причину их уныния. «А я вам, девочки, на ваше новоселье подарок подарю!» — и, сняв с телевизора китайскую вазу, протянула ее им. Сорокалетние девочки вспыхнули от изумления:

- Что вы, что вы! в один голос заверещали они.— Такую красивую! Такую дорогую!
 - Берите, берите! приказала Татьяна.
 - А вам не жалко? наивно спросила Манечка.

Татьяна засмеялась. И тут сестры преобразились, вернулись прежние Манечка и Данечка. Между ними разгорелся яростный спор: куда ставить красавицу-вазу? Одна говорила: «На телевизор!», другая кричала: «На этажерку!» Лица спорщиц побагровели, начинался их обычный скандал. «Девочки, девочки! — Татьяна со смехом обняла их за плечи. Будет вам! Проще простого — бросьте жребий! А то из-за всякой ерунды ссориться! Вот заберу вазу!» — с шутливой угрозой добавила она. Манечка с Данечкой тут же пришли в себя: вазу терять не хотелось.

Потом сидели на кухне, пили чай. И сестры рассказали кучу новостей. Они, оказывается, знали все обо всех. Рассказали, что Федька-таксист привез в новую квартиру свою училку. И что она важно ходит с ним под ручку, а Галюня спит в кухне, на раскладушке. Тетку Хасмик они видят часто, она живет в соседнем доме и даже както побывала у них в гостях. «Представляете, невеста ее Хачика до сих пор ходит в трауре! Это уже пять лет! И чего она хочет?»

Постепенно разговор перешел на прозаические темы. Житье-бытье. Соседи. Се-

стры, в отличие от Татьяны, уже знали большую часть жильцов своего многоквартирного дома. Знали, по крайней мере, кто женат, кто нет, кто чем занимается. Внешне все обстояло довольно благополучно. Но лица их постепенно теряли первоначальную оживленность. «Скучаете, девочки?» — сочувственно спросила Татьяна. Они вздохнули. И тут Манечка внезапно заплакала. Данечка нахмурилась. «Вот! — проговорила она сердито.— Все ревет и ревет». «А ты?! — сквозь слезы вскинулась Манечка.— С тобой заревешь! Ей знаете чего не хватает? — обратилась она к Татьяне и, не дожидаясь встречного вопроса, сама ответила.— Груши ей не хватает, вот чего!» «Какой груши?» — не поняла Татьяна. «А чтоб вешаться, вот какой!» У Манечки тут же просохли слезы: «А ей! А ей! — закричала она,— моря не хватает! В ванне топиться не станешь! Больно мелко!» Татьяна не выдержала и засмеялась. Сестры уставились на нее с недоумением, переглянулись и тут же сами закатились хохотом. «Ничего, девочки, привыкнете! — вытирая выступившие от смеха слезы, сказала Татьяна.— Я тоже вначале сильно тосковала, а теперь — ничего!»

Они ушли, довольные своим визитом, унося драгоценный подарок и обсуждая по дороге, какая, все-таки, Татьяна Иванна хорошая женщина.

6. Джан-Коль

- Татьяна Ивановна, подойдите к телефону! крикнула из коридора гримерша Леночка.
 - А кто зовет? спросила Татьяна.
 - Да Иван Григорич!

Иван Григорьевич Шпак был особенной фигурой в театре. Вахтер — должность маленькая, но Иван Григорьевич сумел сделать так, что с ним считались. Он привнес в свою работу армейскую строгость и дисциплину. Бывший прапорщик никого не пропускал за кулисы, пока не выходил актер или другой служащий, к которому пришли. Просьбы по телефону — «пропустить» он игнорировал и поначалу было требовал от посетителей оставить «документ» на вахте. Ему пришлось разъяснять, что это не воинская часть и не арсенал, а всего лишь театр. С неудовольствием, но пришлось смириться, т.к. Иван Григорьевич не имел привычки оспаривать приказы начальства.

Татьяна взяла трубку: «Здравствуйте, Иван Григорьевич»,— сказала она, хотя уже здоровалась с ним, придя в театр. Ее вежливость восхищала служаку Шпака, он почему-то видел в ней особое к себе благоволение. И потому, при разговоре с Татьяной, его солдафонский голос смягчался, насколько это было возможно.

- Здравия желаю, Татьяна Иванна, тут к тебе пришла одна,— многозначительно, как о некой только им известной тайне, доложил он.
 - А кто?
 - Не могу знать! отчеканил он. Но думается сестрица ваша.
- Сестрица? удивилась Татьяна.— Моя сестра в Гомеле! Или она назвалась вам?
- Никак нет,— слегка смущенно ответил Иван Григорьевич,— но... по наблюдении сделал вывод.
 - Какой вывод?
 - Что сестрица это ваша. Такая ж беловидная. Как и вы сами.
 - Беловидная?
 - Ну да! Волос такой же как у вас, сильно белый.
- Ладно,— сказала Татьяна, поняв, что остальные переговоры лишь трата времени,— сейчас иду.

Идя по коридору к вахте, она увидела незнакомую женщину в коричневом клетчатом платке, какой носят простые пожилые женщины. Но, подойдя ближе, с удивлением узнала в незнакомке Веронику, Верку-крикуху, жену Коль-Мандо. Татьяна поразилась происшедшей в ней перемене: лицо ее похудело, заострилось, взгляд обычно задорных, боевых глаз потух, под глазами темнели круги. И лишь одна непокорная прядь светлых льняных волос, все время выбиваясь из-под платка и норовя закрыть правый глаз, напоминала прежнюю Верку.

— Верочка, что с тобой? Что-нибудь случилось? — воскликнула Татьяна. Верка покосилась на внимательно наблюдавшего Шпака.

— Ax, да! — спохватилась Татьяна.— Иван Григорьевич, мы пройдем ко мне.

Шпак пожал плечами и развел сухие ладони в знак того, что он бы и возражал, но не смеет

Вошли в гримерку, и Татьяна повернулась к Верке. «Ну!» — сказала она. Верка, коротко глянув на нее, опустила голову. «Коль запил», — почти шепотом сказала она. Татьяна не поняла: «Кто, кто запил?» «Коля... мой Коля», — с трудом проговорила Верка. Татьяна ошеломленно молчала, не зная, что сказать, что вообще можно сказать после такого известия. Пока мысль ее лихорадочно крутилась, Верка заговорила сама.

Как известно, они с Колем получили ордер последними. И целый месяц жили в мертвом, разоренном поселке, наблюдая последние разрушительные работы. Вернее, наблюдал один Коль, а Верка, работавшая до шести, приходя, видела только очередную груду досок, кирпича и прочего хлама, обозначавшую бывшее жилище и мутные облака пыли. Коль-Мандо почти перестал есть и однажды, когда они уже переехали, вернувшись с работы, Верка обнаружила на столе стакан и недопитую бутылку водки. По привычке она закричала, но Коль даже не взглянул на нее. Он сидел опустив голову, как большая гора ветоши, и ничто не говорило о каком-либо намеке на продолжающуюся в нем жизнь. Верка сразу поняла, что случилась настоящая беда. Она сменила тон, говорила с ним ласково, даже просительно. Как малого ребенка уговаривала. Но бесполезно...

Коль имел группу и мог вообще не работать. На убеждения Верки, что работа его отвлечет, утешит, что за него, с его золотыми руками, ухватится любой гараж, любой таксопарк, он ничего не отвечал и продолжал пить. Он пил уже месяц. Ничего не делал плохого, не дебоширил, не скандалил — просто пил и молчал. Верка пришла в отчаяние.

- Я пришла к вам, дрожащим голосом заговорила она, обращаясь к Татьяне, потому что он вас так уважает! она заплакала. Татьяна молчала
- Вы... вы ведь поможете?! проговорила Верка сквозь слезы. Нос у нее заложило и вид был такой жалкий, что Татьяна, шагнув к ней, схватила за плечи и прижала крепко к своей груди. Верка разрыдалась уже по-настоящему. Там, дома, она не позволяла себе плакать, расслабляться. Но сейчас, в этих теплых, почти материнских объятиях, она не выдержала и слезы полились бурно, будто прорвав плотину. «Верочка, ну не убивайся так,— шептала Татьяна, целуя ее в макушку сквозь коричневый платок,— мы что-нибудь придумаем. Обязательно придумаем! Это все пройдет!» Верка судорожно кивала, елозя лбом по Татьяниной груди. Татьяна не знала, что можно предложить. И вдруг, как молния, прорезала поток ее соображений радостная мысль: Сафоныч! Сафоныч! Ведь он через три месяца уходит на пенсию (Сафоныч был механиком в театральном гараже).

Отстранив от себя Верку и держа ее за плечи, она весело глянула в ее заплаканное лицо. Верка замерла, широко раскрыв покрасневшие от слез глаза.

— Вера! Вероника! — почти торжественно воскликнула Татьяна. — У меня есть идея!

Верка смотрела на нее, не отрываясь, и вся напряглась.

- Что? спросила она одними губами.
- Потерпи недельку, сказала Татьяна, тут надо кое-что решить не от меня

зависящее, Но ты не беспокойся, ты жди! — быстро проговорила она, увидев, как потухает загоревшийся было надеждой Веркин взгляд, — Я не позже, как через недельку, приеду к вам. А пока терпи.

Когда Верка уже вышла за вахту (Иван Григорьевич аж вытянулся ищейкой при виде ее заплаканного лица), Татьяна крикнула ей вдогонку: «Передай мой привет Колю! Обязательно передай!»

Вечером она рассказала все Николаю. Он вначале не понял, потом возмутился:

- Как это он запил? Ведь он же никогда и капли в рот не брал!
- Ну и что? Чего ты так шумишь? спокойно спросила Татьяна. Или не знаешь, как пьют?
- На что ты намекаешь! вскипел Николай.— Ну, пил я раньше! И что? Это совсем разные вещи!
 - Почему? так же спокойно спросила она.
- Как почему? Я же пил с юных лет. И пил лет двадцать! А Коль? Он же ни-когда не пил! Ему, кажется, и нельзя.
 - Ну да, нельзя. Но ведь всякий человек может запить. С горя.
- С какого такого горя! Они квартиру получили... переехали, я знаю. Мне Федька говорил. И что тут пить?

Татьяна подошла к нему вплотную, взяла за плечи и вкрадчиво сказала:

— Колечка, милый! Я знаю, что ты великий артист. Но хоть иногда, хоть в редких случаях, надо же уметь выходить из своей скорлупы! Надо же чувствовать, какие проблемы встают иногда перед другими людьми!

Николай слушал ее, нахмурившись: это тон был ему знаком. В любую минуту он мог смениться на совершенно ледяной, бесстрастный, чего он категорически не переносил. Но Татьяна вдруг оживилась.

— Представь,— сказала она,— что тебе пришлось бы играть в какой-нибудь пьесе роль такого человека, как Коль. О-о-о! тогда бы ты его очень хорошо понял, нашел бы массу красок, массу оправданий его запою!

Николай смутился. Как всегда, она была права. Он вечно пребывал в некоем отстранении от повседневности, работа его поглощала всего. И в каждом отдельном периоде он, даже не замечая, продолжал жить с очередным персонажем, совершая некую «сыскную» работу, которая затем вдруг складывалась в точное знание о данном человеке, знание «изнутри». И выходила очередная блистательная роль, очередной глубокий, надолго запоминавшийся, образ.

- Ну и что? Что тут можно сделать? хмуро, пряча смущение, спросил он.
- Как что? воскликнула Татьяна.— Ведь через три месяца у нас место механика будет свободно!
 - Да? А Сафоныч?
- Ох, Коля! Да спустись ты на землю весь театр знает, что Сафоныч, наконец, уходит на пенсию! И ты знаешь. Я говорила тебе.
- Да-а? И что? Ведь это три месяца! Коль совсем сопьется с непривычки. Или заболеет.
 - Нет! Никаких трех месяцев! Надо, чтобы он сразу вышел на работу.
 - Как это сразу? не понял Николай. А Сафоныч?
- Я уже все продумала. Ему надо сказать, что берем, мол, стажера. Чтобы он ввел его в курс дела... ну, скажем, в специфику театральной работы. А Коль... я его хорошо знаю, он с радостью пойдет, даже бесплатно. Лишь бы быть в старом своем кругу. Ведь тут мы. И Штифт.

Николай слушал молча. Все, что она говорила, звучало убедительно, но...

- А кто же это скажет Сафонычу? Ведь не мы же? Все решает Никольский.
- Вот ты и пойдешь к нему и попросишь за Коля, медленно и твердо прогово-

рила Татьяна. Она знала, как Николай не любит что-либо просить у директора. Он все эти годы подозревал Никольского в чрезмерной симпатии к своей жене. И не без основания, хотя Татьяна никогда не давала повода для подобных подозрений.

— Да, Колечка,— еще тверже и спокойней произнесла она,— ты пойдешь, объяснишь, какой Коль уникальный специалист. И скажешь Никольскому, что мы оба просим за него.

Татьяна пристально смотрела ему в глаза. Николая задела ее последняя фраза, он надулся и замолчал. Но Татьяна обняла его, провела рукой по щеке и ласково глянув своими прозрачными, в черной кайме густо накрашенных ресниц, глазами, нежно пропела: «До чего ж ты у меня добрый, справедливый человек, Колечка!» Николай сделал строгую мину, чтобы скрыть свою капитуляцию и произнес небрежно: «Ладно, чего там! Схожу. Поговорю».

Татьяна поднялась на четвертый этаж обшарпанной хрущевки, подошла к двери с номером 65, постояла и, перекрестившись, нажала на звонок. Открыла Вероника. При виде Татьяны глаза ее вспыхнули.

- Долго искали нас, Татьяна Ивановна? спросила она дрогнувшим голосом.
- Нет, я этот район хорошо знаю. Здесь жила одна наша актриса.
- Проходите, пожалуйста. Только он...— и Верка замолчала.
- Ничего,— сказала Татьяна,— я думаю, он со мною будет разговаривать,— и она прошла в комнату.

Коль сидел за столом, опустив свою лохматую, нечесаную голову на руки и, казалось, дремал.

— Он не спит,— сказала Веерка и позвала: — Коль, Колюшка, к нам пришли. Слышишь? Посмотри! Посмотри, кто пришел.

Коль не пошевелился. Верка с отчаянием взглянула на Татьяну. Та кивнула ей ободряюще и подошла к Колю Она положила руку ему на плечо и тихо позвала: «Колечка, это я, Татьяна. Посмотри на меня!»

Темный осевший «сугроб» какое-то время пребывал в неподвижности. Потом в нем началось медленное шевеление, темная кудрявая голова приподнялась над сложенными кулаками, и на Татьяну глянул круглый глаз, полный страха и недоверия. Затем голова снова упала на лапы, но зашевелилась, задвигалась могучая спина. Татьяна ласково провела по спине и снова тихо позвала. Наконец, Коль поднял голову и уставился на Татьяну совершенно бессмысленным взглядом. Она молча кивнула ему. Выражение круглых прозрачных глаз стало меняться. Они широко раскрылись и в них было все: и ужас, и удивление, и какая-то непонятная робость. Не отрываясь, смотрел он на Татьяну. Лицо его стало розоветь, постепенно наливаясь краской. Он снова уткнулся головой в ладони, и спина его судорожно затряслась. Верка зажала рот и отвернулась.

— Колечка, Колечка,— зашептала Татьяна, обнимая его широченную спину,— не плачь, я так хорошо тебя понимаю! Не знаю, что со мной бы было, окажись я на твоем месте.

Коль схватил ее руку и прижался к ней мокрым лбом.

 Ты знаешь, я давно хотела прийти к тебе, но... А сейчас у меня для тебя хорошие вести.

Коль поднял заплаканное лицо и вопросительно глянул на нее. И тут только Татьяна увидела, как он переменился. Кожа на его круглых некогда щеках висела мешками, как у восьмидесятилетнего старика, глаза провалились в глубокие впадины. Вид был совершенно жалкий. «Если он в таком виде придет к нам, Никольский даже разговаривать с ним не станет»,— подумала Татьяна и сказала:

- Только тебе надо немножко поправиться. Отъесться, прийти в нормальный вид.
- Для чего? спросил Коль. Голос у него был глухой, хриплый.

- А как же ты придешь к нам в таком виде? От тебя все разбегутся со страхом! — весело проговорила Татьяна.
 - Кто это все? И куда я приду?
 - Как куда? К нам, в театр. На работу!

Коль вытаращил глаза, рот его приоткрылся.

— Да, Колечка! — бодро продолжала Татьяна.— Тебя берут к нам на работу! Наш механик уходит на пенсию. Ты понял?

Коль кивнул, все еще не закрывая рта.

— Будем все вместе, я, Николай Иванович, ты. Да, и Штифт ведь у нас работает, ты ведь знаешь?

Коль молча кивнул. Розовая краска вновь стала заливать его лицо, глаза расширились, в них возвращалась жизнь...

Потом они сидели, пили чай и Коль рассказывал:

— Там была хоть какая-то жизнь. Она на работу уходила, а я открывал дверь и смотрел — последние наши дома сносили, Бум-бум-бум! грохот, тучи пыли... И мат. Вперемешку! Потом все кончилось. И они ушли... Да, как-то ко мне явился один, видно начальничек. И тоже матом: «Ах ты, такой-рассякой! Да мы тебя вместе с твоей лачугой снесем!» Я ему говорю что, мол, некуда пока съезжать. А он не слушает, орет. Поорал, поматерился, плюнул на пол. И ушел.

Коль замолчал. Татьяна слушала с удивлением — она никогда не слыхала от Коля таких длинных речей. Верка подсела к мужу и положила голову ему на плечо. И тут только Татьяна поняла, как эта маленькая, казавшаяся вздорной, женщина любила своего мужа. Какой она была ему опорой. Но когда это большое, чистое дитя столкнулось с безликой и от того еще более лютой жестокостью, Верка ничего не могла уже поделать, она ведь на целый день уходила. И Коль оставался один на один с миром, повернувшимся к нему внезапно злой, оскаленной рожей. Весь его прежний мир рухнул. Все, что составляло прочный фундамент его жизни, было отнято.

- А потом однажды пришла коза, продолжил Коль свой рассказ.
- Коза? встрепенулась Верка. Какая коза? Ты мне не говорил!
- А помнишь, у Кузнечихи коза пропала, Гашка? Помнишь? Кузнечиха покупателя нашла, уже сговорились. Он приехал, а Гашки нет.
- Да-да, помню! Он еще ругался сильно, ехал все-таки десять километров, бензин тратил.
- Да, а Кузнечиха плюнула и дала ему двадцатку. Вот эта Гашка и приходила ко мне. Первый раз стала на пороге и говорит: «Ме-е!» Я ей хлеба дал. С солью. Так она стала ко мне каждый день ходить. Как по часам, ровно в двенадцать. А последние дни, так даже в комнату заходила.
- То-то,— всплеснула руками Веерка,— я «горошки» выметала! И все не могла понять: откуда они тут взялись!

Коль улыбнулся и его страшное лицо смягчилось. Потом он снова помрачнел.

- Колечка, осторожно заговорила Татьяна, а когда же ты начал...
- Пить, что ли? подхватил Коль ее недосказанную мысль и махнул рукой: A-a-a! Я уж говорил, что там все же какая-то жизнь была. А уж когда Гашка появилась!..— глаза его наполнились слезами. Он снова замолчал. Верка, прижавшись к его плечу, молча гладила его спину.
- Вот когда я в этот гроб попал... тогда и запил,— мрачно проговорил, наконец, Коль.
 - Гроб? Это ты о чем, Колечка? спросила Татьяна.
 - Да вот этот... гроб, и Коль обвел рукой комнату.
- Она уйдет, а я сижу тут один и знаю, что никто уже ко мне не придет... Даже Гашка. И так тошно... А потом мысль появилась: вот, сейчас дверь отворится и войдет моя смерть. Войдет и скажет мне: «Ме-е-е!»

Татьяна вздрогнула, а Верка, отстранившись от мужа, глянула с ужасом ему в глаза. Он молча притянул ее к себе.

— Вот тогда я и пить начал...Только не помогало. Я совсем не пьянею... Все так и продолжалось: сижу, пью и на дверь смотрю.

Верка заплакала. «Колюшка, что ж ты мне-то ничего не говорил! А я!..» И она принялась целовать лицо мужа, его впалые виски, повисшие щеки. Татьяна крепилась изо всех сил, но не выдержала. Тушь ее поплыла и попала в глаза. Вытирая глаза платком, она стала утешать всех и себя в том числе. Когда все успокоились, она сказала: — Коля, признаться, ты меня просто поразил. И не только своим жутким рассказом, а... Ты знаешь, я и предположить не могла, что ты вообще... разговариваешь!

Сказала и засмеялась сама от той глупости, что получилась у нее. Но Верка поняла ее прекрасно.

— Что вы, Татьяна Ивановна! — оживленно воскликнула она, радуясь возможности переменить разговор. — Вы и не знаете, какой Колик был разговорчивый, веселый мальчик! Да он у нас в классе был самый хорошенький! Помнишь, Колик, как мы с тобой в пьесе играли?

Коль оживленно затряс головой.

- В пьесе? удивилась Татьяна.
- Да! У нас на Пушкинские дни всегда ставили какой-нибудь отрывок. Ох, как я хотела Татьяну играть, когда Кольке дали Онегина! Но! Татьяну играла Фирка. Красавица, такие вот глазищи и коса черная до коленок. А мне пришлось Ольгу играть. А Ленский, Ленский, помнишь, Колик? Витька рыжий играл. Шестаков. Противный такой! и она засмеялась. А как я Кольку ревновала!
 - Так вы со школы знакомы? спросила Татьяна.
- Со школы,— улыбнулся Коль,— она к нам в третьем классе пришла. Я ее сразу заметил: носик остренький, голова пушистая, белая. Прямо морская свинка!
 - Сам ты свинка! воскликнула Верка.— Свинки пушистыми не бывают.

Потом, повернувшись к Татьяне, проговорила уже серьезно: — Он знаете, когда изменился? Когда заболел. В седьмом классе. Да, Коль?

- В восьмом
- Да, в восьмом. Тут эта болезнь и вылезла. Она наследственная. Только у него ни мама, ни папа не болели. Я на всю жизнь одно слово запомнила: «пубертатный» период. Так врачиха сказала,— и она повторила по слогам: «пу-бер-татный»!
 - Это что значит? не поняла Татьяна.
- Это значит, переломный. Организм слабеет и болезни вылезают... Ну, тут и началось: жир-трест-мясокомбинат! И все такое... Вот тогда Коль и замолчал... А мне он и такой был мил! сказала Верка и прижалась опять к его плечу.

7. Жить можно...

- Съездим к Милоновым? спросил Алкаш. Я у них давно не был.
- Ну, я-то их нередко вижу. В театре.
- Да, ты у нас заядлый театрал! съязвил Алкаш. Все топишь?
- Да, бывает и топлю, смиренно отвечал Штифт, а бывает и спектакли курирую.

Они засмеялись.

- Ох, ну и погодка! Алкаш зябко поежился.
- Что ты хочешь февраль!

Татьяна открыла дверь и обрадовалась:

- Мальчики! Как хорошо! А у Коли студийцы. Спектакль новый обсуждают.
- Какой же спектакль? удивился Штифт.

- «Каменный гость», пушкинский. У Коли интересная идея.
- Пойду, пожалуй, посмотрю паноптикум,— сказал Алкаш,— принеси мне кваску, а?
 - Хорошо. Ты тоже пойдешь? повернулась она к Штифту.
- Чего я там не видел? Разве на Алиску глянуть! он засмеялся.— Пойду, однако, поздороваюсь с Николаем.

Они вошли в комнату. Николай что-то говорил, ребята, человек 5-6, слушали внимательно. В углу, на старом стуле сидел как всегда Иванов, живая «мебель». На него никто не обращал внимания.

— А-а, братва! — протянул Николай и потянулся для рукопожатия

В центре стола, очень картинно, сидела Алиска-марсианка. Увидев Штифта, она поразилась и бросила на него недоуменный взгляд, в котором ясно читалось: «Что ты, истопник, кочегар делаешь в доме моего божества?»

Николай, отметив «мизансцену», улыбнулся:

Володя — мой большой друг.

Брови Алиски поползли вверх, но пристрастия божества не обсуждались, и потому она, сменив позу и выражение кукольного личика, взглянула на Штифта со всей возможной любезностью. Штифт осклабился в самой простецкой улыбке.

- Красуемся, детка? с бархатцем в голосе проговорил он. Алиска дернула плечиком и отвернулась. Штифт вышел из комнаты и пошел на кухню.
- Тут у нас такая идея свежая,— начал объяснять Николай,— хотим новый поворот в старом сюжете произвести.
- Николай Иванович хочет, это он придумал! проговорила Алиска восхищенно, посылая при этом Алкашу один из самых неотразимых своих взглядов взгляд простодушной невинности. Но Алкаш на нее даже не глянул. «Мужлан. Жлоб толсторожий», сделала про себя вывод Алиска и уставилась на него испытанным, «марсианским» взглядом. Но и этот, обычно сражающий наповал, взгляд не был замечен. Алиска надулась.
 - Что за сюжет? спросил он Николая.
 - «Каменный гость» Пушкина.
 - А-а, да, Татьяна говорила. Ну и в чем же суть?
 - Суть чего? спросил Николай.
 - Суть новизны?
- A-a! обрадовался Николай.— Все раскроет последняя мизансцена! Помнишь: гром! далее: «как страшно пожатие каменной его десницы», и они с Командором проваливаются в ад.
- Они Дон Жуан и Командор,— пояснила Алиска, сочтя Алкаша совершенным неучем.
 - Ну ты, это...— недовольно протянул Николай, а Алкаш даже головы не повернул.
 - Так что там нового-то будет? снова спросил он Николая.
- А новое вот что,— в радостном запале заговорил Николай,— обычно тут все и кончается грохот, темнота... занавес. А у нас это еще не конец. Конец наш поставит смысловую точку в жизни Дон Жуана.
 - Точку, бесстрастно повторил Алкаш.
- Да! еще более загораясь, ответил Николай.— Представь: молния на заднике во всю сцену, страшный раскат грома, крик гибнущего Дон Жуана, темнота... И вдруг луч света выхватывает среди тьмы съежившуюся фигурку донны Анны. Она на полу, руки сжаты на груди и только глаза! Глаза полные ужаса устремлены в зал. Глаза постепенно пустеют, теряют всякое выражение. Она смотрит не на людей в зале. Она их не видит! Ее взгляд устремлен в некую точку, туда, куда как в вакуум, со свистом уходит все, что только начиналось в ее короткой жизни. Новые, неведомые

чувства, новые надежды! Ведь она практически не жила, ее девочкой отдали за богатого, властного старика.

- Понятно, неопределенно сказал Алкаш. Николай глянул на него вопросительно.
 - Ну, и как тебе мысль? спросил он нетерпеливо.
 - Да я как-то не врубился.

Николай вспыхнул:

- Что же тут непонятного! почти закричал он. Все до сих пор любовались Дон Жуаном. Герой! Но ведь это герой... как бы сказать... неадекватный. В чем героизм? Ну да. Он был дерзкий человек, отличный бретер, накалывал соперников на шпагу, как мотыльков. Это все приманчиво, я понимаю. Но ведь это человек, который никогда, повторяю, НИКОГДА не любил! У него просто не было такой способности.
 - Да, пожалуй, согласился Алкаш.

Николай обрадовался:

- Понимаешь? Понимаешь? Ведь нелюбовь, можно так определить это качество, это его главное. Это человек авантюры, питается исключительно адреналином. Лиши его этой возможности, он быстро захиреет и умрет.
 - Ну, ты его несколько сужаешь. Пушкин все-таки смотрел на него с интересом.
- Да, конечно. Дон Жуан это, конечно, уникум, можно сказать штучное явление, вобравшее в себя опыт множества людей и укрупнившее его, сведя к единой доминанте. Но и наш аспект тоже имеет право на существование. Тем более теперь, когда нравы все свободней и свободней. Я хочу обратить внимание на то, что остается за спиной такого человека.
 - Что же?
- Разрушение. И, обрати внимание, никто никогда не думал о женщинах. Сквозь жизнь которых он проходил как шквал, как метеор. Он их лущил как семечки. И не оглядывался. Никогда! А вот она,— и он показал на Алиску,— заставит нас сделать это вместо него!

Алиска зарозовела.

— Ты посмотри на нее,— продолжал Николай,— она у нас в детских утренниках всяких зайчиков играла да белочек. Вершина достижений — Снежная королева. В голове — перекресток из двух извилин, дарования никакого. Но! — и он глянул на Алиску в упор.— Но! Все сделают глаза!

Глаза у Алиски на самом деле были примечательны. Огромные, светло-серые, ресницы пиками. Она умела им придавать самое разное выражение — от детской невинности до космического холода. И находилось немало мужчин, на которых ее взгляды действовали неотразимо. Но в близком приближении Алиска разочаровывала — так она была скучна и примитивна. На Николая она смотрела как на источник своей будущей славы. Ее совершенно не задевали уничижительные характеристики, которые он ей давал. Она смотрела преданно, с обожанием. Она была уверена в нем и не ошибалась. Спектакль на самом деле произвел сенсацию. Была даже статья с таким названием: «Герой уходит. Что остается?» Алиска была там отмечена. Слава пришла. Но, увы, ненадолго.

— Мы ей еще сделаем хорошенький грим, тени! Взгляд будет просто пробивать зал. Леша! — обратился он вдруг совершенно будничным тоном к студийцу, буквально евшему его восхищенными глазами.— Я ведь не девица, чтобы на меня так смотреть. Вот на нее так смотри... в сцене на кладбище!

Все засмеялись.

— Сходи-ка ты, друг, на кухню, чайку попроси.

На кухне шли свои разговоры. Татьяна, покуривая сигаретку, спросила:

— Когда же ты выполнишь обещание?

- Какое?
- Ты когда принесешь, наконец, стихи?
- А-а, вот оно что! А я, кстати, их захватил.

Он полез в карман и достал сложенный вчетверо лист бумаги.

- Наконец-то,— сказала Татьяна. Она подошла к Штифту близко и, внимательно глядя ему в глаза, спросила: Володичка, почему ты стал так редко ходить к нам? Ты же знаешь, как мне недостает вас... тебя,
 - Занят очень, ответил Штифт, невинно глядя на нее.
 - Пишешь! утвердительно воскликнула Татьяна.
 - Пишу, скромно признался он.
 - Что?
 - Так, уклончиво проговорил Штифт, книжечку одну.
 - Прозу?! изумилась Татьяна.
 - Да.
- Как интересно! Мне всегда нравилась проза, которую писали поэты. О чем это? И в каком жанре?
 - Ну-у, жанр... как бы определить точнее... Пожалуй, роман-притча.
- Ты мне расскажешь? еще более ласково проговорила она. Ее прекрасные, прозрачные глаза смотрели просительно. Штифт спасовал.
- Ну хорошо. Вообще-то, я не люблю рассказывать еще не написанное... Только с одним условием ни-ко-му! На Аркашке, ни, тем более, Николаю!
 - Конечно, конечно! Мог бы и не предупреждать, ты же меня знаешь!
- Вообще-то, это старая тема. Краткая суть: на человека сваливается богатство. Невероятное, чудовищное богатство.
 - Откуда?
- Я этого не объясняю. Мне нужны чистые обстоятельства, голый факт. Роман так и начинается: «Однажды Клаус проснулся богатым».
 - Клаус? Почему Клаус?
 - Ну не Евгений же Иванович! Как ты себе это представляешь?
 - Как? Ну, наследство, например.
- Кто же это ему у нас отдаст такое наследство? Да половину, если не больше, заберут. А чтобы получить все, ему придется уезжать из Союза. Нет, мне все эти объяснения ни к чему. Это все же будет притча.
 - Ну, хорошо. И что будет дальше?
- Дальше? А представь: у человека хорошо, ровненько отлажена жизнь. Есть достаток. Дом свой. Машина. Семья. И вдруг такое несчастье!
 - Несчастье?
- Конечно! Ведь все, буквально все приходится менять. С разбегу! Все, что он имел, уже не годится. Вступают другие законы жизни, другие правила. Даже манерам, поведению богатого человека нужно учиться. Но нет ведь внутри той свободы, которая есть у богатых от рождения. Поэтому человек теряется. Затем глубокая трещина проходит сквозь все его существо, сквозь жизнь, домашние отношения. Жена меняться не желает, да и не может. Дети раскалываются на два лагеря. Он суетится, подозревает всех, что его не уважают как должно. Что богатые презирают, а все прежние друзья завидуют. Постепенно расстраивается здоровье, желудок от переедания, от непривычной пищи надо же соответствовать! Словом картина неуклонного разрушения всех стереотипов а ему уже за сорок, потеря внутренней опоры, чувства правды. И, наконец, полная гибель.
 - Да-а, протянула Татьяна, интересно. Но и жутко.
 - Жутко, согласился Штифт, но когда он просыпается....
 - Просыпается?!

- Да, он просыпается. Я же говорю это притча. Он просыпается, когда прыгает из окна десятиэтажного дома. Так вот, когда он просыпается и постепенно понимает, что ничего этого не было... что это просто сон, ужасный сон! Боже, каким счастливым он становится! Как прекрасна, как радостна ему кажется его обычная, маленькая жизнь! Он приходит в неисходный восторг, в бешеную эйфорию. Все время смеется, напевает, все комментирует. Для родных это совершенно необъяснимо, потому что произошло в одну ночь. И из спокойного, уравновешенного человека Клаус превращается, по их мнению, в какого-то радостного идиота. Он пытается объяснить, они еще больше пугаются. Тогда приглашают психиатра, и только он понимает, что произошло. Успокаивает семью, говорит, что это пройдет само и довольно скоро. При этом замечает, что именно Клаус из них всех самый нормальный человек. Уезжает, оставляя семейство в подозрении, что он сам не совсем нормален...
 - Володя, да ты просто гений!
 - Интересно? Да? обрадованно спросил Штифт.
 - Не то слово!
- Татьяна Ивановна,— на кухню вошел студиец,— Николай Иванович просит чаю.
 - А, сейчас! Он у меня уже готов. Собрав все необходимое, она ушла.
 - Ну, рассказывай, сказала она, вернувшись, какие новости?
 - Новости? Штифт задумался.
- Да есть тут одна новость,— сказал он после небольшой паузы,— но новостьто того... печальная.
 - Да? брови у Татьяны поползли вверх.
 - Огурец умер.
 - Огурец? не поняла Татьяна.
 - Ну да. Дядя Толя-огурец.
 - Ой! ахнула Татьяна и закрыла рот ладонями.
- Две недели уж как похоронили. Мне Стукалов сказал. Он с дядей Толей рядом живет. В соседнем подъезде.
- И как же он умер? Отчего? Татьяна никак не могла прийти в себя. Дядя Толя был всегда так полон жизни, невзирая на свою коляску, что представить его мертвым, да еще в гробу, казалось невозможным.
- Такая история... В общем-то, смешная. Если б не такой конец. Ну, словом, все началось с обычных выходок Огурца.
 - Каких выходок?
 - Ну, ты же знаешь его манеру комментировать стати любой бабы.
 - Да. И что? Это ж забавно очень. И вполне невинно!
- Это тебе забавно. А в том доме живут серьезные люди. Им это не показалось забавным.
 - ___ ?
 - Да. Больше того, им это показалось возмутительным.
 - Совсем народ с ума сошел, заметила Татьяна.
- Ну, не знаю. Может, это мы слегка сумасшедшие? А они нормальные советские люди, которые хотят жить спокойно. А тут их какой-то старый овощ на коляске всякими рыбами обзывает и вообще, употребляет какие-то непреподобные выражения! Короче: дядя Толя сидел на балконе, как на капитанском мостике, и был очень доволен: ему сверху все было видно. Ну и конечно «юмор» его расцвел до состояния сатиры. Пошли такие изысканные эпитеты, типа «сушеной воблы», камбалы и прочего. Вначале с ним пререкались снизу. Потом стали угрожать. А потом дамы из домового комитета обратились к участковому.
 - Да-а-а,— протянула Татьяна,— город это вам не поселок.

- Вот-вот, назидательно проговорил Штифт, город это серьезно.
- Ну и что дальше? с нетерпением спросила Татьяна.
- А дальше... В свой второй визит участковый пригрозил, что если домком соберет подписи, то дядю Толю выселят как возмутителя спокойствия и оскорбителя граждан.
 - Господи, какой мрак!
- Да. После этого дядя Толя перестал выезжать на балкон. А где-то дня через три обширный инсульт. И пришел «Кондратий». Вот так.

Штифт замолчал. Молчала и Татьяна. Потом, вздохнув, она сказала:

- Надо в церковь съездить, пожалуй. Свечку за него поставить.
- А у нас разве есть действующая церковь?
- Да. На кладбище. Я там была, когда Алешкину хоронили. Ты не знаешь. Это наша старая актриса, лет десять уже на пенсии была.

Штифт глянул на нее с интересом.

- А ты что, в церковь ходишь?
- Так, бываю иногда. По случаю,— неохотно проговорила Татьяна и переменила тему:
- Вот они там,— она кивнула в сторону комнаты,— обсуждают новую Колину задумку. Дон Жуана он со студийцами ставит. А дядя Толя был истинный, бескорыстный Дон Жуан.
- Как это бескорыстный? спросил Штифт.— Небось был помоложе, так ходок был по бабам.
- Ничего подобного! Они с Маняшей прожили почти сорок лет. Я ее помню. И парализовало его именно тогда, когда ее хоронили. Он даже на похороны не попал. Потом все плакал: «Вот, я свою сурепку даже проводить не сумел!»
 - Какую сурепку? не понял Штифт.
- А это была у него самая ласковая кличка для Маняши. Он ее ведь, как орел цыпленка из гнезда, выхватил. Служил срочную в Латвии. Там вдоль дорог иногда целые ленты сурепки вьются. Такой невзрачный цветок, желтый, с одуряющим медовым ароматом. А у Маняши волосы были совершенно желтые, глаза голубые и конолушки на носу тоже желтые. И ведь как бывает в жизни! Он уже был практически дембелем. Какая-то неделя оставалась. Пошел на танцульки в последний раз со своей кралей и там увидел Маняшу. Тут же бросил кралю, к Маняше прилип и за один вечер уговорил замуж.
 - Ай да Толя! Вот вам и огурец! восхитился Штифт.
- Не называй его, пожалуйста, больше так. Как-то это мертвому неприлично,— попросила Татьяна и тут же охнула: Ну никак, никак не могу уложить в уме, что его больше нет!
 - Ну, а дальше-то что? спросил Штифт.
- А дальше? У нее, между прочим, был парень. И родителям ее он очень нравился. Поэтому, когда Маняша только заикнулась о новом женихе, поднялся такой скандал, что она испугалась и решила смириться. Тем более, знала-то она Толю всего один вечер. Но не тут-то было! Когда через два дня он ее подстерег, а он провожал ее с танцев и знал, где она живет... так вот, она ему сказала, что никуда не поедет. Он тут же, ее не слушая, схватил за руку и к приятелю. Вечер провели, поговорили. Он другу говорит: «Не выпускай никуда! Я через два часа буду». А он уже получил все бумаги, деньги и билет. Поехал на вокзал, как-то уговорил сменить его место на два новых билета. И в чем была, в том и увез. С родителями помирились только, когда сын родился.
 - Да-а-а! История прямо для романа! проговорил Штифт.
 - Бедный Толя, вздохнула Татьяна, он ведь одну свою сурепку и любил за

всю свою жизнь. А эти его словесные упражнения... Я так понимаю, что он нашел это занятие, только чтобы не прокиснуть одному... Другие в этой ситуации просто спиваются. Или находят себе какую-нибудь «бабушку». Ты думаешь, он инвалид и не нашел бы?

- Нашел бы. Бабы любят, когда можно пожалеть. Да и человек он был легкий, веселый.
- Да. А ведь его, можно сказать, убили. Если б не пришлось переезжать или люди подобрались бы другие, он может и пожил бы.
- Ничего мы в этой жизни не знаем,— грустно подытожил Штифт, не знаем даже, от какой ерунды может умереть человек.

Студийцы пили чай, с молодой жадностью набросившись на скромное угощение. Разговор стал спокойней, в основном, о каких-то мелочах студийной жизни. Даже Алиска забыла про свои позы, притихла и, отхлебывая из чашечки, исподтишка посматривала на всех.

- Ну что ж,— сказал Алкаш, поднимаясь,— надо идти. Желаю успеха! он пожал руку Николаю, кивнул всей честной компании и пошел к двери. Уже на пороге, остановился, развернулся и вдруг направился к Иванову, забытому в своем уголке. Тот в удивлении приподнялся. Алкаш протянул ему руку, и Иванов схватив ее обеими руками, восторженно затряс ее. Алкаш, слегка улыбнувшись, сказал: «Бывай» и вышел из комнаты.
 - Hy что, пора! сказал он Штифту, заходя на кухню.
 - Ты посмотри на него, повернулся Штифт к Татьяне, ничего не замечаешь?
 - Нет, ответила она, а Алкаш недовольно нахмурился.
 - Ладно тебе! пробурчал он.
 - A что ладно? Не скрывать же такую новость от близких людей!

Татьяна с интересом слушала эту маленькую перепалку. Потом лицо ее озарилось радостной улыбкой.

— Вот-вот! — опередил ее Штифт, она сама уже догадалась,— и, повернувшись к ней, добавил: — Этот тип у нас женится. Хотел под сурдинку все провернуть. Но разве от общественности скроешь такие вещи!

Татьяна подошла к Алкашу, протянула руки и сказала:

— Аркашенька, можно я тебя поцелую? Это самый умный и правильный поступок за последние десять лет твоей жизни! Мы с Колей давно уже одобрили твой выбор.

Алкаш просиял, и его одутловатая физиономия даже похорошела.

- Правда? спросил он и схватил Татьяну за руки.
- Правда, правда, засмеялась она, я давно считала, что тебе надо обязательно жениться. Но... пока ты еще холостой, поцелуй все-таки допускается!

Аркаша рассмеялся и обнял Татьяну. За их спиной раздался какой-то «гыкаю-щий» звук. Все повернулись. На пороге стоял в полном недоумении Николай. Компания дружно грянула.

- Колечка,— сквозь смех проговорила Татьяна,— не удивляйся! У нас событие Аркадий женится!
 - Hy-y-y! восхитился Николай.— А я уж думал холостяком помрешь.
- Чего уж там,— проговорил Алкаш смущенно,— что еще осталось? Одна работа. Скука!

Уже на пороге он обернулся:

- Таня, а рецепт своего кваса ты мне напишешь? Катюшка будет делать мне,— и он смутился снова, впервые назвав при них свою невесту по имени.
- Аркаша, погрустнев, ответила Татьяна, напишу, конечно. Но это не значит, что женившись, ты меня... нас забудешь?

Он стоял в растерянности. Положение спас Николай:

— Ты к нам обязательно заходи вместе с ней! Мы ей будем все рады. Правда, Штифт?

Это был очень умный поворот разговора. Именно Штифта как главного пересмешника и боялся Алкаш.

— Знаю вас, шакалы вы кроткие! Загрызете девчушку.

Штифт картинно развел руками:

— Братцы! — произнес он с пафосом. — Да ведь Катюша теперь новый член нашей семьи! Причем самый очаровательный! Ну у кого же на нее язык шевельнется! — и он подмигнул Алкашу.

Гости ушли. Последним ушел Иванов, посидев немного на кухне, глядя, как Татьяна убирает, моет посуду.

- Иди, Левочка,— ласково сказала Татьяна,— уже поздно. Надо отдохнуть.— Иванов, вздохнув, поднялся.
- Я приду? спросил он как всегда, будто опасаясь, что однажды ему ответят: «Не приходи, не надо»
 - Конечно, Левочка, Я всегда рада видеть тебя!

И он ушел, успокоенный.

Татьяна сидела в уголочке между холодильником и тумбочкой. Горел один маленький светильник над столом. На столе белел лист бумаги, стихи, принесенные Штифтом. Она их помнила смутно, одним лишь ощущением чего-то щемящего, грустного. И сейчас, когда стихи лежали перед ней, молчаливо напоминая об ушедшем времени, она почему-то побаивалась их, вернее того прикосновения к едва затянувшейся ране, которую они в себе таили. Стал вспоминаться последний их вечер там, в заветном домике на берегу, которого уже тоже нет, который уже тоже стал воспоминанием.

Вспомнился Боль-Мандо с заплаканным лицом, с совершенно детскими глазами и недетским переживанием... Леонтий, так замечательно примиривший всех своим пением. Кстати, надо сходить в больницу. Люсичка говорила, что что-то с почками — вроде ничего страшного, но... За эти полгода ведь уже второй раз кладут в стационар. Еще она сказала, что после больницы съездят в Одессу, там целый дом отдают в их распоряжение на две недели, пока Виталий, их друг, будет на гастролях. Погода, конечно, не ах, но к тому времени весна уже войдет уже в полную силу...

Татьяна взяла листок, стала читать. «Хорошо, что я тушь сняла»,— подумала она. Слезы текли, она их не сдерживала. Потому что не было уже острой боли, на смену пришла печаль.

Печаль пьянит. Но есть ли в ней вино? Смешалось все. И, чашу пригубляя, Понять не в силах. Чувствую: оно — Скользящий блик утраченного рая.

«Боже мой! — подумала Татьяна.— Как это тонко и точно! Стихи будто настоялись за это время».

Мои друзья беспечно-веселы И юмор их — особого посола Кипит шампанское острот веселых И сдвинуты стаканы и столы...

- ... Штифт с Алкашом шли молча. Лупил дождь, небо, все заволоченное тучами, было непроглядно.
- Вот, всегда так, пробормотал Штифт, как выйду без зонта, так нате вам! День-то был ясный.

— А что сейчас зонт? — спросил Алкаш.— При таком-то ветре. Поломает его, выкрутит, а толку...

Штифт зябко поежился и поднял повыше воротник своего старенького пальто. Показался троллейбус.

- Ну, будь,— сказал Алкаш.
- Я буду, ответил Штифт, и ты будь.

Алкаш глянул на него коротко. Потом хлопнул по плечу: «Все! Мой троллейбус»,— и побежав, вскочил на подножку. Дверь закрылась. Штифт еще глубже втянул голову в воротник. «Ночь злодейства, как написали бы лет сто назад»,— подумал он. Идти было еще минут пятнадцать. Ветер завыл с новой силой и плеснул горсть дождя прямо в лицо. «О Господи, прямо сиротство какое-то! Как там наш уважаемый Король Лир поживает?»

> …Не Каин я. Но рая я лишен. Не Авель я. Но в жертву приносимый. Сверлит меня вопрос невыносимый: В чем сила наступающих времен?

Утешало лишь одно: его ждет теплая комната, стол. Сегодня он не дежурит. Значит, можно писать. И Штифт бодро прибавил шагу.

- ...Николай вошел на кухню. Глянул подозрительно.
- Ты что, ревешь? спросил он с неудовольствием.
- А чего? Что не так? тут он увидел лист со стихами, присмотрелся и небрежно махнул рукой:
- Неужели из-за этого? Мне никогда не нравилось, как он пишет. Никакой простоты все изыски.
 - Мне нравится, коротко ответила Татьяна.
- Это твое дело. Но мне не нравится, когда моя жена сидит одна и точит слезы ни о чем. Чем тебе тут плохо? A?

Татьяна помолчала, собираясь с мыслями. Она его слишком хорошо знала: он слишком ревнив ко всему, что занимает ее жизнь. Ему бы хотелось, чтобы он, единственно он был для нее всем. Она вздохнула «Это чисто мужское качество,— подумала она,— с ним бороться бесполезно».

- Ну что ты вздыхаешь! уже раздражаясь, воскликнул Николай.
- Колечка,— заговорила Татьяна,— неужели так трудно понять мое состояние? Для тебя переезд обошелся почти незаметно. Ты всегда полон, кипишь замыслами, у тебя роли, студия. А моя внешняя жизнь, увы, не так богата. Поэтому мне не просто, ох, совсем не просто привыкнуть, перестроиться.
- Ах вот оно что! Дело, как всегда, во мне! Ну, конечно. В Риге я тебе не дал сниматься в кино. Кстати, нисколько не жалею!
- Коля! Колечка! попыталась остановить его она, предчувствуя, куда может завести этот разговор. Но остановить Николая было уже не возможно.
- Второе,— он загнул палец на руке,— в Калининграде, когда Карогодский разглядел в тебе характерную актрису и уже строил планы, я увез тебя! Или, может, мне надо было отказаться от Гамлета? Ты еще скажи, что я тебе жизнь поломал, что ты несчастна!
- Коля! крикнула Татьяна, стараясь его перебить.— Что ты несешь! Как я могу быть несчастна с человеком, которого я люблю! Люблю всю жизнь, с самой первой встречи!

Она шагнула к нему, обняла за шею и заглянула ему в глаза. Он, было, дернулся, но вдруг как бы споткнулся о ее проникновенный, глубокий взгляд. Она заговорила тихо, мягко, как с ребенком:

— Я ни о чем не жалею. И никогда не жалела. Ты же знаешь, что я живу твоей жизнью. Что я горжусь тем, что у меня такой гениальный муж!

Николай еще хмурился изо всех сил, но как всегда, не мог устоять перед ее ласковым тоном. Она его применяла не часто, считая, что такие вещи не должны становиться будничными. Поэтому ласка, нежность и прочее оставались всегда ее самым сильным оружием.

- Ну так чего ж ты тогда? уже значительно спокойней спросил он.
- А я ничего,— ответила бодро Татьяна,— могу я хоть иногда слегка поплакать? Ведь я же женщина! Ты же не станешь, надеюсь, регламентировать мою личную жизнь до малейшего вздоха?
 - Нет, конечно, ответил он, совсем успокаиваясь.
 - Ты лучше скажи, как там наши сыграли?
 - А-а, продули. Один ноль в пользу канадцев, сказал он с досадой.
- Вот-вот, лукаво заметила Татьяна, поэтому ты и пришел такой сердитый. Кстати, телевизор выключил?
 - Да.

Татьяна отдернула занавеску. Было видно даже в темноте, как шквальный ветер косыми плетками дождя лупит по стеклу.

- Бедные ребята,— вздохнула она,— в такую погоду даже собаку на улицу не выгонишь. А Володе до общежития только пешком можно.
 - Ничего, не сахарный, не растает, сказал Николай, спать идем?
- Идем,— еще раз вздохнула Татьяна и выключила на кухне свет. За окном ветер сильно раскачивал фонарь. Лампочка слегка мигала. «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...» вспомнила Татьяна. Она еще какое-то время всматривалась в слепой, полный ненависти лик ночи, слушала шквальный рев ветра. И вдруг в памяти всплыли поразительные слова, услышанные ею однажды в церкви: «И нощь, и мрак, и воды пререкания истязуют землю Твою».

«Развиднеется ли к утру?» — с неясной тревогой подумала она и, покачав головой, задернула занавеску. Пора было ложиться спать...

લ્લા

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА: АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА

Алексей Яшин (г. Тула)

дежа вю истории?

Памяти Леонида Андреева

◆ Наш давний знакомец Николай Андреянович^{*}, как и ранее работающий инженером в НПО «Меткость», в темные вечера зимы — в промежутке между первыми в новом веке и тысячелетии выборами госдумы и перевыборами президента — пристрастился к чтению выходивших одна за другой книг бойкого молодого историка с занимательным псевдонимом Максим Калашников. Писал он всю правду-матку о происходящем в стране и в мире после предательского разрушения СССР. В частности, этот славный историк с милитаристским псевдонимом писал, что история современной Россиянии и всего «цивилизованного» мира есть дежа вю истории тех же стран в начале двадцатого века. Николай Андреянович хмыкнул: действительно, сопоставляя факты, так оно и получается. Просто образование СССР и отчасти Третьего рейха на семьдесят лет затормозили, заморозили ход мировой истории, оттянули на жизнь трех поколений предсказанный еще бородатым Карлой дальнейшую судьбу мирового империализма — путь в его же собственную могилу. Что мы ныне и наблюдаем...

Как человек любознательный, советского воспитания, то есть в молодые годы перечитавший в удовольствие не одну сотню научно-популярных брошюр по всем отраслям знания (помните? — Издательство «Наука» такие книжки в серийном оформлении выпускало...), Николай Андреянович хорошо знал феномен дежа вю, то есть когда начинает казаться, что ты попал в ситуацию (обстановку, беседу и так далее), вроде как уже ранее бывшую. Каждый человек, а особенно начинающий шизофреник или алкоголик со стажем, в своей жизни не раз и не два испытывает такое состояние. Еще характерно вот что: в момент наступления этого дежа вю тебя как будто слегка в голову толкнет, в ней легкий шумок или звон пойдет, уши опять же слегка заложит, вроде как ватой, да и перед глазами этакая синеватая дымка застит.

96

^{*} Один из главных героев книги: Яшин А. А. Тяжело дышит синий норд: Северные рассказы.— Тула: Петровская академия науки и искусств (Тульское отделение). Изд-во «Тульский полиграфист», 2003.

Длится это состояние недолго, не более пяти-десяти минут, а чаще и короче: постепенно дымка рассеивается, уши прочищаются, в голове все в норму приходит. Однако память о факте явления дежа вю держится месяцы, а то и годы.

Медицина этот факт охотно признает, но объяснить до сих пор не в силах. Психиатры все больше налегают на таинства работы подсознания, всякие биологигенетики напирают на память предков; дескать, за двадцать поколений у твоего прапрапреда схожая история вышла, вот в генах и записалась.

Насчет подсознания Николай Андреянович помалкивал, дело тонкое, но вот насчет генов откровенно хохотал. Хотя и знал по генетике только из школьной программы по биологии и некогда прочитанной популярной книжки Шарлотты Ауэрбах, но четко понимал: бред это, молекулы ДНК в пределах даже и сотни поколений не меняются. И если Иван Иванович Иванов как-то отличается от давнего своего предка Ивашки Косопузова, крепостного в вотчине боярина Василия Шуйского, то причиной здесь не гены изменившиеся, но общий прогресс цивилизации, а главное — жизнь в СССР в золотые годы шестидесятые-восьмидесятые с ее сытостью и жизненным оптимизмом.

А совсем смех — это какое же дежа вю в части конкретики ситуации может быть? Вот допустим, ездил Иван Иванович на выходные на собственном «москвиче» в деревню к бабке своей картошку окучивать. Бабка же, зная страсть великовозрастного внука к коллекционированию всяких кунштюков, одарила его серебряным рублевиком старой чеканки. Вот на радостях и превысил Иван Иванович на обратном пути скорость и был остановлен гаишным сержантом Добронравовым. Не любил сержант протоколов и квитанций, поэтому, не возражая, взял от нарушителя монетурублевик. (Был период, когда гаишники брали только металлическими рублями, опасаясь бумажных денег: на них номера проставлены, мог пострадавший и стукнуть куда надо... Понятно, речь идет о временах советских).

Отъехал Иван Иванович немного и застрял перед закрытым железнодорожным переездом. Пользуясь случаем, полез в карман полюбоваться раритетом — обомлел: вместо роскошного бюста Катьки-царицы на него хитровато, с прищуром смотрел Вождь мировой революции. Рублевик-то был юбилейный, увеличенного против обычного диаметра, размером с екатерининский. Вот и попутал бес.

Занудело у Ивана Ивановича в голове, застлало глаза туманом, уши заложило. И вспомнилось: а ведь такое уже когда-то было с ним?! И как это генетики объяснят: дескать, безлошадный Ивашка Косопузов был остановлен боярским старостой и оштрафован на алтын? Все это в генах записалось, исторически трансформировалось (ведь и гены стали советскими!) и всплыло в памяти Ивана Ивановича в досадный воскресный день. Чушь собачья!

Николай Андреянович вообще подозревал, что сейчас на гены что ни попадя списывают. Допустим, гомосексуализм этот самый треклятый, порча на лице человечества. В Средние века гомосеков, педиков да лесбиянок всяких, как обнаружат — и милости просим в ближайшее же воскресенье на Гревскую площадь, на костерок без соломки, чтобы по-настоящему живым дьяволово семя сгорело, а не задохнулось в дыму... При царях кнутобойцы над ними трудились, а опосля в монастырь грехи искупать. В советское время статья в УК была: до семи лет отсидки, а там таких только и ждут! Статья такая поганая, только изнасилование пошибше будет. А теперь все по американскому пошибу: равные права! Тьфу! Договариваются до того, что, дескать, однополая «любовь» и чище, и моральнее обычной...

Подключили продажных медиков-биологов, наверное, самих из этих жопосуев, как в народе зовут таких, а те в обоснование научное: мол, хромосома у них лишняя, вот генный механизм и перенастраивает их с Вики на Витю. Даже Николай Андреянович, прочтя такое в «Новой независимой» газете, засомневался. Встретив соседа по

дому из третьего подъезда, профессора медицины, нормального (водку в компании пил охотно), поинтересовался. Тот расхохотался, мол, гомосексуализм есть тяжелое психическое заболевание на почве беспредельной распущенности и наркомании. Это записано в документе Всемирной организации здравоохранения — самой главной медицинской организации мира. Пригласил зайти в ближайшую рюмочную.

◆ Понятно, что Николай Андреянович, как всякий матерый инженер советского закала, плевать хотел на мудреные медико-биологические термины, а имел свое объяснение дежа-вю. При этом он исходил из известного в философии принципа «бритвы Оккама», принадлежащего английскому мыслителю XIV века Уильяму Оккаму. Суть же его состоит в том, что объяснение самого сложного и непонятного явления тем достовернее, чем меньше используется всяческих наукообразных терминов. То есть все дело в изначальной простоте и логике мышления.

В объяснении феномена дежа вю Николай Андреянович исходил из той же методологии, что и при некогда имевшем место толковании им эффекта «парных случаев» (по просьбе женщин-сослуживиц, прочитавших про этот эффект в дамском журнальчике в разделе «Секс в вашем доме»).

Про эти парные случаи также всем хорошо известно. Признает это и медицина, особенно психология и психиатрия.

(Просьба к читателям: не негодуйте на растянутое введение, ибо это важно для последующего развития сюжета.)

Так вот, с парными случаями встречался каждый из нас. Суть его в следующем. Допустим, был у вас некогда знакомый. Нет, не родственник, не друг, а так: коллега по работе (но в разных подразделениях), по пивной и так далее. Словом, раз в неделю или месяц здоровались при встрече и это все. А потом встречать друг друга перестали: то ли знакомец отдаленный в тюрьму попал, может банкиром стал, пешком уже не ходит, в «мерине» катается. И так далее, вариантов много.

Прошло несколько лет, знакомец полностью забылся: ни имени, ни портретного воспоминания, вообще ничего. И вот, гуляя перед ужином, видите отдаленно знакомую фигуру, идущую навстречу. И тот на вас глаза скосил. Неуверенно оба приостановились, на всякий случай протянули руки для пожатия. Затем оба рассмеялись, посетовали: сколько лет, сколько зим!

А через два-три дня, совершенно в другом месте, снова встретились. Опять посмеялись. На этом встречи прекратились. Это и есть эффект парных случаев. Николай Андреянович объяснял его внимательно слушающим дамам-сослуживицам с римской прямотой и аристотелевой логикой. Все дело в том, что, будучи некоротко знакомыми, долгое время не видясь, они потеряли в отношении друг друга то, что принято обобщенно называть боковым зрением, которое реагирует непроизвольно на походку, характерные жесты, другие личностные спецификации, например, запашок любимого визави напитка... Поэтому, даже и чуть не сталкиваясь в городской суете, бывшие знакомцы не фиксируют друг друга. А вот раз встретившись и заново освежив зрение, слух, обоняние, оба они в ближайшие последующие дни — под впечатлением неожиданной встречи — буквально выискивают в толпе знакомые черты и сразу находят, коль случай представится. А потом впечатление стирается, они вновь теряют друг друга.

Аналогично рассуждая, можно легко объяснить парные случаи для любых других ситуаций: парные убийства по схожим поводам, парные же сексуальные прегрешения и так далее.

Дежа вю имеет ту же самую природу. Все же здесь более правоты у тех ученых, которые все сваливают на подсознание. Все да не все! Тот же Иван Иванович, по ошибке, наощупь вручивший гаишному сержанту Добронравову вместо трудового

рубля екатерининский целковый, обнаруживший это перед закрытым железнодорожным переездом, давно забыл, что еще в студенческой юности форсил: постоянно носил в кошельке, наряду в рублями, трешками и пятерками долларовую купюру, случайно к нему попавшую. Расплачиваясь в ресторане, демонстративно вынимал все кредитки, брал доллар, досадливо произносил: «Нет, это вы здесь не возьмете». Клал его назад в кошелек. А однажды, возвращаясь затемно на такси с дружеской вечеринки в факультетском общежитии, вышел у своего дома и по ошибке сунул водиле вместо «рыжего» зеленую бумажку... Фонарь у подъезда не горел.

Далее все понятно: подсознание сработало, выкинув в активную память тот давний досадный случай. Это наложилось на недавнюю встречу с сержантом Добронравовым, сработала цепь ассоциаций — вот и все дежа вю. То есть никакое это не полное совпадение, а всего лишь схожий случай, засевший в дальней памяти, то есть в подсознании.

...А встретив в занятной книжке Калашникова упоминание о дежа вю в истории России начала и конца двадцатого века, Николай Андреянович с восторгом произнес про себя: «Ай да Максимка, ай да молодец!» Все дело в том, что Николай Андреянович уже без малого десять лет знал об этом историческом дежа вю.

◆ Почти четверть века из своих пятидесяти с гаком годов Николай Андреянович бессменно трудился на ракетном НПО «Меткость», но в промежутке между окончанием политеха и поступлением на нынешнюю работу он по распределению трудился в ЦКБ агрегатостроения, тоже военно-промышленного ведомства, но второразрядном, скороспелом, созданном единственно недюжинной волей и напором молодого руководителя ЦКБ.

Организация эта была создана в самом начале золотых семидесятых в тот год, когда Николай Андреянович окончил институт. Поэтому первые сто вакантных мест укомплектовывали выпускниками этого года, то есть почти все были друг другу знакомы. А на пятьдесят мест начальников отделов, секторов и групп (с перспективой резкого увеличения числа подчиненных) переманили такое же число бывших рядовых инженеров из соседнего НИИ. Получилось, что начальники лишь на три-четыре года старше своих подчиненных. То есть в сумме своей коллектив получился одновременно веселый и сплоченный — последнее по причине отсутствия начальственного опыта у молодых руководителей. Но — это к слову.

Среди прочих друзей к третьему году службы Николай Андреянович обзавелся приятелем на пару лет его моложе — Игорем Вашко, впрочем, все того же политеха выпускником. Многое у них не состыковывалось. Например, оба не проносили рюмку мимо рта, но если с добавлением их числа Николай Андреянович добрел, расслаблялся, песни заводил, то Игорь, потомок высланных из послевоенной Украины строптивых хохлов из западных областей, с каждой последующей все более хмурился и склонялся к мрачному юмору. Если жизненным кредо Николая Андреяновича, даже и в нынешнее торгово-воровское время, было служение Отечеству и военной науке и технике, то Игоря всегда заботил финансовый вопрос. Даже в советское бессеребряное время. Так, проработав с ненавистью в ЦКБ три положенные года, бывший молодой специалист Вашко немедленно уволился и нашел себе место в недавно созданной в городе организации по наладке и пуску ЭВМ, где платили аккордно. Тяжелым трудом Игорь стал зарабатывать в три раза больше прежнего.

Имелись и другие нюансы, но был и мощнейший фактор сближения: военноморской. У Николая Андреяновича это врожденное, от детства и юности на базе Северного флота, от отца Андреяна Матвеевича, прослужившего на том же флоте с 36-го по 48-й год, включая Финскую и Отечественную. А вот откуда у сухопутного Игоря? — Неисповедимы пути формирования характера...

Тем не менее, все свободное время, исключая три зимних месяца, он проводил на лодочной станции на берегу городской реки, где его инициативой был создан — с благословения ОблДОСААФ — мореходный клуб. Львиную долю времени он с коллегами посвящал ремонту движков стареньких катеров бывшей рыбохраны. Последнюю упразднили еще в середине пятидесятых после исчезновения в реке рыбы. В редкие часы исправности движков Игорь приглашал Николая Андреяновича прокатиться по реке за черту города. Они приставали к берегу и обочь капустного пригородного совхоза выпивали по стакану горькой за советский военно-морской флот. Мечтал Игорь о собственной яхте, а отпуск проводил в Крыму, примыкая к тамошнему клубу аквалангистов, кажется, в Феодосии.

◆ Как уже сказано, Игорь уволился из ЦКБ, а спустя короткое время и Николай Андреянович разругался со своим начальником и ушел в НПО «Меткость». Однако связь продолжали поддерживать, хоть редко, но встречались, в том числе и на лодочной станции.

Когда Меченый по приказу своих таинственных забугорных начальников отдал команду на разрушение страны, провозгласив, в числе прочего, свободу грабежа и спекуляции, то супружеская чета Вашко, сохранившая при советской власти частнособственнические инстинкты, тотчас ушла в мелочную торговлю; стать олигархами национальность не позволяла, а бандитами — какой-никакой, но возраст, а главное — издержки советского воспитания и семейные традиции, где все жили честным трудом.

Но главное, конечно, возраст. Одно дело ввязываться в бизнес семнадцатилетним, не отягощенным предрассудками предыдущей эпохи; тут тебе все на выбор: хоть машины в Германии кради, перегоняй в Отечество, или с автоматом того же Калашникова (генерала, не писателя-историка) под мостом стой, а есть желание — в брокеры, в менеджментеры; фирму подставную можно организовать и обанкротить. А если ума мало, а сил много — так прямой путь в вымогатели-рэкетиры. «Молодым везде у нас дорога!» А вот когда радость пришла на нашу улицу, если тебе уже за тридцать... только самая низовка торговли и остается.

Да, помаялись Игорь с Ольгой в первой половине девяностых-лихолетних: зима морозная, Ольга с подружкой мерзнут в тряпичной палатке на городском рынке, какой-то дрянью мануфактурной промышляют. Хорошо Игорь на старенькой своей машине подъехал, из оптовки привез партию китайской спортивной дешевки, по пути где-то бутылку самогона прихватил. Выпили девки по рюмахе-другой, тепло по телу растеклось, можно и до ближнего вечера постоять-поторговать. Николай Андреянович, сам бедствуя в те годы немилосердно, ничуть не завидовал приятелю и его супруге.

Однако прошло лихолетье расстрельных, откровенно воровских лет. Жить стало лучше, жить стало веселее... К деноминации рубля и у семейства Вашко дела поправились. Игорь занял почти приличное место в фирме, перепродававшей лаки и краски отечественного производства, Ольга открыла магазинчик по мануфактурной части. Изредка встречая на улице Николая Андреяновича и зная хорошо его коммунистический атавизм, говорила: «Хоть ты и против предпринимательства, а вот я забочусь о людях, раз государство их бросило: у меня все продавщицы с «красными» дипломами!»

Тем не менее чувствовалось, что, несмотря на новую квартиру в центре, хотя и отечественную, но лучшую машину и так далее, далось все это новоиспеченным буржуинам непросто. Николай Андреянович, проживая рядом с областным диагностическим центром, как-то встретил идущего в его сторону Игоря. «Вот, иду к кардиологу,—мрачно сказал тот,— сердце который день жмет, а ведь еще недавно и не знал, где оно

точно находится! Молодые волки на работе на пятки наступают... да-а, в бизнес следует лет в двадцать идти поначалу. А в тридцать-сорок тяжело».

◆ В то злосчастное лето, что завершилось августовским дефолтом (точного значения этого собачьего слова Николай Андреянович так и не установил), у нашего героя не получилось с путевкой — в НПО «Меткость», где свирепствовали пережитки прошлого, еще давали путевки за 10...20 % от стоимости. А он пристрастился летом отдыхать от дел мирских и инженерных в недалеком курорте на Оке с приличной публикой, в основном московской. Ближе к июлю месяцу Николай Андреянович затосковал в жарком и пыльном городе, бывший славе русского и советского оружия, который назначенный демократами губернатор-взяточник с кулинарной фамилией привел в полное ничтожество.

Тем удивительнее оказался вечерний телефонный звонок Игоря Вашко. Надо сказать, что, по всей видимости, бизнес у того пошел в гору: почти два года не звонил; на улице тоже не встречались. Между тем Игорь пригласил встретиться, пропустить по стаканчику, поговорить о том, о сем, благо и дельце есть. Николай Андреянович удивился: какие дела могут быть у него, человека явно неделового, однако согласился с удовольствием.

Через полчаса они встретились на центральном проспекте в стекляшке-забегаловке, всему городу известной под названием «Ханты-манси» (от давнего официального названия: кафе «Манты»). Разговор с самого начала принял интересный для беспутевочного Николая Андреяновича оборот. Суть его в следующем. Оказывается, прошлым летом Игорь исполнил свою мечту: купил яхту. Правда, пластмассовую, но зато разборную, можно на крыше легковушки перевозить. Тем же летом яхта была опробована на озере, километров триста севернее столицы. Ездили сам-трое: он сам, Ольга и сын. Более младшую возрастом дочь оставляли на бабку.

А вот этим летом компанию Игорю не составили: Ольга готовила дочь к поступлению в пединститут (университет по-нынешнему), а сын завел себе постоянную девицу; с ней ему было интереснее. Короче говоря, предложил Игорь приятелю составить компанию. После пятой рюмки, отбросив все сомнения, Николай Андреянович согласился. Договорились через неделю, дабы он, как человек казенный, оформил отпуск.

Наутро, протрезвев, Николай Андреянович корил себя нещадно: куда-то тащиться, ночевки в палатке, комары... романтика дурацкая, когда под пятьдесят. И это вместо уютного и привычного курорта... Впрочем, курорта в этом году не предвиделось. А что делать, назвавшись груздем?

◆ Ехали бизнесмен с инженером благодушно — двести верст до столичной окружной и за триста от нее на север легко одолели в един день от пяти утра до ранних сумерек. И то потому так долго, что хозяин не был родственником Миши Шумахера, как по крови, так и духу, а за Москвой, съехав в уютную рощицу с поляной, устроили трехчасовой привал с обедом и парой рюмок для Николая Андреяновича, с задумчивой дремотой и лицезрением ясного, без единой тучки, июльского неба, с ленивой беседой о душеприятном. Какие погоды, какие душистые запахи! Только осатаневший в раскаленном городе человек может оценить это невещественное счастье...

В автомобиле же, дабы не отвлекать водителя от его занятия, Николай Андреянович лишь слегка подтрунивал над тружеником его величества капитала. Игорь вздыхал. Ему самому уже давно разонравилась нудная либеральная профессия, но коней на переправе, как известно, не меняют.

Последние два часа пути Николай Андреянович и вовсе молчал. Автострада окончилась, Игорь, сверяясь с памятью и картой, озабоченно вел машину по разбитой

асфальтовой районке, потом по грунтовой, петляющей между рощами, перелесками, редкими деревьями. Уже смеркалось, когда вывернувшись из очередного леска, путники увидели озеро с еле-еле заметным противоположным берегом, островком с часовней. С их же стороны справа на взгорье возвышалась старинная церковь, слева — село, покато спускавшееся к берегу.

Николай Андреянович, человек чувствующий, потому интересующийся пейзажной поэзией, вспомнил недавно читанные стихи местного, *m*-кого поэта, с которым был знаком отдаленно:

Не Москва — глухие деревушки Сохранят, как тайные скиты, Как свои заветные церквушки, Нашей Богородицы черты...

Еще в дороге глава экспедиции успокоил Николая Андреяновича, сняв страх перед палаточной романтикой: остановятся они у бодрой и опрятной старушки, прикормленной с прошлого лета, в добротном доме (покойный ее муж был колхозным бригадиром). Срок приезда — чтобы не опередили конкуренты — Игорь оговорил в прошлогодний визит. На десять дней они получал в полное распоряжение комнатку с двумя кроватями и остекленную веранду с двухконформной электроплиткой белорусского производства. И сотовые отсюда берут. Вход отдельный, а главное — озера в двадцати шагах, яхта перед глазами, не сопрут, не поуродуют. Благо и дом стоит слегка на отшибе от села, ближе к церкви — бывшая поповка; как пояснил Игорь, дед старушки был здешним священником, разжалованным от своих обязанностей местными комсомолистами в начале двадцатых.

Машина, спустившись по пологой дороге к озеру, отвернула чуть вправо, в сторону церкви, и остановилась перед крепким домом, впрочем, знавшим лучшие времена.

Выходя из машины и разминая затекшие члены, Николай Андреянович ни к селу ни к городу подумал: «Жаль, если здесь лет через тридцать будут жить китайцы»...

◆ Оно и в родных местах в середине лета ночь с трудом вступает в свои права ближе к одиннадцати вечера, а здесь-то сумерки по-северному и вовсе не торопятся в полуночь сойти на нет. Все же луна тускло затеплилась на потемневшем небе, когда гости разместились, накрыли стол на веранде, поджарили на плите яичницу из десятка домашних яиц, принесенных Клавдией Тихоновной. Жарили на сале, опять же из погреба хозяйки. Вечерять сели вместе с ней; Игорь принес для старушки бутылочку рябиновой, коей она с охотой приняла пару стопочек. Гости пили «флагман», но осторожно, памятуя, что ночи здесь короткие и им не по двадцать пять. С дороги налегали на яишенку, бабусин зеленый лучок и редиску, привезенные закуски, потчуя Клавдию Тихоновну. Та же интересовалась здоровьем Олечки и детей, знакомилась с краткой биографией Николая Андреяновича.

Оба спохватились было, что не отзвонились домой, но по позднему времени отложили на утро. Поначалу насытившиеся путешественники поклевывали носом, но хорошо очищенная водка придала им второе дыхание. Разговор сам-трое оживился, по русскому, точнее советскому, обычаю замкнулся на политике, преимущественно внутренней: что делать? За что? Почему именно нам достались все тяжкие и так далее. Здесь по-преимуществу соловьем разливался политически подкованный Николай Андреянович. Потомок истовых хохлов Игорь угрюмо молчал; вообще при подобных разговорах он соответствовал характеру щедринского персонажа. А может, и гоголевского? Николай Андреянович точно не помнил. Так вот, этот персонаж вполне здраво и со вкусом поддерживал беседы о вещах наглядных и конкретных: кушаньях, охоте псовой, женских достоинствах. Но стоит завести речь о политике, внешней или внутрен-

ней, как персонаж этот угрюмеет и молчит, а то заведет такую философию, злобную и тупую, что только рукой собеседник махнет и прочь отойдет...

Понятно, что суждения бизнесмена Вашко были вовсе не тупыми, но вот мрачными — это точно.

Хозяйка же Клавдия Тихоновна говорила обычное для ее пола и возраста: дескать, повезло нам с руководителем, собой хорош, не то что какой-нибудь Зюганов, а что стопку-другую себе позволяет... так русский же человек! Опять же о народе радеет... да вот начальники разные, окружающие его, губернаторы и думские смутьяны все его добрые начинания похеривают. Николай Андреянович дипломатично кивал, соглашался. Игорь же без лишних слов потянулся за квадратной, под хрусталь, литровой бутылкой «флагмана» высшей очистки. «Протекционистская политика нашего государства в области малого и среднего бизнеса позволила всем нам самореализоваться»,— откудато из запасников памяти Николая Андреяновича выскочило несуразное.

Скоро Клавдия Тихоновна раззевалась, прикрывая рот ладошкой, крестьянский уклад брал свое: ложиться с наступлением темноты, а в четыре утра уже буренку домашнюю доить... Прощаясь с гостями и желая доброй ночи, гостеприимная хозяйка посоветовала молодым людям, столь интересующимся политикой и отечественной историей, сходить к деду Михаилу в село, он знает много и всегда рад поговорить с людьми из города. Свои-то деревенские ему давно надоели непонятливостью. «Я в давешнее лето Игорьку о нем порассказала. Сходите, не пожалеете»,— добавила Клавдия Тихоновна, затворяя за собой дверь в горенку.

◆ В ту ночь они поддали-таки крепко, нарушив в первый же день торжественную взаимную клятву принимать по маленькой только с устатку и для бодрости. Поэтому на следующий день проснулись поздно и до вечера возились с яхтой, как высокопарно называл хозяин вполне поместительную лодку с полупалубой, весламидвойками и мачтой с косым пиратским парусом. Все, включая весла и парус, было построено из пластмассы. Только пятисильный движок подозрительно походил на металлический, да бензин к нему настоящий. Впрочем, как припомнил Николай Андреянович из химии, бензин тоже органика, как и пластмасса...

Впрочем, со следующего дня началась настоящая услада. В утреннем бризе ходили под парусами, а после сытного обеда, приготовленного добрейшей Клавдией Тихоновной, и пионерского «тихого часа» — на моторе или на веслах бороздили озеро вдоль и поперек. Николай Андреянович быстро восстановил морские навыки, почти что забытые с далекого заполярного детства и юности, радовался, как дитя, вольной жизни, водному простору, невещественному счастью нахлынувших детских воспоминаний. Наслаждался и сухопутный моряк Игорь.

А после ужина выходили на лов, используя легко браконьерские снасти, привезенные с собой. Рыбу вялили во дворе дома, развешивая, подобно белью, на веревках. Будет с чем дома пивка попить! На четвертый день явился за данью сельский участковый, одобрил рыбку, презентованную кредитку в американской валюте и квадратную бутылку «флагмана» из привезенной с собой коробки. Представитель службы услуг правопорядка несколько огорчился, узнав, что у Игоря есть удостоверение на право вождения маломерного судна (до 30 лошадиных сил), поэтому понес какую-то нелепицу о регистрации свыше трех суток. Игорь остановил красноречие дополнительной кредиткой, правда, во вспомогательной, отечественной валюте. Глядя вслед удалявшемуся стражнику, Игорь задумчиво произнес филиппику насчет того, в какой фуражке удобнее родиться на этот свет: в капитанской с гербом яхт-клуба или в милицейской с красным околышем.

Больше никто и ничто их не огорчало. За суетой и усладой активного отдыха Николай Андреянович и Игорь забыли обо всем на свете и только за два дня до отъезда вспомнили о деде Михаиле. Игорь поведал, что знал из прошлогодних рассказов Клавдии Тихоновны.

◆ Дед Михаил, а полностью Михаил Вячеславович Белосельский, был знаменитостью села Опочевца и окрестных мест. Во-первых, недавно ему стукнуло девяносто четыре, то есть родился он за два года до революции 1905-го года. Во-вторых, еще несколько лет тому назад на изумление и потеху местного народа он по утрам прогуливался округ своего дома зимой в одних трусах (вообще-то в шортах). А местный же директор школы, игравший с дедом Михаилом в шахматы уже с четверть века, рассказывал: знаменитый снегоход Порфирий Иванов не раз и не два наезжал в гости к Михаилу Вячеславовичу. Наконец, в-третьих, был он настоящим князем — из младшей ветви знаменитых князей Белозерских-Белосельских, тех, что после революции владели всеми плантациями апельсинов в Марокко. А памятуя и любя издали Отечество, почти весь урожай южных фруктов по демпинговым ценам поставляли в СССР. Помните советские времена? И апельсины марокканские по рупь-сорок, развозимые из столицы по всей стране? — Так вот это и были апельсины от князя.

А наш князь, как стали называть деда Михаила на селе после горбачевской либерализации цен и ценностей, родился в имении, что располагалось неподалеку от Опочевца. И хотя в этих северных местах крепостного права отродясь не было, а имение было построено по прихоти деда Михаила Вячеславовича князя Константина Евграфовича Белосельского в 1883 году, тем не менее в семнадцатом мужички, подстрекаемые ярославскими эсерами, напившись ханки, одурели и подчистую сожгли барский дом и все хозяйственные постройки. Причем предварительно даже не пограбили — в здешних местах воровство не поощрялось.

Юный Миша до семи лет преимущественно жил баловнем деда в имении, а потом, когда пришло время учебы в гимназии, был увезен родителями в Москву. Подготовленный хотя и сумасбродным, но ученым дедом, Миша поступил сразу во второй класс дворянской гимназии. Когда большевики осенью семнадцатого обстреливали из пушек Кремль, он учился в последнем классе. Приехавший из сожженного имения дед, обладавший даром предвидения, что часто бывает свойственно людям несколько не в себе, посоветовал внуку учиться в Горном институте. Глава семьи князь Вячеслав Константинович был известным в первопрестольной врачомокулистом. Вообще говоря, все в ряду князей Белосельских, равно как и в старшей ветви, еще с 60-х годов прошлого века перестали кичиться титулом и занялись полезными делами. Причем не просто прописывал очки и закапывал глазные капли, но читал лекции на медицинском факультете и делал сложные операции — не хуже своего научного коллеги профессора Филатова из Одессы.

Поскольку первое советское правительство, вскорости переехавшее в Москву, в основном состояло из товарищей еврейской национальности, людей ученых и посадивших глаза за чтением трудов основоположников, то с такой клиентурой доктор Белосельский в самые свирепые годы красного террора и в последующие не имел ни малейших неудобств от властей. Даже их восьмикомнатную квартиру не уплотнили. В семье до сих пор ходит предание, что именно князь Вячеслав послужил — в бытовой части — Булгакову прототипом доктора Преображенского.

И Мишуня окончил Горный институт по геологоразведке в год смерти Ильича без неприятностей. В начавшейся тогда кампании по перемене фамилий сверхпроницательный дед посоветовал всему семейству перекреститься в демократических Белоселовых. Последнее неудобство жизни в Советской России было устранено. Довольный содеянным, Константин Евграфович отошел в мир иной, ненамного пережив Владимира Ильича, которого, кстати говоря, уважал. Истинно чудаковат был князь.

Вячеслав Константинович в Великую Отечественную стал полковником меди-

цинской службы, умер в пятьдесят первом году лауреатом Сталинской премии. Ненамного пережила его и супруга. Младшая сестра Михаила Евгения дожила до позора горбачевщины. С покойным мужем, видным сотрудником госплана, она вырастила пятерых детей, дождалась правнуков. Так что бывшая княжеская квартира, ныне разделенная на две отдельных, никогда не пустовала.

А Михаил Вячеславович, как отправился новоиспеченным геологом-изыскателем в первую свою экспедицию на Алтай, так и пространствовал до хрущевских времен: работал с Ферсманом на Кольском полуострове, в войну искал стратегический марганец в Сибири и на Дальнем Востоке, а потом его перебросили на урановые месторождения. Вернулся он в родительскую квартиру с иконостасом трудовых наград, небедным и женился в начале шестого десятка. Запозднился с экспедициями. Однако, запрограммировав долгую жизнь, в пятьдесят с лишком выглядел тридцатилетним и мужественным, чем и привлек свою будущую супругу, здравствующую и поныне, студентку-старшекурсницу Горного института, куда он устроился доцентом (диссертацию еще в сорок восьмом защитил наездом в столицу).

В начале семидесятых, будучи уже профессором, доктором геолого-минералогических наук, заслуженным деятелем науки и техники, единолично получил, продолжая традицию отца, Госпремию за учебник по сейсморазведке, на которую и построил роскошный по тем временам дом на окраине Опочевца, тем самым замкнув исторический круг возвращения к родным пенатам. Окончательно же переселился в Опочевец сразу после восьмидесятилетнего юбилея. Дом жил шумно, особенно летом: поздних детей у Михаила Вячеславовича народилось трое, внуков уже было семь, да еще многочисленное потомство сестры Евгении...

◆ Визит к князю-профессору был назначен на утро предпоследнего дня пребывания в озерном раю. Накануне ужинали насухую, чтобы не было бонтона на следующий день, хотя Клавдия Тихоновна советовала с собой — для знакомства и разговора — прихватить «бутылочку городской». Дед Михаил хотя и готовился к столетнему юбилею, но, как истинный геолог, все еще позволял себе рюмку-другую.

...Может быть поэтому, то есть по причине «сухого» ужина, Николаю Андреяновичу, дотоле спавшему в этой благодати вовсе без снов, в эту ночь посетили пестрые видения. Началось с совсем гадостного; снилось, как будто его старинный приятель Витька Болтов, ранее фотокор всех городских газет, а теперь бедствующий, неожиданно получил главный приз всероссийского конкурса отечественных папарацев в сумме 20000 долларов: заснял на фотку примадонну столичной эстрады в отхожем месте... А полученные доллары за неделю пропил с мигом набежавшими приятелями в кабаке «Эдельвейс» (бывшая «Дружба»), что во дворе его дома. И будто бы в память такого грандиозного загула «Дружбу-Эдельвейс» переименовали в «Болтов-энтерпрайз».

Очевидно, из подсознания Николая Андреяновича выскочил известный случай с не менее известным композитором М., который, получив (всего лишь за три песни!) Сталинскую премию, в две недели пропил ее с друзьями и просто посторонними в пивной на окраине воспетого им рабочего пригорода: «Под городом Горьким, где ясные зорьки...» А пивная эта с тех пор зовется исключительно М-овской...

А затем он с удовольствием просмотрел полнометражный художественный фильм режиссера Арцимовича-Задунайского «Утро олигархической казни» с легко узнаваемыми персонажами и декорациями Красной площади и Лобного места. Отрубленные головы с модными трехдневными щетинами и дегенеративно выпяченными вперед подбородками шеренгами катились по Васильевскому спуску.

Еще снилось нечто антипатриотичное: будто руководитель российской державы, большой охотник поиграть в лаун-теннис, вызвал на пари председателя Китайской

Народной Республики и продул начальнику Поднебесной речку Амур с прилегающими землями...

Следующий сон, наоборот, светился ура-патриотизмом, хотя и историческим. Будто в самом, неудачном для нас, начале Сталинградской битвы турки, сошедши с ума, объявили войну СССР, но тотчас были разбиты. Основной удар нанесла группировка Красной армии, с сорокового года стоявшая в северном Иране. Армяне советские и турецкие объявили тотальную мобилизацию и выбили башибузуков из турецкой Армении, прибавив к названию священной горы Арарат «имени Сталина». А с юга в Анатолию хлынули поднятые на восстание агентами НКВД курды. Уже через месяц маршал Рокоссовский принимал в Стамбуле-Константинополе безоговорочную капитуляцию у неразумных наследников Кемаля Ататюрка.

В содержании следующего видения Николай Андреянович не успел разобраться, так как был разбужен энергичным голосом руководителя экспедиции: «Вставай! Вроде и не пили вчера, а разоспались»...

Наскоро перекусив и захватив предпоследнюю квадратную бутылку из сиротливо опустевшей коробки, компатриоты отправились на другой край Опочевца.

- ◆ ...Так вот, молодые люди, с аппетитом закусив малосольным огурчиком рюмку «городской», продолжил завязку беседы хозяин поместительного двухэтажного дома, удивляться тому, что я в девяносто четыре не развалился и не умственный идиот, не стоит. И пресловутый горный воздух, баранина с курагой от рождения... Это все не тот расклад. А воля божья? При всем моем уважении к религиозной традиции, естественно православной, сами понимаете, профессорство предполагает материалистическое мировоззрение.
- Прошу прощения, Михаил Вячеславович, что встреваю. А вот наш великий Павлов...
- Да-да, Иван Петрович большой оригинал был. Кстати, хороший знакомый моего отца. Сам имел честь разговаривать с ним у нас дома. Как мне кажется, его религиозность была своего рода демонстрацией. Такой же, как и его демарши с ношением на изрядно потертом пиджаке орденов Св. Владимира, Св. Станислава и Почетного легиона. А на дворе-то уже сталинские пятилетки. Да-а, большой оригинал. Но вернемся к нашей теме.

Здесь кому как выпадет. Опять же сочетание наследственности, образа жизни, врожденного оптимизма... Конечно, с биологией не поспоришь: удобнее ходить уже с согнутой спиной, зубы двадцать лет как чужие. Столько же читаю в очках, а главное — мысли и речь тягучие... как резина. В позапрошлом году зазвали в Москву на съезд геронтологов. Пока ехали — внук за рулем сидел, сам уже давно не вожу — растрясло, еле в президиуме час высидел, носом клевал. Поехал на московскую квартиру, отоспался и только на второй день отъезда нашел силы и желание с докладом выступить.

Впрочем, хватит обо мне: подумаешь, ерунда — почти до ста дожил! Вот в соседней деревне старообрядцы, вернее, их потомки обитают. Так у дедов-прадедов нынешних ее жителей в моде были возрасты сто десять, сто пятнадцать... А вы все про Кавказ да про молочных барашков.

— В нынешней Россиянии и до шестидесяти-то лет дотянуть проблематично,— сгрубил доселе молчавший Игорь.

Михаил Вячеславович зорко посмотрел на гостя, по воспитанной привычке современника Ягоды и Лаврентия Павловича сделал осторожную паузу; впрочем, тут же вспомнил: какая погода на дворе стоит:

- Да-да, как сейчас люди, из тех что поумнее, говорят: были времена тяжелее, но не было подлее! А вы, молодые люди, какие, так сказать, нынче идеалы исповедуете?
 - Пожалуй, коммунистические и со сталинским уклоном, брякнул Николай

Андреянович, запамятовав, что перед ним сидит князь-рюрикович, да еще в царской гимназии учившийся. Заметно порозовев, кивком передал слово приятелю.

- А по мне так советскую власть вернуть, но без генсеков и парторгов; как в современном Китае.
- То есть, молодой человек, бизнесмен, как я полагаю, хотелось бы доходы иметь, как сейчас, а работать, как при советской власти? Вы уж не обижайтесь...
- Михаил Вячеславович,— решился направить беседу в вожделенное русло Николай Андреянович,— вы человек во многом уникальный, если не возражаете против такого определения. Для вас история как бы повторяется; я имею в виду годы семнадцатый и девяносто первый он же девяносто третий. Не возникает ли у вас чувства некоторого удовлетворения: все возвращается на круги своя; все бедствия, все потери вашей семьи в те давние годы вроде как отміщены. Как вы полагаете?
- Тонкий и сложный вопрос, молодой человек. Давайте еще по рюмочке, а вот и яишенку Надя несет!
- ◆ Ход вашей мысли, молодой человек, вполне логичен: князь из рюриковичей, именьишко мужички пожгли, сам из «старорежимных»... Правда, с некоторыми уточнениями: почти три четверти моей затянувшейся жизни я был советским человеком, да таковым и сейчас остался. Второй момент я профессор, то есть человек относительно разумный, с преобладанием логики в мыслях над скороспелыми порывами души и страсти, так сказать. Наконец, мои предки еще с середины прошлого века совлекли с себя княжескую спесь и стали людьми трудящимися, хотя и в так называемой интеллигентной сфере.

Есть, конечно, понятие родовой памяти, мстительность, чуть ли не веками таимая в душе, наследственная. Как говорил уже, тут неподалеку старообрядцы проживают. Их при советской власти даже в худшие для церкви троцкистские времена не трогали, дескать, многовековые жертвы царизма! Однако большая метла при Ягоде, троцкистском выкормыше, и из староверов кой-кого задела. Знавал я таких, то есть самих репрессированных и их детей. Так вот, они не клянут даже сейчас, в сверхлиберальные и антисоветские времена, Сталина и коммунистов. А потому как только у них сохранилось истинно православное мироощущение.

А вот тоже по жизненному опыту: самые злопамятные — из хохлов послевоенной высылки (здесь Игорь мрачно хмыкнул, но вспомнил английскую присказку, что джентльмены присутствующих в виду не имеют...) и потомки раскулаченных в коллективизацию с юга России, и особенно из сибирских. Про Кавказ и азиатов не говорю, это другой мир. Так вот какое дело, мои-то пращуры тоже Никонову ересь не приняли, как боярыня Морозова в опалу поначалу попали. То есть и у меня, наверное, историческая память о тех временах есть.

Я это к тому все говорю: нет у меня никакой родовой и иной предвзятости. Сужу только по личным впечатлениям и логике хоть и престарелого уже, но — ума какогоникакого. Другое дело, что бог долгую жизнь — и в разуме — дал, много видел, много слышал, много, наконец, думал. А время думать было предостаточно, профессия полевого геолога-изыскателя к тому побуждает.

То есть жизнь почитай за сто лет наблюдал в «низах» и в «верхах». Ведь отец мой до войны по части зрения всю кремлевскую верхушку пользовал. Многие дома у нас бывали. Сам Лаврентий Павлович в приватной обстановке в сороковом году у меня относительно урановых месторождений интересовался; я ведь в Москве часто наездами бывал — в отпуск, с отчетами в главк, на семинары и конференции. То есть не все время в медвежьих углах пребывал. Михаил Иваныч, он же всесоюзный староста, так сказать, номинальный глава СССР, тот и вовсе запросто на чай заходил. Что-то сложное у него с глазами было, лечился у отца.

Все же возраст есть возраст, поэтому, вспомнив отца, хозяин переключился на дела семейные:

- Сейчас у меня дома тихо для летнего времени: все в Москву уехали, там очередная внучка замуж выходит, правда, с некоторым запозданием. А здесь мне для компании пару правнуков оставили, да племянницу на хозяйстве что вам калитку открывала. А вот через пару-тройку дней дом ходуном ходить будет. Давайте по нижегородскому обычаю на веранду перейдем, туда и чай подадут.
- ◆ Чай, поданный на веранду почтенной племянницей в сопровождении трех сортов варенья, меда и свежевыпеченных домашних булочек, понятное дело, заваривался из самовара, хотя и электрического, и был великолепным. Как объяснил патриарх дома, состав заварки составлял он сам, научившись этому делу в алтайских экспедициях.
- Конечно, здешние травки не чета алтайским, состав и количество эфирных масел не тот, но все же сбор недурен. Да и сам чай китайский, настоящий. Один из внуков по торговой части пошел, он и поставляет. А то, что в блестящих упаковках и жестянках мусор из Кении, где и культуры выращивания чая нет.
- ...Я вообще-то в Москву сейчас раз в год по обещанию езжу. И не потому, дескать, что возраст, то да се. Нет, просто тошно смотреть: во что белокаменная превратилась. Не зря ее вся страна Иудопаразитовкой называет... да еще по настоящей фамилии одного видного деятеля.

Ладно, отвлекся я по-стариковски. Хотя доктрина Даллеса от сорок пятого года в отношении Москвы выполнена на сто десять процентов: народ — от бомжей до верхов — превращен в хамское быдло, жирующее на издыхающей стране. Да-а, вы это лучше меня сами знаете. Вот вам и первое несовпадение: Москва, скажем, тринадцатого года — года празднования 300-летия Дома Романовых — и нынешняя Иудопаразитовка или как ее там?

Полагаю вас людьми самодостаточно мыслящими, то есть бред о «России, которую мы потеряли», считающими клиническим случаем. И первопрестольная, равно как и вся империя, в то время чем-то напоминала современную Индию, понятно, в естественных временных масштабах: на полный ход раскручена ядерная программа, бывший советский флот у России оптом скупают, свои компьютеры клепают и так далее. А чуть от Дели, Хайдарабада и Бхилаи отъедешь и видишь: почти миллиард индусов в полной нищете пребывает.

Но тогда Москва жила своим трудом: промышленностью, оптовой внутренней торговлей. Налогов со всей страны не собирала, строилась широко, но довольно скромно по антуражу. Чиновники брали, но опять-таки скромно. Что еще? Воры по мелочи воровали, изредка медвежатники банки брали. Суды были присяжные, потому коррупцией не страдали. Из полиции почитай только околоточные с лавочников трешки «к празднику» брали.

То есть вроде как сейчас; но все наоборот. Да, запамятовал, еще одно отличие: два предреволюционных десятилетия Москва — центр русской благотворительности. В Петербурге ее вовсе не было. Но все дело в том, что единственными жертвователями в России были купцы-старообрядцы, а торговые дела притягивали их к Москве, отчасти к Нижнему Новгороду. Так что все нынешние всхлипы телевизионщиков о широко поставленном деле благотворительности в старой России — мифотворчество. А о нынешней даже им неудобно говорить, ибо и русский бандит, и понятно чей олигарх скорее последнюю копейку у нищего отберут, нежели на что-то пожертвуют. Разве что с олигарха на синагогу по разнарядке спишут со счетов. Про кавказских торгашей и вовсе смешно говорить.

А уникальная русская благотворительность конца девятнадцатого — начала двадцатого века только дело старообрядцев.

- А я ведь тоже из калужских староверов поповского толка,— вступил Николай Андреянович,— я хоть и некрещеный, а вот в Калуге все мои двоюродные сестры и братья крещены. А глава этой ветви старообрядчества в Новозыбкове Брянской области ставку имеет: архиепископом Геннадий сейчас, именуется как архиепископ Новозыбковский, Московский и Всея Руси Древлеправославной русской церкви...
- Ну, раз так, то должны знать, что, даже несмотря на либерализацию и реформы Александра Второго, старообрядцы были под большим подозрением. До самого семнадцатого года они имели меньше гражданских прав, нежели евреи, которые столь плачутся по сей день об угнетении царизмом... Ведь приверженцам старой, то есть истинной, веры запрещалась любая госслужба, а значит карьеры военная, научная, университетская, государственно-служебная и прочая им были закрыты. А ведь народ душевно и физически здоровый, трезвый, образованный куда силы и ум приложить? Вот поневоле и приходилось в третье сословие идти, в купечество. Зато и создали Россию промышленную, Европе равную!

А поскольку истинное православие начисто отрицает алчность и накопительство, разврат и мотовство, то не «бизнес» пресловутый довлел в жизни русского купечества — так фабрикатов и заводчиков по традиции называли — а своеобразная служба государству, Отечеству на ниве промышленности и крупной торговли. Если бы русский купец во всеуслышание объявил, как сейчас, что его главное дело «бизнес делать», то есть живет от и трудится ради чистой личной наживы, то его бы взашей из гильдии вышибли! Недаром царь купцов, как и военных, чиновников, медалями награждал... А вот излишек денег купец-старовер не на виллы на Лазурном берегу тратил, не сплавлял в зарубежные банки «про черный день», а тратил на благое дело — отсюда и самоназвание: церкви ставил, картинные галереи открывал, оперу строил и народные училища.

Вот такие-то дела. А вот что сближает Москву предреволюционную, особенно в годы империалистической, с нынешней, так сволочи разной расплодилось невиданно, что и случается перед революциями... и всемирными потопами.

Вы налегайте на крыжовниковое, молодые люди. Ныне оно редко, крыжовниковый куст повсеместно почему-то вырождается.

◆ — А вот народ совсем другой сейчас пошел, в основном разумом дебильный, хотя и с образованием. Здесь, как мне кажется, две основные причины. Первая — действительно, лучших представителей русской нации повыбили в Гражданскую и Отечественную. Надорвали они силы в сталинские пятилетки. Ведь известно: в трудные эпохи все держится на сильных духом и телом, потому и гибнут, надрываются они чаще. Это также как в девятнадцатом веке во Франции две вещи полностью изменились, точнее переродились: виноград после эпидемии филлоксеры стал совсем другой, видно геном его изменился в чем-то. Поэтому даже коллекционные вина урожаев до эпидемии именуются «прафиллоксерой». Вкус у них, действительно, совсем иной. И так по всем сортам и по всем европейским винам. Уж мне поверьте, приходилось пробовать. А второе перерождение — французы после наполеоновских войн выродились; даже внешне они стали другими, что хорошо видно, когда рассматриваешь гравюры восемнадцатого века, живопись портретную и сравниваешь с нынешними.

Вторая же причина зиждется на присказке: всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд. Ха-ха-ха! Эту присказку еще в гимназические годы откуда-то вычитал, а на третьем курсе института едва не вылетел подчистую из-за нее. Перед семинаром по философии — был такой мелкий повод — забежали в рюмочную и по стаканчику-другому, хоть и не прафиллоксеры, но ординарного портвейна выпили. Явились в самом веселом душевном настроении, вот и ляпнул по какому-то абст-

рактному поводу про абсурд. Забыл, что доцент наш из выдвиженцев, факультетский парторг. Вот он и взъелся: «Ах, абсурд? Вот как бывшие князья мыслят? По вашему получается, что и идея социализма...» Итак далее. Хорошо, что двадцатые, не тридцатые годы на дворе стояли! Все одно отцу пришлось звонить кому-то из кремлевских...

Впрочем, к делу. Такой вот идеей для русского, особенно советского, человека стала выраженная государственность и законопослушность. С другой стороны, иначе бы страна не выжила в этом веке. Круг замкнулся, но для нас вовсе нерадостно.

Вот и имеем то, что имеем: массу безвольных, трусоватых, отчасти подловатых людей. При советской власти эти качества отчасти подавлялись, ибо человек жил в коллективе, где, как говорится, и смерть красна на миру. Да еще было почти не испорченное крестьянство, крепкое старшее поколение, не совсем замусоренная молодежь.

Однако наступила горбачевщина, зыбкое равновесие сразу рухнуло. Главная причина здесь — если дать человеку неразумную волю, то биологическое в нем почти всегда побеждает социальное. Не совсем биологическое, конечно, а врожденное, многими поколениями воспитанное, въевшееся. Короче говоря, новая власть целенаправленно возродила похороненный было инстинкт накопительства и частной собственности, опять-таки доведя это до абсурда.

А вот накануне революции в русском народе еще был силен дух общины, да и пропаганда революционная свое дело сделала.

- ◆ Игорь, которому наскучили рассуждения о вредоносности частной собственности и накопительства, опять же яхта без присмотра уже полдня, заторопил хозяина дома:
- Так все же революция зло России принесла или, как нас в школе советской учили, благо?

А начитанный от демпрессы, которую он тщательно изучал до расстрела Дома Советов танкистами-гвардейцами, Николай Андреянович не преминул дать вводную:

- Много было прогнозов, причем со ссылкой на Столыпина и западных авторитетов начала века: если бы не революция и воспоследовавший ход отечественной истории, то к пятидесятым-шестидесятым годам Россия, естественно, республиканская с номинальным монархом, имела бы полумиллиардное население и была ведущей державой мира. Как вы полагаете, хорошо помня Россию царскую, реально ли это в альтернативном, как сейчас модно говорить, ходе истории?
- Понимаете, молодые люди, самое неблагодарное дело сочинять альтернативные истории. Как это ни странно, выборочно читаю современную литературу, внуки многое привозят. В том числе и пару этих «альтернативных романов» пролистал. Именно пролистал, хотя имею привычку читать тщательно. А просто неинтересно.

Так и гадания на кофейной гуще о России: что бы да кабы... Вы ведь, помнится, по образованию инженеры? Да-да, по системам управления в военной технике. Тем более вы должны четко представлять: в современном мире, то есть мире последнего столетия, уже выполняется закон Владимира Ивановича Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, то есть в сферу объединенного человеческого разума... или неразума; кто как представляет себе ход современной истории. Поэтому отдельной истории отдельного государства уже не может быть. Все нации и государства в их социальном, экономическом, геополитическом развитии образуют сложнейшую систему: где ниточку ни дерни — отзовется землетрясением на другом краю света.

Так что мечтания Столыпина, кстати, однокашника моего деда Константина Евграфовича, если, конечно, этого ему не приписывают новейшие либералы, несколько оптимистичны. Здесь правота не за царскими министрами и американскими эконо-

мистами, но за Гегелем, Марксом и Лениным. За что последнего и уважал князь Константин Евграфович, сам человек недюжинного ума.

А правота основоположников и практиков — поэтому добавим сюда Иосифа Виссарионовича — в том, что, во-первых, история не имеет сослагательного наклонения; во-вторых и в основных, история есть отражение диалектики, целеуказание которой человеку знать не дано. И раз обосновал основоположник учение своего имени, что империализм есть высшая стадия капитализма, за которой следует его уродливое и страшное для всего человечества самоуничтожение, так оно и будет. Возможно, вы еще успеете увидеть это своими глазами. Заранее не завидую вам, молодые люди.

А Гегель Георг Вильгельм-Фридрих, как вам хорошо известно, среди множества других законов сформулировал гениальнейший — это который о развитии по спирали. Спираль эта означает, во-первых, что вчерашнего дня не вернуть, поэтому и нынешняя реставрация якобы «капитализма» временна; а, во-вторых, история движется методом проб и ошибок, «пробного нащупывания», как называл этот процесс ученый-иезуит Пьер Тейяр де Шарден, ученик Вернадского по Сорбонне. Таким нащупыванием социального устройства мира, что неизбежно придет на смену вконец оскотинившему капитализму-империализму, в нашем веке явились две прорывные модели социализма: интернациональная в СССР-России и национал-шовинистическая в Германии. В определенном смысле, хотя и неявном, с определенной осторожностью сюда можно отнести и социальные аспекты итальянского фашизма.

Наиболее жизнеспособным, адекватным истории оказался советский социализм. Именно СССР фактом и действенностью своего существования за семьдесят лет задержал капитализм в его устремлении к краху. Но — это хорошо, поскольку крах этот вполне может оказаться и гибелью человечества, после чего история застопорится уже на столетия.

Михаил Вячеславович, утомившись от длинных фраз, произнесенных отработанным профессорским голосом, занялся разливанием чая новой заварки — со смородиновыми листьями.

- ◆ Выпив по стакану замечательного ароматного чая, сопроводив его рюмочкой настоящего «арарата» от хлебосольного хозяина, собеседники вернулись к увлекательной беседе. Понятно, что склонный к философствованию Николай Андреянович с удовольствием выслушал рассуждения хозяина дома о диалектике исторического развития, но конкретного бизнесмена Игоря более интересовала практическая история:
- Так все же, Михаил Вячеславович, в чем отличие Октябрьского переворота семнадцатого года, свидетелем которого вы являетесь, и, так сказать, нового октябрьского же переворота девяносто третьего? Здесь-то мы все живые свидетели. Может, это и есть соседние витки гегелевской спирали? Ведь похоже на то.
- Так, да не совсем так. Во-первых, тогда была революция, а ныне случилась контрреволюция, следует мыслить определенными категориями. Как ни блуди словами, но любой социум, государство является либо социальным, либо же либеральным. Революция семнадцатого года имела следствием создание уникального социального общества с девизом: поначалу по одежке протягивают ножки, но все вместе, без исключений. А по мере роста национального достояния улучшение условий жизни, опять же для всех одинаково. Как было в СССР, как было в Третьем рейхе. Понятно, что такая высокосоциальная система требует предельной централизации, которая возможна только при увлеченности идеей. Что опять же имело место быть. И приоритет государства над личностью.

Либерализм же — и опять же он в современной Россиянии сверхординарный —

предполагает приоритет личности над интересами государства. Извините, молодые люди, за краткое введение из учебника политологии, а может, и из хрестоматии по научному коммунизму...

Но дальше все просто. Все дело в характере русского народа — это к истории революции семнадцатого. А другая сторона этого же характера — нынешняя контрреволюция. Удивлены? Да, это может сказать только очевидец почти века отечественной истории. Однако, любознательные молодые люди, к сожалению, я как та кинозвезда — нарасхват. У меня сейчас гостит один и очень даже известный художник из Москвы. Впрочем, фамилия неважна. Он с утра раннего, еще до вашего явления, ушел во-о-н в тот лесок подыскать нужное по пейзажу место, а мне велел явиться к полудню. Будет живописать мою парсуну, как говорили в старину — по заказу Института геронтологии. Я и не лицемерил особенно, согласился. Тем паче, что оный художник мой давний знакомец.

А концовку нашей беседы вы найдете вот в этой книжке, в заключительной главе. Издал ее, что называется, для близкого круга смешным тиражом, потому, извиняюсь, презентую одну на двоих.

После недолгого, но сердечного прощания путешественники отправились восвояси. Оглядываясь, они видели неспешно удаляющуюся фигуру слегка согбенного князя в дедовской соломенной шляпе с провисшими полями.

◆ Руки до изящно изданной, эстетически удлиненной книжки с золотым тиснением дошли только по возвращении домой. Игорь великодушно уступил честь первочтеца Николаю Андреяновичу: почти двухнедельное отсутствие навалило текущих дел по бизнесу. «А я поздней осенью, когда у нас поставки уменьшаются, свободное время появляется — тогда и прочту».

Николай Андреянович, как истовый книгочей, прочитал в два присеста всю книгу, начав с посвящения: «Моему деду, князю Константину Евграфовичу Белосельскому». Заключительную же главу с названием «Необидный гимн русскому народу» (и вся книга написана с тем умным юмором, который принято называть английским; назначение же его — давать разрядку при чтении серьезных вещей) Николай Андреянович прочитал дважды:

«Итак, терпеливый читатель, глава последняя.

Ах, боже, сколько скуки В искусстве палача, Не брать бы вовсе в руки Тяжелого меча.

Так писал классик поэзии русского «серебряного века» Федор Сологуб, у которого учился в знаменитом Царскосельском лицее мой отец. Надеюсь, что не палачом нашей истории предстаю в этих записках, но вековым наблюдателем и участником. Понятно, участником — по мере не скудного, но и не такого уж великого ума. Руки тоже вроде из нужного места растут.

Многие, почти все в стране и в мире, не задумываясь, скажут: не повезло русскому народу в этом веке, да и вообще не везло за всю тысячу лет истории (если только профессора Фоменко и Носовский в своей «альтернативной истории» не укоротят оную до полутысячи!). Я вот своими глазами видел почти полностью наш век, кровавый и великий век двадцатый. Это мое преимущество в оценке вещей и события. Есть и другое преимущество: я — трижды русский (это как в анекдоте: дважды еврей Советского Союза...): по рождению, по княжескому достоинству от рюриковичей, наконец, как потомок хоть недолгих, но — старообрядцев, то есть древлеправославных ревнителей Отечества.

Как понять русский характер и (даже сквозь слезы нынешнего уничижения) возгордиться им? Прежде всего следует перестать задаваться дурацкими вопросам, навеянными либералами XIX века: «кто виноват?» и «что делать?». Самое главное — не винить во всех бедах монголов с татарами, евреев Хазарии и нынешних, привнесенных в Россию Екатериной Второй с аннексированной Польшей. Не надо все сваливать на недружественную Европу, неблагодарных кавказцев, американский империализм, происки масонского тайного Мирового правительства... Не надо. Ведь, в конце концов, татары стали носильщиками при вокзалах и швейцарами-официантами в московских трактирах и кабаках (при царях; впрочем и сейчас). Монголы в эпоху СССР управлялись из Москвы постоянно проживавшим там Южжагийном Цеденбалом. Хазарских евреев разгромил Святослав, а нынешние, исключая занятых делом «олигархов», скоро все улетят на Брайтон Бич (не в Израиль!). Европу скоро саму заполонят «иных времен татары и монголы» (Рубцов): турки, албанцы, негры и арабы. Америка тоже не вечна,— на нее ополчился весь мусульманский мир. Сложнее с тайным мировым правительством — потому что оно тайное.

Относительно же второго, сакраментального вопроса... Что тут сказать? Как мне кажется, в изначальной своей постановке вопрос этот, как бы это мягче сказать, неадекватен. Отвлекитесь от высоких штилей, перенесите вопрос на обыденные вещи и отношения. Кто задает в жизни себе такой вопрос? Правильно, полные бездельники. Нормальный, мыслящий, работающий человек знает что ему делать. А теперь перенесите это обратно на уровень нации, социума, государства... Думаю, все здесь понятно.

Еще либералы всех времен любят цитировать одного остроумца: Россию губят плохие дороги и дураки. Но дураков всюду полно; неизвестно где их больше; мне кажется — в европах и америках. Про японцев и китайцев ничего не могу сказать: у них лица одинаковые, а глаза прищуренные, то есть все косят под умных...

А вот насчет дорог возражаю. Как геолог, то есть человек подвижной профессии, много повидал и в разные времена: царские, советские, нынешние торгово-воровские. Дороги как дороги — по средствам и по потребностям. Не берут во внимание специфику нашей дорожной инфраструктуры ввиду громадности территории: грузо-и пассажироперевозки на дальние расстояния, то есть между областными центрами осуществляются развитым (здесь уж и не подкопаешься!) железнодорожным транспортом, а в пределах города, района и отчасти области — автомобильным. Все были довольны, все соответствовало плановому хозяйству. А вот теперь понадобились сверхдлинные автомобильные дороги с лаковым покрытием, чтобы бандитам и прочим честным предпринимателям на «мерсах» разъезжать, а дальнобойщикам сникерсы и памперсы по городам и весям развозить.

Однако вернемся к русскому человеку, его оригинальному характеру.

В последнее время появилось множество инсинуаций в отношении выдающихся личностей. Не забыли и Павлова Ивана Петровича. Дескать, тот где-то и кому-то писал на склоне лет, что более всего гордится не Нобелевской премией за пищеварение, не открытыми им секретами физиологии высшей нервной деятельности, но гениальной догадкой: русский человек слабоват разумом (?!). Во-первых, сейчас что угодно могут сочинить и тиснуть через печать, а во-вторых, не совсем понятно: что мог иметь в виду наш выдающийся ученый?

Может, он, человек желчный и мрачно ироничный (это только я и подобные мне немногие могут любя говорить; у вас уже такого права нет), под словами «слабоват разумом» подразумевал, что русский человек, говоря нынешней «феней», не умеет из всего деньгу вышибить, слабо реален в житейских делах, добр до облопошенности и так далее? Но разве это плохо — с нашей, конечно, русской позиции!

И это хорошо, что хоть один такой народ в мире сохранился до конца XX века! Но

для этого пришлось в Гражданскую много друг друга перебить — а вся сволочь, против которой и восстал народ, успела за границу сбежать. До хрущевского, хоть и временного, лично мстительного, но — либерализма народ был бдителен. Но — и это еще одна характерная черта нашего характера — добродушие русского человека преступно до безумия. А потеряв бдительность, не заметили, как за какие-то двадцать лет народилась новая сволочь, чем и воспользовался враг России-СССР, да и всего мира.

Не будем резюмировать содержание этой книжки. В ней, как я полагаю, имеются здравые мысли, вывод из которых: контрреволюция 90-х годов и революция семнадцатого не имеют между собой ничего общего. Даже такой пикантный момент, как главенствующая роль известно кого (комиссары в семнадцатом, олигархи сейчас), здесь ничего не решает. А главное отличие: если в Октябрьскую революцию главным действующим лицом был русский народ с неиспорченным характером, то сейчас без боя сдали СССР-Россию агентам мирового Антихриста люди без воли, без храбрости, с заглушенным инстинктом самовыживания. Проще говоря, к моменту «Х» народ трансформировался в биомассу. Но и противник достоин что-то вроде уважения — за мастерство. Взяли за горло, как того часового, что Чапая проспал...

А что дальше? Дальше будет действовать гегелевская диалектика; понятно, что следует за контрреволюцией.

Самое занимательное, что биомасса очень скоро вновь обретет достоинство русского народа. В этом и сила, неуничтожимость исконного русского характера. Крестьянин устанет водку и самогон пить. Рабочий вспомнит о забастовках петроградцев, сваливших царя и Керенского с компанией. Интеллигенция, понятно трудовая, опомнится. А искусственный «средний класс», включая бандитов, уже не нужный устроителям neues Ordnung, к этому времени в протестующих люмпенов превратится — костяк штурмовых отрядов. Сложнее с гигантски разросшимся чиновничеством и полицией-милицией. Но и здесь выход будет найден.

Мы живы, это главное».

യത്തൽ

Татьяна Камаева (г. Москва)

Прозаик, член Союза писателей России и Творческого клуба «Московский Парнас». В «Приокских зорях» публикуется впервые.

ЦЫГАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Когда погиб отец, наша семья решила переехать из Подмосковья в свой родной город Сухой Лог, который находится недалеко от Екатеринбурга. На Урале для меня все было ново и необычно. Даже название города Сухой Лог мне казалось таинственным и загадочным. А какая зима на Урале! Столько снега я еще не видела никогда в жизни, все белым-бело: и земля, и деревья, и дома, — из центра города снег вывозят, а вот на окраинах можно встретить сугробы в человеческий рост. А как умеют здешние люди веселиться! Они устраивают проводы зимы, карнавальные шествия, каждую субботу возле центрального клуба играет духовой оркестр, а на стадионе в праздничные дни выступают известные певцы и актеры. Только здесь я увидела и услышала, как говорят, в живую Кобзона, Королеву, Маршала, Расторгуева и еще много других известных людей. Сам городок небольшой, но чистый и уютный. И люди здесь совершенно другие. Когда идешь утром на работу, то, кажется, что все вокруг знают друг друга. Все приветливо улыбаются, здороваются, останавливаются и успевают спросить о здоровье, о детях и поделиться своими радостями и заботами. Это не Москва, с вечно спешащим куда-то потоком людей, в этом потоке не увидишь человеческого лица, только затылки, спины и опущенные головы. В мегаполисе надо учиться выживать, надо влиться в струю, уловить ритм жизни и успеть попасть в этот ритм, иначе тебя выбросит на обочину и, в лучшем случае, ты будешь вечно догонять этот поток, а еще хуже, если отстанешь от него, споткнешься и упадешь, а подняться уже будет очень тяжело. Хорошо, если найдется рядом человек, который сможет подставить плечо или протянуть руку, чтобы помочь вновь обрести жизненные силы. Москва — это вечная суета, агрессия и пробки. Здесь люди живут по другим законам, этот закон страшный, его называют законом джунглей, где каждый сам за себя.

— Здравствуйте, — услышала я женский голос.

Подняла голову и увидела красивую молодую цыганку, она приводила ко мне на прием дочку, у которой обнаружилась близорукость.

- Доброе утро.
- Я ваша соседка,— продолжила разговор цыганка.
- Знаю. Дочка привыкает носить очки?
- Ой, спасибо, доктор. Она их носит на резинке, чтобы не потерять...

Молодая цыганка все говорила и говорила, как будто мы были знакомы с детства. Так незаметно и дошли до больницы.

Да, нашими соседями через дорогу была цыганская семья. Вообще в Сухом Логу много цыган, они очень дружные, живут в больших домах. Здесь не увидишь цыганок, которые пристают к тебе со своим гаданием или выманивают деньги. Наши соседи занимались ремонтом машин. Каждый день, проходя мимо их дома, я замечала, как молодой мужчина провожает меня внимательным взглядом. Он был выше среднего роста, с черной кучерявой шевелюрой, с пухлыми губами и с горбинкой на носу. Через некоторое время он стал приветствовать меня улыбкой и кивком головы. Когда он улыбался, я поражалась белизне его зубов и красоте губ.

А в Москве у меня остался любимый человек, который каждый день присылал мне письма по электронной почте. Мы знакомы были уже два года, он работал в строительной фирме. Дела шли хорошо, и Евгений начал строить собственный двухэтажный дом. «Это будет моим свадебным подарком»,— говорил он при встрече, но строительство затягивалось, и свадьба откладывалась. Перед отъездом на Урал я надеялась, что он будет уговаривать меня остаться, но на вокзале Женя обнял меня и сказал:

- A может быть, и к лучшему, что ты уезжаешь, я постараюсь быстрее достроить дом и приеду за тобой.
 - Звони мне чаще и скучай, сказала я сквозь слезы и вошла в вагон.

Он не стал ждать отправления поезда, объяснил, что срочные дела, помахал рукой и ушел. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся в потоке людей.

Говорят, что любовь проверяется разлукой, но я никогда не знала, что так тяжело буду переносить эту разлуку с Евгением. На работе я целыми днями ждала его звонка, затем спешила домой к компьютеру, чтобы прочитать его письма и написать свое любовное послание. А если от него не было весточки, то я не находила себе места и звонила, чтобы услышать родной голос. Я стала рабой компьютера и мобильного телефона, мне хотелось думать только о нем, слышать только его. Знаю, что есть разные виды влюбленности: бывает любовь на месяц, на год, на несколько лет, я думала, что моя любовь — на всю жизнь. Так пролетали дни и проходили месяцы. Как-то от Евгения не было два дня писем, телефон был недоступен, я разволновалась и стала слать эсэмэски: «Что случилось»? «Прости, если обидела». «Евгений, у тебя все в порядке»? И он ответил, что сейчас денежный кризис, что это сильно бьет по карману, что теперь не до лирики. Я не знала, что ответить, не знала, что делать и как жить дальше без его голоса, писем и любви. Мне так хотелось, чтобы он понял, что только любовь спасет от отчаяния. Кризис — это деньги, а деньги — это всего лишь деньги. Сегодня их нет, а завтра они есть — это мы уже проходили. Кризис — это не смерть, переживем. Страшнее всего потерять любовь. Как помочь ему понять, что только любовь прибавляет силы и стимулирует жизнь. А если в сердце не живет любовь, то, в каком состоянии пребывает душа? Она спит или умирает? Если в душе нет любви, то жизнь этого человека становится черно-белой, его не волнуют облака, звезды, а дождь для него — это не разноцветные капельки с неба, а слякоть и грязь. Мне жаль, что мир для Евгения потерял краски. Жаль, что он до сих пор не понял, что самое дорогое в жизни — это человеческие отношения, которые не измеряются наличием денег, в человеческих отношениях самое высшее — любовь.

Моя любовь искала выхода, а от Евгения вот уже целый месяц не было ни звонков, ни писем. Я продолжала посылать ему эсэмэски: «С добрым утром! Береги себя», «Хорошего тебе дня, пусть дела твои наладятся»... В ответ получила: «Больше сообщений не присылай, все просматривается. Будет время, напишу». Я ничего не поняла, где просматривается, кто просматривает, но выполнила его просьбу.

У меня была семья, работа, но ни друзей, ни подруг не было, да и любимого, видимо, я потеряла навсегда. Друзья наживаются с детства, а я приехала в этот милый городок в двадцать три. В эти годы человек сам принимает решение — переезжать ему или остаться с любимым человеком, но я не могла оставить маму одну с тремя

детьми на руках. Коле исполнилось семь лет, Толику не было и четырех, а малышу Никитке всего десять месяцев, мама родила его больным и недоношенным после трагической смерти отца.

Наступила весна, зацвела черемуха. В народе говорят, что черемуха цвет к заморозкам, и они не заставили себя ждать. После теплых и солнечных дней землю подморозило, и надо же было мне упасть прямо напротив соседского дома. Сосед с кучерявой шевелюрой выбежал, как молния, поднял меня на руки, прижал к себе и понес домой. Я чувствовала мужские крепкие руки, мускулистую грудь и, кажется, слышала, как учашенно бъется его сердие.

- Тебе,— он запнулся,— вам не больно?
- Сильно жжет правую ногу, ответила я.
- Меня зовут Михаил, а вас Екатерина Дмитриевна, вы лечили мою племянницу Рубинку.
 - Рубина хорошая девочка, ответила я.

Мама, увидев, что меня несут на руках, открыла дверь, пропустила Михаила в комнату, он положил меня на кровать и, покраснев, стал осматривать ногу.

- У вас перелом, надо вызвать «Скорую»,— озабоченно произнес он.
- Откуда вы знаете? спросила мама.
- Это у нас наследственное,— он улыбнулся своей красивой белозубой улыб-кой,— моя бабка любую хворь выгоняет, мать заговорами лечит, а я кости могу вправлять. Сам не знаю, как у меня получается, а вот отец только машины умеет «лечить», то есть ремонтировать.

В больнице мне сделали рентген и наложили гипс.

- Вас есть, кому отвезти домой?— спросила медсестра.
- Есть, услышала я голос Михаила.

Он снова поднял меня на руки и отнес в машину.

— Спасибо.

Михаил посмотрел мне в глаза и сказал:

- Когда выйдешь за меня замуж, я буду всю жизнь носить тебя на руках.
- Я выйду за вас... замуж? С чего это вы взяли? И на «ты» мы еще не переходили.
- Извините, Екатерина Дмитриевна, а я на вас все равно женюсь.
- А как же любовь?
- Я полюбил вас сразу, как увидел. Цыганское сердце не ошибается. Да и старая цыганка мне предсказала, что женюсь на русской с царским именем и с цыганской кровью.
 - Бред какой-то! Во мне нет цыганской крови. Отвезите меня домой, пожалуйста.

Машина осторожно двинулась с места. Всю дорогу мы молчали, у дома он хотел подхватить меня на руки, но я сказала, что попробую как-нибудь добраться на одной ноге.

- Сама будешь передвигаться, когда рядом не будет меня,— обижено сказал Михаил и с легкостью внес меня в дом, шепнув на прощание:
 - А я все равно на тебе женюсь, царица моя.

На следующий день он опять пришел к нам, принес костыли, поставил их возле кровати и спросил:

- Как самочувствие, где болит?
- Спасибо, хорошо...
- Хорошо, хорошо, а чего тут хорошего? Скоро огород сажать, а вы, царица Екатерина, в гипсе и мамке не помощница,— он постоянно переходил с «ты» на «вы».
- Ничего, как-нибудь справимся. Мир не без добрых людей. Да и родственники нам помогут.

Он не хотел уходить, а я не знала, о чем с ним говорить. Помогла мама, она пригласила нас к столу. Я взяла костыли и попыталась пройти несколько шагов, но споткнулась и оказалась в руках Михаила.

— Я же сказал, что сама будешь передвигаться, когда не будет меня рядом,— улыбаясь, сказал он, а потом добавил: — Прости, что на «ты».

В комнате пахло черемухой и сиренью.

— Это Миша принес два огромных букета, — пояснила мама.

В дом не вошла, а вбежала запыхавшаяся бабушка и прямо с порога выпалила:

— Баба Варя умирает! Истопила баню, попарилась, а потом оделась во все новое, что на смерть приготовила. Попросила привести к ней Катюху.

Варя — это мама моей бабушки, значит, моя прабабушка. Ей уже девяносто шесть. Но до сегодняшнего дня она сама управлялась по дому и ни к кому переезжать не собиралась. Жила она через восемь домов от нас.

- Поторопись, Катюша,— сказала бабушка.
- Я же сломала ногу! Не могу быстро...— Но последние слова договаривала уже на руках у Михаила.

Он нес меня через всю улицу. Встречные люди ласково улыбались и здоровались с нами. Мне было неловко, и я уткнулась в его грудь.

Когда мы появились у бабы Вари на пороге, она, увидев Михаила, выронила из рук стакан с настоем из трав. Он ударился об пол и разлетелся на осколки.

- К счастью, заметил Михаил.
- От судьбы не уйдешь, прошептала бабушка Варя.

И стала рассказывать нам историю, которую никто в нашей родне не знал.

- Это случилось, когда цыгане еще не жили оседло, а таборами кочевали по свету. Как-то раз такой табор забрел в таежный город Арбакант и расположился на поляне возле речки. В этом городе цыган никогда не было, какая беда привела их в эти края, никто не знал, но подозревали, что у них не все ладно с законом. Цыгане разбили шатры и жили уже целую неделю. Вечерами местные парни и девушки приходили в табор посмотреть на костры и послушать цыганские песни. В таборе много было молодых парней, но один был очень красив и статен. Все местные девчонки влюбились в него, только Устинья боялась подходить близко к шатрам. Она встанет в сторонке и ждет, когда все нагуляются, или отойдет подальше, расплетет тугую косу, войдет в реку и начнет мыть голову. Намочит аккуратно волосы, чтобы не спутать, затем полощет их в проточной воде, а потом откинет их назад и стоит, как русалка, по пояс в воде. Волосы у нее были волнистые непослушные и такие длинные, что только с помощью подруг она могла их расчесать и заплести в косу. Как-то раз Устинья выходила из реки с распущенными волосами, она была похожа на богиню, спустившуюся с небес. Ситцевая рубашка прилипла к мокрому телу, и сквозь нее можно было увидеть ее стройную фигуру, красивую грудь и упругие бедра, она шла на длинных ногах с высоко поднятой головой, то ли от тяжести волос, то ли от природы. Поговаривали, что она незаконнорожденная дочь заезжего дворянина. Такую Устинью и увидел красавец-цыган. Девушка испугалась и побежала, но не к подругам, а в обратную сторону. Теперь она была похожа на вихрь: черные волосы развевались на ветру, рубашка раздувалась парусом, босые ноги мелькали так быстро, что парень не мог догнать ее, но вдруг он услышал крик и увидел, как «парус» стал крениться и упал. Ганзар подбежал и увидел на земле распростертое тело девушки, уже темнело, но и в сумерках он рассмотрел ее большие изумрудные глаза, брови, как два крыла испуганной чайки, приподнялись и застыли на лице. Устинья попыталась встать, но не могла. Ганзар поднял ее на руки и понес в табор.
 - Ты почему испугалась меня?
 - А зачем ты подглядывал за мной?— она хотела освободиться из его рук.

- Я давно смотрю на тебя. Не бойся, ничего не будет без твоего согласия. И не вырывайся, сама все равно идти не сможешь.
 - Почему это я идти не смогу?
- У тебя нога сломана, я конский лекарь и костоправ, сам не знаю, как это у меня получается. Бабушка моя тебя быстро на ноги поставит, а мамка боль заговорит...

Баба Варя закашлялась, а я украдкой посмотрела на Михаила. Его глаза горели огнем надежды, он внимательно слушал рассказ и с большим нетерпением хотел узнать, что же случилось дальше.

«Девушка пробыла в таборе целый месяц, — продолжала баба Варя, — нога зажила, а тело, душа и сердце — все принадлежало Ганзару.

Когда в очередной раз Устинья выходила из реки с распущенными волосами, а Ганзар любовался ею с берега, подошел местный парень, который тоже заглядывался на Устинью, и спросил:

- Ты что, теперь останешься в таборе? Кто ж из наших на потаскушке женится?
- Дурак, ты Гришка, ответила девушка и заплакала.

Глаза у Ганзара налились кровью, он в два прыжка настиг обидчика, свалил с ног и закричал: «Я всем вправляю кости, а тебе переломаю!» Они сцепились и стали молотить друг друга, куда ни попадя. Устинья, не успев одеться, побежала в табор за помощью. Когда сбежались люди, то увидели на земле два окровавленных тела. У Григория чуть выше бедра была видна ножевая рана, из которой текла кровь, образовывая бурую лужу, а у молодого цыгана в груди торчал нож и пульсировал в такт сердца еще несколько секунд. Откуда Ганзару было знать, что Григорий самый лучший забойщик скота у нас в округе. Цыгане хотели броситься на русского парня, но старый цыган преградил им путь и что-то прокричал на свом языке, потом подозвал пожилую женщину и указал на Григория. Она наклонилась, пошарила у себя в складках юбки, достала то ли пепел, то ли измельченную траву, промыла рану, засыпала порошком, затем вынула пузырек с черной резко пахнущей жидкостью, влила содержимое парню в рот, тот открыл глаза, встал и пошел, опустив голову, подальше от табора. Его никто не тронул, не остановил, не окликнул, видимо, цыганские законы выше законов писаных. Тело Ганзара подняли с земли и понесли в табор. Устинья осталась стоять одна в мокрой рубашке и с распущенными волосами, она еще не осознавала, что произошло, затем упала на то место, где только что лежал ее любимый, оно еще сохраняло его тепло, и долго смотрела в небо, но не видела ничего, кроме черной пропасти. Она пролежала до вечера, время для нее остановилось. Ей казалось, что не только время, но и жизнь остановилась. Устинья очнулась от прикосновения чьих-то рук — это была мать Ганзара, еще молодая и красивая женщина. Цыганка взяла ее руки, долго разглядывала ладони, потом внимательно посмотрела в глаза и сказала: «У тебя родится от Ганзара девочка, замуж пойдешь за его соперника, — она посмотрела в ту сторону, куда ушел Григорий, — в вашем роду будет рождаться только по одной девочке, а остальные — мальчики. В пятом поколении ваша родственница снова полюбит цыгана, передай ей вот это кольцо, оно даровано мне очень богатой особой, которой я помогла вылечить единственного ребенка». Сказав это, цыганка достала кольцо, вложила в руку Устиньи и пошла к табору, который уже поднялся и покидал поляну, оставляя тлеющие костры, кучки хвороста, палки и всякий ненужный мусор», — бабушка Варя перевела дух, посмотрела на Екатерину и спросила:

- Смекаешь, о ком говорила мать Ганзара? А Устинья была моей мамкой, только перед смертью она рассказала мне, что отец мне неродной.
- Бабушка, так твоим отцом был тот самый цыган Ганзар,— с удивлением сказала я.
 - Не перебивай, Катенька, смерть стоит у меня за спиной, торопит, она за-

кашлялась, протянула ко мне руку и вложила старинное кольцо.— О тебе говорила цыганка, ты девочка в пятом поколении.

Потом бабушка глубоко вздохнула, закрыла глаза и с последним выдохом произнесла: «Благословляю»...

Я услышала всхлипывание за спиной и увидела плачущую бабушку Лену, которая впервые узнала, что ее дедом был чистокровный цыган, рядом с бабушкой стояла мама с глазами полными слез, только Михаил светился от счастья.

Лето быстро сменило весну. Я стала замечать, что часто смотрю в окно и жду, когда в доме напротив появится Михаил и улыбнется своей необыкновенной улыб-кой. Он не докучал мне своими ухаживаниями, только при встрече посмотрит на меня бездонными глазами, в которых я начинала тонуть, и уверенным голосом скажет:

- Моя царица, уже этой осенью свадьбу будем играть.
- Все-то ты знаешь, а я вот не пойду за тебя.
- Пойдешь, пойдешь. Вот как только рана на душе совсем заживет, так и полюбишь меня, я тебя не тороплю.
 - Какая рана? опустила голову. Ах, забыла, что цыгана не обманешь.

Каждое утро я находила цветы на окне, на скамейке, в почтовом ящике, но Михаила давно уже не встречала. Специально просыпалась пораньше, чтобы увидеть его. Выходила на улицу подметать возле дома, чтобы заглянуть в их окна, но за окнами никого не было. Однажды, увидев Рубину, я поинтересовалась, где ее дядя Миша, она хитро улыбнулась и ответила, что он уехал. Тоска поселилась у меня в душе, и какое-то чистое чувство, как стволовые клетки, стало разрастаться во мне с удивительной силой, оно вытесняло старые воспоминания о Евгении, от которого уже пять месяцев не было вестей. Я была рада, что освобождалась от чего-то неопределенного, тяжелого и смутного. Бог снова подарил мне любовь.

Лето шло на убыль, кончался мой отпуск. «Скоро с головой окунусь в работу»,— думала я, глядя в окно. Вдруг к нашему дому подъехало такси, из которого вышел Евгений. Он всегда любил появляться неожиданно и красиво.

Я выбежала к нему навстречу, открыла калитку и увидела человека, которого, как мне казалось, безумно любила, из-за которого не спала ночами, страдала, мучилась и плакала, уезжая из Москвы. Наши взгляды встретились, и я заметила, что у него белесые брови и ресницы, а лицо рыжее с маленькими бегающими глазками, только красивый рот с чувственными губами улыбался мне. Правду говорят, что любовь слепа. Теперь он казался мне обыкновенным молодым человеком, каких много вокруг меня, не единственным, а одним из многих.

- Здравствуй, Катенька, я приехал за тобой,— радостно сказал Евгений, протягивая букет роз и коробку конфет.
- Здравствуй, проходи в дом, что стоять на улице,— взяв букет, я посмотрела в окно напротив, где мать Рубины что-то с волнением говорила по мобильному телефону, глядя мне прямо в глаза.
 - Катя, я не понял, ты что, мне не рада?
- Ты не понял,— сказала я спокойно,— да тебе и не понять, мы живем с тобой в разных измерениях. Для тебя любовь это лирика, а для меня дар Божий. Мне жаль тебя.
 - Катюша, ты разлюбила меня?
- Ты убил во мне любовь! Пойми, она не зависит от наличия денег или мирового кризиса. Люди во имя любви отдавали самое дорогое жизнь, шли на казнь, отказывались от состояния, от титулов, от царства, наконец. А ты положил нашу любовь на плаху во имя спасения своей фирмы и денег. За деньги можно купить положение в обществе, построить большой дом, приобрести яхту на метр больше, чем у соперника, но ведь счастье и любовь за деньги не купишь.

- Но я же приехал за тобой. Я достроил дом, дела наладились.
- А если снова будет политический, экологический, экономический или какойнибудь там другой кризис, у тебя опять для меня не останется в душе места?
 - Но я же приехал...

Шум подъезжающей машины прервал наш разговор. Из нее вышел Михаил лишь в майке и брюках. Майка позволяла увидеть его крепкое тело, сильные руки и широкие плечи. Он посмотрел на меня своими бездонными глазами, в которых я прочитала не тревогу, а вопрос.

- Познакомьтесь. Это мой муж Михаил, а это,— на долю секунды я запнулась,— мой старый знакомый Евгений, он спешит на вокзал.
- Моя царица, пора показать тебе наш замок, который я построил для тебя,— сказал Михаил, поднял меня на руки и понес в машину, а на ухо шепнул: Вот теперь твоя рана окончательно зажила.
 - Спасибо, тебе...

Но он не дал мне договорить, наклонился и поцеловал, я закрыла глаза и окунулась в бурное море любви, блаженства и грез.

ПРОДАЮ ДЕВСТВЕННОСТЬ

Марина долго искала выход из создавшегося положения и не находила. Чтобы достать деньги, надо что-то продать, и она решила продать свою невинность. После завтрака, девушка закрылась у себя в комнате, взяла бумагу и целый час писала объявления: «Продаю девственность, дорого! 0-925-032-09-73»,— потом ходила по городу и расклеивала их на столбах, киосках и дверях подъездов...

За этим занятием Виктор Моисеевич и застал ее, возвращаясь с Арчибальдом домой. Девушка испуганно отступила, увидев собаку, но хозяин успокоил, сказав, что пес очень деликатный, и ее не тронет. Прочитав объявление, которое она развешивала, мужчина спросил:

- Сколько тебе лет?
- Скоро восемнадцать, смущенно ответила девушка.
- А как твое имя?
- Марина.
- Марина, пойдем ко мне пить чай, настойчиво предложил мужчина.
- Мне домой надо, скоро придет отчим, и если я задержусь, будет ругать меня,— с испугом сказала она.
 - Пойдем, пойдем, мы быстро.

Он взял ее под руку и повел вверх по ступенькам. Девушка хотела освободиться, но мужчина уже открыл дверь и пропустил ее в коридор. Навстречу вышел молодой человек.

- Дед, ты с красивой гостьей, а я чай поставил, сказал он.
- Познакомьтесь это Игорь, мой внук, а я Виктор Моисеевич.
- Марина, ответила девушка.

Игорь подчеркнуто артистично взял ее руку и поцеловал.

- Ой. она в клею!
- Так иди мой, я провожу,— сказал Игорь. И повел ее в ванную комнату, когда они вернулись, то на столе уже стоял большой заварочный чайник с нарисованными по бокам гроздьями винограда, а рядом горделиво возвышался электрический самовар с кипятком. К чаю подали печенье, конфеты, кусочки торта и еще разные сладости. «Вчера моему внуку исполнилось двадцать четыре года, это остатки роскоши»,— сказал Виктор Моисеевич.

Пока остывал чай, Марина стала рассматривать комнату. Все в ней было как-то к месту, уютно и по-простому. В углу стоял старый комод, на котором расположились всякие фарфоровые зверушки. Только с первого взгляда казалось, что они беспорядочно толпились на комоде, но, если внимательно присмотреться, то можно заметить, как они тщательно расставлены по группам. Вот стадо барашков и козлик, а возле них собака, отпугивающая опасного гостя — волка. На синей вязаной салфетке овальной формы, заменяющей, по-видимому, озеро, стояли два лебедя. За «озером» — зеленая лужайка, где резвились зайцы с зайчатами, а дальше был лес с медведем, лисой, и в самом углу стояли слоники. Игорь, перехватив ее взгляд, объяснил, что это все собирала бабушка, которой не стало год назад. За столом на некоторое время воцарилось молчание. Каждый молчал о своем. А Марина подумала, почему ей с этими незнакомыми людьми так хорошо и легко.

- Ты чем занимаешься?— спросил Игорь.
- В этом году оканчиваю школу,— ей меньше всего хотелось сейчас говорить о себе.

Марина поспешила отблагодарить за приглашение и засобиралась домой. Игорь пошел провожать ее. По дороге она узнала, что он учится в аспирантуре и занимается научной работой.

- Вот только и остается попить чай с красивой девушкой и прогуляться, провожая ее домой,— грустно добавил он.
 - А мы уже пришли, сказала Марина, до свидания.
 - A когда?
 - Что когда? не поняла она.
 - Свидание? спросил Игорь.
- Тебе же некогда, да и у меня, по правде сказать, нет времени. Скоро экзамены в школе,— уклончиво ответила девушка.
 - А в какой школе ты учишься?
 - В пятнадцатой. Пока, пока!

Она помахала рукой и вбежала в подъезд.

Дверь открыл отчим. Прижал ее так, что в груди Марина ощутила боль, поцеловал в щеку, затем со словами: «Я еще доберусь до тебя»,— смачно ударил по заду. Рассказать все матери она не решалась, у нее и так слабое сердце — последствие жизни с мужем-алкоголиком. Она мучилась с ним почти пятнадцать лет, однажды он не пришел домой — это было зимой, а нашли его замерзшего в сугробе только весной, когда начал таять снег. На Урале, если снег выпадет, то будет лежать до весны, а погибших под снегом людей в народе называют «подснежниками».

Послышалась мелодия мобильного телефона. Говорил незнакомый мужской голос:

- Я по объявлению.
- Да, я слушаю, сказала Марина.
- Это ты продаешь свою девственность?
- Да,— тихо, чтобы никто не услышал, ответила девушка.
- Дорого это сколько? спросил незнакомец.
- Десять тысяч.
- Рублей? снова послышался вопрос.
- Нет, долларов, поправила она.
- Ну, ты загнула!

Больше целый вечер звонков не было.

На следующий день, возвращаясь домой из школы, Марина заметила Игоря, который ждал ее за углом. Она улыбнулась, протянула ему руку и с задором сказала:

— Привет, аспирант.

Игорь снова поцеловал ей руку и предложил:

— Давай прогуляемся, у меня есть немного свободного времени.

И они пошли по аллее, которая вела в городской парк. Сели на скамейку и долго разговаривали, а потом катались на каруселях, ели мороженое и целовались. Они стали встречаться каждый день

- Мне хорошо с тобой, мой Воробышек, говорил он.
- И мне,— отвечала она и окрыленная летела домой. Эти дни были самыми счастливыми в ее жизни. Однажды, когда они сидели на своей любимой скамейке, зазвонил телефон.
 - Алло! сказала Марина.
 - Это ты повесила объявление?
 - Ла
 - Надо встретиться. Сегодня в четыре часа у кинотеатра «Родина». Я перезвоню.

Она посмотрела на часы, было без четверти три.

- У тебя проблемы? послышался голос Игоря.
- С чего ты взял?— с какой-то дерзостью сказала Марина.
- Да вид у тебя испуганного воробышка, ласково ответил Игорь и, притянув ее к себе, нежно поцеловал сначала в щеки, а потом в губы.
- Мне надо срочно идти домой,— осторожно высвобождаясь из его объятий, тихо произнесла Марина.

Игорь проводил ее до подъезда и грустный побрел вдоль домов, так близко стоявших друг от друга, что из окна одного можно было рассмотреть спальню соседей напротив.

Ровно в назначенное время девушка подошла к кинотеатру. Раздался телефонный звонок, и голос предложил ей посмотреть на афишу, возле которой стоял солидный человек.

- Мое имя Влад.
- Марина, представилась девушка.

После некоторых формальностей и расписок, он положил ей на кредитную карточку обговоренную сумму и повел в гостиницу. Там она долго стояла под душем, не зная, что делать дальше. Влад постучал в дверь и тоже встал под струю воды.

Марина уже сидела в кресле, укутавшись в полотенце, когда Влад поднес бокал с вином.

- Я не пью, отодвигая бокал, сказала Марина.
- Сегодня немного можно. Это легкое вино.

Все произошло как-то само собой, но следа, который оставляет девственность, на постели не было. Разгневанный Влад позвонил Ивану и потребовал объяснений. Врач спокойно ответил, что сегодня при осмотре она была девицей. Что так бывает, и есть литература на эту тему и множество примеров из жизни. Влад успокоился и подошел к Марине, погладил ее густые волосы, она тихо всхлипывала, потом повернулась к нему, посмотрела глазами побитой собаки, бросилась на грудь и зарыдала громко, надрывно. Он поднял девушку с постели, отнес в ванну и стал мыть еще вздрагивающие плечи, нежно скользнул по животу и ощутил трепет в своем теле. Его вновь влекло к ней, наивной, податливой и чистой. Влад подхватил Марину, мокрую прижал к себе и, как что-то очень хрупкое, положил на широкую кровать. Он только сейчас заметил, как она была прекрасна. Мокрые волосы разметались по подушке, соски манили к себе, она была само совершенство, на бледном лице стал появляться румянец. Марина, стесняясь своей наготы, потянулась за покрывалом, но Влад остановил ее и сказал:

- Не прячь красоту, я твое покрывало.
- Ой, не надо делать мне больно, попросила девушка.

— Не буду, маленькая моя.

С этими словами, он стал нежно прикасаться к ее приоткрытым губам, нежно сжимал упругую девичью грудь, играя сосками, как сладкими горошинами. Не понимая, что с ним происходит, Влад ласкал ее всю, наполняясь сладким нетерпением. Она отдалась ему, и крик истомы вырвался из его груди. Такого с ним не было никогда. Влад привык к женским ласкам и добивался, чтобы исполнялись все его прихоти и желания, он не знал, что доставлять удовольствие другому человеку — вершина любви.

Марина на миг оторвалась от земли и провалилась в пространство, растворилась в нем, исчезла, стала невесомой, что-то отделилось от нее и еще несколько секунд не возвращалось в трепещущее тело. Влад почувствовал это, и его плоть снова захотела ее.

Уже стемнело, когда голод опустил их на землю. Они вместе лежали в просторной ванне, и Владу нравилось мыть девушку, как ребенка, нравились ее неопытность, детскость и чистота.

- Марина,— начал он не очень приятный разговор,— а на что тебе понадобились деньги?
- Когда мне исполнится восемнадцать лет, я хочу уехать от отчима, который меня домогается.

Выйдя из гостиницы, она увидела, что ночь окутала город. Марина еще никогда так поздно не возвращалась домой. Что она скажет отчиму? Как будет оправдываться? Мысли смешались в голове. Резкий удар по лицу вернул ее в реальную жизнь. В дверном проеме стоял отчим, разъяренный и злой. Щека у нее горела, слезы непроизвольно лились по лицу. Девушка проскользнула в свою комнату, закрылась и плакала, не зная, от пощечины или от того, что произошло сегодня в гостинице. Ей не хотелось думать ни о чем, вместе со слезами из нее выходило что-то тяжелое и смутное, становилось легче и душе, и сердцу. Как, оказывается, полезно поплакать наедине со своими печалями и горестями. Вдруг она услышала голос матери:

- Марина дома?
- По всему видно, что уже продалась твоя доченька,— с улыбкой ехидны ответил отчим. Послышался глухой стук падающего тела.

Марина открыла дверь и увидела, что мать лежит на полу, бледная и неподвижная.

- Что ты с ней сделал?! закричала она.
- Это ты ее довела до такого состояния, продажная дрянь.
- Мамочка, мамочка, что с тобой? кричала Марина, пытаясь поднять тело с пола.
- Она сегодня принесла странное объявление с твоим телефонным номером, побежала искать тебя, но поняла, что опоздала, — с усмешкой сказал отчим.

В больнице поставили диагноз: обширный инфаркт. Уже была глубокая ночь, когда подошел к Марине врач, обнял ее по-отцовски за плечи и поинтересовался:

- Сколько тебе лет?
- Скоро восемнадцать, ответила она.

Потом вспомнила, что ее недавно уже спрашивали о возрасте, только вот по какому поводу забыла. «Теперь самое главное здоровье мамы,— думала Марина,— ведь она для меня осталась единственным родным и близким человеком. Судьба у нее была нелегкая: воспитывалась в детском доме, потом встретила папочку, который издевался над ней, когда напьется, а протрезвев, ползал по полу и просил прощения. Мама верила ему и прощала. Когда отец погиб, пять лет жили спокойно и сблизились, как подружки. Пока не появился дядя Рома. Он ловко вошел в семью и однажды остался навсегда, настоял, чтобы мать с ним расписалась, а сам все поглядывал на других женщин».

— Уже взрослая,— услышала Марина голос врача,— мужайся, девонька, теперь все решения будешь принимать сама без материнских советов. Мы не смогли спасти ее.

— Что с мамой? Почему сама? Зачем...

Поняв, что произошло, она выбежала на улицу, спазмы сдавили горло, не хватало воздуха, она остановилась, посмотрела в небо, как будто ждала ответа. Хотелось кричать, плакать, но слез не было. Только одна мысль терзала ее душу — это она ускорила смерть самого дорогого ей человека.

А жизнь продолжалась. Наступало утро. Потянулись люди к своим гаражам, попадались одинокие прохожие, гасли фонари. Марина шла по городу, где сотни тысяч людей проживали свои судьбы. И каждый человек ждал чего-то хорошего, надеялся, что вот-вот придет то, ради чего он появился на свет. А для чего человек появляется на свет? Что ждет его в этом мире? Говорят, что на небесах еще до рождения каждому уготована своя судьба. Так, может быть, и не надо стремиться к лучшему, не надо вести здоровый образ жизни, пытаться что-то изменить, поправить, если за тебя уже кто-то там, высоко-высоко, все решил. Может быть, положиться на судьбу и ждать, куда вынесет тебя кривая жизни? Кажется, что там, на небесах, не взяли во внимание способность человека силой воли усмирять свои страсти, похоти и желания. Это Человек решает протянуть руку помощи или подставить подножку. Из любого положения есть минимум два выхода, и Человек сам делает выбор. Смелые люди выбирают жизнь и живут, а не наживают. Они не боятся завтрашнего дня. Деньги, кризисы были и будут всегда, а жизнь — одна. Надо уметь жить и находить позитив даже в неудачах, разводах, безысходности, болезни, неразделенной любви. Только сильные люди способны радоваться удачам другого человека. Они могут среди ночи проснуться и помчаться на звонок друга о помощи и сделают для него столько, сколько могут, а потом столько, сколько надо. Такие способны довольствоваться малым, для них деньги — всего лишь деньги, которые можно и нужно тратить. Они никогда не поймут, зачем людям нужны деньги, которые нельзя тратить? Им не так важно, какая у тебя зарплата, машина, квартира, есть ли дача. Главное для них — это Человек! В жизни такие люди способны отдавать и получать от этого радость. Только таких людей намного меньше, чем других...

Рассвело. Ноги привели Марину к подъезду, где среди всяких обрывков объявлений, она увидела свое, сорвала его и услышала лай, а затем голос Игоря:

- Привет, Воробышек! Ты, что так рано здесь делаешь?
- Не знаю, куда-то в пространство ответила девушка.
- А я звонил тебе весь день.

Марина вспомнила, что отключила мобильный телефон, когда встречалась с Владом в гостинице, ей показалось, что это было так давно и не в этой жизни. Она нажала кнопку, и высветились непринятые звонки и СМС сообщения. Среди всех прочих больше всего было от мамы: «Доченька, не делай глупости!», «Родная моя, прости меня, я очень люблю тебя». Потом раздался родной мамин голос: «Мариночка, девочка, кровиночка моя, где ты, отзовись, что с тобой, позвони, я жду. Твоя мама»,— это было звуковое сообщение. Ноги ее подкосились и последнее, что Марина услышала — крик Игоря: «Держись!»

Но держаться больше не было сил. Она, измученная и голодная, упала на крепкие руки Игоря. Очнулась на диване в знакомой комнате с комодом. Сознание возвращалось медленно. «Если можно было бы в жизни изменить один день. Всего один день из тысячи, который разделил жизнь на «до» и «после»,— подумала девушка. В этот день она стала женщиной и потеряла самого родного и дорогого человека. Вошел Игорь, в руках он держал кредитную карточку и объявление, которое выпало, когда Марина потеряла сознание.

- Ты уже это сделала? он протянул кусок бумаги.
- Ла...
- Ну почему, зачем? еле сдерживая гнев, спросил он.
- Я... мне...
- Уходи! резко сказал Игорь и захлопнул за ней дверь.

Оказавшись на улице, Марина пошла в никуда. Ей не хотелось жить. Она осталась одна в этом мире. И нет у нее такого человека, который мог бы протянуть руку помощи, кто мог бы понять ее, утешить или хотя бы поговорить с ней.

Когда немного пришла в себя, то очутилась у двери своей квартиры, машинально нажала звонок. Отчим втащил Марину в комнату, бросил на кровать... Долго не мог насытиться ее телом, больно сжимал груди, прикусывал губы. Она сопротивлялась, кричала, пыталась сбросить с себя мужчину, но не могла освободиться от настойчивых ритмичных ударов в глубине своего тела. Вот ритм ударов ускорился, Марине казалось, что какое-то огромное чудовище внутри ее бьется в конвульсии и медленно умирает. Отчим навалился на нее и замер, потом быстро встал, закурил и вышел на балкон. Марина схватила телефон, набрала номер Влада и закричала:

- Он изнасиловал меня!
- Кто это?
- Марина.
- Какая еще Марина? и голос в трубке исчез.

Девушка тихо вышла в подъезд, встала на подоконник, посмотрела вниз, шагнула в бездну и проснулась.

Был выходной день, значит, все дома. Мать хлопотала на кухне, гремя посудой, готовила для дочери ее любимые сырники. Отчим курил на балконе, Марина ощутила на себе его жадный взгляд и натянула повыше одеяло. Она пыталась вспомнить, что ей снилось, но не могла.

После завтрака, девушка закрылась у себя в комнате, взяла бумагу и целый час писала объявления: «Продаю девственность, дорого! 0-925-032-09-73»,— потом ходила по городу и расклеивала их на столбах, киосках...

(38)(38)

Геннадий Маркин (г. Щекино)

БОЖЬЯ КАРА

Старшего лейтенанта Алексея Серегина на должность начальника отряда колонии строгого режима назначили в сентябре, а осужденного Александра Тимохина этапом привезли в аккурат под Новый год. Распределили Тимохина в его, серегинский, десятый отряд. Определи колонийское начальство Тимохина в другой отряд, и его тюремная жизнь, возможно, сложилась бы по-другому, но судьбе было угодно распорядиться именно так. В том, что произошло с Тимохиным, Серегин отчасти винит и себя. Он не может толком объяснить, в чем именно заключается его вина: была ли это действительно Божья кара, как утверждают сослуживцы, или все случившееся — результат предвзятого отношения к Тимохину с его стороны, как считает майор Захарчук, но в простое совпадение фактов Серегину верится с трудом. Впрочем, все по порядку...

Тимохин стоял у двери кабинета заместителя начальника учреждения по кадрам и воспитательной работе майора Захарчука и нервно теребил промасленную зековскую кепку. Захарчук долго беседовал с другим осужденным, а когда тот, наконец, вышел, Тимохин не без волнения переступил порог кабинета.

- Гражданин начальник, осужденный по статье сто пятой части второй пункт «к», статье сто тридцать первой части второй пункт «в» к двадцати годам лишения свободы Тимохин, отряд десятый.
 - Слушаю вас, Тимохин.
 - Я не знаю, с чего начать, гражданин начальник.
 - Говорите как есть.
- Я вас прошу оградить меня от произвола со стороны начальника отряда Серегина.
 - В чем заключается произвол?
 - Он придирается ко мне по разным пустякам.
 - Например?
- Ну, он нашел окурок рядом с моей кроватью и написал на меня постановление о взыскании, а окурок не мой.
 - А кто бросил окурок, вы сказали начальнику отряда?
 - Я не видел, кто его бросил.
- Вы же знаете, Тимохин, что каждый осужденный обязан соблюдать чистоту и порядок рядом со своим спальным местом. Если не усмотрели, кто бросил окурок рядом с вашей кроватью, должны убрать его сами. Вы же представляете себе, что будет в общежитии, если возле каждой кровати начнут кидать окурки.
 - Да он вообще меня прессует по каждому пустяку.
 - Еще, какие у вас претензии к начальнику отряда?
- Я не вовремя встал в строй, когда шли на обед. Серегин сказал, что в следующий раз за опоздание я пойду в штрафной изолятор.

- А вы постарайтесь не опаздывать на построения.
- Да я что, другие еще позже пришли, им он ничего такого не сказал.
- Вы работаете?
- Да, в бригаде прессовщиков.
- Хорошо, Тимохин, я разберусь по вашей жалобе, пообещал Захарчук.

Когда Тимохин ушел, Захарчук вызвал к себе Серегина. Вскоре в кабинет вошел высокий спортивного вида офицер.

- Вы, Серегин, в наше учреждение пришли переводом?
- Так точно, товарищ майор,— подтвердил Серегин.— После окончания института экономики и права, три года прослужил в Мордовии, а затем подал рапорт и попросился сюда, поближе к родителям жены.
 - Ну и как вам у нас служится?
 - Нормально. Служба нравится, коллектив хороший.
 - С жильем как?
 - Живем у родителей жены.
- Сколько у вас в отряде осужденных? Захарчук скосил взгляд на лежащий на столе планшет с указанием количества осужденных, расписанных по отрядам, явно проверяя Серегина.
- Сто девять человек. На производстве работает шестнадцать, четверо водворены в штрафной изолятор, один в помещении камерного типа, двое больных находятся в медсанчасти и трое на длительных свиданиях,— четко доложил Серегин.
 - Чем осужденные занимаются на производстве?
 - Две бригады работают на пошиве, одна на прессах.
 - А кто бригадир у прессовщиков?
 - Осужденный Замятин.
 - A мастер?
 - Федор Иванович Соломатин.
 - Когда в последний раз с ним беседовали?
 - Вчера в присутствии бригадира и мастера беседовал с бригадой.
 - Какие претензии у бригадира или мастера к рабочим?
 - Никаких. Все работают хорошо.
 - А осужденный Тимохин как работает?
 - Тоже хорошо, товарищ майор.
 - Как он себя ведет в быту?
 - «Вот оно что», подумал Серегин, а вслух спросил:
 - Нажаловался, значит?
- Да. Приходил на прием, жаловался на вашу необъективность. Говорил, что притесняете его.
 - За что притесняю, рассказал? усмехнулся Серегин.
 - Рассказал. И про окурок, и о построении. Может, вы проясните ситуацию?
- Конечно. Вчера утром я делал обход отряда и в жилой секции возле кровати Тимохина увидел окурок. А днем ранее он опоздал на построение.
- Вы не задумывались, почему он работает добросовестно, а в быту нарушает порядок? Может быть, вы где-то недорабатываете? Не можете ухватить нить, с помощью которой следует влиять на его поведение?
- Мое мнение Тимохин только прикидывается старательным работником, а на самом деле он упорно не желает соблюдать установленный порядок.
 - И вы решили применить к нему дисциплинарные санкции?
- Да. Нарушителей надо изолировать от основной, нормальной части осужденных.
 - А как же профилактика нарушений?

- Самая хорошая профилактика это водворение в штрафной изолятор.
- А беседы?
- Это все ерунда.
- Вы же воспитатель, Серегин. Как же можно не верить в то, чем занимаетесь?
- Кнут это тоже воспитание.

Захарчук внимательно посмотрел на Серегина.

- А вы не ошиблись в выборе профессии? Может, есть смысл перевестись в другую службу?
- Никак нет, товарищ майор, не ошибся. Вижу себя именно в должности воспитателя
- Ну, тогда предлагаю вам заняться именно воспитательной работой. Объясните Тимохину, в чем он не прав...
 - Не поймет.
- А вы попробуйте. Уделите ему времени больше, чем другим осужденным, заинтересуйте его общественной работой: дайте ему задание подготовить выпуск отрядной стенной газеты, попробуйте подобрать к нему нужные ключи.

«Я ему поручу общественную работу! Я подберу к нему ключи... от замка в камере штрафного изолятора», — кипел Серегин, возвращаясь в отряд.

Серегин возненавидел Тимохина после того, как ознакомился с его личным делом. Из приговора он узнал, что Тимохин, ранее дважды судимый за ограбление и нанесение тяжких телесных повреждений, отбывает наказание за изнасилование и убийство. У Серегина в отряде за убийство отбывают наказание еще несколько человек, но к ним он относится терпимо. А Тимохин совсем другое дело. Он, по его, Серегина, мнению заслуживает более строгого наказания. Тимохин убил тринадцатилетнюю девочку. Подкараулил ее на лесной тропинке, когда она возвращалась из школы, оглушил, изнасиловал, а потом задушил. Труп спрятал в лесу, забросав валежником. Девочку несколько дней искали всей деревней, а когда нашли, полуистлевшую, мать ее лишилась рассудка, а отец надолго слег в больницу с сердечным приступом.

Войдя в отряд, Серегин не спеша прошел по жилой секции. Тимохин рассказывал осужденным анекдоты, раздался дружный смех. При появлении начальника отряда осужденные встали. Серегин оглядел всех, остановил взгляд на Тимохине и пригласил его на беседу.

В кабинете Серегин уселся за свой рабочий стол и стал перелистывать карточку индивидуально-воспитательной работы, заведенную им самим же на осужденного Тимохина. Страницы он перелистывал с таким видом, будто видел карточку впервые.

- У вас, Тимохин, на воле мать осталась?
- Да, гражданин начальник, Тимохин стоял перед Серегиным, сложив руки за спиной.
 - Пишет?
 - Пишет.
 - И что пишет?
 - Да так, всего понемногу.
 - Не болеет?
 - Нет.
- Значит, Тимохин, с матерью вашей все в порядке,— Серегин явно затягивал беседу. Встал из-за стола, прошелся по кабинету. Тимохин повернулся лицом к начальнику отряда.
 - Может, с матерью чего? Так ты не тяни, начальник, говори.
- Да нет, Тимохин, с матерью вашей все в порядке, а вот со мной, прошу разговаривать на вы.
 - Да я вроде постарше буду.

- И тем не менее.
- Ну, тогда виноват. Извините, гражданин начальник.
- Как в отряде живете? Не обижает ли кто?
- Кого меня? засмеялся Тимохин. Да я, ежели надо, сам кого хочешь обижу.
- Да, Тимохин, вы сможете.

На Серегина вновь нахлынуло чувство ненависти к Тимохину, который что-то начал ему объяснять.

«Почему же меня так раздражает этот человек? Не хуже других, не нарушитель,— Серегин отдавал себе отчет в том, что Тимохин на самом деле не является тем злостным нарушителем, каким он пытался представить его заместителю начальника колонии. — Убийца? Ну и что? У меня в отряде их несколько, к ним-то у меня отношение нормальное, а к Тимохину предвзятое. Почему?»

Тимохин в это время продолжал что-то говорить, сильно жестикулируя при разговоре руками.

«Руки! — вдруг промелькнуло в сознании Серегина. — В Тимохине меня раздражают его руки».

Он посмотрел на руки осужденного и отчетливо представил, как эти разрисованные татуировками руки тряслись от жадности, когда вырывали серьги из ушей повстречавшейся ему в темном переулке женщины, как они хватали нож и наносили удары человеку, пусть и собутыльнику,— один удар, другой, третий. И, наконец, как эти руки сдавливали девчонке горло, ломая ей шейные позвонки, и как он, Тимохин, весь трясся от внезапно нахлынувшего на него животного инстинкта, держал задыхающуюся и умирающую в страшных муках девочку. Понимая свою неправоту, Серегин, к его великому стыду, уже не владел собой. Он резко прервал Тимохина.

- А вы, почему сегодня свою кровать не заправили?
- Почему не заправил? Заправил.
- Пойдемте, проверим.

Подойдя к тимохинской кровати, Серегин с силой рванул одеяло. Затем вызвал старшего дневального отряда.

- Попов, вы почему не следите за порядком в отряде? Почему Тимохин свою постель не заправил? Видите, одеяло взъерошено?
- Виноват, гражданин старший лейтенант,— оправдывался Попов. А сами-то они что, не могут за своей кроватью посмотреть?

Набычившийся Тимохин, молча, переводил взгляд то на кровать, то на начальника отряда, то на старшего дневального.

— А говорите, Тимохин, что заправили. Значит, обманываете? — усмехнулся Серегин.

В кабинете он принялся составлять постановление о водворении Тимохина в штрафной изолятор.

- Вижу, начальник, ненавистен я вам, зло проговорил Тимохин.
- A вы думали, я вас на руках буду носить после того, что вы сделали с девчонкой?
 - Я за это уже сижу, меня суд наказал.
 - Плохой у нас суд, Тимохин, гуманный. Таким, как вы, нужно руки отрубать.
- А ты мне не судья,— Тимохин подошел ближе к Серегину. Мне Бог судья, и перед Богом я буду отвечать, но только не перед тобой.

Серегин не ожидал от Тимохина такой реакции и поэтому, молча, смотрел на Тимохина.

— Ну, что ты смотришь? Давай веди меня в бур, в крытку, на каторгу, куда хочешь!

Наступила гнетущая тишина. Продолжая смотреть Тимохину в глаза, Серегин

вдруг резко схватил со стола постановление, порвал его и бросил обрывки в корзину из-под мусора.

— Вы правы, Тимохин, Бог вам судья, а не я. Идите в отряд. Живите, радуйтесь, рассказывайте анекдоты. Вы не нарушитель, вы примерный осужденный, хорошо работаете и даже перевыполняете план. Вас скоро освободят, условно-досрочно. Закон позволяет. Идите, Тимохин.

Тот постоял немного в нерешительности, продолжая исподлобья смотреть на Серегина, а затем развернулся и медленной походкой вышел из кабинета.

На следующий день Серегин решил заняться распределением длительных свиданий на следующий месяц. Только он взялся за эту работу, как в кабинет, запыхавшись, вбежал старший дневальный.

- Гражданин начальник, ЧП на производстве!
- Что случилось, Попов?
- Не знаю, вроде что-то на прессах.
- Вроде торчит нос у Володи, поточнее, что ли, узнать не мог?! в сердцах произнес Серегин, выбегая из кабинета и на ходу застегивая китель.

В производственной зоне Серегина встретил мастер цеха Соломатин.

— Не пойму, почему это произошло? — взволнованно говорил он.— Станок исправен, и Тимохин опытный прессовщик.

Тимохин сидел на корточках, прислонившись спиной к стене, и курил. Рядом с ним также на корточках сидел его напарник и, держа в руке папиросу, периодически подносил ее к губам Тимохина. Обе руки последнего были забинтованы, и сквозь бинты густо проступала кровь.

- Ну вот, начальник, ты говорил, что таким, как я, надо руки отрубать. Твое желание исполнилось, радуйся.
- Как же вы так неосторожно, Тимохин? Серегин не обратил внимания на ехидство со стороны осужденного.
 - Вот так, зазевался. Наверное, это меня и вправду Бог наказал за мои грехи.
- Это я вам вчера напророчил. Не надо мне было так говорить,— с сожалением в голосе проговорил Серегин.
- Я на тебя, Алексей Васильевич, зла не держу. Ты справедливо поступил, когда не стал меня вчера в изолятор сажать.

Подъехал автомобиль конвоя и разговор прервался. Тимохин с помощью доктора и осужденного влез в автозак.

После того, как Тимохина увезли, Серегин вернулся в свой кабинет. Его одолевало чувство вины за Тимохина.

«Наверное, прав Захарчук, — думал он. — Я не способен работать воспитателем. Я вообще не способен работать с осужденными».

Он достал лист бумаги и аккуратным почерком стал выводить: «Рапорт. Прошу уволить меня из органов уголовно-исполнительной системы...» В это время в дверь постучали, и Серегин разрешил войти. В кабинет вошел осужденный Паршин.

- Спасибо вам, Алексей Васильевич, что вы написали моей жене письмо. Получил сегодня ответ. Простила меня. Собирается на свидание приехать и сына привезти. Как думаете: наладится у меня с ней?
- Конечно, наладится, Паршин. Обязательно наладится,— хрипло выдавил из себя Серегин.
 - Спасибо вам, гражданин начальник.

После того, как Паршин вышел, Серегин взял недописанный рапорт. Несколько минут сидел, задумавшись, а затем смял его и бросил в мусорную корзину. Резко поднявшись из-за стола, он вышел из кабинета. Уже давно прогудел колонийский гудок, и ему было пора выводить отряд на вечернюю проверку.

Валерий Маслов (г. Тула)

ПРИТЧИ

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России.

ГОЛОС С НЕБА

Я находился в том сладком состоянии между бодрствованием и засыпанием, когда сознание замутняется, настроение становится ровным и спокойным, тело расслабляется, а мозг готовится к отдыху. Жизнь и сновидения — это страницы одной и той же книги. И потому порой бывает сложно провести между ними грань, которая определенно сказала бы, в каком состоянии ты сейчас находишься.

Так и я, лежа в удобной позе на диване, дремал, полностью предавшись состоянию неги и сладкого покоя. И вдруг вкрадчивый голос, раздавшийся откуда то сверху, спросил меня:

— А скажи, отче: какой цвет ты больше всего любишь?

Я боялся обидеть Господа Бога, выбрав любой цвет из той обоймы небесной радуги, которую он создал: ведь, все они одинаково хороши и необходимы для жизни. Конечно, у меня был любимый цвет, но я сомневался, одобрит ли Он мой выбор?

- Лиловый, мысленно проговорил я, ожидая реакции Голоса с неба.
- Вот и прекрасно,— раздалось мне в ответ.— Этот выбор говорит о твоей неординарности и творческой направленности мышления. Когда ты проснешься, не беспокойся о том, что неправильно ответил. Страшен не сон, а его толкование. Живи с миром!

чудо

Я долго боялся сесть за руль автомашины, боясь, что сразу попаду в аварию. Но, наконец, созрел и купил автомобиль. Американская иномарка «Шевроле» оказалась настолько удобной, комфортной и проходимой, что я быстро освоился в ее управлении, и скоро почти ежедневно ездил на дачу кормить трех собак, прижившихся у меня.

Зимним январским днем я вновь отправился на дачу. Несмотря на нечищеную дорогу, поехал прямо к калитке. Накормил собак, кошку, которая осталась зимовать на соседней даче, и поехал домой. Но снежный наст сбил меня с пути, и машина съехала в кювет. Здесь уже не могли помочь ни шипованная резина, ни лопата, которой я откапывал колеса.

Целый час я пытался выбраться из снежной ловушки. Смеркалось — зимой темнеет быстро. Вокруг, в радиусе нескольких километров не было ни души: кроме меня в наш дачный кооператив в это время не ходил и не ездил никто. И только верные друзья — собаки расселись вокруг меня и машины, ожидая, что же я буду делать дальше: останусь с ними в морозной ночи, или все же уеду, как обычно. И хотя сейчас я понял, что лучшее, что есть у человека — это собака, легче от этой истины мне не становилось.

Я сунул руку в карман куртки: мобильного телефона не было, забыл его дома. Значит, и позвонить, чтобы позвать на помощь, не удастся. В отчаянии я сел в машину, чтобы хоть немного согреться. И вдруг увидел иконку Святого Николая Чудотворца, которую постоянно держу в автомобиле. Взял ее, поцеловал и попросил:

— Святитель Николай, помоги. Одна надежда только на тебя и чудо.

Вылез из машины, взял лопату в руку и склонился над колесом, чтобы откапывать его дальше. И вдруг с небес раздался голос:

— Вам помочь?

Я поднял голову: надо мной стояли два парня и девушка. Откуда они появились в этой глуши без дорог и тропинок? Как я не увидел и не услышал их раньше?

Дальше события развивались, как в сказке. Сначала они подтолкнули машину, а затем один из них сел за руль и быстро вывел ее на твердую дорогу.

- Откуда вы? спросил я. Как здесь очутились?
- Мы из Иерусалима,— ответили парни.— Приехали в гости к местным священникам. А сюда пришли фотографировать виды зимнего леса.

Расстались мы, как друзья. А я, ведя автомашину по зимнему городу, еще долго вспоминал эту необыкновенную помощь, пришедшую ко мне в самый критический момент, и иначе, как чудо, объяснить ее не мог. И, хотя сказано в Писании, чудеса — там, где в них верят, поверить в свое счастье и удачу никак не мог.

ઉજ્ઞાભા

Яков Шафран (г. Тула)

ВТОРАЯ НАТУРА

Родился в п. Брагине в Гомельской области Белоруссии. В 14 лет с родителями переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил Тульский политехнический институт и в 1997 г. высший психологический колледж при Институте психологии РАН в Москве. Последователь и активный пропагандист ЗОЖ, активно занимается физкультурой. Стихи пишет с юных лет. Издано два сборника стихов и прозы — «Любимая, прости» (2008 г.) и «Спасение рядом» (2009 г.). Участник поэтических сборников в Москве: «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета Душа» и в Туле: «Приокские зори», «День тульской поэзии», «На крыльях Пегаса» и «Лира». Участник конкурса «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», стихи опубликованы в книге «Мы помним...» Член литобъединения «Пегас», один из создателей литературного клуба «Ковчег». Живет в Туле, 59 лет.

1

В Селезневке считалось, что не было семьи богаче, чем Карасевы. Они ничем особенным не выделялись среди односельчан. Одевались, как все, в магазине покупали, что и все. Жили в доме большом, но обычном, ничем особенным не отличавшимся от других домов. Только самое необходимое было в доме, никакой роскоши. Участок — как у всех, да и машина всего одна, и та «Нива»... И, тем не менее, все думали, что Карасевы богачи.

По правде сказать, Карасевы мало с кем общались из односельчан. Но разве это могло быть аргументом в пользу их богатства? Да, они были нелюдимыми. И, если случалось, кто-то заходил к ним в дом или обращался с вопросом на улице, говорили всегда кратко, по существу, как говорится, по делу.

Карасевы, в свое время, чтобы прокормить семью, торговали на рынке в областном центре. Глава семейства часто и надолго отлучался, ездил в Турцию и привозил оттуда баулы, полные одежды. Потом вместе с женой стоял за прилавком. В его отсутствие жена торговала сама. Но это все было давно...

В настоящее время Карасевы жили вчетвером: отец — Николай Степанович, мать — Ольга Афанасьевна и две дочери — старшая Нина и младшая Людмила. Они больше не торговали. И дочери после школы нигде не учились и не работали. Да и какая тут, в Селезневке, работа? И в городке, рядом с которым находилось село, работы не найти. На двух давно уж дышащих на ладан заводах местной промышленности, а также на хлебном и молочном заводах, все держались за рабочие места, как за спасательный круг. В сфере же торговли да в нескольких офисах все места давно уже расхватали. Так себе городок...

То, что Карасевы не работали, для сельчан было аргументом в пользу их богатст-

ва. Однако Карасевы вели себя не как богатые, не так, как рассказывали о жизни богатых многочисленные телесериалы.

Следует сказать, что увлечения Интернетом тоже не наблюдалось за семейством. Почему сельчане делали такой вывод? Да, все просто. Если люди не берут безлимитный тариф, а покупают две-три карточки по сто рублей каждая, то есть, тратят в месяц двести-триста рублей, то, значит, они не сидят в этой самой «виртуальной реальности» денно и нощно. Если бы они через сеть обучались, искали работу или развлекались, то были бы большие траты, либо, скорее всего, безлимитка.

2

Сельчане в большинстве своем посудачили-посудачили по поводу Карасевых, да и перестали... Но были и такие головы, что никак не могли успокоиться. Мешала им жить эта загадка, как нерешенный ребус заядлому любителю. Одним из них был Витька, как его все звали, парень лет семнадцати, только что окончивший школу и не нашедший еще себе занятия по душе. Как-то во время одной из пирушек с такими же, как он, ребятами, Витька сказал, что в два счета может разгадать загадку семьи Карасевых, и побился об заклад, что сделает это. Собутыльники знали, что тот или иной ответ они получат, так как, если Витька что обещал, то непременно выполнит.

Карасевы всей семьей иногда уезжали на несколько дней. Двоюродная сестра Николая Степановича, Вера Сергеевна, работала смотрителем музея изобразительных искусств в областном центре. Ольга Афанасьевна и старшая дочь Нина любили живопись, и Николай Степанович с Людмилой сопровождали их на новые выставки. Потом роли менялись, когда они шли на концерт классической музыки в филармонию. А драматический театр был любим всеми членами семьи...

Витька, зная о таких отлучках и потому наблюдая за Карасевыми, увидел однажды, как они уселись в «Ниву», и та по морозцу, по уже прочно легшему декабрьскому снежку покатила в сторону шоссе. И он решил действовать.

Выждав день, и убедившись, что к вечеру и ночью они не вернулись, он рано утром подошел к дому. Было еще совсем темно, так как пасмурное небо скрывало луну. Усыпив собаку припасенным заранее, а точнее украденным в больнице городка, хлороформом, Витька по заранее составленному плану обогнул дом и подошел к окну, выходившему во двор. Некоторая трудность заключалась в том, чтобы открыть форточку, но, немного повозившись, он сделал это. Все остальное для худенького и ловкого парня уже не представляло особого труда. И через несколько минут он оказался в большой и просторной комнате, наверное, гостиной.

Дом Карасевых был одноэтажным. И Витька, заглянув на всякий случай во все комнаты, не стал подниматься по вертикальной металлической лестнице на явно нежилой чердак. Он сразу остановил свое внимание на комнате, которая, скорее всего, была библиотекой или кабинетом, судя по стеллажам и шкафам с книгами и по большому письменному столу, стоящему посередине. А может быть и тем и другим одновременно.

«Есть, есть у меня способности сыскаря! — с удовольствием и некоторой гордостью подумал Витька.— Сейчас все, как пить дать, раскрою!» Он, не включая света, достал из кармана маленький фонарик и открыл по очереди ящики стола, не роясь в них пока, а просто оглядывая. Один из ящиков заинтересовал его более всего. В нем лежала книга с учетными записями доходов и расходов семьи. И он решил покопаться в ней. Судя по записям, расходы действительно были небольшими и не превосходили расходы его семьи и других семей его знакомых. Но интересно было не это, а то, за счет чего Карасевы удовлетворяли свои потребности, если нигде не работали? Ведь не сыпались же им деньги с неба? Этот вопрос также недолго оставался без от-

вета. «Как приятно иметь дело любопытному человеку с организованными и аккуратными людьми»,— подумал он, так как в руках держал сложенные в стопочку и перетянутые резинкой квитанции о снятии денег в банкоматах Сбербанка. Дальнейший непродолжительный поиск дал ответ и на последний вопрос: «Источник?» Оказывается, Карасевы, как показывали договоры, в период с 1995-го по 2000-й год клали деньги на счет в банке. Эти деньги, насколько он знал из рассказов односельчан, происходили, скорее всего, от торговли, которой Карасевы занимались как раз в те годы. Цифры в итоговой графе на одной из бумаг говорили о примерно трех миллионах рублей. «Тогда, если брать проценты,— прикинул Витька своей быстро соображающей головой,— в месяц выходит где-то двадцать пять тысяч. Жить можно четверым, если учесть, что есть огород, сад, кое-какая живность и машина. Вот и весь секрет «богатства» таинственной семьи!..»

Положив все на место, он стал закрывать один ящик за другим, но его внимание привлек сверток, лежавший в последнем из них. Через прозрачный полиэтилен просвечивалась стопка, сверху которой лежал конверт со штампом «УЮ-...». Витька видел такие конверты у своего дружка — его отец присылал письма из «мест не столь отдаленных», а проще говоря, из колонии. Заинтересовавшись находкой, он развернул пакет. Там действительно лежали письма из колонии и ответы на них. Все конверты были аккуратно разложены по датам. Он вытащил один из середины стопки, достал письмо и стал читать.

«Дорогая моя, любимая, Оленька, здравствуй! Если бы ты знала, как я жду твоего письма, как я скучаю по твоему письму, вернее по тебе.

Вот уже три года я нахожусь здесь. Сам виноват, но ты знаешь, что именно здесь я понял, что люблю тебя. Ты — первая и единственная девушка, которую я полюбил. Какие слова мне найти, хорошая моя, радость моя, чтобы выразить мою любовь к тебе? Не устаю об этом писать уже три года и думаю о том, как мы будем жить с тобой, когда я выйду. Ты для меня — весь свет, и я все сделаю, чтобы ты была счастлива, довольна, чтобы у нас была хорошая семья, чтобы наша дочурка росла здоровенькой и умненькой, чтобы у нас, если захочешь, были еще дети! Родная моя, я благодарен тебе за твою добрую душу, за то, что ты простила мне то страшное зло, которое я сделал тебе...»

Витька не успел дочитать, как почувствовал вдруг сильный удар по голове и увидел сноп ярких искр, брызнувших перед ним. В следующее мгновение письмо и фонарик выпали из рук, все померкло и он, потеряв сознание, упал грудью и лицом на стол, весом своего тела немного задвинув открытый ящик.

3

Когда Витька очнулся, то оказалось, что он сидит на стуле с крепко связанными за спиной руками. Перед ним на диване сидела девушка. Это была младшая дочь Карасевых — Людмила, непонятным образом оказавшаяся в доме. Судя по голове возвышающейся над спинкой дивана и далеко вперед выдвинутым коленям, это была высокая девушка. На вид ей было лет восемнадцать, что соответствовало действительности. У нее были правильные черты, не сказать, чтобы красивого, но довольно симпатичного лица. Длинные ноги и прямая спина позволяли судить о ее стройности. Серые большие глаза смотрели на Виктора презрительно и строго.

- Ну, что, очнулся?.. Почему ты здесь? Зачем понадобилось рыться в столе отца?!
- Я не вор...— проговорил Витька, ощутив при этом сильную боль в голове.
- Да что ты?!
- Правда...— язык с трудом ворочался, но говорить было нужно, чтобы как-то оправдать свое присутствие здесь.

— Тогда с какой целью ты забрался в дом?

И Витька все откровенно рассказал ей, как он пообещал, поклявшись, что разгадает тайну этой, то есть, ее загадочной семьи, тайну, которая не давала некоторым селезневцам спокойно жить.

- Ну, и как, разгадал?
- Да, все понятно... Нагребли денег, теперь с процентов живете.
- Не нагребли, а заработали! Знаешь, как родители пахали? За границу мотались раз, потом на рынке в областном центре стояли, торговали в любую погоду два, от рэкетиров терпели три, да и кроме рэкетиров было много чего четыре. Домой приходили с ног валились. Годы так работали без отпуска и отдыха, чтобы семью обеспечить. Ведь все деньги, что раньше были накоплены, сгорели в один миг, спроси у своих родителей.
 - Да знаю я... Ладно, проехали, я вот чего хотел спросить у тебя...
 - Hv?
 - Во-первых, откуда ты взялась?
- C чердака. У нас там что-то типа мансарды. Я люблю там читать, и засыпаю, когда поздно засиживаюсь.
- А-а-а... Поленился я по лестнице, что в кухне, подняться. Решил чердак, как чердак...
 - Ну, а во-вторых?
 - Что, твой отец сидел? А мать ждала? Прямо, как в сказке!
- Ты же все прочел... Что спрашиваешь? Людмила, судя по рассыпанной пачке писем, подумала, что он знает все.
 - Конечно, прочел, соврал тот.

Учиться врать ему было не нужно. Более умелого лгуна в Селезневке не найти. Вообще нужно сказать, что в Витьке жили как бы два человека. С одной стороны это был любознательный, рассудительный и достаточно практичный парень. А с другой, он и сам порой удивлялся, откуда что бралось в его голове. Иногда такие желания возникали, и такие мысли приходили в голову, будто он был и не Витька вроде, а уголовник со стажем. И хоть он иногда сам пугался наиболее изощренных преступных идей, но душой чувствовал, что они ему близки. Вот, например, одно время он довольно серьезно обдумывал план изнасилования своей классной руководительницы — молодой замужней женщины, с записью всего это на потайную видеокамеру, с тем, чтобы потом шантажировать ее и, таким образом, добиваться для себя преимуществ в классе и школе. Он отдавал себе отчет, что ему больше всего был интересен сам процесс насилия и шантажа, чем какие-то цели и личные выгоды. Часто Витька прятал свою вторую натуру за первую, и это ему хорошо удавалось.

«Изнасиловать... Интересная мысль... А может эту?.. Но дерется сильно... Да неужели дерется? Подошла сзади на цыпочках и стукнула по голове. Разве это драка?.. А ничего деваха, аппетитная! Ишь, смотрит как на меня, видно ждет продолжения разговора...» — пронеслось в его голове, и он, решив продолжить разговор об ее отце, закинул удочку.

— Интересно, неужели так все могло быть?

Людмила долго молчала, испытующе глядя на Витьку. Это был первый человек в Селезневке, который узнал про них все. И будет ли она теперь молчать или не будет, история ее родителей может стать известной всей деревне. «Так пусть лучше он получит понимание всего, тогда происшедшего, из моих уст, чем будет рассказывать так, как он понял. Ведь наверняка он просто пробежался по письмам,— подумала она.— Может быть, тогда все, что он будет рассказывать, будет совсем по иному звучать и восприниматься людьми».

- Когда мой отец, будучи еще парнем твоих примерно лет, изнасиловал мать, тогда еще девушку...
- М-м-мг...— промычал Витька, с одной стороны, чтобы скрыть удивление, а, с другой, чтобы показать, что он это все знает.
- Короче, свидетели видели, как он выходил из ее дома (мои будущие родители жили в большом селе далеко отсюда) и показали на него. По заявлению родителей мамы было возбуждено уголовное дело. Экспертиза показала вину отца, и ему дали срок.
- А как понять его письма о любви и ответы твоей мамы? спросил Витька, которому, честно говоря, это становилось все более интересным своей необычностью.
- Был суд и приговор. Моего будущего отца отправили в колонию. Мама на суде не присутствовала. Говорят, что он был очень подавлен всем случившимся, всю вину признал полностью и сказал, что готов понести самое строгое наказание.
- Но ведь он мог жениться... Ну, то есть...— замялся Витька.— Ты понимаешь, что я хочу сказать?.. И никакого суда бы не было.
- От него такого заявления не последовало. Да и мама была гордой. Она не согласилась бы, даже за большие деньги. Мы с ней говорили на эту тему,— добавила Людмила.
 - А потом полюбила?
 - Да! Потом полюбила, но это было потом.
 - Интересная история...
- Отец рассказывал, что в колонии ему часто приходил на ум образ мамы, ее лицо, походка, все, что было с ней связано. Он много думал и мысленно общался с ней. Представляя, как бы он по-другому повел себя в той роковой ситуации, как бы он не поддался вдруг нахлынувшей звериной страсти.
 - Времени у него для этого было хоть отбавляй! ухмыльнулся Витька.
- Да, там времени было предостаточно. А в той ситуации как будто затмение какое-то нашло... Ну, так вот, два чувства жили в нем: вина и любовь. Он даже написал письмо своим родителям с просьбой найти хоть какую-то ее фотографию и прислать.
 - Сказка, да и только...
- Ты можешь верить, можешь не верить, но все точно так и было. Конечно, словами всего не передашь. В колонию с миссионерскими визитами приезжали священник и прихожане храма, расположенного недалеко. И отец с интересом слушал их беседы, все более располагаясь душой к тому, что слышал. И вот однажды он решил обо всем рассказать отцу Михаилу. Тот с большим сочувствием отнесся к исповеди. Отец покаялся во всем и сказал отцу Михаилу, что часто представляет, как он повел бы себя по-другому в той ситуации, и, что это другое поведение, представляемое им, приносит ему чувство радости в душу и успокоение. Отец уверовал, стал ежедневно читать Евангелия и Послания апостолов. Но ничто не могло вытеснить образ Ольги, моей будущей матери из его сердца. И по совету отца Михаила Николай решился написать ей обо всем.
 - И она ему поверила...— то ли утвердительно, то ли недоверчиво сказал Витька.
- Мама вначале, конечно, с большими сомнениями отнеслась к этим письмам. Думала, что он просто хочет раньше освободиться, поэтому и развел всю эту лирику. Однако ей объяснили, что закон обратной силы не имеет, и что от их переписки ничего не изменится. Досрочное же освобождение зависит только от его поведения в колонии. Тогда мама просто из любопытства и какой-то жалости стала изредка отвечать на его письма.
 - И полюбила его, который ее изнасиловал...
- Нет, полюбила она его потом, когда он вернулся и стал за ней ухаживать. А во время переписки у мамы возникло к нему смешанное чувство жалости и интереса, которое потом сменилось на уважение и чем дальше, тем больше.

- Чего это вдруг? высунула нос его вторая сторона.
- Не вдруг, а постепенно. Отец очень много писал о своем раскаянии в том, что совершил, о своих переживаниях и мыслях по этому поводу. А также о том, как бы он поступил совершенно по-другому, если бы та ситуация повторилась, о том, как бы он ухаживал за ней. Он писал об этом во всех подробностях. Эти письма просто стихи в прозе.
 - Интересно... Влюбился что ли, сидя там? так и подмывало его поглумиться.
 - Не влюбился, а полюбил...
- А может, твоя мама была беременна, поэтому решила, пусть у ребенка будет хоть какой, но отец?
 - Нет, зная маму, не думаю.
 - И что, поженились сразу, как вышел?
- Нет, мама поставила условие. Они вначале встречались только в общественных местах, на людях в кино, в клубе, на праздниках, в гостях... Это длилось полгода.
 - А потом?
- Потом мама разрешила приглашать ее на прогулки, но близко к себе не подпускала. У них не было близости год, как он вернулся из колонии.
 - С характером твоя мать! И что, видно, выдержал мужик?
- Выдержал! И только после этого испытания мама пригласила его в дом к родителям, где он сделал официальное предложение. Но родители мамы были категорически против.
 - А его родители?
- Да, совсем позабыла! Дедушка и бабушка по его линии оказались людьми очень порядочными, чистосердечными и душевными. Они полностью приняли вину и долгое время пытались хоть чем-то помочь семье моей мамы, которая тогда во многом нуждалась... Но мамины родители ото всей помощи отказались сразу и в течение всего времени не изменили своему слову. Хотя от самого знакомства не отказывались и общались с ними.
- А когда твои будущие отец и мать стали встречаться и близко общаться? спросил Витька, а вторая его натура в это время втайне уже смаковала обладание телом девушки.
- Когда они решили пожениться, их родители с обеих сторон собрались вместе без «виновников торжества» и поговорили по душам. Родители мамы, несмотря ни на что, были категорически против. В итоге мои будущие отец с матерью вынуждены были уехать. Они расписались и венчались в районном центре, там же нашли квартиру и устроились на работу.
- Интересная история. Если бы я не читал писем,— соврал Витька,— ни за что бы не поверил, что так бывает!
- Оказывается, бывает! И я верное тому доказательство, улыбнулась Людмила.

4

Витька уже вполне отошел от удара, голова не болела, только, дотрагиваясь до шишки на затылке, он испытывал боль. А так все было хорошо. Он вольготно развалился в кресле, широко расставив ноги, руки положив на подлокотники. Перед ним сидела красивая девушка, ее длинные светло-русые косы были опущены по обеим сторонам груди, которая заметно выделялась из-под халатика. Прямые пальцы рук живо жестикулировали, то дотрагиваясь до лица, то оправляя полы халата, то ложась на подлокотники или на колени. Он видел ее ноги — прямые, упитанные и загорелые. И, слушая, он попеременно бросал взгляды то на руки, то на ноги, то на грудь,

то на шею и губы, так влекущие к себе... Это с одной стороны и чертова вторая натура с другой почти доконали его. Он чувствовал, как спирало дыхание и напрягались мышцы... Чтобы сбросить напряжение, он задал вопрос.

- И что, родители твоей мамы так и остались одни и не помирились с дочкой?
- Нет, нет, помирились. Потом приняли как факт, а когда познакомились поближе с отцом, стали его уважать и ценить за отношение к маме и потом к нам, детям. Но родители не были одни. У мамы была старшая сестра, Мария. Она к тому времени уже была замужем. Вышла она за парня, который любил ее и ухаживал за ней два года, не отходил от нее и ее окон, как говорится.
 - Вот это, да!
- Каждый день дарил цветы, делал подарки, куда-то приглашал. Родители души в нем не чаяли и все время ставили маме в пример вот, мол, за каких нужно замуж выходить. Все шло к свадьбе, к долгой и счастливой семейной жизни.
 - И что же?
- Но, когда они поженились, начало происходить что-то загадочное. Появились какие-то недомолвки со стороны мужа. Все поменялось местами. Теперь Мария все внимание направляла на него, а он, казалось, не то, чтобы охладел, но стал каким-то задумчивым, порой, как бы не слышал, что к нему обращаются. Периодически он куда-то убегал, как говорил, по работе (он работал электриком), но денег особых она не видела, да и возвращался часто подвыпившим.
 - Нормальное дело...
- Для кого нормальное, а для кого и нет! Это все еще можно было как-то понять, если бы он не переменился по отношению к Маше.
 - Может, это все женские придирки?
- Потом выяснилось, что он гуляет. В селе-то, даже большом, долго скрывать что-то не удастся, даже если это все происходит в соседней деревне или районном центре. Вскоре она узнала, что он не к друзьям ездит, а гуляет то с одной, то с другой, то с третьей...
 - Дела-а-а... Любвеобильный какой!..

А сам подумал: «Черт, еще немного и я не выдержу!...

- Да, уж... Вот два примера. Один изнасиловал, а в итоге оказался примерным и любящим мужем и отцом на всю жизнь, а другой говорил, что любит, ухаживал, денег не жалел, и оказался бабником и хамом.
 - Хм-м...— промычал Витька и зевнул.
- Батюшка, отец Виктор, настоятель нашего храма,— увлеченно стала рассказывать Людмила,— сказал, что в человеке преобладает то, к чему тянет его душу. Когда душа тянется к Богу, то, если человек и согрешил, или совершил преступление, он с Божьей помощью может вернуться на путь истинный и жить как верующий. А когда душа тянется в противоположном направлении, то, как бы человек ни обманывал других и себя самого, жизнь все равно расставит все по своим местам.

5

Рассказ Людмилы вызывал у Витьки двоякое чувство. Несмотря на происки его второй натуры, был у него уголок души, где жил теплый образ умершей матери и хранилось воспоминание о девчонке, которую он любил, но бросившей его. Там же хранились очень редкие беседы с отцом, когда тот был трезв, где на отдельной полочке жили герои сказок и книжек, которые в свое время произвели впечатление на его юное сознание. Это пространство души ощущалось им как что-то светлое, желто-золотистое с проблесками зеленого и голубого. (У него были способности к живописи, но никто не помог развить их). А с другой стороны было иное пространство, цар-

ство его второй натуры, занимавшее большую часть души, где преобладали черные, коричневые и серые цвета, от которых веяло холодом, и где то и дело вспыхивали ярко красные пятна и стрелы. И тогда ему хотелось совершить что-то из ряда вон выходящее, чем-то выделиться таким, что всех повергнет в ужас, а его в восхищение самим собой.

Вот и сейчас это красное просто бурлило в клубах темного. И это бурление распирало его сознание, и чтобы освободиться от этого давления, он должен был действовать. Да он и не сопротивлялся этому, предвкушая довольство собой от своих действий. В другом, светлом уголке души, блеснул на какое-то время огонек то ли свечи, то ли солнечный луч, как бывает, когда он отражается от стекла напротив. Одновременно с этим раздался какой-то тихий-тихий голос. Но сознание Витьки уже кипело, и он не мог, да и не хотел расслышать, что этот голос ему говорил.

- Видишь, какими хорошими могут быть насильники? наконец проговорил он и, встав с кресла, сделал шаг по направлению к Людмиле. Давай, я тебя как бы изнасилую, но сидеть не буду, а сразу на тебе женюсь! Ха-ха-ха!.. Любить буду, не пожалеешь!
- Ах ты, негодяй! Уходи прочь, гад! Я думала ты более или менее порядочный парень, несмотря на то, что рылся в бумагах. Ну, думала, что из любопытства это делал. Думала, прочитал мельком про родителей, так уж расскажу, как есть, чтобы люди узнали правду, а то наговорит... Дура же я наивная! А ты вот как?!..

Он отступил на шаг назад

- Да я пошутил...— протянул он, ухмыляясь.
- Если ты такое сказать смог, что же у тебя тогда на уме?! воскликнула девушка.— Человек может споткнуться и сделать злое, но, если у него чистая душа, это является ошибкой, наваждением. А ты так спокойно говоришь и еще улыбаешься при этом. Может быть, ты все спланировал заранее, пока я тут рассказывала?

Витька хмыкнул. Вторая натура так и лезла из него, заставляя вести себя в соответствии с ее, натуры, сутью. Первой Витькиной половины как бы не существовало. Вернее он ощущал ее, но где-то очень-очень далеко, где она сжалась в комок и подавала оттуда слабый-слабый, едва слышимый голос. Обычно две его натуры боролись друг с другом на равных, в тех или иных ситуациях преобладая друг над другом. Но такого подавляющего преимущества одной над другой он еще никогда не замечал.

Людмила молча глядела на него своими ясными и чуть насмешливыми глазами. Не в силах вынести не только ее взгляд, но даже присутствие, Витька повернулся к ней боком и, постояв так несколько мгновений, словно прислушиваясь к чему-то, опустив голову, пошел к выходу.

Людмила пошла за ним.

— Наша жизнь — это дорога. А дорога имеет всегда два направления. И у тебя есть выбор, в каком направлении идти... И еще, не забудь о храме!..

Людмила закрыла за ним калитку и вошла в дом.

На улице словно ток прошел по Витькиному телу от макушки к ногам. «Ток, ток...» — подумал он. Витька был смышленым малым и неплохо разбирался в физике. «В электричестве притягиваются разноименные заряды, а одноименные отталкиваются... А у нас произошло иначе. Да, но ведь души — это не конденсаторы, пластины которых меняют свой заряд в зависимости от другого заряда, — думал он. — В моей душе поднялось все противоположное душе Людмилы, и, когда это произошло, мы оттолкнулись. Значит, в человеческих отношениях отталкиваются противоположные состояния душ, а подобные, стало быть, притягиваются. Но почему же тогда в моей душе вначале поднялось и вышло наружу все противоположное Людмиле?..»

Думая так, Витька обнаружил, что стоит на обочине дороги. По дороге в обоих направлениях двигались машины. Он некоторое время отрешенно наблюдал за ними.

И вдруг его осенило. «Если едешь в машине, а навстречу тебе движется другая, то твоя скорость по отношению ко встречной машине складывается из скоростей обеих машин, так? То есть она будет значительно больше, чем скорость движения твоей машины по дороге,— мысли Виктора быстро выстраивались в логическую цепочку.— И когда люди движутся к разным полюсам, к разным целям, при взаимодействии таких людей в их душах все процессы ускоряются. Людмила — чистый человек, нужно честно это признать. Значит, получается, что моя вторая натура — не вторая, а главная во мне, поэтому она так значительно усилилась при общении с Людмилой...»

...Виктор по-прежнему стоял на обочине. Состояние было не из лучших — его подташнивало, руки и ноги были ватными и немного, то ли от холода, то ли от напряжения, тряслись. Перед ним была дорога. Он посмотрел направо — небо там было светлее, легкая пелена облаков, окрашенная в розовые тона, говорила о восходящем солнце. «Небо хмуро поутру — моряку не по нутру», — вспомнилась старая поговорка. И действительно, на другой стороне небосвода над уходящей вдаль дорогой висели тяжелые свинцовые тучи, не предвещавшие ничего хорошего. На их фоне ярким золотом блестели купола храма. Витька стоял в нерешительности, не зная куда идти. Наконец, он пересек дорогу и по тропинке, шедшей вдоль нее, направился вправо в сторону своего дома. Так он прошел некоторое расстояние, снова обдумывая и обдумывая все, что произошло сегодня утром. Последние слова Людмилы и его мысли у обочины не выходили из головы. В это время прозвучал однократный удар колокола, через некоторое время второй... Виктор знал — так призывают к молитве...

В МИРЕ ПОЭЗИИ: ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ

Наталья Квасникова (г. Москва)

СТАРЫЙ КРЫМ (Поэма)

В августе 2010 года мне довелось побывать в Крыму на литературном фестивале «Славянские традиции». Мы посетили волшебные места Грина и Паустовского. В тихом городе под уютным названием «Старый Крым» до сих пор сохраняется атмосфера повестей и рассказов, созданных этими кудесниками русского слова...

1. МОЙ ГРИН

…Гринов тоже может быть несколько…, а у тебя он — к твоей лишь судьбе примеренный, твой Грин, твой собственный…

Николай Тарасенко

На рассвете Лучистый поток, Приласкавший окно, Заглянул Человеку в прищур, Усмехаясь и рдея. Человечья душа Распахнулась в ответ, Молодея, Светлея, Алея, И подул ветер счастья, Наполнив собой полотно Парусов долгожданных Волшебника Грэя. Не восходит мечта Без унылой закалки обид, И вино не хмелит,

Если сок из незрелых желаний Не перебродил. Не мешают любви Ни злословие, ни суета, Ураган в океане Бушует, не меряя сил. В южном Сказочном городе Вымыслы бродят бесшумно. Замечает их Только мечтательный, Пристальный взгляд. Контур гор обрамлен Сочным небом Да ветром безумным, И барханы морские След девушки юной Хранят.

Грин, Кудесник, поэт, Жизнь украсивший глянцем. Нам доступен портрет, А лицо Растворилось в пространстве. На портрете глаза, Как за шторами Горьких печалей. Лишь морей бирюза И доверья слеза, И сердец голоса Открывали в них дали, Свет зари зажигали. Мы приходим к нему Сквозь обиды — и тьму Не сбывающихся Стремлений,-Вот уж несколько поколений... Мы идем к Грину По лестнице узкой, Выстраданной в душе, Выстроенной из музыки, Захмелев от его волшебств. К нереальности той, Которая неизменно — Красавица, Нам хотя б — на постой, И затем, постепенно, Исправиться,

Отдохнуть от глухот И слепот, и немот, Зачеркнувших, Заткнувших Глубины высот И высоты глубин. Видел Грин Долгим своим прищуром Искры птичьего пения В залатанной ткани Тумана. Под взглядом его хмурым Дымилась Заря вечерняя Или — ранняя... Не странно, Что его печали Прекрасны — И рождают в душах Полосы света. Но до боли неясно, Почему и море, И суша Долго не привечали Алые паруса «Секрета»?

Домик рядом С грецким орехом, Шелестящим О недосказанном, Обрамленный Весенним садом, Оживленный Беззвучным эхом, С мыслью Грина Навеки связанным. Он мечтал, Что напишет Столько историй О море, Сколько спелых плодов На любимой айве, Но вовремя не был услышан, Вдруг не стало слов И следов на траве... А теперь, Как поспеют Плоды айвовые,

То — рассказы Готовы новые, Словно вести Несвершенному веку, Но прочесть их Не дано человеку.

2. ПАУСТОВСКИЕ ЗОРИ

«...Я с корабля сошел при блеске ночи, При ропоте таинственных валов...»

Николай Щербина

Золотая заря, Березовость, И еловость Зелено-хмурая, Осень бурая, Враз — с обновою... Ишь, — сосновость, Искря В смоль слезную, Расточает Цвета медовые И рассветами, И закатами, Что краснеют, как Виноватые, Жидким золотом Умываются, А внизу, в лесах, В молодых ручьях Да в людских сердцах Освещают все — Освящают все...

В тихом городе Дом в саду стоит, Где березы грустят С кизилами. То ли поровну Хватит всем обид, То ль кому-то — лад, Счастье с милыми... Поутру — заря, Золотая мгла, Золотая пыль. Из нее не зря Роза проросла, Сказочная быль. Окна в доме том,— Как страницы книг. За одним окном — Сплошь Норвежский лес, Бродит старый Григ, Ищет музыки И других чудес. В том лесу без счета Еловых шишек, Собирает их Лесникова дочь. Ей — проста забота, А ты — пророчь! Как Ассоль, она Получает высший Дар волшебника... Даже ветер стих С удивлением. В восемнадцать лет Был открыт секрет — Поздравление. Григ был щедр, Как Грэй: Скрипки струнами, Клавиш млечностью Он поведал Ей — Яркость юности, Тайны вечного, Сердце — встречного... Парус музыки Не был алым, Но со всех сторон Обнимал он... ...А в другом окне Плач и смех ручьев, И Мария Черни В любви, в огне, Но земные черти — Без душ и снов, И приносят в жертву Ее любовь. ...Ждет за третьим окном Черное море, А над ним — Полотном Разноцветным — небо,

Чтобы в сердце твоем

И моем, И еще чьем-то Экспромтом, Навсегда и всерьез, Разбудить вопрос: А раньше, значит, Я — где был Или — была, Почему не знаю, Как ночь — прозрачна, И мысль — светла? Даль земная Не лжет философски, Всем дает ответ, Не открыв причину... Жжет волну рассвет, И глядит Паустовский Вслед Александру Грину...

લજ્ઞા

Сергей Крестьянкин (г. Тула)

ПАРОДИИ

С удовольствием, когда удается, читаю поэтические авторские новинки и коллективные сборники. Это говорит о том, что не иссякает река творчества и не только старшего поколения, но и молодежи. Но иногда попадаются такие «произведения», что порой не знаешь как реагировать на такое словоизлияние. Волосы встают дыбом, и охватывает ужас. То ли люди не понимают, что такое поэзия и считают себя талантливо-гениальными, то ли просто не знакомы с правилами стихосложения.

Но поразмыслив, приходишь к выводу, что некоторые люди просто делают первые шаги к поэзии, учатся и совершенствуются. А другие — по натуре своей веселые, обладающие чувством юмора. Иначе как еще можно определить то, что они предлагают нашему вниманию в своих сборниках.

Раз люди выносят такое творчество на суд читателей, то, значит, они готовы выслушать отклик на свои произведения. Тем более что книги распространяются, дарятся, продаются...

Читая такие сборники, волей-неволей у меня появляются дружеские пародии, которые я предлагаю вашему вниманию и надеюсь, что авторы на меня за это не обидятся, а наоборот напишут еще много хороших стихотворений.

МЕЧТЫ

(Первая стадия алкоголизма)

«Ты позови скорее И жди, когда приеду, Ведь нет тебя роднее, Купи батон к обеду. Открой навстречу двери, Не спугни мои мечты, Я так хочу поверить, Что сегодня трезвый ты»

Тамара Дик, «Позови»

Буханку четвертушку К обеду не забудь, Естественно — чекушку, Где хочешь, но добудь! Открой навстречу двери, Мечта впорхнула чтобы. Я так хочу поверить, Что мы напьемся оба.

Трезва я, но устала В мечте своей опять — Чекушки будет мало. Две сразу надо брать!

до чертиков

(Вторая стадия алкоголизма)

«Не беспокой меня, виденье, Мне душу больше не тревожь, Ведь я справляю день рожденья. Ты выпить, может быть, зайдешь?»

Тамара Дик, «Виденье»

Чего же нет? Зайду, конечно! Поплачем. Водочки попьем. И разговор с тобой неспешно, Когда наплачемся, начнем.

Что в жизни ты своей добилась? Осмысли то, что ты творишь. Уже до чертиков допилась — С видениями говоришь...

Ведь в день рождения возможно Переосмыслить, помечтать И, может даже, осторожно Чего-то заново начать.

УЧУ ЛЕТАТЬ

(Третья стадия алкоголизма)

«Приходи на обрыв — полетаем...» Тамара Дик «Приходи на обрыв»

Приходи на обрыв — полетаешь. Я в ту пропасть тебя подтолкну. Ты чего замолчал и икаешь, И похожим, вдруг, стал на струну?

Ты об этом, ведь, часто мечтаешь И во сне, и еще наяву. Приходи. Подтолкну! Полетаешь!!

А то больше не позову. ЗАГАДКА РОССИИ

«О Русь моя, поля и хаты! Как ты сегодня не стелись, Но ходят бабы не брюхаты И мужики перевелись»

А. Рязанцев, «Расплата»

Вот — это Русь! Вот — это хаты! Хоть мужиков здесь не видать И, вроде, бабы не брюхаты, Но каждый год идут рожать.

И кем-то доятся коровы, И кто-то урожай собрал, И кто-то клуб построил новый, Жаль, что Рязанцев не видал.

લજ્ઞા

Владимир Резцов (г. Тула)

ВЗГЛЯД РУССКОГО МУЖИКА НА ГЛОБАЛЬНУЮ ПРОБЛЕМУ ТЕРРОРИЗМА

(Невыдуманный монолог в вечернем трамвае)

Однажды вечером в октябре 2001 года я возвращался домой на трамвае и услышал, как сидевший в конце салона хорошо подвыпивший мужчина лет сорока в рабочей одежде и замызганных сапогах, ни к кому не обращаясь, с возмущением, на чем свет стоит, крыл террористов из «Аль-Каиды», которые 11 сентября протаранили самолетом башни-близнецы в Нью-Йорке. Меня заинтересовал ход его мыслей. Немало позабавило то, что он почему-то считал, что Усама и Бен-Ладен — это два разных человека...

Планету ввергнув в ад террора, Два бородатых мухомора, Два отморозка от ислама Хмыри Бен-Ладен и Усама Хотят, чтоб именем Аллаха Все люди писались от страха. Уже Америка в тревоге: Ведь «Аль-Каеда» на пороге, И подсылает психов, чтобы В Нью-Йорке рушить небоскребы, Козел и сукин сын Бен-Ладен, Будь он сто тысяч раз неладен! В ужасной панике Европа, Как в ожидании потопа: По почте рассылает прямо Всем по квартирам смерть Усама! Грозят кресту два злобных гада Зеленым знаменем джихада.

Но русских — черт не запугает! Кто девок любит и киряет, Кто водку глушит вдохновенно, Тому и море поколенно. На льду мы немцев одолели; Мамай хлебал уху у ели, Да подавился возле Дона; Француз у нас просил пардона... С фашистом стенкой шли на стенку... И потоптали... Гитлеренко... Как только... грамм по двести... вмажем... Зимовье раков вновь покажем... И с отмороженными сладим... Мы по усам им... забенладим...

Людмила Авдеева (г. Москва)

СТРОКОЙ СТИХА ПОБЕДЕ ПОКЛОНЮСЬ

Авдеева Людмила Евгеньевна — журналист-международник, литературовед, поэт. Работала в горячих точках: около четырех лет в Иране в период исламской революции и ирано-иракской войны и два с половиной года в Афганистане. Имеет более десяти медалей, среди которых: «Ветеран-интернационалист», «За верность долгу и Отечеству», «За вклад в дело дружбы», «От благодарного афганского народа», «К 20-летию вывода войск» и др. Член Российского Союза ветеранов Афганистана. Издано 26 поэтических книг, среди которых на военную тематику: «Не разлучай людей, война», «Дорогами Победы», «У памяти в плену», «Одни нам светят звезды», «Озера памяти», подборки стихов в коллективных изданиях «Русич», «Мы и время», «Звезда отца», «Истоки» и др. Документальная проза публиковалась в альманахах, коллективных сборниках и в многотомной серии Академии исторических наук «От солдата до генерала». Лауреат конкурсов «Автор патриотической песни», «Песни о Российской Армии», «Строкой стиха Победу славим» и др. Награждена дипломами Московского фонда культуры «За духовность, гражданственность, любовь к Отечеству», специальным призом Военной Академии РВНС им. Петра Великого в Санкт-Петербурге. Член Союза писателей России и Международной федерации журналистов.

* * *

Искать не стану фраз высокопарных. Строкой стиха Победе поклонюсь. В те огненные годы было главным Россию отстоять, Святую Русь.

Не дать Москву врагам на поруганье, Спасти от слез блокадный Ленинград, Чтоб звезд кремлевских яркое сиянье Украсило торжественный парад.

Победе поклонюсь и ветеранам, Сражавшимся за Курск и Сталинград. Всем тем, кто помешал фашистским планам, Всем тем, чьи раны до сих пор болят.

Какой ценой досталась нам Победа, Перечислять я даже не берусь. Но средь погибших брат отца, два деда... И не забыть в глазах свекрови грусть.

Дочь схоронила. Сразу, следом сына — Детьми в фашистом занятом селе. А муж ее, дошедший до Берлина, Прожил недолго, ноги на войне

Оставив. Нет семьи в России Кого б не покалечила война. Где б женщины в ночи не голосили. Склонюсь пред ними я строкой стиха.

Строкой стиха я поклонюсь Победе. Ей в памяти людской навеки жить. А Красной Площади столетье за столетьем Учить детей Отечество любить.

* * *

О чем ты плачешь, Русь, слезами вдов? О чем ты плачешь, Русь, слезами ветерана, Забытых деревень, где не хватает дров, Чтоб протопить избу, и ноет, словно рана,

Та страшная война, хотя десятки лет С июня сорок первого минули Когда сражался насмерть славный Брест И принимал не в спину, в сердце пули.

А что с тобой, скажи, стряслось, Москва. Ужели ты панфиловцев забыла. Год 41-ый. Страшная зима. Но мужества с отвагою хватило,

Чтоб отстоять тебя из лап врага, Чтобы вернуть тебе былую славу. Так отчего ж сегодня холодна Ты к стрикам? Обидно за державу,

Обидно за распавшийся Союз, За павшего в боях жестоких деда... Но близок Май! Вставай, святая Русь! Вставай, народ, чтоб праздновать Победу!

в ожиданье дня победы

Предана, растоптана, распята Русь, что набирала высоту. Чувствую себя я виноватой За свою былую слепоту,

За терпенье, за наивность, веру В то, что власть всегда у нас права.

Отдали Россию изуверам. Неужели это навсегда?!

На полях коттеджи вырастают, Продан лес и речка продана. Деды — ветераны умирают, Оставляя внукам ордена.

Орден и медаль. За ними годы Беспощадной тягостной войны И послевоенные невзгоды, И успехи строек, целины...

Ордена за мужество. Заслуги Дедов и отцов — бесценный клад. Неужели сможете вы, внуки, Их снести торговцам на Арбат?

Неужели? Сердце холодеет, Когда с пивом, с куревом в руке Молодого вижу прохиндея, С орденом, зажатым в кулаке.

Порожденье ельцинской эпохи — Равнодушье, злоба и цинизм. И при этом рассуждать о Боге Смеет олигарх-капитализм!

Власть в своем бессилье рвет и мечет, И гребет в бездонный свой карман. Наобум реформы — чет иль нечет. Библия враждуют и Коран.

Был народ един на поле брани, В лютой схватке победил не зря. Отчего же ныне столько брани Принимает русская земля?

Мая жду! Жду День святой Победы! Прекрати безмолвствовать, народ! Внуки, поднимитесь так, как деды Поднимались в бой! Не пропадет,

Возродится матушка-Россия Светлой мыслью, праведным трудом. Возвратит свои былые силы Защитит от недругов свой дом.

Стань мудрей, народ, не будь Емелей, Проводящим время на печи! Обещанья, мифы надоели. Нечисти немало на пути. Май грядет! Великий День Победы. Память бей сильней в колокола, Чтобы снова пересилить беды, Чтоб спастись Россия бы могла.

СВЯЗНАЯ

За мною память по пятам Идет, забыть не разрешая, Как радость с горем пополам Встречал народ в победном мае.

Себя я чувствую связной Меж внуком и погибшим дедом, Меж мирной жизнью и войной, Началом боя и Победой.

Себя я чувствую связной, Чтоб поколениям грядущим Уже не встретиться с войной, Но сохранить святые чувства.

И память прошлого храня, Преумножать земли наследство. Чтоб были счастливы всегда Все люди в старости и в детстве.

യാ

Владимир Сапожников (г. Тула)

простите, женщины, меня

Переосмысливая жизнь, Считаем прошлые ошибки, Друзей утраченных улыбки, Тогда потерянную мысль...

Но изменить себя нельзя, Хотя так хочется порою Опять встревоженной весною Случайно повстречать тебя!

Чтоб закружилась голова, Чтоб ошалеть от чувств нежданных, От губ обманчиво желанных, Чтоб были нежными слова!

Мы побредем с тобой вдвоем, Мы улетим куда-то выше Тех тихих улиц, скверов, крыши, В тот поднебесный окоем!

Простите женщины меня... За огорченья и разлуки... За неуверенные руки, Что обнимали вас любя...

Теперь другие времена... Но память прошлого стучится, Жизнь все быстрей с годами мчится, И нет возврата нам туда...

А как хотелось-бы вернуть... Как что-то изменить хотелось, И проявить в том прошлом смелость... Но нет возврата. В этом суть... * * *

Что за время у нас? Да, февраль... И зима разгулялась метелями... Нам взгрустнулось вдвоем в этот час, Что-то с прошлого снегом навеяло...

* * *

Посвятить свою жизнь неизвестно чему: Алкоголю, наркотикам, лени... Да, бывает, что выпью — но ум не пропью! А вокруг... бродят люди... их тени...

МЕЧТА СТАРЕЮЩЕГО МУЖЧИНЫ

Давно такую не встречал... Глаз голубых соблазн велик... Признаться?! Нет... Я промолчал О том, что для нее — старик...

Мне много лет... За сто давно... И с этим очень страшно жить... Ей будет тридцать... Все-равно Так захотелось... полюбить!

യത്തെ

Сергей Соколкин (г. Москва)

PERSONALIA

Сергей Соколкин один из самых значительных поэтов своего времени по мнению Николая Тряпкина и Юрия Кузнецова, Бориса Примерова и Валентина Сорокина, Валерия Ганичева и Владимира Бондаренко, Петра Калитина и Кирилла Анкудинова. Поэт, лауреат Государственной премии России, Николай Иванович Тряпкин, отмечая стихи С. Соколкина, писал: «Эти строки я произношу с чувством особой радости, поскольку отношу их к разряду самых лучших строк русской классической поэзии...» Соколкин творчески следует традиции русской поэзии, начатой Сергеем Есениным и продолженной Павлом Васильевым, при этом его стихам не чужда новаторская образность, что сродни поэтике Владимира Маяковского. Тема любви к Родине — основная в его творчестве. И, конечно же, любовь к женщине, той единственной и неповторимой. Автор семи книг стихов, член Президиума МГО СП России. Песни на его стихи поют 53 отечественных исполнителя.

* * *

А. Худорожкову

Там, где гудит страна, предвосхищая сечу, и незачатый плод кричит из бездны дней, там всем нам танцевать за голову Предтечи и, получив ее, не знать, что делать с ней.

О, бедный мой народ, разверившийся в Слове, на горе и крови свой замесивший хлеб, беззубым ртом опять свистаешь клич соловий и точишь лезвие впотьмах своих судеб.

Искупят сыновья отцовскую проруху. И день придет, когда сердца отпустит ржа. Но не дано нам знать, подняв на ближних руку, как светел Божий Лик на полотне ножа...

* * *

Глаз мертвой девушки чуть-чуть подслеповат. В него война глядится, словно в воду.

И видит сквозь него слепой солдат кровавый путь в Господнюю свободу.

Се попущенье пасмурных времен, где в гневе поднял камень брат на брата, в бесславной бойне не оценит он и не опустит дула автомата.

И тени искореженных друзей, взывая к мщенью, восстают из праха. И ангел — в окровавленной слезе — взмахнув крылом, сползает на рубаху

и черный штык. А враг придет назад, как подлый тать... И повернувшись к Богу, обняв холодный труп, сидит солдат и мертвым глазом смотрит на дорогу.

* * *

Где мосты сожжены и деревни погублены, и где воздух тлетворный бесплоден и слеп, где могучие руссы под корень подрублены, там цветет наш корявый, безрадостный хлеб.

И где катит тягуче — с последними силами смерть-старуха свой крест — на скрипучей оси, окопалась земля родовыми могилами среди глада и мора великой Руси.

* * *

Николаю Ивановичу Тряпкину

Дано нам жить под строгим небом — у верной Родины в горсти, чтоб, умирая, русским хлебом по всем окопам прорасти.

Как сеятель в часы восхода, Любовь, что Господом дана, Бросает только в чрево рода свободы вечной семена.

ГРОЗНЫЙ-СТАЛИН.РУ

П. К.

Реклама пашет, пипл давится... но хавает — в любом столетии... Мозги заморским пойлом светятся

уже на том ли, этом свете ли,— ТиВи никак не выключается...

Растративши остатки силищи — отравлен царь — владетель нации, что за коварство иностранцами, был грозно наречен «Васильичем», как кур во щи, попав в прострацию...

Не слышно слез, не видно радости, кровь в жилах встала, ищет выхода. Не царским делом занимается, напичкан ртутью, словно градусник, лежит холодный и невыгодный —

ни галлу-Карлу, что бургундского перечерпав хрустальной кружицей, вдруг в ночь Варфоломея грустную решил «вломить» — боярам... кажется...

ни инквизиции Филипповой, еретиков сжигавшей заживо, где толпы в истерии ражевой восторженно встречали каждого, поэтов слушая филиппику...

ни Генриху, потомку Каина, что вдруг бродяг, почуяв силищу, повесил семьдесят две тысячи... Но вот, в отличьи от Васильича, не впал ни разу в грех раскаянья...

ни шляхте, ни Pacee — матушке, а только сталинской империи, где new-опричники-ребятушки играют с закулисьем в прятушки у бездны глубину не меряя...

Но поглощаясь этой бездною и вдрызг отрекшись от Хозяина, ртом кислород ловя отчаянно, кумира сотворят из бездари, и выживут — как бы случайно...

Склоненны не секуще — головы... Да так, что опускаю лиру я, И CNN на мир транслирует ток-шоу «Глупые и голые». Иконы на дрова расколоты...

Летят века, тупеют зрители. Колокола ревут и празднуют. И слухи ползают заразные. Мерцает в небе Лик Спасителя. И молятся попы за разное...

ЛУННАЯ ПОХОДКА

Анатолию Лютенко

Радость — реже, нежность — реже, реже... Нет любви, почти дошли до края... Что ж меня еще на свете держит, в полночь вглядываться заставляя,

заставляя вслушиваться в память, в сердца недвусмысленные стуки? К тем, что, жданные, придут за нами, искренне протягиваю руки.

Душу не измерить на промили, вытекает, капает прилюдно... Не о тех я, что Битлы вскормили матери-земли отцовской грудью,

обещая облака в алмазах, заглушая стоны нежным роком. Раз за разом свежая зараза пробивает тело жгучим током.

Родина растрачена — навеки, словно жизнь, ушедшая к другому. Кожаные афро-человеки в душах рыскают — от дома к дому.

Что я, негр, прорвавшийся в Европы, чтобы слушать в песнях черный топот и смотреть, как высунувшись ж...й, дурни прутся в «рэпах» и «хип-хопах»,

чтоб людей, заезжих за удачей, видеть приложением к Экрану, вспыхнет Он, и те, кто не заплачут, от судьбы получат по банану...

Вспомнил я родной, но не любящий город кузнецов и камнерезов... Он не пахнет Русью настоящей, пахнет потом, смертью и железом.

Не содрать с больной души проказу и от крови не отмыть ладони. Над Свердловском небо не в алмазах, в кирпичах Ипатьевского дома...

Русь моя, любимая, родная, неужель, затравленная в небыль, над собою не удержишь неба, как душа, за край перетекая?

Неужель, искусственные дети напрягутся думою короткой, что не жили «предки» на планете,— прошвырнулись «лунною походкой»...

* * *

Смирнову В. П.

Мы эту осень сами заказали. И нет в ней правды, есть одни стихи, как будто бы в пустом холодном зале отчитываем все свои грехи.

Звенит листва монетой с того света, шуршит толпа в три тысячи голов. Свобода есть, а воли к жизни нету... и речь ясна, но нету русских слов.

Душа шумит, ей кислорода мало, ржавеют клены, плачут тополя. Молчит природа, что-то в нас пропало,—нет Родины вокруг, одна земля...

на могиле

На ладони высохла земля, проросла в веках блокадным хлебом. И в глазах, сливающихся с небом, встали насмерть русские поля.

И покуда жить еще могу, я к ответу мертвых призываю, их землей сырою попрекаю — каждой пядью, отданной врагу.

Вячеслав Боть

(г. Тула)

Заслуженный работник культуры РФ, почетный гражданин г. Тулы, старший научный сотрудник Дома-музея В. В. Вересаева. Автор многочисленных статей, лекиий по литературному краеведению, истории, обороне г. Тулы. В. И. Боть 50 лет служит музейному делу, возглавляя с 1957 года Тульский областной краеведческий музей и принимая активное участие в создании музея «Куликово поле», Дома-музея В. В. Вересаева, а также в организации музеев в городах и районных центрах Тульской области. В. И. Боть известен как автор, составитель и редактор ряда изданий. При его активном участии вышли в свет литературно-художественный сборник «Победы тульские страницы», книга «Город-герой Тула» (на украинском языке), «Подвиг народа бессмертен», 16-томное издание «Тульская областная Книга Памяти», 8 томов книги «Солдаты Победы». В. И. Боть является членом редколлегии и автором статей изданий «Тульский край. Памятные даты», «Тульского биографического словаря», «Тульского краеведческого альманаха», литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Член комиссии по областной литературной премии им. Л. Н. Толстого. Занесен в Энциклопедию «Лучшие люди России» (2003 г.). Действительный член Международной педагогической академии (2006 г.), почетный академик Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения (2007 г.). Первый поэтический сборник «Вахта памяти» вышел в свет в 1995 году. Стихотворения публиковались в коллективных сборниках тульских писателей «Иван-Озеро», «Великий май», «Ветер времени над полем Куликовым», «Поле нашей судьбы», «Свет любви», «Отчий край». Автор двух поэтических сборников – «Вахта памяти» (1995 г.) и «Наша Россия» (2009 г.). Член Союза писателей России.

о толстом

Снеговые сугробы все выше, За окном завывает метель. Лев Николаевич пишет, И скрипит перо, словно ель.

А весной все становится краше, И луга зеленеют весной. Лев Николаевич пашет, По-крестьянски идет за сохой. Лето ярким цветным передником Разукрасило зелень полян. Лев Толстой мировым посредником Выступает в защиту крестьян.

Дождь осенний стучит по крыше, Ветер в липах шумит верховой. Лев Николаевич пишет Большой узловатой рукой.

ОСЕНЬ 1910 ГОДА

Яснополянская осень. В желтой листве дерева. Небо прохладу приносит. Тихо поникла трава.

Вот и глубокая осень. И без листвы дерева. Неба холодного просинь. Мокрая стынет трава.

Стали холодными дали... А люди все шли и шли. В последний путь провожали Великого

Сына

Земли.

Владимир Родионов

(г. Узловая)

Родионов Владимир Иванович. Окончил Узловский техникум железнодорожного транспорт, позднее — ВЗИИТ. В 2001 году опубликовал первый сборник: «Души незримый труд», в 2002 году — второй: «В округе поля Куликова». В 2004 году — третий: «Ностальгия». В 2005 году был принят в Союз писателей России. В 2006 году появилась четвертая книга: «Живу, а кажется — тону». Печатался в местной и московской периодической печати, а также в коллективных сборниках Тульских писателей.

горьки иголки

Время сгорает во мне на лету. Корчится память, как грешник в аду. Тенью метнется былое вослед — Вспыхнет — останется контура след.

Горьки иголки. Забвенья труха Пылью на полки слегла от греха. Свежие ветры метлою сметут Прежних историков праведный труд.

Всем же казалось: вперед — на века, Дали пронзая, взметнулась рука. Жаль, что отгадок немыслимый рой Тешится домыслом, словно игрой.

Чтобы былое живьем уловить, Привкус летящих мгновений испить, Мало блестящих и книг, и кино — Время, как труп, оживить не дано.

ЧЕЛОВЕКУ ТРУДА

Человека труда низвели в никуда. Он, как мамонт, повымер наверно. Так затерли его ни во что «господа», Что навряд ли найдем без Жюль Верна.

Тот же сыщет его и на дальней звезде, И вернет недоумкам на память. Сколько знаю и помню: в одном РЖД Труд людей по достоинству славят.

Прочитаю «Гудок», «МОЖ» глазами до дыр Изотру и друзьям предлагаю. Здесь в почете монтер, машинист, бригадир... Здесь знакомые лица встречаю.

Там, в верхах РЖД, видно не дураки, Знают, помнят: в года роковые, Возвеличив народ до Заглавной строки, Право быть отстояла Россия.

Совесть выше, чем честь. Совесть это укор, Свет души, что не знает износа. Совесть — это незримый хрустальный забор, За который не высунешь носа.

Русь моя! Устояв, поднимайся с колен! Хоть слабей не была ты от века, Но коль люди поверят ветрам перемен, Засверкаешь в руках Человека.

О ГЛАВНОМ

Я от обиды начал заикаться, Когда, прижатый вежливо к стене, Услышал, что они, американцы, Победу одержали на войне.

На той — Второй, на Мировой, в которой Солдат Советский «в шар земной зарыт», Чей ратный подвиг тяжкий и упорный Людская память бережно хранит.

Не смог смолчать. Сорвался — битвы, даты, Сраженья и потери называл. Один из них смотрелся виновато, Но лишь де-юре фактом признавал.

Он про раздел Германии на части Обыденно и внятно говорил, Так доли позабытые сравнил, Как будто сам был в дележе участник:

По площади, народонаселенью... Свое спокойно, но упрямо гнул... Хотелось заорать в окно Вселенной: «Опять нас обокрали!», «Караул!»

Со зла сказал: «Мы зря раздали лавры Победы на скрещении дорог, На всех погибших равно делим Славу. Вот ваша долька. И, храни вас Бог».

Людмила Катукова (г. Анапа)

Литературной деятельностью занимается с юношеских лет. Печаталась в краевых изданиях, коллективных сборниках, в независимом альманахе «Московский Парнас», в литературном альманахе Российской Петровской Академии науки и искусства «Часовенка». Выпустила пять книг: «Роса» 2001 г., «На родном берегу» 2005 г., «Прикосновение к тайне» 2006 г., «Солнечный остров» 2008 г., «Без права на ошибку» 2010 г. Лауреат первой степени Всекубанского конкурса авторов — исполнителей «Величай душа моя...» (2009 г., г. Краснодар). В настоящее время живет в Анапе, руководит детским литературным объединением.

РОДИНА

Родина-мать добрая моя, Стою средь трав и предо мной дорога. Я знаю примешь ты в объятия меня И хлебом теплым встретишь у порога.

Войду я в дом с иконою в руках, Желая мира вам, любви и здравия. Исконно было так во все века, И вера на Руси всей жизнью правила.

Мне чистой скатертью накроют стол. Сервиз поставят голубой, как небо. Уютно скрипнет половицей пол, Я стану сказывать про быль и небыль.

Я о Кубани расскажу сибирякам, Спою кубанцам песни о Сибири. И разговор, и хлеб разделим пополам. Ой, любо! Любо в этом мире!

А утром, лишь з*акличут* петухи, Рассвет забрезжит за крахмальной занавеской. Хозяйка испечет в дорогу пироги, Ведь в доме гость, а это повод очень веский.

И вновь Россия милая моя Платочком белым провожает от порога.

Благословит она крестом меня И ангела пошлет со мной в дорогу.

Моим родителям, тульским оружейникам,— Борзенкову Алексею Васильевичу и Борзенковой (Моисеевой) Клавдии Сергеевне посвяща-

СИЛА ЛЮБВИ

Фронтовые письма папы! Мама их всю жизнь хранила. Мы собрали память в папки. В ней спасение и сила, Ожидание и верность, Смерти страх и гром ПОБЕДЫ, Удаль юности и смелость... Не истерли память беды. В письмах этих столько света! На двоих в избытке было. Их история бессмертна. В ней любви великой сила.

യതയെ

Олег Пантюхин (г. Щекино)

МАЙ

Вокруг все зеленью одето, И май вступил в свои права. И солнцем радуют рассветы, Даря нам лучики тепла.

Весна — цветение природы, Которая как дивный сад. Я жду лишь это время года Уже который год подряд.

Я сам весною обновляюсь. Сердца пусть скажут все за нас. Я вновь и вновь в тебя влюбляюсь, Как-будто встретил в первый раз.

НЕ СМЕЙТЕСЬ НАД ПОЭТОМ

Не смейтесь над поэтом. Он порой наивен, как ребенок, И видит мир, совсем не так, как вы. Неправда — для души его осколок, Что ранит сердце полное Любви. Он чувствует все тоньше и острее, И оттого ему больнее во сто крат. Но сколько душ его стихи согреют, Спасут и снова к жизни возвратят! Он чужд страстей, насилья, лжи и смрада, И потому он беден, одинок. Но нет! Не беден — ведь Любовь его награда! И не один — с ним пребывает Бог! Он видит то, что недоступно взору. Он слышит то, что не дано другим. В миг вдохновения небесные просторы Все тайны открывают перед ним. Он говорит о том, что наболело, О том, что в ваших душах и сердцах.

Он говорит открыто, дерзко, смело. Ему неведом, незнаком, противен страх. Пусть этот мир поранил его душу. Он выбрал сам. Он сам хотел так жить. Он ночью голоса Вселенной слушал, Снискавши дар в сто раз сильней любить.

О СТИХАХ

Стихи, как капельки росы, Словами напитают душу. Они защитой нашей служат От равнодушной суеты.

В них все: любовь, борьба и мука, Переживанье и мечта, И радость встречи, и разлука, И глубина, и высота.

Пред ними ложь всегда бессильна, Они спасают от обид, И человеку дарят крылья, Когда на грани он стоит.

И в мир наш, что не верит в чудо Прольется луч из чистых слов, Когда стихи дарить мы будем Всем тем, кто слышать нас готов.

И слову доброму внимая, Остановись, замедли шаг, И посмотри, как высекают Стихи огонь в людских сердцах!

લ્લા

Александр Хадарцев (г. Тула)

ИБРАГИМ (Поэма)

Оранжевой зарей пустыни подсвечена морская тишь...
На глубине бездонно синей, как будто в космосе летишь...
Пятнистых, красных и зеленых мелькает рыб волшебный рой, риф надвигается горой, коралловой судьбой взращенной...
На плечи давит солнца луч — оттуда, где не видно туч.

В подводном бессловесном мире, чутьем испытанным своим — знал закоулки, как в квартире, купальщик истый — Ибрагим. Усов чернеющая щетка, стальная цепкость крепких ног, грудная клетка в полный вдох, он был для рифов, как находка. В свои младые двадцать пять — умел и плавать, и летать...

Под солнце вынырнув, как пробка, в сухой, палящий, терпкий жар, поплыл на пляж, легко и ловко, где виделся всегдашний бар. А там его ждала Татьяна. Жена? Подруга? Нам то что?! Как танцовщица — без изъяна, на все, как говорится, сто! Полна эротикой природной, достойна славы всенародной.

Загар, под солнцем бронзовея, по узкой талии скользил, огнем пылающим повеяв, на бедра вдруг переходил...

Где от купальника полоски от солнца скрыли кожи свет, сказав загару: «Нет и нет!», живот приоткрывался плоский... На нем «венерин бугорок» был в меру низок и высок.

В египетской, синайской сказке внезапно забурлила страсть, нырнув в которую без маски — хотелось запросто пропасть. Они сплетались с Ибрагимом то нежным взглядом, то тайком свивали кисти рук клубком — столь долгожданным и любимым. Что значит молодости бред? До старости горящий свет!

У Ибрагима и Татьяны светившихся сияньем чувств — средь публики, немножко пьяной, но чуткой к сполохам искусств, была, как видно, сверхзадача — на отдыхе друг с другом быть двузначием: игла и нить, а расставаться — то не плача, без лишних и обидных слов, к которым этот мир готов.

Они в постели преуспели!
Отель дрожал по пять часов, крича о достиженьях цели неясным всхлипом голосов. Казалось, что вот-вот свершится слиянье судеб их — в одну, звучанье струн — в одну струну, и время общее помчится...
Но век перемещенья тел «сбыт» этих «мечт» не захотел!

Седой и, видимо, богатый — супруг Татьянин прилетел, весь, будто слепленный из ваты, жирен, слащав и мягкотел. Обделав в США свои делишки, имея фирменный «общак», решил заехать просто так потратить времени излишки, каирским рейсом в этот край — коралловый потрогать рай.

А что прекрасная Татьяна? Попробуй, кто — ее узнай! Она, проснувшись утром рано, несет в постель супругу чай. Скромна, мила до отвращенья, глаза к коленям опустив, все, что блистало, то — прикрыв, как воплощенное прощенье грехов от Евы — в наши дни... Синаем списаны они! А Ибрагим тоску-кручину все дальше в море загонял, ныряя в синюю пучину, как фиолетовый коралл.

В вечерние часы на пляже запрет купаться — презирал, от игл ежей морских страдал, но прекращать не думал даже родниться с морем и луной, дружиться с каменной стеной...

При встрече с ним Татьяна блекла, молчала, глядя на простор, который даже в злое пекло звучал, как многоваттный хор. Муж посылал ее за пивом. Она послушно шла туда, где и напитки, и еда в орнаменте сплелись красивом, несла стаканов пенных лед хозяину своих забот.

И вот однажды — нет Татьяны. И Ибрагима тоже нет! Один супруг в угаре пьяном сидит с бутылкой тет-а-тет. От финиковых пальм напротив — летят плоды на зелень трав, в стране, где дождь — без всяких прав шесть лет отсутствует в природе, где «чисто русская» среда... Но вот беда — всегда беда.

Пытаясь встретиться с Татьяной, проникнув заполночь в отель, был схвачен Ибрагим охраной и грубо выдворен отсель. На шум явился муж с рогами, оленю и лосю подстать. Он от «друзей» сумел узнать

«за все про все», соря деньгами. Привычка старая «стучать» — важней для русских, чем молчать.

Там, за пределами отеля, «крутой» разборке дан отсчет... Охрана мужа в сердце целит, но Ибрагима прост расчет. Он ждет намека от Татьяны — с кем хочется остаться ей? Коль с мужем — значит, в сердце бей! Коль с ним — тогда упреки странны! «Да» или «нет» — теперь пароль, пусть жизнь и смерть — все та же боль!

Как «Хванчкара» плеснулась в снеге! От выстрелов сверкнула ночь, багрово-красные побеги из сердца побежали прочь... «Татьяна! Милая Татьяна!» шепнули губы, искривясь, нисколько правды не боясь, но сожалея: «Как же рано...» Упал на землю Ибрагим — последним шепотом храним...

Татьяна вздрогнула, проснувшись, пока не зная ни о чем, к печальным снам не прикоснувшись, но выстрела услышав гром. Привстала в темноте постели... В руке — ракушка. Талисман — был Ибрагимом как-то дан в начале сказочной недели. Но почему же руку жжет ракушки нестерпимый лед?

Открыта дверь пришедшим мужем. Он видит, что Татьяна спит. Движеньем дерзко-неуклюжим край одеяла приоткрыт... В руке щепоть песка зажата да шар жемчужины блестит на простыне его обид. Подушка рядом — чуть примята. Нет пульса! И дыханья — нет... Лишь на губах кровавый след.

Как будто Ибрагим вернулся в Татьянин мир издалека... Он с поцелуем к ней нагнулся, но тяжела была рука. Прильнув к нему горячим телом — застыла в тот же самый миг в объятиях таких родных, которые всегда хотела... Тяжка двойных стандартов суть! Любимых к жизни — не вернуть!

По-прежнему равнина моря не знает дождевых щедрот. Пустынный ветер из предгорий песок кусающий несет. Плюс тридцать три — вода «в законе». Мелькают яхты, катера... На рифах с раннего утра ныряльщики... Никто не тонет. Воды соленость такова, что не утонет голова. И только прошлых дней печали вдруг потревожат горизонт... Умчит в не познанные дали тебя зари горящей зонт... Про Ибрагима и Татьяну напомнит флейты нежный звук, да барабана частый стук, да бормотанье русских спьяну... Что было — то, увы, прошло! А жизнь — прозрачна, как стекло!

68806880

МОЛОДЫМ У НАС ДОРОГА

К ИТОГАМ 1 СЛЕТА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ТУЛЬСКОГО КРАЯ

26 июня 2010 года в Доме творчества состоялся 1 слет молодых поэтов Тульского края. В его работе приняли участие молодые поэты из разных уголков Тульской области, члены Союза писателей России, представители «Литературной газеты». Мероприятие было посвящено 50-летию Тульской областной писательской организации Союза писателей России. Проходило под эгидой Союза писателей, журнала «Приокские зори», газеты «Тульский литератор», отдела культуры администрации Тульской области, при поддержке депутата Государственной Думы РФ А. В. Коржакова. По материалам слета был издан сборник стихов молодых поэтов, трое из них были рекомендованы к вступлению в члены Союза писателей России, все участники были награждены дипломами лауреатов 1-2 степени, подарками. Почетным председателем форума был патриарх Тульской поэзии, ответственный секретарь Тульского областного отделения СП России В. Ф. Пахомов, его заместителем был председатель Тульского областного литературного фонда, известнейший писатель В. Я. Маслов. «Первый блин» не оказался комом. Мероприятие прошло в обстановке живого и откровенного обсуждения произведений молодых поэтов. Оргкомитет благодарит известного тульского фотохудожника Ярослава Стечкина за представленный фотоотчет о слете.

Председатель оргкомитета 1 Слета молодых поэтов Тульского края, член СП России, профессор Владимир Сапожников.

Организаторы 1 Слета молодых поэтов Тульского края (справа налево) — В. Я. Маслов, В. Ф. Пахомов, В. Г. Сапожников

Изольда Агибалова

(г. Тула)

ПОДАРИ МНЕ СЕБЯ

Подари мне себя просто так, невзначай, Улыбаясь, спроси: «Можно в гости на чай?» Я небрежно кивну: «Заходи как-нибудь», Дверь открою тебе, не смущаясь ничуть.

«Как же так? — ты подумаешь.—

Ей все равно,

Ожидая меня, не смотрела в окно, А в глазах нет любви и дыханье легко, Видно, мысли ее далеко-далеко!»

Ты не знаешь, что ночью бессонной пишу Все стихи для тебя и у Бога прошу: Пусть пошлет мне любовь,

чтоб забылась печаль,

Пусть подарит тебя просто так, невзначай.

не ищи меня, не надо

Не ищи меня, не надо Ни в шуршаньи листопада, Ни в морозах и метелях, Ни весной в ручьях, капелях.

Я растаю в небе синем, В ярком солнца апельсине. Пролечу я легкой тучкой, Помашу тебе я ручкой;

Удивленно ты ответишь, Что один ты — вдруг заметишь. Лишь вчера была я рядом, Но ушла. Искать не надо!

УЛЕТЕЛА ЛЮБОВЬ

Камнем давят тоскливые ночи И туманно-осенние дни. Почему-то смириться не хочет Сердце с тем, что живу без любви.

Не ждала — а она прилетела И, накинув ажурную сеть, Увлекла так легко и умело Ближе к солнцу, чтоб ярче гореть. Я поверила и примеряла Крылья белые, чтобы летать; — Осторожно! — мне жизнь прошептала,— Может, стоит еще поискать?

А любовь улыбнулась небрежно, Сеть, распутав, пропала вдали, И оставила в памяти нежность И мечту, что мы не сберегли.

Участники активно обсуждали свои работы

Людмила Гайдукова (г. Алексин)

ТАРУССКИЕ МОТИВЫ

Заплету в узор я травы, Да в цветную перевить. Эх, орешники-дубравы, Как вас сердцу не любить?

Катит медленные воды Мила-любушка Ока. Катера да пароходы, Берега да облака.

Лепет родника наивный... Чу, к заутрене звонят! И задумчивой Марины Вечный, негасимый взгляд. Вьется лесом тропка-стежка, Покидая светлый край, Но тарусскую матрешку Не забудешь, не мечтай!

Президиум внимательно слушает выступление московского коллеги

Ольга Гриценко

(г. Тула)

* * *

Не надо тосковать о прошлом! — Оно ушло, как снег весной; Не нам в сомненье суматошном Его звать следом за собой. Не нам по юности беспечной, В своей отваге бесконечной, Спешить ушедший день вернуть, Боясь за горизонт взглянуть. Нам надо думать о рассвете, В своей руке огонь нести И жизни летопись вести Подобно пущенной ракете: Секунда каждая важна, И лишь удача нам нужна.

Но помнить прошлого преданья, Как предков помним, мы должны: Ошибки, песни и сказанья Ушедших лет еще важны. Не тронет гордость молодую, Как ветви тень траву живую, Их мудрый ласковый совет, Их жизни праведной завет.

Но, как траву тень укрывает, Чтоб солнце жаркое не жгло, Чтоб тело хрупкое росло, Нам мудрость предков помогает.

И мы однажды, уходя, Оставим тень после себя.

Музыкальное приветствие участникам слета

Валерий Ибатулин (г. Тула)

на распутье

Здравствуй, Русская деревня — Песня вольности людской! В Родниках твоих издревле Есть отрада и покой, И земное притяженье, И родимый отчий дом, И под утро птичье пенье В небе светло-голубом, И сердец гостеприимство С хлебом-солью на столе... Так откуда ж лихоимство Расплодилось на селе?

Уж пришла беда-забава Во хмелю, хоть вырви-глаз, И пустилась по ухабам Под чужую дудку в пляс, Разгулявшаяся вволю, Безутешная душа; А по снежному раздолью Вкривь, неведомо куда Полетела Русь на тройке Разубранной на своей. И лететь бы Ей. На сколько Хватит взмыленных коней? Не найдется ли такого, Чья бунтарская рука Обезумевшего, злого Опрокинет ямщика. Не тогда ли жизнь вернется В те заброшенны края И прозреет, и очнется РУСЬ Крестьянская моя!

Самый юный участник слета был в сопровождении мамы

Светлана Князева (г. Тула)

любовь в каждый дом

Пусть любовь в каждый дом непременно заглянет сегодня, И подарит всем радость и счастье, поднимет в полет! Закружит в облаках! Морем чувств превосходных,

Непременно одарит всех тех, кто давно уже ждет! Души наши очистятся трепетным светом, И любовь свой целебный бальзам, наконец-то прольет. И заполнится город и красочным станет вдруг небо, От воздушных шаров, что закрыли собой небосвод!

жила, а может быть спала...

Жила, а может быть спала. Во сне ходила на работу. Но где-то в глубине ждала, Что вдруг ее разбудит кто-то. И вот, Душа и сердце вмиг, Слились в какой-то шар единый. В груди как будто спрятан крик. Для окружающих незримый. Так хочется о счастье петь, И вслух читать стихотворения. И прямо в космос улететь, Назло земному тяготению. Потом вернуться враз назад, И над землей летать по кругу. И светом сказочным в глазах, Все рассказать безмолвно другу. Он все единственный поймет, Ему и намекать не надо. Танцует сердце и поет! А просто Ты сегодня Рядом.

Наталья Кожемяко

(г. Щекино)

* * *

Я полюбила осень вдруг С ее дождливым, хмурым утром, Где первый иней перламутром Посеребрил траву вокруг: Я полюбила осень вдруг: Опавших листьев бархат шумный, Разгул ветров почти безумный, Узорный желто-серый луг... И полюбила я дожди: Их стук в окно в осенний вечер, И обещание скорой встречи, И счастье где-то впереди...

* * *

На селе у дороги Ночевала зима. Застелила пороги

Все коврами сама. И забор побелила Весь — доску за доской, На окошках слепила Нам узор хохломской. Серебро, самоцветы Раскидала кругом, И по-царски одеты И деревья, и дом. На парче серебристой — На рубине рубин: Ярко-красные кисти Придорожных рябин. Изумрудные елки Полила серебром. Бриллиантов осколки — Над январским двором. Звонкой речки-девчушки Шелк лазурных волос Серебристою стружкой Разукрасил мороз. На селе у дороги Ночевала зима... Были серы, убоги Накануне дома. А наутро в роскошный Нарядились убор Все дома, все дорожки, И за речкою бор.

Некоторые участники напевали свои стихи

Николай Мамонов

(г. Тула)

СОБАЧЬЯ ПРЕДАННОСТЬ

Темная ночь. У большого креста Свежей, вчерашней могилы Виделся образ лежащего пса, Пса без надежды и силы...

В слегшейся шерсти комки мокрой глины, Морда уныло на лапах лежит, В тусклых глазах только скорбь и погибель, Да только большая слезинка блестит.

Смотрит он, бедный, как-будто и в даль, Но ничего там, в дали, он не видит. В мокрых глазах вековая печаль, Траур и горе, и горечь обиды.

Нет для него ни надежды, ни счастья — Смерти проклятой стоит грозный ряд. Жизни трагедия, воли ненастье — Умер хозяин три дня уж назад.

Умер... А утром ни визгом, ни лаской Знать о себе пес тогда не давал, А горько скулил он с какой то опаской И подле хозяина жалко лежал...

И вой так тосклив, что и слышать нет силы: Все плакал, и больно так было в тот миг. Земля засыпала безмолвно могилу... И тут перед холмиком вой вдруг затих.

Затих, не проснется, уже не возникнет, Не станет скулить пес и глаз не сомкнет. Он вспомнит хозяина, образ окликнет, И тут на холме он безмолвно умрет.

Он вспомнит те ласки и игры, забавы; Он все это вспомнит как образ родной. И жаль, что глаза пса никто не закроет Надежной и доброй хозяйской рукой...

Олег Пантюхин (г. Щекино)

Как порою не хватает нам весны, Чтобы в комнату вновь солнце ворвалось, Осветив собою уголки души, Те, в которых недоверье улеглось. Как порою не хватает нам друзей, Что поддержат в самый трудный в жизни час, Тех, что дружбой крепкой, верною своей В миг последний из беды спасали нас.

Как порою не хватает нам любви, Той, что ищем мы почти всю нашу жизнь. Без нее совсем другими стали мы, А найдя, как-будто снова родились.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Русская деревня — боль души России. Русская деревня, где найти ей силы? Версты, перелески и дома пустые. От картины этой снова сердце стынет. Прадеды и деды жили здесь когда-то, В босоногом детстве бегали ребята. А вокруг сегодня, словно в поле зимнем, Запустеньем веет, мрачно и тоскливо. Сколько по России деревенек малых, Никому не нужных, нищих, захудалых. И проходит время, и уходят люди, И земля пустеет... Что с ней дальше будет? Повернуть к истокам надо нам однажды, Чтоб деревне русской жить светлей и краше.

Марина Пушкина

(г. Тула)

ТЫ

Ты — громкий шепот, тихий крик, Добро и зло в одном флаконе, Короткий век и долгий миг, Ты — незнакомец, что знаком мне. Ты черно-белый, но порой Бываешь радугой на небе, Красноречивый, но немой, И гибнут чувств моих побеги. То падать вверх, то вниз взлетать — Все нереальное привычно. Ты забираешь, чтоб отдать. Ты сверхъестественно-обычный.

Наталья Рогова

(г. Тула)

Включите солнце! Я болею. Мне холодно. И жутко мне. Сквозняк ознобом по аллеям. Агония свечи в окне. Включите солнце! Замерзаю. Таблеткой замерла луна. И небо черный зуб вонзает В обглоданный кусочек сна. Включите солнце!.. Умираю. Включите солнце в сотню ватт!.. Как в этой жизни мало рая, И как уныло близок ад.

Юная поэзия всегда прекрасна!

Людмила Шмаракова (г. Тула)

ПРО ЗВЕЗДОЧЕТА

В лоскутных городах, построенных детством, где узкая речка под мост горбатый течет, и бьют часы на ратуше по соседству, остался жить мой добрый друг — звездочет. Ходил он в выской шляпе, лиловом фраке и жил на самой высокой башне страны, чинил часы и шкатулки, учил не плакать и точно знал, откуда берутся сны. От книг и чудес в его комнатке было тесно. Он знал по манускриптам язык зверей, он был смешной меланхолик, чудак, маэстро калейдоскопов и радужных пузырей.

А я-то вечно — песни, драконы, брашна, пещеры, конский топот и паруса... Взбегала запыхавшись к нему на башню, божилась, что уйду через полчаса. А он заваривал липовый цвет и тихо с улыбкой грустной расспрашивал ни о чем, и счастье было простым, как у Эвридики, когда б Орфей не глянул через плечо.

Любви у нас, по-моему, не случилось, в семь лет не много думаешь о любви. Но он учил, а я послушно училась секреты звезд выспрашивать для земли. И, досчитав до тысяча двадцать третьей, под теплым пледом в скрипучем кресле спала. В окно дышал веселый западный ветер, и ходики шептались по всем углам...

Он мог бы нынче слезы мои унять.

Но нет звездочета, башни.

И нет меня.

Сергей Одиноков (г. Тула)

ЗАДАЧКА

Студент 3-го курса факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого. В 2008 г. окончил с красным дипломом театральное отделение лицея № 3, класс педагога Ю. В. Лебедевой. Сейчас — артист Тульской областной филармонии, занят в спектаклях «Бармалей-2008», «12 месяцев», «Фантастические приключения Вовки», «Евросказка», «Светик-одноцветик и Солнечный Клоун», «Кошка в сапогах», «Царь Водокрут и волшебная сила» и др. Пишет стихотворения и рассказы, публиковался в газете «Школьная радуга» и в журнале «Рюкзачок знаний». Увлекается хореографией (занимался в образцовом ансамбле бального танца «Элегия», тренер К. В. Колякин), музыкой (гитара). Участник межклубных танцевально-спортивных соревнований, лауреат и дипломант городских, областных и Всероссийских («Российская студенческая весна», «Учитель русской словесности») театральных и молодежных конкурсов.

В одном провинциальном городке жил и работал молодой учитель математики Петр Ильич Фомкин. И вот задумал он выпустить в свет свой сборник задач. Книга была уже составлена, осталось только одно — отнести ее в редакцию. Но вот в какую, Петр Ильич еще точно не решил. Можно было бы отдать ее в учебную редакцию, в которой он когда-то печатал некоторые свои работы, но вдруг случайно услышал, что где-то в области живет замечательный редактор Владимир Вениаминович Жестяков, который за весьма небольшую цену может подготовить к печати и издать любую книгу. Поэтому к нему приезжали даже из далеких городов, чтобы выгодно опубликовать свои произведения. Услышав это, молодой математик призадумался. С легкостью посчитав в уме суммы денег, которые он потратит в одной и другой редакции, и увидев разницу, Петр Ильич решил, что сэкономленные средства на дороге не валяются, и твердо задумал идти к Жестякову. Мысль выгодно издать свой сборник крепко засела молодому математику в голову.

Редактор Владимир Вениаминович сам по себе был человек пожилой, очень образованный и начитанный. Своей работе он посвящал все свое время, каждый день просматривая кипы художественной литературы. Роста редактор был достаточно высокого, носил серый пиджак, плотно прилегающий к его полному телу, и маленькие очки. Огромную лысину на его голове окружали остатки пышной когда-то шевелюры.

Математик же, напротив, был молод, худ, среднего роста, с длинными волосами и большими глазами. Носил черный пиджак, который сужал его еще больше. Характером он был упорный, если не сказать упрямый, в своем сборнике был уверен на все сто процентов, а если за что и волновался, то только за грамотность, с которой не дружил с самого детства.

Петр Ильич также узнал об одной особенности характера Жестякова — о его особой строгости и нетерпимости к чужому мнению. Владимир Вениаминович на все

имел свой взгляд, и ему очень не нравилось, когда ему кто-то начинал возражать. Все свои силы он отдавал работе и перед тем, как что-то пропустить в печать, многократно штудировал принесенные ему материалы. Цепляясь даже к самым мелким недочетам, он твердо требовал их исправления. Иногда его замечания шли вразрез с замыслами авторов, но никакие объяснения и уговоры не могли повлиять на мнение Владимира Вениаминовича. Многим ничего не оставалось делать, как забирать свои произведения и идти в другие редакции, где их охотно принимали и печатали.

Но Петр Ильич издавал все-таки не художественное произведение, задачи у него были составлены правильно, по традиционной схеме... В общем, прекрасный сборник. Ну, а если запятую не там поставил — это уж извините, не наш профиль! Это вы уже сами исправляйте!

И вот, наконец, Петр Ильич пришел к Жестякову и показал ему свой сборник.

- Очень интересно! воскликнул редактор.— Честно говоря, первый раз имею дело с такой своеобразной литературой. А то все в основном романы, детективы, повести... Ну, ничего, будем работать!
- Вы слишком строго не судите,— мягко сказал Петр Ильич.— Не волнуйтесь, сборник у меня хороший, только вот грамотность немного хромает. Вы уж, если что, помогите, исправьте!
- Исправим, молодой человек, исправим! с улыбкой ответил Владимир Вениаминович. Приходите через неделю.

И довольный и даже немного удивленный Петр Ильич поехал к себе домой. «Хороший мужик! — размышлял он дорогой.— Не понимаю, чего в нем нашли такого строгого? Я уж думал, что он совсем зверь, а ничего, даже улыбается! Ну все, напечатается скоро моя книжка!»

И через неделю с радостным настроением Петр Ильич приезжает в редакцию... и натыкается на жесткий и злобный взгляд редактора!

- Это вы?! грозно прогремел Жестяков.
- Да вроде я,— неуверенно пролепетал Петр Ильич, затем откашлялся и робко проговорил:
 - Ну, как?
- Это... кошмар! набирая силу в голосе и подбирая приличные слова, начал говорить редактор. Я многое в жизни перечитал, но такого еще не видел! Это... издевательство!!!
- Но я же предупреждал, что не особо грамотный! начал оправдываться Фомкин.
- Да какая, к черту, грамотность! заорал Жестяков. Я про тексты ваших задач! Никакой фантазии! Одни лишь голые факты! Редактор раскрыл сборник. Вы только послушайте, что вы пишете: «ЗАДАЧА 1. Из города и из села одновременно навстречу друг другу вышли два человека. Скорость первого 3 км/ч, скорость второго 6 км/ч. вопрос: через сколько часов они встретятся, если расстояние между селом и городом 27 км?»
 - Ну, еще больше удивился Фомкин, и что же тут неправильно?
- Как?! И вы не понимаете, что тут неправильно? воскликнул редактор. Да никакого развития мысли! Это же насколько надо быть глупым, чтобы так написать: «Из города и из села... два человека...» Тьфу!
 - А чего же вам надо?
- Да как можно решать такую задачу, если не понимаешь мотивацию поступков героев?! Вот зачем они у вас пошли навстречу друг другу?
- Что значит зачем?! Это тип задач такой в математике! заступаясь за науку, разгорячился Петр Ильич.— По этому образцу их можно составить огромное количество, изменяя только данные...

- Да кому нужны такие однообразные задачи?! завопил Жестяков.— Где ваша индивидуальность? Ваш стиль? Ваш почерк? Я вас серьезно спрашиваю: зачем эти люди пошли навстречу друг другу?!
- Чтобы встретиться! не находя лучшего объяснения, растерянно проговорил Петр Ильич.
 - Для чего встретиться?
 - Да не знаю я...
- A-a-a! Вы и сами не знаете! зацепившись за эти слова, воскликнул редактор.— Вот когда узнаете, тогда и приходите!
 - Да как я узнаю?
- А это уже ваши проблемы! надменно ответил Жестяков.— Подключайте свою фантазию, а если ее нет сходите к этим людям и спросите!
- Да, может быть, не было этих людей, они выдуманные! с отчаянием прокричал Петр Ильич.
- Ну вот, раз у вас хватило сил их придумать дофантазируйте, зачем они встретились!

Тут Петр Ильич начал объяснять, что все это — лишние данные и решению задачи они никак не помогают, а наоборот, отвлекают ученика от сути. Что суть задачи — в вопросе, а «зачем эти люди пошли навстречу друг другу» — неважно! В ответ на все доводы Петра Ильича Владимир Вениаминович ответил, что раз все неважно, то он такую «неважнецкую» литературу печатать не будет.

Вне себя от негодования Петр Ильич вышел из здания редакции и помчался к себе домой. «Вот зараза! — ругался он.— И прицепился же к такой мелочи! Ну, ничего, напишу я ему теперь задачку, будет знать!»

На следующий день Петр Ильич уже ехал обратно, и условие его задачи выглядело так:

«Из города и из села одновременно навстречу друг другу вышли два человека для того, чтобы встретиться и поговорить. Скорость первого 3 км/ч, скорость второго — 6 км/ч. ВОПРОС: через сколько часов они встретятся, чтобы поговорить, если расстояние между селом и городом 27 км?»

Увидев новое условие задачи, Владимир Вениаминович язвительно усмехнулся:

- Ну, и что же вы поменяли?
- Все сделал, как вы сказали, дорогой Владимир Вениаминович! с ироническим почтением ответил Петр Ильич.
 - Да вижу, подписали пару слов. А дальше что?
 - A что дальше? не понял математик.
 - Это я у вас спрашиваю, что дальше? О чем они разговаривали?
- Да какая вам разница! вспылил Петр Ильич.— Это совершенно неважно, а важно найти время!
- Боже мой! Какой у вас узкий подход, молодой человек! Ограничить такое событие всего лишь поиском времени! Ну, разве интересно ребенку будет искать решение этой задачи, когда он не знает, кто ее герои, какая у них душа, судьба, зачем они встретились и о чем разговаривали, в конце-то концов?!
 - Может, вам еще и пейзаж описать? с издевкой заметил Петр Ильич.
- А как же! воскликнул редактор.— Вот с этого и надо было начинать. А пейзаж, кстати, иногда дает очень точную характеристику персонажу.
 - Да к чему же такие мелочи? недоумевал Петр Ильич.
 - А вот именно на мелочах и выстраивается полный портрет героя...
- Послушайте! перебил его Фомкин.— Я с огромным уважением отношусь к вам, к вашей работе, но поймите: это сборник задач по математике, а не учебник по красноречию! Здесь важно четкое и понятное условие: этот пошел сюда, этот туда, они встретились, расстояние, время... все!

— Теперь послушайте вы! — все так же непробиваемо ответил Жестяков.— Какая бы там ни была математика, а условие задачи пишется русским языком! Так что извольте писать красиво, эффектно и интересно. А для детей это особенно важно. Ну, а если вы не способны переварить все то, что я вам сказал, давайте с вами разбираться.

Редактор предложил Петру Ильичу стул и сел рядом с ним:

- Вот, смотрите: у вас в задаче сказано: «...два человека...» Но кто они?
- Два мужика! спонтанно предложил Петр Ильич.
- Вы думаете? неуверенно заметил Владимир Вениаминович. А почему тогда один шел со скоростью 3 км/ч, а другой 6 км/ч?
 - А первый останавливался часто, сказал Фомкин.
- Но у вас в задаче про это ничего не сказано,— возразил редактор.— Может быть, это был старик, и он хромал...
 - Конечно! издеваясь, подхватил Петр Ильич. A другой девушка!
 - Почему девушка? удивился Жестяков.
 - А зачем парню идти навстречу дедушке?
 - А зачем девушке идти навстречу дедушке? насторожился редактор.
- Как зачем? Чтобы выйти за него замуж, отравить, а затем завладеть его имуществом!
- Браво, молодец! похвалил Владимир Вениаминович.— Это вы здорово придумали! Так, теперь еще один факт: они вышли одновременно... То есть как?
 - С точностью до секунды!
 - Да-а?! вновь удивился редактор.
 - А что, неправдоподобно?
- Да это просто мистика! воскликнул Владимир Вениаминович. Вот, теперь идите домой и все это запишите!

«Бред какой-то!» — подумал про себя Петр Ильич и поехал домой.

Любой человек на месте Петра Ильича плюнул бы, развернулся и пошел в другую редакцию. Но наш герой был упрям и не мог просто так отступить от своей цели. К тому же мысль издать свой сборник по довольно низкой цене не давала ему покоя. Он вернулся домой и сразу же стал творить. Поначалу небогатое воображение и математическая точность мешали нашему герою как следует развернуть свою мысль. Но постепенно Фомкин вошел во вкус, и скоро волна вдохновения захлестнула математика.

После двух дней упорного труда, на третье утро, наш дорогой Петр Ильич отвез к Жестякову уже несколько листков с обширным условием задачи. Оно выглядело так:

«Был пасмурный и ненастный вечер. Солнце лишь слегка позолотило верхушки сосен и скрылось за тучами. Стало холодно. Вся природа как будто говорила о чем-то страшном и загадочном. И именно в этот момент из села в город вышла девушка. Что же дернуло ее пуститься в путь в такую погоду? А пес ее знает! Местные жители, пожимая плечами, предполагали: «Наверно, просто поговорить...» Но мало кто догадывался, что в этот же миг из города в село направился загадочный старик. Он хромал на левую ногу, поэтому шел со скоростью 3 км/ч, а девушка не хромала и шла даже немного вприпрыжку, поэтому ее скорость была 6 км/ч. Когда они встретились, было уже совсем темно и только черное небо было свидетелем их тайного свидания...

ВОПРОС: через сколько же часов они встретятся, чтобы поговорить, если расстояние между селом и городом 27 км?!»

Увидев такой вариант задачи, Владимир Вениаминович более благосклонно отнесся к нему, но раскритиковал Петра Ильича за недостаток точных деталей: нет описания времени года, когда происходило событие, нет четкого портрета героев, не указано, как выглядело место, где они встретились... Фомкин, стиснув зубы, продолжал исправлять.

Так незаметно прошло 2 года. Петр Ильич уже не мыслил своей жизни без написания этой задачи. Все деньги, которые можно было сэкономить в редакции у Владимира Вениаминовича, были уже давно потрачены на дорогу, но Фомкин не останавливался на пути к своей цели и ездил к Жестякову уже из принципа. Постепенно из его задачки получился небольшой рассказ, затем — объемная повесть, а потом она вылилась в 3-томный роман, где математик приводил полную родословную главной героини и героя, их жизнь от рождения до момента встречи и еще события 10-ти лет после их смерти. Редактор постепенно стал более тепло относиться к Петру Ильичу, видя, как из простого математика вырастает настоящий писатель.

Наконец, прочитав уже 5-томный роман-эпопею математика Фомкина, Владимир Вениаминович сказал:

— Ну, что же, вполне недурно. Вы растете на глазах, молодой человек! Поздравляю вас! — редактор похлопал Петра Ильича по плечу.— Наконец-то вы написали нормальную задачу!.. Но только одно мне непонятно: какого цвета была шляпка на голове у девушки и из какого дерева был сделан костыль у дедушки, когда они встретились? К тому же, дорогой друг, у вас действительно плохо с грамотностью: куда ни глянь — везде ошибка! Так что придется переписать все произведение с учетом всех моих рекомендаций и исправлений! А затем можете приступать к остальным задачам...

Тут терпению Петра Ильича пришел конец. Он взвыл, вырвал свои бумаги из рук редактора, раскидал их по всему кабинету, схватил свой сборник и выбежал вон. Через неделю задачи Петра Ильича вышли в другой редакции, а еще через месяц ему прислали огромный гонорар. Оказалось, что Жестяков, учтя его преданность и упорство в работе, проявил милосердие, сам исправил все ошибки и издал произведение. Роман «Таинственная встреча» пользовался бешеным успехом, прославил как автора, так и редактора. Так что математик и сборник издал, и роман написал, и вся его дальнейшая жизнь сложилась успешно.

Вот так, благодаря принципиальности, упорному труду и желанию сэкономить из обычного математика получился настоящий писатель!

യതയെ

Маргарита Ларина (г. Алексин)

Публиковалась в поэтических сборниках «Поэтический калейдоскоп 2009», «Великая весна», в газете «По щучьему велению». Лауреат конкурса молодых поэтов (2009 г.), в поэтическом конкурсе 2010 года отмечена номинацией «Приз жюри». Член Алексинского литобъединения «АЛЛО».

СЕРОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Серая улица, серые стены
От серых дождей посеревший асфальт,
Серых театров невнятные сцены
И серых оркестров игра невпопад.
Серые тучи на своде небесном
Молча накрыли венки этажей,
Вновь исчезают за серой завесой
Серые облики серых людей.
Серые мысли и серое время,
Серых созвездий влекут миражи,
Снова поэт зарифмует в твореньях
Серого города серую жизнь.

я не поэт

Я не пишу о счастье безграничном, Мне радужные сказки не нужны, Я не поэт в понятии привычном, И не из тех, кто лирике верны. Я не стремлюсь к всеобщему признанью, Как говорится, всем не угодить, Я лишь ищу простого пониманья, И вьется слов извилистая нить. И строчка к строчке снова на бумагу Прольется рифм нехитрых полоса, В них напишу про верность, про отвагу, Про боль любви, про русские леса. Не для того, чтоб мною восхищались, Я вновь пишу столь пылкие стихи,

Все это мысли, что внутри смешались, А к прозе почему-то все глухи. Народ, пожалуй, лучше понимает, Когда о жизни в рифму говорят, Поэзию сквозь душу пропускает, Внимая смыслу больше в сотни крат. Мне проще выражаться в мире этом В стихах, однако все же я прошу Не называть пока меня поэтом — Я не поэт, лишь изредка пишу.

СЧАСТЬЕ

Холодным вечером осенним, Когда последний луч далек, Вновь человек, забытый всеми, Зажжет лампадки огонек. Он молча сядет у камина, Наденет старое пенсне, Услышав тихий стон осины В немой вечерней полутьме. Его бессменный собеседник — Паук, чуть дремлющий в углу — Своей же сети вечный пленник Глядит на серую золу. Из кипы книг под слоем пыли Достанет старенький роман, Сюжета, что давно забыли, Его захватит ураган. Он может так сидеть в забвенье — Читать все ночи напролет, Пока объятий цепких тени Луч солнца первый ни прервет. Он к жизни лучшей не стремится, Ему противна суета, Надменные, скупые лица, Холодных взглядов пустота. В душе поэт, но не напишет Сонетов робких, жарких од, Ведь жизнь его — лишь одностишье И вечный тонкий переплет. И в этой бесконечной ленте Немого старого кино Он верит — счастье есть на свете, Свое у каждого оно.

രുജ്യ

Олеся Янгол (г. Тула)

я знаю птичий язык

Творческий псевдоним — Олеся Янгол. Родилась и проживает в городе Тула. Свободный художник. Пишет рассказы, стихи, сказки на русском и украинском языках. Летом 2010 года на Украине, в издательстве «Карпатьска вежа» вышло две книги «Мантриця 1» и «Мантриця 2», куда включены ее рассказы и рисунки, а так же оформлена обложка «Мантрицы 2». «Литература — это крылья, помогающие подняться над действительностью, окинуть эту действительность взором, и по возможности правдиво облечь в слова».

На нашем этаже умерла соседка. Поднималась к себе на восьмой этаж — не выдержало сердце.

Мама выносила мусор и заметила ее на ступенях перед квартирой. Моя мама чувствительна к чужой боли, а к этой женщине у нее было особое, теплое отношение. Вызвали «скорую», принялись разыскивать родственницу умершей. Жила она одиноко, однако младшая сестра часто заходила к ней.

Наконец, приехала «скорая». Практически не касаясь тела, слегка брезгливо наклонившись, врач констатировал смерть. Бригада не пробыла и двух минут. Они вызвали милицию и уехали.

Все это время мы старались не уходить домой. Как-то не хотелось оставлять ее одну, лежащую на нижних ступенях лестничной клетки.

За свою жизнь я уже успела привыкнуть к виду смерти. Не правда ли, страшное сочетание — привыкнуть к смерти? Однако это так. Не было ни мистического ужаса перед мертвым телом, ни брезгливости...

Я стояла у окна, на площадке мусоропровода, и мысли мои, невольно возвращались к этой теме. Теме смерти. Где сейчас ее душа? Покинула ли она уже бездыханное тело? И куда полетела? Может, она все еще здесь, наблюдает за нами, и как всегда улыбается, слегка грустной, беззащитной улыбкой. Эта женщина отличалась от остальных. Для соседей она была просто Люда. Хотя ей уже минуло шестьдесят лет. Люда не любила сидеть у подъезда среди старух. Она любила просто ходить. Большая, в сером плаще, и аккуратном платочке, сцепив за спиною руки, она стремительно шагала куда-нибудь от дома. Часто я встречала ее уже довольно далеко, на трамвайной остановке или в дальнем сквере. Она всегда широко улыбалась, завидев меня, и громко здоровалась. Здоровалась и смеялась одновременно. Просто она любила пюдей. А люди, в основном, сторонились ее. Она же просто Люда — соседка с восьмого этажа — умственно отсталая женщина.

...Милиция не торопилась. Сестра ехала откуда-то издалека. В тишину лестничной клетки проникали звуки улицы. В мире ничего не изменилось. Не поднялся ве-

тер, не разразилась гроза. Детский смех по-прежнему звучал радостными, живыми нотками. Голоса столпившихся соседок у подъезда обсуждали свежую новость.

... Где ее душа?

Куда улетают наши души после смерти?..

В этот момент с карнизов нижних этажей вспорхнула стая голубей. Они, словно озарением ворвались в мое сознание. Они подсказали мне...

Голуби проделали несколько кругов под окном. Медленно и неторопливо, словно в замедленной съемке кружили они. Потом круг рассыпался веером, и стая плавно улетела к деревьям, росшим напротив дома.

«Ее душа в одном из этих голубей» — подумалось мне.

Прошло больше месяца с тех пор. Однажды я сидела в сквере, что-то разыскивая в своем телефоне... Или делая вид, что разыскиваю что-то?.. Ведь надо быть чем-то занятой, чтобы кто-нибудь что-нибудь не подумал, мол, что это она сидит просто так, одна.

...Вдруг, ко мне подлетела стая голубей. Столпилась у ног, и самые смелые принялись дергать за джинсы. Другие сели рядом на лавочку. Они с интересом смотрели на меня своими разумными глазами. Если бы птицы были чуть посмелее, наверное, уселись бы и на голову и на плечи.

Мне нечего им было дать. Видимо они ожидали хлебных крошек или семечек. Так они и сидели со мной, что-то рассказывая на своем птичьем языке. О чем?..

О душах наших?.. О том, что они, души наши, не пропадают бесследно, а переселяются в птиц, в бабочек, в пчел, во все живое... О том, что жизнь продолжается. Жизнь наша бессмертна. Ведь само слово «жизнь» уже отрицает всякую смерть... Жизнь!

Прохожие косились на меня и кидали жалостливые взгляды. Видимо это грустное зрелище — одинокая человеческая фигура, сидящая среди стаи голубей.

Но нам было все равно, что думают люди. Мы общались на особом, на птичьем языке. Голуби научили меня ему. И этот язык намного богаче нашего, человеческого. Я вдруг вспомнила, что голуби часто встречались в моей жизни. Встречались особенно. Ведь не особенно — это когда мы видим их каждый день, воркующих и снующих по своим делам. Но были особенные встречи. Странные знаки, посылаемые с неба.

Мне было лет десять. Однажды я гуляла у подъезда, и вдруг прямо перед моим носом с тяжелым хлопком рухнул на асфальт голубь. Каким-то чудом он не упал мне на голову. Для меня это была трагедия. Я долго еще рассказывала друзьям о случившемся, о том, как больно видеть чужую смерть.

Вряд ли они понимали меня...

Много лет спустя, уже будучи взрослой, мне вновь довелось повстречаться с голубем. Стояла изматывающая жара. Дождя не было, и засуха высушила траву и листву на деревьях. Однажды вечером я поливала цветы на балконе. И снова, практически коснувшись моего лба, в ящик из-под цветов упал голубь. Он был жив еще, и безвольно раскрывал клюв, страдая от жажды. Я напоила его с ладони.

Испуганные и отчаявшиеся глаза его обреченно смотрели на меня. Он боялся человека, но у него не было выбора. Бессилие не давало взлететь.

Я устроила его на лавочке в коробке, и голубь вскоре уснул. Он прожил у меня несколько дней. По утрам я поила его водой, давала хлебные крошки. Возвращаясь с работы, спешила на балкон. Он волен был улететь, когда пожелает. Но всякий раз я встречала его на прежнем месте.

Птица, окрепнув, уже спокойно чистила крылья, без боязни брала из моих рук семечки.

Тут же, на соседней лавочке, стояла клетка со щеглом. В такую жару я не уносила его домой. Так они и соседствовали — голубь и щегол.

Но однажды я услышала шум и птичий клекот. Поспешив на балкон, я увидела, как окрепший голубь яростно налетал на клетку со щеглом, стараясь достать его когтями. Клетка, конечно, спасала, но мне не хотелось видеть, как обижают мою птицу. Я взяла голубя на руки, успокоила его, и, подбросив вверх, выпустила с балкона. Он сделал несколько неуклюжих кругов, крылья были еще слабы, и опустился на карниз нижнего балкона. Голубь был явно напуган. Он распластал крылья, и тяжело дышал.

Я смотрела на него сверху, мысленно ругая себя. Зачем я поступила так? Ведь он мог разбиться.

Голубь долго еще сидел, не решаясь взлететь. И уже к вечеру, я увидела, как он, набравшись храбрости, перелетел на березу. А оттуда, уже довольно уверенно, направился по своим делам.

* * *

Птичий язык... Его сможет понять каждый. Стоит только остановиться в суете своей, оставить «важные» дела на время и присесть на лавочку в тихом сквере. Они подлетят к вам.

Прислушайтесь... Слышите?.. Я слышу.

യതയെ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ МОСКОВСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВДОХНОВЕНИЕ»

НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ И ДОБРА

В феврале 2004 года в московской библиотеке им. А. С. Пушкина состоялся литературно-музыкальный вечер памяти великого поэта. В литературной программе участвовали как профессиональные, так и самодеятельные поэты, многие из которых встретились впервые. Они обменивались книгами, телефонами, листочками со стихами. Тогда-то и прозвучало предложение о создании литературной студии для желающих совершенствовать свое мастерство и издавать свой альманах. Идея была встречена с радостью, но как говорится, «скоро сказка сказывается, да медленно дело делается». Никто из профессиональных поэтов вести студию на общественных началах в наше меркантильное время не соглашался, а на финансовую поддержку рассчитывать не приходилось. Я тоже от предложения взять студию отказывалась, так как общественных нагрузок у меня было достаточно: уже руководила двумя студиями, была членом редколлегии журнала и правления благотворительного совета Московского фонда культуры. Однако президент фонда «Филантроп» Г. В. Аничкин уговорил меня «заняться студией временно». При библиотеке КЦСО «Басманный» было выделено помещение, и заведующая отделением Валентина Алексеевна Журавлева вывесила объявление о начале работы литературного салона. О создании студии сообщила районная газета «Покровка». И пишущий народ потянулся в студию. Пришли не только поэты, но и прозаики, барды, чтецы, вокалисты, причем немало ветеранов войны и труда. Студию единогласно назвали «Вдохновение», так как именно вдохновение, творческий азарт объединил разных по возрасту, образованию, манере письма, видению окружающего мира людей, одинаково чувствовавших тягу к настоящей поэзии и духовному возрождению российской культуры. А через некоторое время мне «по наследству» от умершего поэта Николая Сергеева (Никоса Симфориди) перешла студия лирической поэзии «Орфей», сложившаяся еще в 1990 г. Ее учредителями были Московское общество греков, МГУ им. М. В. Ломоносова и Московский фонд культуры. С работой студии я была хорошо знакома, так как Николай Владимирович приглашал меня выступать с лекциями и стихами, публиковаться в альманахе «На крыльях Пегаса». Среди «собратьев по перу» так и не нашлось никого для работы на общественных началах со студийцами, а я не смогла уже бросить людей, поверивших в свои творческие силы и

начавших готовить коллективный сборник. Студийцы много выступали в знаменитых Красных палатах, в Доме национальностей, в Федерации мира и согласия, в музее Николая Островского и на других сценах. Во вновь созданную студию стали ходить и некоторые авторы из студий «Орфей» и «Русич». И вот уже студия «Вдохновение» восьмой год работает в Центральном округе Москвы. Многих авторов хорошо знают читатели, которым интересны размышления о жизни и времени, искренность и эмоциональность поэзии и прозы. За эти годы изданы альманахи «Букет Любви», «Солнечные блики», «В Москве живу, о ней пою», «Мы и время». В них широко представлено творчество Н. Кругликовой, Л. Авдеевой, А. Мячина, Е. Васильевой, Т. Емельяновой, В. Медведева, Н. Антроповой, Н. Поповой, В. Ефремовой, Н. Титовой, В. Приходкина, О. Астафьевой, Н. Мартыновой, Ю. Журавлевой-Карнауховой, И. Антоновой, В. Руфовой, Т. Штатных, Т. Минаевой, Л. Плаховой, А. Маркович, А. Суровцевой и других. Несколько человек за эти годы стали членами СП РФ, издали свои книги. Сборники студии передаются в школы, библиотеки, ветеранские организации, при возможности, попадают в другие города и даже за пределы страны. Студийцы участвуют в ежегодном фестивале «Бриз», в Международном конкурсе фонда «Филантроп». Лауреаты выступали на столичных театральных сиенах. Ежемесячно проходят концерты студии. Студийцы награждаются дипломами, сертификатами, благодарственными письмами, сувенирами, а самое главное получают признание слушателей.

Конечно, в нынешних условиях, выживать нелегко. Поэт Владимир Лесовой писал о студии: «Душевная и духовная вера, что поэзия необходима не только поэтам, а способна объединять людей, дает, наверное, силы талантливой поэтессе, литературоведу, человеку щедрой души Людмиле Авдеевой и ее студийцам творить, создавать строки, согревающие душу и заставляющие работать ум». И радостно, когда встречаются такие бескорыстные, светлые люди, как известный писатель Алексей Афанасьевич Яшин, предоставивший московской студии «Вдохновение» возможность найти новых читателей на страницах «Приокских зорь».

> Россия! Защити своих поэтов. Они в своем Отечестве пророки, И не должно их Слово кануть в Лету, Хотя они не ангелы, не боги. Они из плоти, и совсем не боги. Написаны их строки кровью сердца. Им выпали нелегкие дороги, Им песня недопетая в наследство. В поэзии страны могучей сила, Добро и вера, и любовь земная, Что все собой на свете покорила; В ней смех и слезы, и красоты края. Стихи — плод счастья, радости, надежды. В них боль разлук, мечты, раздумья, грусть. В них голос Родины, любимой, мудрой, нежной, C названьем гордым и великим — Pycь!

> > Людмила Авдеева, член Союза писателей России, руководитель студии «Вдохновение»

Валентина Ефремова

(г. Москва)

Валентина Александровна Ефремова родилась в Москве. Окончила Экономический институт, работала в текстильной промышленности. Стихи опубликованы в газетах, журналах, сборниках: «Третья молодость», «Покровка», «Соседи», «Авторы Победы», «Букет любви», «Солнечные блики», «Живу в Москве, о ней пою», «Мы и время». Дипломант фестиваля «Бриз», номинант Международной премии «Филантроп». Изданы книги «Коломенский патефон» и «Песня — отрада души».

моя родина

О чем бы песен мы не пели, О чем бы не мечтали мы, Но с самой детской колыбели Нам дорог дух родной земли.

Своим величьем и красой, Россия-мать, любима ты. И не заманят в край чужой Заморских прелестей цветы.

Дороже нет земли исконной, В заморских странах нас не ждут. Там у людей свои законы. Своей религией живут.

И пусть карман набит деньгами, И райский мир манит, зовет, Но край родимый нас годами Из родников напиться ждет.

* * *

Мне так легко в стране родной, Где дремлет небо над землей, Где в тучах прячется луна, Где я люблю бродить одна. Где звезды светят в час ночной, И птичий хор поет весной, И голубые небеса Глядят на реки и леса.

Анри Маркович

(г. Москва)

Анри Владимирович Маркович родился в 1938 г. Окончил Московский технологический институт мясной и молочной промышленности и очную аспирантуру по специальности инженер-экономист. Автор более сорока научных работ. Первые стихи опубликованы в газете «Пионерская правда». Издается в коллективных альманахах: «Истоки», «Мы и время», «На крыльях Пегаса» и др. Автор двух книг: «Стихи разных лет» и «Избранное». Член СП РФ.

кижи

Небольшой староверский погост, Дом, как крепость: амбары и сани; Вниз к Онеге спускается мост, С деревянной утварью баня. И над церковью дивной в Кижах Облаками возносятся притчи, Здесь с песком перемешанный прах И смиренного духа величье.

* * *

Был бы жив отец — узнали б счастье. Столько горя выпало в пути! Мама моя плакала так часто, Что родной могилы не найти.

Смертью храбрых пал отец на фронте, Где его могилу разыскать? Эти раны детские не троньте, Мы одни учились выживать.

Не погибла тетка бы в блокаду — Мамина любимая сестра, Мы бы с ней о муках Ленинграда Вместе вспоминали до утра.

Татьяна Емельянова

(г. Москва)

Татьяна Алексеевна Емельянова родилась в Москве. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова. По образованию — географ. Много ездила по стране, а после перестройки была в Германии, США, Норвегии и других странах. Первая публикация в детском журнале «А почему?», последующие в альманах «Третье дыхание», «Сияние лиры», «Букет любви», «Солнечные блики», «Мы и время», в газетах «Новое Переделкино» и «Покровка». Дипломант фестиваля «Бриз» и номинант Международной премии «Филантроп».

Я ВИДЕЛА РУСЬ

Я видела Русь: ее зори, закаты. И в Муромских я пробиралась лесах. И в небе летала я птицей крылатой, Работала с мензулой на ледниках.

Но нет мне милее тех русских раздолий, Где реки поспешны, где липы в цвету. И дальние вехи родных колоколен Меня, горемыку, ко Храму ведут.

Там, вся шелуха моих тяжких сомнений И жизни безрадостной тягостный быт Бледнеют. Нисходит же дар вдохновенья И ближе мне горестной Родины лик.

ДЕДОВО — РОДНАЯ СТОРОНА

Опять родная сторона
Неизъяснимо манит далью.
С пригорка церковь мне видна.
Поля горят росой хрустальной.
А солнце силу набирая,
Восходит в дымке огневой.
Я, каждый кустик узнавая,
Приветствую свой край родной.
Неторопливо я бреду
Тропою, с юности знакомой,
И облака, как сон, плывут,
И мнится мне, я снова дома.

Вячеслав Приходкин (Москва)

Вячеслав Владимирович Приходкин родился в 1935 г. в Москве. По образованию инженер. Более 40 лет работал в Министерстве атомной промышленности. Кандидат и мастер спорта по легкой атлетике и шахматам. Стихи пишет с юности. Публиковался в коллективных сборниках «Шахматы и поэзия», «Солнечные блики», «Мы и время». Принимает активное участие в концертных программах студии «Вдохновение».

BECHA

Разбросала вокруг семицветье, Ароматы с полей принесла В это новое наше столетье Запоздалая в сроках весна. Пусть сегодня глухая тревога Замерла средь весенних полей, Лишь бы стала счастливой дорога Для России, для нас и детей!

ПУТИ-ДОРОГИ

Отгремели весенние грозы. Летний зной изнурителен, строг. Скоро осень, а там уж морозы Вновь пожалуют к нам порог. Так и жизнь чередою событий По земле проложила пути. Молодым — к вдохновенью открытий. Ветеранам — сквозь осень пройти.

BETEPAHAM

Ваш день рожденья — каждая весна, Как новое рождение природы. Вновь почки просыпаются от сна, Своей листвой, подсчитывая годы. Пусть с возрастом не так блестят глаза, Не так послушно двигается тело. Не заливала б горечью слеза, Да память сердца лишь бы не скудела.

Нина Антропова

(г. Москва)

Нина Альфредовна Антропова родилась в Ленинграде. Пережила блокаду. По специальности инженер. Стихи пишет с юности. Публикации в периодике и альманахах «Солнечные блики»,

«Мы и время». Увлекается живописью и художественной вышивкой.

я люблю

Я люблю свою Россию. С ее вольной красотой. Небосвод молочно-синий Над сосною вековой.

И простор полей широких, Луговых цветов волну, Полотно дорог далеких И над ними вышину,

Дом крестьянский в три окошка, Плесы, заводи, камыш, Ягод полное лукошко. Просто Русь и просто тишь!

ЕСТЬ ЖЕНЩИНА

Л. Е. Авдеевой

Есть женщина, которая поет. А есть Другая! Нам она милее. Без лишних слов она помочь придет И в творчестве своем не бронзовеет. Она прошла афганскую войну С пером, блокнотом и с открытым сердцем. Она, как птица, смотрит в синеву Небес. Не надо ей в наследство Тугого кошелька. Лишь вера и любовь, Да строчек череда дают ей силы. Твори и помогай нам вновь и вновь, Поэт и друг душевный наш — Людмила.

Валентин Медведев

(г. Москва)

Валентин Николаевич Медведев родился в 1948 г. в Мантурово Костромской области. По образованию юрист. Пишет стихи и авторские песни. Публиковался в «Литературной учебе», в сборнике «Мы и время», в периодике. Имеет дипломы и награды за участие в региональных и всесоюзных конкурсах.

СЛУЖУ РОССИИ

Я родился поздней окончанья войны, Так что мне не знакомы те беды. Но в сумятице дней часто вижу я сны О войне и о нашей Победе. Потому и пишу обо всем, что во сне Пережить мне пришлось, как солдату. Тем России служу, раз в прошедшей войне Послужить не успел ей когда-то.

УЧАСТНИКАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Когда война пришла на ваш порог, Вам было лет совсем еще немного. Дала она на выбор из дорог — Дороги бед и горести дороги! Надев шинель или морской бушлат, Вы шли в строю — не взрослые, не дети! И под шрапнель бросались в самый ад В лихом бою за Родину в ответе!

Увы, не всем в Берлин войти пришлось И дослужить до главного парада! А значит, тем, кому судьбой далось Сегодня жить, тем радоваться надо! Пускай летят года не на рассвет: Как ни крути, Вы — прадеды и деды, Но вам опять, как было много лет, Под марш идти на празднике Победы!

Ирина Антонова

(г. Москва)

Ирина Анатольевна Антонова родилась в Москве. Окончила филфак МГУ им. М. В. Ломоносова. Занималась в различных литературных студиях. Печатается в периодике, в коллективных альманахах «На крыльях Пегаса», «Истоки», «Поэзия», в изданиях студии «Вдохновение». Выпустила 3 книги стихов: «Ветер риска», «Братец клен» и «Розовые тени». Член Московской писательской организации.

* * :

Прошлого счастливые крупицы На ветру развеялись, как прах. Жизнь моя — нахохленная птица, Притулилась к дереву впотьмах.

Цепенеет дух в замерзшем теле. Неужели кончена игра Под контральто снежное метели, Под навесом белого шатра?

* * *

Где вы, серые питомцы? Трудно прятаться в лесу. Постелила б вам соломки, Да от пули не спасу.

Где вы рыщете полночи, Выходя на лунный свет — Видно, леший вас морочит, Наводя на ложный след.

Екнет сердце ненароком, Станет зябко у огня — Не спеши с утра, сорока, С новостями для меня.

Алексей Мячин

(г. Москва)

Алексей Владимирович Мячин родился в 1929 г. Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал корреспондентом в «Рабочей правде», «Партийной жизни», «Современнике». Стихи стал писать в юности. Публиковался во всех альманахах студии «Вдохновение». Дипломант фестивалей «Бриз».

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЮ

Иду я в литобъединение В глазах задор. Там будет славное сражение. Там будет спор... Синь раскололась на весенний град, На хруст костей. Все кончено. Не до учений, брат. Ложись в постель. Как объяснить вам это рвение, Тоску в глазах.... Иду я в литобъединение На костылях.

из четверостиший

Мой пес умеет гимн дарить Созвездьям Зодиака. Вот так бы Бога нам любить, Как любит нас собака.

* * *

Как сердце-то поизносилось. О Боже! Дай мне силы. Красиво жить не получилось. Дай умереть красиво.

Нина Попова

(г. Москва)

Нина Викторовна Попова родилась в Белгородской области. Сейчас живет в Москве. Окончила Московский государственный университет печати им. Прянишникова. Печаталась в коллективных сборниках студии «Вдохновение». Автор книги поэзии «В душе несем мы прожитого след...» Готовит к печати вторую книгу стихов.

УПЛЫВАЕТ СИНЕВА ЗА ГОРИЗОНТ

Уплывает синева за горизонт. Мне сегодня не понадобится зонт! Пригодится в ярких маках сарафан. Сердце бъется, как веселый барабан!

Сердце верит, ожидания полно. Летний день струится, как в бокал вино, И тепла, и света сложный аромат, И предчувствие, гармония и лад,

И волнения звенящие шаги... Ты мне, лето, быть счастливой помоги! Наколдуй мою судьбу, наворожи, Замани в любви счастливой миражи!

* * *

Отражается ива в спокойной реке. Я приеду на остров совсем налегке, И возьму я туда только лодку и сны, И наполню их летом до самой весны. Сяду в лодку, вдоль берега я поплыву, Здесь я в сказке два дня проживу наяву, Буду греться у теплого бока костра, Чутко слушать звенящую ночь до утра. Встречу тихий рассвет, он спокоен, пригож И всегда на рождение чем-то похож. Все замолкнет на миг, и в предчувствии дня Никого здесь не будет счастливей меня!

Ольга Астафьева

(г. Москва)

Ольга Михайловна Астафьева родилась в поселке Железнодорожный Коми АССР. Окончила Московский Полиграфический институт. По профессии — редактор. Публиковалась в газете «Московская правда», в журнале «Московский Парнас», в «Антологии современной поэзии», в коллективных альманахах студии «Вдохновение». Член СПРФ. Живет в Москве.

примите, девочки, поклоны

Да кто из них, девчонок, ведал, Что за война пришла на свет? Светило солнце, было лето. И было им семнадцать лет. Еще страна жила в покое, Еще никто не погибал. На школьный бал спешила Зоя, На свой последний в жизни бал...

Пришла война. Они рванулись Навстречу битве в грозный час. На мамин крик не обернулись, Не обернулись, в первый раз. Война. Ранения. Окопы. И там, где град свинцовый бил, Мужчин, пропахших кровью, потом, Тащили из последних сил.

Шли девочки... Глотали слезы, Одолевая боль и страх. И все-таки искали звезды На почерневших небесах. Стоят в России обелиски, Как символ пройденных дорог Тобой, ослепшая связистка, Тобой, разведчица без ног! Примите, девочки, поклоны От всей большой, большой страны. Вы были в первом эшелоне Кровопролитнейшей войны!

Татьяна Минаева

(г. Москва)

Татьяна Александровна Минаева родилась в Москве. Окончила МАДИ. Стихи пишет с 2004 г. Публиковалась в альманахах: «Цветы большого города», «Русич», «Антология одного стихотворения», «Солнечные блики», «Литературные страницы», «Мы и время». Издана книга стихов «Выбираю осень».

Сонный, усталый вагон, Тусклый мигающий свет... С жизнью своей примирен. Взят несчастливый билет.

Точно известен маршрут, Скучен размеренный путь. Главное в том, что не ждут, В этом проблема и суть.

Розовый вдруг островок Вырос из серых одежд, Синего взгляда бросок, Полон он светлых надежд.

Что-то кольнуло в груди, Жизнь не кончается. Нет! Может, еще впереди Ждет и счастливый билет.

ВАСИЛЬКИ

Под ржаными ресницами спелых колосьев Васильково-небесных очей чистота Шаг заставит замедлить, заботы отбросив, И увидеть, какая кругом красота!

ОДУВАНЧИКИ

Ковер из одуванчиков роскошен: На фоне яркой зелени травы, Как будто сотни золотых горошин Рассыпаны по шелку муравы.

Александрина Суровцева

(г. Москва)

Александрина Павловна Суровцева окончила педагогический институт и факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Работала в школе и корреспондентом газет. Публиковалась в периодике, в альманахах студии «Русич» и «Вдохновение», имеет авторские книги. Лауреат премии Ивана Горбунова. Член СПРФ.

РЕЧКА ДЕТСТВА

Иссякла речка. Что же с нею стало? Где нежной вербы тень на берегу? Ах, где же тот шиповник алый И мамин смех, веселый, на бегу!

Я помню деревенских женщин пенье, Пленительный напев над речкой той, И звезд прекрасных отраженье В зеркальной заводи лесной.

Но речки — нет! И с ней мечта погасла Об отчем доме, где вишневый сад. Доверчивым вещают басни. «Терпеть! Работать!» — нам твердят.

Но если белые березки отступают, Ромашки будут горько исчезать, И голоса природы замолкают... Мы будем нашу землю защищать!

Мы помним все: и речку детства, И деревеньку, где вишневый цвет, Ведь от полей, куда ж нам деться? Здесь Родина! Россия! ...наш рассвет!

Нэлли Кругликова

(г. Москва)

Кругликова Нэлли Евсеевна — преподаватель русского и итальянского языка. Печаталась в сборниках: «Букет любви», «Родники народные», «В Москве живу, о ней пою», «Литературные россыпи», в альманахах студии «Вдохновение». Автор книги стихов и рассказов «Поэзия души и проза жизни». Дипломант конкурса «Галерея избранного стихотворения» Получила диплом им. Н. Рубцова за 2009 г. и диплом им. О. Мандельштама за 2010 г. Член СП РФ. Живет в Москве.

моя москва

Не ведал Юрий Долгорукий, В истории оставив след, Как Стольный град изменят внуки Всего за восемь сотен лет.

Нет для Москвы ограничений, Растет и вширь, и вверх, и вниз. И прирастает населенье За счет приехавших без виз.

Уж Мегаполисом назвалась, Не видно края и конца. А для меня Москва осталась Внутри Садового кольца.

Безлики спальные кварталы, Смешны дома-карандаши. В Парламент, что мы выбирали, Палят из пушек от души.

Взаимное неуваженье, Страх выйти в город даже днем И беспредельное стремленье Захапать все, забыв о Нем.

В глазах душевную усталость, Возможно, вижу оттого, Что для меня Москва осталась В пределах детства моего.

КОТЕНОК

Катюше подарили маленького, еще слепого, котеночка. Это был светленький пушистый комочек с еле заметными полосками. Его так и назвали Пушок. Катюша не спускала его с рук: кормила, поила, сажала в коробку с песком. На ночь укладывала его рядом с собой, вместо куклы, к которой она потеряла вдруг всякий интерес. Котенок был чистенький, ухоженный, веселый. Они бегали по всему дому с бумажкой, привязанной к нитке, и он бросался на эту бумажку, царапая и кусая ее не окрепшими зубками и коготками. И трудно было сказать, кому это доставляло больше удовольствия: котенку или хозяйке. Он был ее лучшим другом и лучшей игрушкой. Они всегда были вместе, так что, в конце концов, Катюшу все в доме стали называть «Катенок». Когда Пушок подрос, у него стал проявляться характер и свои интересы. Катюша тоже подросла, и у нее тоже появились свои интересы. Она уже не так часто играла с котенком, но оставалась глубокая привязанность. Осталось и ее детское прозвище.

Потом началась война, и пришлось уехать в эвакуацию. Перед отъездом Катюша бегала по всему двору, прижимая котенка к груди, и умоляла соседей приютить его, пока они не вернутся. Но никто не знал, что ждет его завтра, кого и как раскидает судьба. Война! До котенка ли тут. Обливаясь слезами, она последний раз поцеловала родное существо и оставила его посреди двора. Они вернулись через два года, и первое, что увидели, войдя во двор, была большая худая полосатая кошка. Позади было еще несколько кошек поменьше, такой же расцветки. Катя узнала ее мгновенно. Кошка стояла посреди двора, на том самом месте, где ее когда-то оставили, и неотрывно смотрела на Катю своими странными, немигающими глазами, как будто все эти два долгих года она ждала здесь свою хозяйку. Катя наклонилась и протянула к ней руки: «Пушок! Пушок! Иди ко мне!» Все так же глядя на нее своим странным взглядом, кошка повернулась и медленно пошла вглубь двора, уводя за собой свое семейство. У нее была своя жизнь, в которой не было больше места человеческому «Катенку».

Наталья Титова

(г. Москва)

Наталия Владимировна Титова живет в Москве. Окончила Плехановский институт. Работала в сфере образования. Публиковалась в периодике, в альманахах студии, в сборнике «Литературные страницы», московского содружества литераторов. Издала книгу рассказов «Я жила в 20 веке».

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО

Каждого лето, во вторую неделю августа он уезжал в город детства и юности. Август не был случайным месяцем для отдыха. В этот месяц он познакомился с ней. И каждый год на протяжении многих лет он переживал заново то время. О ней он не

забывал никогда, хотя судьба давно развела их. К августу появлялось какое-то почти болезненное желание ехать в этот городок, где все напоминало о ней. Рано утром он выезжал на машине из столицы, а уже на следующий день, к обеду был на месте. В городе его ждала старушка мать.

Только через маму он мог узнать скудные сведения о ней. Мать до сих пор поддерживала связь с бывшей невесткой, получая от нее редкие открытки. Иногда они созванивались. Она любила ее за красоту и за то, что ее все еще любит сын. Мама очень ревностно следила за ее жизнью, даже как-то сказала ей: «Если ты выйдешь замуж, я умру от инфаркта!» Сын, правда, не больно допытывался у матери о ней. Знал, что она по сути ничего не знает. Скорее всего, его это устраивало. Он жил как бы двойной жизнью. С одной стороны реальной — семья, любимая работа, нужные знакомые, дача, машина, в общем — все атрибуты благополучной жизни. А с другой — своя, очень личная, только его, о которой никто не знал. Его вторая жизнь была постоянным воспоминанием о прошлом. О той девочке, а потом его юной жене.

Как романтично все начиналось! И это не просто слова, все так и было. Он понимал, что это подарок судьбы, что о таких отношениях пишут романы. Они думали, что созданы друг для друга и будут всю жизнь вместе, а расстались через восемь лет счастливой жизни навсегда, совсем молодыми, удивив друзей и знакомых. Одни говорят — любовь все прощает, а другие — любовь не прощает, увы, у них не простила. Было очень тяжело вспоминать о тех непоправимых глупостях, которые он наделал по молодости. От безнадежности хотелось кричать ее имя, как в лесу, чтобы эхо подольше его держало. Вечером, когда начинало смеркаться, он шел на «заветное место», боясь, как бы не заняли их скамейку. Садился и ждал. Из года в год, каждое лето, ждал... когда появится она, а она не приходила.

Уже стало темнеть, он напряженно вглядывался в даль аллеи и вдруг... внутри все оборвалось, к нему шла она! Вначале он увидел до боли родной силуэт. Женственная фигурка, стройная шея, поднятые вверх волосы собраны чуть выше затылка. Она приближалась к нему в своем клетчатом светло-зеленом платье сшитом строго по фигуре.

Сердце учащенно забилось. Сон это или явь? Она тихо подошла и села рядом. Его рука потянулось к ее руке, они горячо сжали пальцы. Сладкая истома разлилась по всему телу.

Он сидел, боясь пошевелиться, чтобы больше никогда не потерять свое счастье.

(B)

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Сергей Гора (г. Линкольн, Калифорния, США)

БОЛЕЗНЬ О ПРОШЛОМ

Родился в г. Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Переехал в США как приглашенный специалист. Один из первых постсоветских менеджеров транснациональных корпораций; один из первых постсоветских ведущих телевизионных токшоу; был известен в России и как переводчик медицинских журналов. Имеет ученую степень из Ленинградского университета, нострифицированную в США. Выпустил ряд поэтических сборников, получивших хорошие отзывы читателей, отмечавших способность автора подметить и бесстрастно осветить мельчайшие детали окружающих событий и явлений.

АЛЫЙ ТЮЛЬПАН НА СНЕГУ

Притаила сны Спящей белизны Снежная элегия

аллеи.

Кем-то на бегу Брошенный в снегу Пламенный тюльпан горел, алея.

В царстве отчуждения, В королевстве вьюг Веселился страстный

чужестранец.

И от возбужденья Разошелся вдруг На снегу восторженном румянец.

Алое на белом — дивная игра

Времени

случайного контраста.

С холодом венчаясь,

летняя жара

Нежностью весенней

шепчет: здравствуй.

Были гимном нег

Тот тюльпан и снег,

Словно в сонном

сказочном виденьи.

И сказала ты:

Сколько теплоты

В этом несказанном

единеньи.

Я оторопел:

Снег как будто пел:

Царствуй, сын любви,

тепличный инок,

Тонко серебря

Лепестков края

Звездочками

трепетных снежинок.

Мимо, не взирая

На волшебный блик,

Молча злясь на холод

непогожий,

Проносились, пряча

нос за воротник,

Суетные контуры

прохожих.

Но взорвав огнем

белую тоску,

О судьбе злосчастной

не жалея,

Кем-то на бегу

Брошенный в снегу

Пламенный тюльпан сгорал,

алея.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

(Рубрику ведет Тамара Булевич)

Владлен Белкин (г. Дивногорск)

Владлен Николаевич Белкин — известный сибирский поэт. Член СП России. Десять лет избирался ответственным секретарем Краевой писательской организации. Изданы три сборника: «Во лжи над пропастью», «Окаянные годы», «Дух и меч». Готовится четвертый. Участвовал в освоении целинных земель в Северном Казахстане. В течение десяти лет в бригаде каменщиков строил красивейший город на Енисее — Дивногорск. Сейчас работает над поэтической летописью «В дни великой смуты».

* * *

«Русь, куда же несешься ты?»

Н. В. Гоголь

Куда несешься, птица-тройка? Какая даль тебя зовет? — глаза косит, копытит бойко и вновь ответа не дает... летит к неведомым пределам вихляющею колеей, и колокольчик ошалело гремит меж небом и землей.

* * *

Мне кажется, даже плечами Ее ощущая подчас, ту крестную ношу молчанья, что стала привычной для нас...

В ней чувствуется дыханье сгущающейся грозы,

невысказанного признанья, невыплаканной слезы...

Взорваться бы откровеньем! Однако из века в век о самом своем сокровенном помалкивает человек, при встречах и расставаньях, в собраньях и у костров... и ширится грозно молчанье, стекаясь со всех уголков.

О чем оно в уши нам дышит? чего оно молит и ждет? Имеющий душу — услышит. Умеющий думать — поймет.

* * *

Над наливающейся рожью и над избенкой в три окна, над грустным русским бездорожьем! предгрозовая тишина... все притаилось и молчит, как будто про себя гадает: куда же молния ударит? Кого она испепелит.

В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ

А речка здесь под окнами течет, и вечерами Климовны, Сергевны, торжественны, как старые царевны, на лавках восседают у ворот

Они годами на воду глядят, Задумчивы, светлы, несуетливы Прибрежные морщинистые ивы в глазах их заколдованно стоят.

Сменяются закаты над водой, и по одной старушки исчезают. мне кажется — они не умирают, а ивами встают над той рекой.

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

И улыбка, и слеза, И смятенье, и истома, Белизна и бирюза, Полуявь и полудрема... Еле внятный вдох весны... Но уже в продрогшем мире Тихо скрипнули весы, И качнулись чутко гири.

И вселенная полна Откровенья и привета... А слеза... Слеза, она — Не от боли, а от света.

ВЕСНА НА СТРОЙКЕ

Темнеют швы кирпичной кладки в морозы сложенной стены, и у подсобницы-солдатки глаза тревожны и влажны.

И бригадира окрик зычный так необычно потеплел, и мастерок в руке привычной, как жаворонок зазвенел...

Еще весна — лишь прорва света! Но роща рыжая спешит Знобящий свист в костистых ветках сменить на мягкий шум вершин.

И как на празднике девчата, березы ходят чуть хмельны, и на душе светло и свято от их нетленной белизны.

* * *

Я обретал себя в бригаде. И от артельного огня Шли чередой в мои тетради Тревоги прожитого дня. Конечно, можно и на стройке Хлеб зарабатывать пером, А не таскать по трапу стойки, Не рыть траншеи под дождем. Но гнало что-то нас, однако, Из-за столов на ветробой, Судьбу выкатывая на кон, Вело на трассы и в забой, Как та мятущаяся сила, Что, не стихая до седин, Толстого к плугу уводила И Чехова — на Сахалин...

Тут суть не в том, Большой ли, малый Тебе пожалован удел, А чтоб душа на место стала, Да чтоб себя не проглядел.

ВЕСНА В ТАЙГЕ

Ручей до дна смородиной пропах. Но есть еще в нем пресный привкус снега. Через колодник верткая тропа легко и круто прыгает с разбега. Премудрая старушка — тишина, следит за ней сторожко из-за кочки. Как в спичечной головке, в каждой почке искринка солнца заворожена. Поклон тебе, весенняя земля! И вещим снам и помыслам высоким. В тугих стволах живые стонут соки и вторит им тревожно кровь моя. И я стою неслышен. Чуть дышу. Врастают в землю ноги, словно корни, и ветви гибких рук над кряжем горным все выше и свободней возношу. В лицо ударил ветер горячо. Но не могу уже пошевелиться. И солнце утомленное Жар-Птицей садится мне на левое плечо.

зимний норильск

Дом крепко апельсинами пропах, и кактусы зелеными ежами по стеллажам, играя, разбежались, и розы жарко рдеют на коврах... Но чей-то стон стал комом в проводах. Столбы до сердцевины ознобило. — Опять кого-то тундра заманила и закружила в гибельных снегах... Ты видишь, как пурга над ним кадит? Ты видишь сквозь заснеженные стены: окаменев, устало после смены, на кухне молча женщина сидит? Над ней — беды чугунное крыло. И черный ветер крышами грохочет, и давят грудь тысячетонной мглой кубические километры ночи. А кактусы и розы на коврах горят, растут и в скорби, и в метели...

И город апельсинами пропах у шестьдесят девятой параллели.

ночь в тайге

Ту ночь, которая жила на грани осени и лета, непроницаемая мгла околдовала до рассвета. Молчанья тайного полна, болотным, вязким, донным илом в глаза мне хлынула она и наглухо заполонила, И стал я сам частицей тьмы, в глуши гнездящейся извечно, и, легкомысленно беспечный, был голос мой бесследно смыт. И все, что в памяти на дне тысячелетия таилось,воинственно насторожилось и силу обрело во мне. Между колдобин и пеньков сторожко ноги пробирались, и руки зорко простирались среди столпившихся стволов. И чуял я глубинных вод невозмутимое движение, голодных тварей копошенье и встреч их будничный исход, и затаенный всюду страх, и зов тревоги необъятной, и привкус крови на губах, горячей и солоноватой....

* * *

А был я солнцем и травой, вином и хлебом был и облаками над рекой июльским небом плыл.

Ночами, бредившая мной, из праха и огня, из пыли звездной и земной творила мать меня.

Недаром, до поры таясь, чем ближе мой исход, родства таинственная связь покоя не дает. И все роднее зов земли И огненный рассвет с кудлатым облаком вдали и яблоком в листве.

* * *

Заблудших меж Содомом и Святыней манила вдаль, играя и дразня, державная машинная гордыня и серых дрязг мышиная возня...

Метался разум в оболочке бренной, но на излете утвердился я, что вечен миг в безмерности Вселенной и вечна мысль в потоке бытия... И вечен Дух.

Хоть прервано дыханье и сердце остывает в тишине, Но звездами сверкает Мирозданье, и облака клубятся в вышине.

* * *

Терзают беды наш двуногий род... И что повинно в этом: Дух нечистый? Случайность? Кара? Високосный год? А может,— набирает оборот Великая Космическая Чистка?..

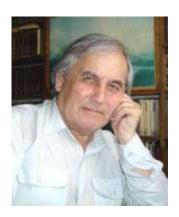
Владыка тьмы ступает тяжело. Лютует страх. И ложь наглее стала. Но как бы в мире не бесилось зло, в небесной выси молнии стило спасительное слово начертало...

68890889

Владимир Шанин

(г. Красноярск)

СУРИКОВ ИЛИ ТРИЛОГИЯ СТРАДАНИЙ*

Владимир Яковлевич Шанин автор книг прозы «Памятник для матери», «Белгорюч камень», «От зари до зари», «Горька ягода калинушка», «Куплю дом в деревне», «Имя собственное». Член Союза писателей СССР — России с 1981 года, член Литературного фонда России, член Международного литературного фонда.

«Суриков, или Трилогия страданий» — художественный роман-исследование в трех книгах.

Приоткрыв дверь, тихо, на цыпочках, чтобы не беспокоить больную бабушку, прокралась к себе на кровать Лиза. Наталья Афанасьевна открыла глаза и увидела, что в комнате фиолетовый полусумрак, за окном, незаметно чернея, улицу обволокла холодная синь.

- Окошко-то хоть задерни,— сказала она Лизе. Опять померещилось ей, будто в полое окно заглянул кто-то в белом, с белой бородой.
 - Ой, бабулечка, я думала, ты спишь!

Лиза вскочила, сдвинула занавески, присела к бабушке на кровать.

- Чё у вас там стряслось-то? Плачет-то кто Катя, Вася?
- Вася,— ответила Лиза,— он в углу стоит, папа его наказал. Стулья лакированные в гостиной попортил, гвоздиком исцарапал зверушек рисовал, ну и...
 - Папа бил его?
- Маленько. Ремешком. Она не дала бить...— Лиза никак не звала Прасковью. «Она» вот и все. И мать родную не помнит, было ей всего два года, как умерла Пелагея Егоровна; и к мачехе не может привыкнуть.— Ух, папа и осерчал же! прибавила Лиза, и в голосе ее, и в том, как она это сказала, тряхнув головой, можно было без труда уловить мстительное торжество.
 - Приведи Васю я успокою его.

Лиза мышонком юркнула за дверь и — не прошло и минуты — за руку ввела мальчика в комнату. Следом прибежала Катя и полезла в постель к бабушке.

- Наябедничала, поди, да? сказала ей Лиза.
- И ничего я не наябедничала, я сказку хочу!
- И я хоцю! Вася стал карабкаться на кровать, Лиза подсадила его.— Хоцю сказку, сказку хоцю!

Наталья Афанасьевна посветлела лицом, подвинулась к стене, и с краешку, потеснив малышей, примостилась Лиза.

— Чё же вам рассказать-то? — начала Наталья Афанасьевна. — Жил-был царь овес, он все сказки унес. Не знаю, чё и говорить-то! Был себе мужик Сашка. На нем

-

^{*} Главы из романа.

серая сермяжка. На затылке пряжка, на шее тряпка, на голове шапка — хороша ли моя сказка?

- Расскажи, бабулечка, про Снежка!
- Хоцю пло Снезка, пло Снезка хоцю!
- И я про Снежка!
- Так я уж сколь про Снежка сказывала-то? Все про Снежка да про Снежка... Не надоело? А то, может, каку другу?.. Ладно,— согласилась наконец бабушка.— Только, чур, сказка от начала начинается, до конца сказывается, в середке не перебивается. Лежите смирнехонько, слушайте в оба уха, я начинаю...

— Жила-была Баба Яга. Было у нее три дочери: две старшие — двухглазы, а младшая — трехглаза; третий глаз был на затылке. Вот и говорит раз старуха старшей дочери, чтобы шла она в лес да Снежка поймала, а то он всю дорогу завалил, пройти нельзя. Вот пошла старшая дочь, села на дорогу и ждет Снежка. Сидела, сидела да и уснула, а тем временем пришел Снежок, запорошил всю дорожку и дочку старухину тоже. Проснулась дочка, увидала, что прокараулила Снежка, да и думает: как же про то матери сказать? Приходит домой и говорит: «Не могла я, маменька, Снежка поймать». Вот на другой день посылает старуха другую дочь. Пошла дочь, села на дорогу и ждет Снежка; но дождаться не могла и заснула, а в это время пришел опять Снежок и запорошил всю снегом. Проснулась дочка и видит, что прокараулила Снежка, пошла домой ни с чем. На третий день посылает Баба Яга меньшую трехглазую дочь ловить Снежка. Пошла трехглазка, села под дерево, да тоже уснула, но уснули-то только два глаза во лбу, а на затылке который, тот не спал. Приходит Снежок и начинает запорашивать дорожку, подошел к старухиной дочке, хотел и ее запорошить, да она увидала и схватила его. Приносит его домой и говорит: «Вот, маменька, и Снежок». Обрадовалась ведьма и говорит: «Попался теперь ты мне, я тебя изжарю да съем, а косточки на полку поставлю». Посадила Баба Яга Снежка в подполье и велела старшей дочери печь топить. «А как печка истопится, то положи Снежка на лопату, да и в печку его; из печи вынь, накроши да на полку поставь, а я приеду, так закушу им». Собралась ведьма на свадьбу с двумя младшими дочерьми и уехала. Истопила старшая дочь печь, достала лопату, положила ее на шесток, отворила подполье и говорит: «Вылезай, Снежок!» Стал из подполья Снежок выходить одна нога об пол, другая в потолок. «Ну, ложись на лопату!» — «А как ложиться? спрашивает Снежок.— Покажи сама, я не знаю». Дочка и легла на лопату, а Снежок посадил ее в печь. Изжарилась дочка, искрошил ее Снежок и поставил на полку. Приходит Баба Яга домой, сняла мясо с полки и стала есть. Ест да нахваливает: «Ай да мясцо, пальцы оближешь!» А Снежок из подполья и говорит: «Сладко доченькино мясо!» Увидала ведьма, что Снежок жив, приахалась: «Ах ты, непутевый, что наделал! Подожди ужо, испеку тебя!» Поехала на другой день Баба Яга, взяла с собой младшую дочь, а средней наказала печь истопить и Снежка изжарить да на полку поставить. Истопила средняя дочь печь. Достала лопату, положила ее на шесток, отворила подполье и говорит: «Вылезай, Снежок!» Стал из подполья Снежок вылезать — одна нога об пол, другая в потолок. «Ну, ложись на лопату!» — «А как ложиться? — спрашивает Снежок. — Покажи сама, я не знаю». Дочка и легла на лопату, а Снежок посадил ее в печь. Изжарилась дочка, искрошил ее Снежок и поставил на полку. Приходит Баба Яга домой, сняла мясо с полки и стала есть. Ест да нахваливает: «Ай да мясцо, пальцы оближешь!» А Снежок из подполья и говорит: «Сладко доченькино мясо!» Увидала ведьма, что Снежок жив, приахалась: «Ах ты, непутевый, что наделал! Подожди ужо, испеку тебя». Поехала на третий день Баба Яга. А младшей наказала печь истопить и Снежка изжарить да на полку поставить. Истопила младшая дочь печь, достала лопату, положила ее на шесток, отворила подполье и

говорит: «Вылезай, Снежок!» Стал из подполья Снежок выходить — одна нога об пол, другая в потолок. «Ну, ложись на лопату!» — «А как ложиться? — спрашивает Снежок.— Покажи сама, я не знаю». Дочка и легла на лопату, а Снежок посадил ее в печь. Изжарилась дочка, искрошил ее Снежок и поставил на полку. Приходит Баба Яга домой, сняла мясо с полки и стала есть. Ест да нахваливает: «Ай да мясцо, пальцы оближешь!» А Снежок из подполья и говорит: «Сладко доченькино мясо!» Увидала ведьма, что Снежок жив, приахалась: «Ах ты, непутевый, что наделал! Подожди ужо, испеку тебя!» Истопила Баба Яга печь, достала лопату, положила ее на шесток, отворила подполье и говорит: «Выходи, Снежок!» Стал из подполья Снежок выходить — одна нога об пол, другая в потолок. «Ну, ложись на лопату!» — «А как ложиться? — спрашивает Снежок.— Покажи сама, я не знаю». Баба Яга и легла на лопату, а Снежок посадил ее в печь. Отворил тогда Снежок двери, убежал на волю и стал порошить снегом по всему свету белому, да вот до сих пор и порошит...

За то время, пока сказка сказывалась, дважды отворялась дверь в комнату — заглядывали то отец, то мать, чтобы забрать к себе детей, но не решались перебить плавно текущую, монотонную и вроде бы скучную речь старой казачки. Было совсем темно, в окно сквозь тонкую ткань занавесок сочился желтый свет луны, в черных углах затаился страх, про который бабушка, бывало, говаривала, когда Лиза была еще маленькой: страху в глаза гляди, не смигни! — и не будешь бояться... Лиза переборола себя и уже не боялась, какую бы страшную сказку бабушка ни рассказывала. А малыши к концу сказки обычно засыпали, убаюканные тихим, ровным голосом. И в третий раз отворилась дверь, вошла Прасковья в ночной рубашке и осторожно унесла спящую Катю. Следом за нею, взяв на руки сопевшего во сне Васю, поспешила и Лиза. Когда Лиза вернулась, бабушка уже спала; она засыпала быстро, словно проваливалась в неглубокий старушечий сон, как в яму, из которой нетрудно выбраться, она и выбиралась часа через два-три, а потом до самого утра не могла сомкнуть глаз. Утром опять засыпала, и тогда проснувшейся Лизе казалось, что бабушка спит больше, чем она сама, чем Катя или Вася. Лиза, откинув одеяло, смело прыгнула в холодную постель. Но согреться не смогла, как ни пыталась: и с головой завернулась в одеяло, и подтянула коленки к самому подбородку, — и все равно мерзла. Тогда она решительно перебралась под одеяло к бабушке, прижалась к ее горячему телу и тотчас почувствовала, как бабушкино тепло переливается в нее и уходит кудато истомная зябкость.

Наталья Афанасьевна, однако же, не спала, лишь забылась в нахлынувших воспоминаниях, и очнулась от холода — будто бы к ее боку подкатили камень. Она повернулась, обняла внучку, а та встрепенулась, как птичка в руке, изгоняя остатки зноба.

- Вот помру, кто тебя, сироту, согреет? Старуха крепче прижала Лизу к себе.— Чую, жить мне совсем немного осталось до весны. Это хорошо, что веснойто, а то в каленую стынь и могилы доброй не сладить, копщикам одна маета землю долбить.
 - Да чё ты, бабушка, заумирала-то? Как же я без тебя? Живи!
- Пожить бы пожила, как не пожить, да уж отжила, знать, уж теперь и в могилу одною ногою ступила, весною в доски уйду. Блаженный Феодор Кузьмич так и сказал мне: зиму, дескать, переживешь! А он, чё бы ни говаривал, сбывалось. Он мне напрозорил, я тогда у окна стояла, а он под окном на улице, осенью ишо. С той поры и жду, смертный узелок наладила, в сундуке на низу лежит. Как помру, ты его, внученька, достань. Смотри, не забудь!
- Не забуду, бабушка, только мне не хочется, чтобы ты умирала! Лиза всхлипнула, рывком повернулась к бабушке, зарылась лицом в ее мягкую теплую грудь.

Старуха погладила ее по голове, вздохнула:

- Хошь не хошь, из годов я давно ушла, землею подернулась, пора и на бугорок уйти! А ты меня помни, внученька, вспоминай. А на Родителев день поплачь: твои чистые слезыньки мою душу страдающую омоют, и возрадуется душа, и покойно мне будет лежать во сырой земле.
 - А ты в рай попадешь, да, бабуля?
- Ежели Господь милостив может, и в рай. А сначала каждый проходит чистилище, и я должна... Все земное, плотское, со всеми моими грехами, перегорит в чистилищном огне через мои страдания, через мытарства, и только тогда душа вознесется на небо.
- Я буду молиться за тебя. И не только в Родителев день всегда! А где находится чистилище, а, бабуль?
 - Во внутренности земли, между раем и адом.

Вскоре Лиза согрелась и наконец сомлела, стала засыпать. Это было и приятно, и неожиданно: приятно — что она как бы поплыла на волнах сна, растворяясь в нем, или это душа ее осторожно выбиралась наружу полетать на свободе, отчего телу становилось легко, невесомо; неожиданно — что еще один вопрос, вертевшийся на языке, остается без ответа, который она хотела бы получить. Пустяшный вопросик, но он мешает полностью отдаться стихии сна, он, как шило, нацелился и сейчас уколет, и Лиза, усилившись, одеревеневшим языком вытолкнула два слова:

- Это далеко?
- Не знаю, ластонька моя, живые там не бывали, а мертвые не возвращались...

Проснулась Лиза в бабушкиной постели и удивилась: а где же бабушка? Вспомнила: так сегодня же праздник! В честь Казанской иконы Божьей Матери! Вон и колокола звонят! Бабушка уже в церкви, собрала, какие еще есть, силы и ушла. «Как это я забыла о празднике?» — упрекнула себя Лиза, не делая, однако, попытки выбраться из-под теплого стеженого одеяла — в комнате было холодно: или Дуняшка с вечера поленилась прокалить печи, или Андрей не натаскал достаточно дров, или ветер выдул тепло из комнаты, смотревшей окнами на восток,— попробуй дознайся, кто виноват. Однако то, что печи были плохо протоплены, Лиза почувствовала еще вчера. Надо бы встать, одеться, пасть на колени перед святой иконой, а ни сил, ни смелости не хватило высунуть нос. От собачьего холода мерзла даже маковка головы.

— Прости меня, Матерь Божия,— сказала Лиза, скосив глаза на иконы в углу,— нет сил преодолеть холод! — Перекрестилась прямо под одеялом и стала шептать молитву: «Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от мене, смиренной и окаянной рабы Твоея, уныние, забвение, неразумие, и вся скверная, лукавая и хульная помышления от окаяннаго моего сердца и от помраченного ума моего; и погаси пламень страстей моих, яко нища есмь и окаянна; и избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий, и от всех действ злых свободи мя: яко благословенна еси от всех родов, и славится пречестное имя Твое во веки веков. Аминь».

В доме было тихо — наверное, и мачеха в церкви, а дети еще дрыхнут, и отец, и постояльцы, как ранние пташки, укатили на службу,— но нет, кто-то спускается по лестнице: скрип-скрип-скрип-скрип... Ага, это два казака, постояльцы Старцев и Сидоров, стараясь не шуметь, осторожно ступают по ступеням — во как вышколила их Прасковья! Лиза представила, как вышагивают эти двое, какое при этом у них выражение лиц, и ей стало вдруг весело. Она прыснула со смеху, и в это время в комнату вошел отец. Его появление было так неожиданно, что Лиза растерялась, притихла, как мышка, потом шевельнулась, медленно стянула с лица одеяло.

— Не спишь? — заговорил Иван Васильевич и, подойдя к окну, раздернул занавески.— Вставай, нечего нежиться, вон уже день на дворе! Скоро дети проснутся: оденешь, умоешь, накормишь...

- X-холодно! Лиза откинула одеяло и тотчас обмерла: все тело мигом стянула «гусиная кожа», а ночная рубашка показалась рубищем, сшитым из фольги.
- Всю ночь гремела буря,— сказал Иван Васильевич,— неужели ты ничего не слышала?
 - Н-нич-чего, я спала.
- Гудело так, что, думал, крышу снесет, но все обошлось. А вот у Абалаковых забор повалило, у Каратановых стожок сена унесло, в мастерской богомазов ставню вырвало и забросило аж во двор к Веньковым на Качинскую улицу. Такой бури и старожилы не помнят!

Вся дрожа от холода, Лиза быстро оделась, набросила толстую бабушкину шаль на плечи и выглянула в окно. Улицу точно подмело; ночной бурей вынесло и рассеяло по закачинским далям еще не окрепший снег, выпавший на Покров, до чугунной черноты обнажились дороги, лишь кое-где у заплотов с наветренной стороны лежали грязные сугробы. Утро сулило хороший день — ясное небо, играющее в легкой дымке на горизонте холодное солнце, безветрие, веселое чириканье воробьев, — но никто не может предугадать, что станет с погодой уже к полудню.

- На улице теплее, чем в доме, сказал Иван Васильевич.
- Да?! удивилась Лиза. А я совсем застыла.
- Скоро оттаешь,— улыбнулся Иван Васильевич,— все печи в доме затоплены, потерпи. А теперь ступай к детям. Если проснулись, что-нибудь им почитай, но пусть лежат, пока теплее не станет. У тебя есть что читать?
 - Да, папенька. Я стишок выучила: Василий Львович задавал...
 - Кстати, как ты там у него учишься?
 - Хорошо, папенька, мне нравится...

Как всегда, поговорить с дочерью обстоятельно, как отец, как самый близкий человек, Ивану Васильевичу было некогда; всякий раз, как только разговор намечался и Лизина душа приоткрывалась, подавалась ему навстречу, отец умолкал, опускал глаза и уходил, находя для этого сотню причин. Лиза обижалась, даже злилась. Капризничала, плакала, а порою ненавидела весь дом, но стоило отцу сказать ласковое слово, она все-все прощала ему. Вот и сейчас он вдруг сделался угрюмым, плечи опустились, в глазах потух праздничный свет, отчего у Лизы тоже все опустилось внутри, душа съежилась.

Пробормотав, что ему надо идти, и что он торопится, Иван Васильевич быстро вышел из комнаты.

Дети уже проснулись и шалили, показывая друг другу язык и дразнясь. Здесь было намного теплее, однако Лиза, помня наказ отца, не стала поднимать Катю с Васей, а, наоборот, плотней укутала и приказала им лежать смирно, сама же села рядом на исцарапанный Васей стул и раскрыла книжку. Но прежде чем приступить к чтению, строго спросила: с чего это они передразнивали друг друга? Вася молчал, надув губы, а Катя, девочка бесхитростная и смышленая, просто, как на духу, призналась:

— Он первый стал дразниться, вот! А я только сказала, что мама скоро Васе подарит сестренку. Я говорю: «Вася, мама тебе сестричку подарит!» А он: «Не надо сестрички!..» И показал язык.

Тут Васе показалось, что Катя говорит не то, что говорил он, что она все-все переврала, и вздумал поправить ее.

— Не хоцю сестрицку,— сердито воскликнул он,— хоцю зелебеныцька с колокольцыком!..

На правах старшей сестры Лиза старалась пресекать всякую ссору между детьми, сделала это и сейчас. Подражая мачехе и голосом, и манерой говорить, она строго произнесла:

— Ну, вот что, господа хорошие, учтите: если еще хоть раз увижу, что языки по-

казываете, дразнитесь и вопите, как сумасшедшие, ничего я вам больше читать не буду. Поняли?

- Поняли, поняли! Больше не будем!
- А теперь слушайте, что сказал Господь Моисею: вчера мы остановились на этом месте: «И сказал Господь».

Лиза почти наизусть знала текст и потому читала бегло, без запинки, с выражением, тоже явно кому-то подражая:

— «И сказал Господь Моисею: вот я одождю вам хлеб с неба; и пусть народ выходит и собирает ежедневно, сколько нужно на день. Роса поднялась, и вот на поверхности пустыни нечто мелкое, круповидное, белое, как иней на земле.

И увидели сыны Израилевы и говорили друг другу: что это? Ибо не знали, что это. И Моисей сказал им: это хлеб, который Господь дал нам в пищу.

И нарек дом Израилев хлебу тому имя: манна; она была, как кориандровое семя, белая, вкусом же, как лепешка с медом.

Сыны Израилевы ели манну сорок лет, доколе не пришли в землю обетованную»...

Из церкви воротились бабушка и мать, причем старая казачка сразу повалилась на сундук — отдышаться, Прасковья бросилась к ней, чтобы разуть-раздеть, но гордая старуха не позволила. Заслыша голоса, дети радостно закричали, завизжали, взялись барахтаться под одеялом, которое в конце концов сбили в кучу, и оказались на холоде в одних ночных сорочках. Лиза на них прикрикнула, первой утихомирилась Катя потянула на себя одеяло, а непослушному Васе пришлось дать хорошего шлепка, после чего и он, обиженно засопев, успокоился, и в комнате стало тихо. Но недолго, однако, длилось это спокойствие. Через минуту Вася затеял новую возню, Лиза опять его шлепнула, пригрозив, что пожалуется матери на плохое его поведение, и благоразумная Катя, спасая братца от Лизиных строгостей, предложила «поиграть в загадки».

- Ладно,— согласилась Лиза,— отгадайте: что это? Махнула птица крылом и покрыла весь свет одним пером.
 - Ночь! ответила Катя; видимо, знала отгад заранее.
- А вот еще загадка. Одна птица кричит: мне зимой тяжело; другая кричит: мне летом тяжело; третья кричит: мне всегда тяжело. А это что?

Ни Катя, ни, тем более, Вася, которому игра скоро наскучила, так и не смогли отгадать загадку, и Лиза наконец смилостивилась.

— Эх, вы,— упрекнула она детей, старающихся изо всех сил в этих трех птицах представить нечто знакомое, встречаемое, может быть, на каждом шагу,— да как же не знать этакое-то, а? Да это же — сани, телега, лошадь!.. Ну, а теперь играйте без меня!

В комнату вошла Прасковья, пощупала печь — она была уже теплой, но воздух в помещении еще не прогрелся — и, присев на край кровати, спросила Катю и Васю, не холодно ли им было спать, на что дети в голос ответили: нет, не холодно!.. Они готовы хоть сейчас одеться и бежать на улицу, но мать приказала еще немножечко полежать.

Тем временем Лиза помогла бабушке снять шубу и чарки, принесла ей теплые, мягкие пимы, в которых старуха, шаркая, ходила по дому, на плечи набросила толстую шаль-самовязку. И хотя Наталья Афанасьевна от всего отказывалась, ворчала, что она сама и оденется, и обуется, и что руки у нее еще не отсохли, все же было приятно ей такое искреннее внимание, любовь к ней уже почти взрослой внучки. Она хорошо отличала фальшь от искренности и не каждому доверялась.

А тут подоспел и завтрак. Несмотря на кажущуюся нерасторопность, Дуняшка все делала быстро, показала себя примерной стряпкой, даже дети это заметили. Както за столом наблюдательная Катя сказала: «У нас тетя Дуня — стряпанька. А мы — ешки!» Все тогда посмеялись, конечно, однако и оценили Катю за образное мышле-

ние, а Дуняшку — за ее кулинарные способности. И на этот раз она постаралась, подала на стол пышные оладьи, поставила сковороду с толченой картошкой, облитой сметаной и протомившейся на горячем поду в печи до румяной хрустящей корочки, любимой детьми. Само собой, как лакомство иль забаву, не забывала Дуняшка подсыпать в вазу сушеной черемухи — этой черной, с крупной косточкой, вяжущей во рту ягодой любили лакомиться не только дети, но и взрослые.

За стол не садились до тех пор, пока не даст команду хозяин, которого ждали с минуты на минуту. Тепло одетые, умытые и причесанные, Катя с Васей резвились, бегая друг за дружкой вокруг стола, а Лиза внимательно следила за ними из своего угла. Прасковья на диване чинила Васино пальтишко — где-то уже успел порвать, разбойник этакий! Конечно, в праздник работать — грех, но это не тот грех, который нельзя было отмолить. За эту работу Бог не накажет. Вот и свекровь, соблюдающая все посты, не сделала ей замечание, — значит, всякая работа во благо ненаказуема.

Само собой разумеется, хозяином дома, за болезнью Натальи Афанасьевны, считается Иван Васильевич. Но это только для видимости да еще для того, чтобы он не догадывался, что это не так, ибо весь дом держался на плечах Прасковьи. Она была и хозяйкой, и домоправительницей, и вообще «домовым» — опять же по образному определению пятилетнего ребенка. «Домовой — это хозяин дома, старший в семье, как-то сказала Катя, — он совсем — как наша мама, всех ругает, чтобы вытирали ноги и мыли руки перед едой!»

Наконец явился Иван Васильевич. Пока он раздевался, Дуняшка внесла кипящий самовар — последний штрих в приготовлении к завтраку, и убежала в кухню, где для нее самой и Андрея приготовлен стол, и оттуда наблюдала, как рассаживается семья, каждый на свое место за общим столом, привычное и определенное раз и навсегда. К закускам не притрагивались, ждали Наталью Афанасьевну, когда она сползет со любимого своего сундука.

Тяжело ступая распухшими, натруженными за утро ногами, старая казачка, прежде чем сесть за стол, осенила себя крестным знамением и зашептала молитву: «Очи всех на Тя, Господи, уповают, и ты даеши им пищу во благовремения, отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всякое животно благоволения». И еще трижды перекрестилась. Остальные же все только перекрестили лоб, не вставая. Даже Вася взмахнул, как его учили, ручонкой. Однако же Прасковья молитву прочла. Было заметно, что и Лиза держала ее в себе.

В другое бы время Наталья Афанасьевна сделала строгий выговор за то, что не встали благоговейно, оборотясь ликом своим к божнице, и не представили себя пред Всевышним Богом; что, сотворив крестное знамение, поленились произнести слова святой молитвы; что Господа нашего нынешняя молодежь совсем почитать перестала, за что и будет наказана. А ведь всего-то и надобно было: прочтя молитву, помедлить — чтобы все чувства ушли в тишину, и мысли оставили бы все земное,— и только потом приступать к трапезе, без поспешности, со вниманием сердечным.

Но ей, как видно, было уже все равно: старость и болезни притупили чувства...

После завтрака, просматривая газеты, Иван Васильевич или же зачитывал отдельные строки вслух, или же кратко пересказывал целый столбец любопытной статьи.

- Вот уже и «Московские ведомости» о нас пишут,— говорил он своим характерным глуховатым голосом.— «Среди инородцев Енисейской губернии продолжает свирепствовать жесточайшая оспа, которая так и косит людей. По лесам и тундрам валяются трупы и привлекают к себе хищных животных. С началом холодов оспа вроде бы поубавилась, но... Местные власти обеспокоены, как бы эта зараза не перекинулась на русское население».
 - И не приведи Господь этакого лиха! вздохнула Прасковья.
 - «Основано в Сибири первое ученое общество, продолжал Иван Василье-

вич,— Сибирский отдел Императорского Русского Географического общества с штабквартирой в Иркутске». «Подписан заключенный с Китаем Кульджинский торговый трактат, которым устанавливалась меновая и беспошлинная торговля русских с китайцами в Кульдже и Чугучаке». «Из Верхнеудинского и Нерчинского округов Иркутской губернии образована Забайкальская область с возведением Читы из деревни с острогом на степень областного города». «Преобразованы полки Иркутский, Енисейский и Забайкальский. Причем последний поступил в состав Забайкальского казачьего войска». «Крестьяне Нерчинских горных заводов зачислены в казачье сословие...».

С тех пор, как Высочайшим приказом Иван Васильевич был определен в штат Енисейской казенной палаты, в число канцелярских ее чиновников, да к тому же еще произведен в коллежского регистратора со старшинством с 14 октября 1849 года первый гражданский чин XIV класса Петровской Табели о рангах, дающий права на почетное гражданство, а следовательно, и повышение размера жалованья, — он еще ревностней стал читать столичные газеты, следить за новостями, касающимися не только Енисейской губернии. Казенная палата — серьезное учреждение. Главный орган Министерства финансов в провинции, существующий по всей России с 1775 года, --- «ведает взимание и разверстку прямых налогов, торги на сдачу казенных подрядов, ревизию казначейств и др.». Служба ответственная и требует много внимания, знаний, честности, порядочности. Он сам попросился туда. И губернатор Падалка подписал прошение, не возражал и председатель Казенной палаты Высоцкий, тем более что случилась вакансия. И тот и другой отлично понимали: Сурикову, чиновнику безотказному и работящему, обремененному семьей, тем более что недавно родился у него еще один сын, Николенька, надо помочь, сам же он вряд ли продвинется по служебной лестнице: робок и не заискивает перед начальством. А служит он добросовестно и в отпусках еще не бывал. И биография безупречна, о чем говорят скупые записи в Формулярном списке.

Более чем сам Иван Васильевич, его назначением была довольна Прасковья; она называла его теперь «Ваше благородие».

Шелестя газетой, Иван Васильевич то хмыкал, то качал головой, то хмурился, если вычитывал нечто неприятное.

- Чё-то ты, ваше благородие Иван Васильевич, про торговлю с китайцами читал, я не поняла, чё в том трактате нового? Прасковья подняла на мужа свои красивые блестящие глаза.— И дедушка мой, и тятенька от китайцев немалые клади с чаем в Сибирь везли, все хорошо было, а теперь че, еще лучше станет? Или хуже? Или, может, каки препоны поставят?
- Какие могут быть тут препоны! Просто узаконивается государственная торговля. Кульджинский трактат разрешает пограничную торговлю между западной Сибирью и западным Китаем и отличается от Кяхтинского тракта тем, что сосредоточивает торговую деятельность подле границ в китайских городах.

Из пространного объяснения мужа Прасковья поняла одно: торговать с китайцами можно теперь вдоль всей границы, и притом совершенно свободно.

- Вот и тятеньке надо бы про то знать,— сказала она.— А еще чё там про торговлю-то пишут?
- Статья двенадцатая трактата гласит: «Купцы обоих государств, при промене своих товаров, не должны ничего отпускать друг другу в кредит. Если, вопреки этой статье, кто-нибудь отпустит свой товар в долг, то чиновники, русский и китайский, в это дело не вмешиваются и никаких жалоб, если бы они и последовали, не принимают». И торговать на золото и серебро воспрещается...

Скучный разговор отца с мачехой Лиза уже не смогла вынести; забрав малышей с собою, она удалилась в свою с бабушкой комнату, где было и теплей, чем в зале, и покойней, и можно будет послушать сказку, если бабушка в настроении.

Наталья Афанасьевна молилась перед иконою Божьей Матери, впервые не встав на колени; видно, боялась потом не подняться самостоятельно, а позвать на помощь кого-нибудь она себе не позволила бы. Конечно, Лиза прибежала бы мигом, но старая казачка и ей не хотела показывать своей немощи.

- Пошли бы на улку да погуляли,— сказала она, кончив молиться.— Такая благодать там, на улке-то! Будто и бури никакой ночью не было: тихо, тепло. Солнышко светит! Ступайте! А я че-то устала, полежу маленько.
- А сказку расскажешь, баба? Катя прижалась к ее ноге, обхватила руками. К другой ноге, глядя на сестру, приласкался Вася и тоже стал требовать сказку. Годовалый Николенька молчал.
 - Будет, будет вам сказка, только идите!

Дети с визгом бросились вон из комнаты, засуетились в поисках верхней одежки, захныкали от нетерпения, отчего отец вынужден был прикрикнуть на них со всей строгостью. Мать одевала Катю, Лиза обувала Васю. Видя, что Катя уже одета и ждет его, Вася стал нервничать и кричать:

- Где мое дволянское пальто?
- Какое, какое пальто? развеселилась Лиза.
- В котолом я во дволе гуляю...

И впрямь, день занимался теплый, солнечный, тихий. На голубом прозрачном небе — ни тучки, ни облачка, воздух был неподвижен и чист, как в колодце, куда на минуту заглянуло солнце, легкий морозец бодрил, и совсем не чувствовалось холода. На востоке, за Енисеем, в горах, покрытых густым лесом, снег лежал толстым слоем, а на западе, за Качей, на лысых сопках, обдуваемых всеми ветрами, его как бы и не было вовсе, лишь кое-где в березовых колках, прилепившись к комлям деревьев, запутавшись в будыльях пожухлой, жесткой, как щетина, травы, белели сирые комочки снега, похожие на отдыхающих гусей.

Суриковский двор тоже был подметен бурей до самой земли, но амбар, завозня, конюшня, баня оказались в сугробах снега, и до того плотного, что можно было по нему съехать вниз, как с катушки. Малыши придумали себе игру, стали барахтаться в снегу, хохотали и визжали от удовольствия. А Лиза тем временем лопатой отбрасывала снег от конюшни. Этого она могла бы и не делать — работник Андрей откопал двери и очистил подходы к ним,— стоять же без дела она не позволяла себе никогда.

Вышел из дома работник Андрей, одетый легко, в меховую безрукавку и шапку, ласково поздоровался с Лизой, посюсюкал с детьми, присев на корточки, после чего вывел из конюшни одноухого Карку — походить на воле. Старый жеребец, изрядно поседевший и почти слепой, высоко вскинул морду и тихо заржал, словно приветствуя холодное солнце.

Он ступал по обледенелой земле осторожно, нюхал воздух и, как бы собирая невидимые зерна, рассыпанные по снегу, быстро-быстро перебирал дряблыми губами. Вася завороженно смотрел на него, смотрел и вдруг побежал навстречу. Лиза обомлела.

- Куда? Вернись! закричала она, топнув ногой.
- Да не бойсь, барышня, Карка смирный,— улыбнулся Андрей и, подхватив мальчика, посадил его на спину жеребцу.— Ну, держись, казак! За гриву держись!

...Вечером, рассказывая бабушке о том, как Вася вершнем ездил на одноухом Карке, Лиза восхищалась не тем, как сидел мальчик на лошади и как повизгивал от счастья, а потом плакал, когда его ссадили на землю,— она с восторгом говорила о работнике Андрее: как он водил жеребца по двору, держась одной рукою за длинную гриву, а другой придерживая Васю за ногу, чтобы не скатился, да как при этом приплясывал, присвистывал, сыпал шутки-прибаутки, орал неприличные припевочки.

Слушая, Наталья Афанасьевна опять отдалилась, воротилась памятью своей в от-

таявший после долгой зимы Туруханск, когда пятнадцать лет назад она так же вот держалась за гриву Карки, а жеребец послушно шел рядом по левую руку. Тогда они оба были моложе, оба потеряли казака — наездника, хозяина, и им было грустно, теперь же обоим, как видно, друг друга не пережить.

Угомонить расшалившихся малышей в тот вечер Лизе не удалось. Перед сном они требовали от бабушки новую сказку, пришлось выдумывать, присочинять.

Неожиданно — давно уже такого не было в доме — зазвучала в зале гитара, несколько уверенных мелодичных аккордов, а затем полилась, потекла из тесного горла, как ручеек из ущелья, тягучая и грустная песня, с первых же слов бередившая душу:

> То не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит — То мое сердечко стонет, Как осенний лист дрожит.

Извела меня кручина, Подколодная змея!.. Догорай, гори, моя лучина,— Догорю с тобой и я!

Пел отец. Это его любимая песня. В праздники, на вечеринках в Дворянском собрании, в гостях или просто так, под настроение, он брал гитару и пел. И всегда начинал с этой песни. Голос у него высокий, приятный, с трогательной грустинкой, окрашенный легкой хрипотцой особенно тех музыкальных звуков, где острей ощущается тоска, где становится больно горлу от желания заплакать.

Бывший губернатор Копылов, объезжая обширный край, непременно брал с собой Сурикова в качестве чиновника походной канцелярии, и непременно с гитарой. Уже несколько раз ездил Иван Васильевич и с новым губернатором Падалкой: в Енисейск, в Канский и Минусинский округа. Потом вдруг Иван Васильевич перестал петь даже дома, не говоря уж о том, чтобы пением ублажать гостей. И вот снова запел...

Не житье мне здесь без милой: С кем теперь идти к венцу? Знать, судил мне рок с могилой Обручиться, молодцу...

Дети, любившие, замерев, слушать, как поет отец, поспрыгивали с кровати и убежали. Только Лиза осталась с бабушкой — ей и отсюда слышно. А впрочем, она знала — рядом с отцом сидит мачеха, и ей, Лизе, лишний раз не хочется мелькать перед ее глазами. Она сидела в ногах у бабушки, обхватив голые коленки руками, и слушала, и слезы ручьями текли по щекам.

Песня тронула душу и старой казачки, но слез у нее не было; вздохнув, она попросила Лизу приблизиться, поцеловала в лоб и с жалостью произнесла:

— Душа-то у него как тоскует, чуешь, внученька? Лиза кивнула.

- Пелагеюшку, матерь твою родимую, никак не может забыть, по сю пору любит покойницу, я-то знаю!
- А какая она была, моя маменька? оживилась Лиза и прилегла рядом с бабушкой.— Ведь я ее совсем-совсем не помню!
- Оно и не мудрено, что не помнишь: тебе и двух лет не было, когда она померла. В три дня горячкой сгорела, сердешная! Совсем еще молодая в двадцать пять годочков Господь забрал ее к себе. Царство ей небесное! На Всехсвятском кладбище и погребена. Теперь хоронят у Троицкой церкви, за речкой Качей. А Всехсвятское-то,

говорят, переносить будут, прах усопших шевелить, прости им, Господи, их прегрешения!

- Я на маменьку похожа или на папеньку?
- Больше на маменьку. А иной раз глянешь и на папеньку смахивашь. Подбородок-те и вовсе папенькин!
 - Красивая была маменька?
- Красива, ничё не скажешь. Привлекательна! Хороша собой! А певунья и плясунья таких и не сыщешь ноне! Иван Васильич как увидал ее, так сразу и полюбил. Веселого нрава была девушка! И тоже рода торгошинского.
 - Торгошинского?! Значит, маменька покойная с... этой родственники?
- Суриковы с Торгошиными издавна породнились, еще когда Красноярска не было. А потом вместе строили острог, свадьбы гуляли: у Торгошиных-то все девки рождались, а у Суриковых робяты. И так все перероднились в той станице, что и не разберешь, кто от кого пошел. Торгошины купцы богатенькие, и казаки считали за честь взять из тех семей девушку в жены.

«Так вот отчего папенька так неласков ко мне и мрачнеет, когда ему хочется меня приласкать! — догадалась Лиза.— Он до сих пор любит маменьку, царство ей небесное, а я на нее похожа, значит, и меня любит. Славный мой, хороший, дорогой ты мой папенька! И я тебя люблю. Очень, очень!»

И от нахлынувших чувств нежности к отцу, от его голоса, окрашенного тоской с последним, жалобно дрожащим аккордом гитары, Лиза сладко заплакала.

- Чё ты, чё ты, внученька? Чё с тобой? Разбередила я твою душеньку! Ну, поплачь. Поплачь, милая...— Наталья Афанасьевна тоже растрогалась, и у нее проканула слеза.— Нам, казачкам, обязательно поплакать надо,— сказала она,— слезыньки душу смягчают, унимают боль. И от горя мы плачем, и от радости. Только мужчинам слез не показывай не любят они этого. Перед свадьбой-то ох и поплакала я! И хоть бы кто видел? Никто!
- А как все это происходит, бабуленька: сватанье, свадьба, венчанье?.. Жутко интересно! Слезы у Лизы высохли, душа отмякла и успокоилась. Хотелось узнать, какое оно бывает, счастье.

Лиза была уже в той девичьей поре, когда эти вопросы волновали ее воображение, ей хотелось узнать о таинстве священного брака, но говорить о том с мачехой она стеснялась.

- Когда приходят сватать,— начала Наталья Афанасьевна,— такое вот заведение есть: хлеб, сало, вино ставят на стол. А перво-наперво сваху присылают, а потом уж смотренье делают. Родители невесты назначают жениху плату, размер выкупа. Ежели невесте жених не глянется сказать нельзя, не скажут, а запрос запросят большой, он и отступится.
 - А если глянется?
- Тогда посылают за женихом, выговор выговаривают невеста просит с него подарки: отцу, к примеру, сапоги, сестре кокетку. Высватают ее, запой делают, у невесты гуляют пропивают, а после сговора невеста невестит, девишник устраивает: сидит невеста за столом, а жениховы друзья деньги дают. Сестрам деньги дают, подругам. Дары дарят, чтобы не отказалась, а ежели отказалась с нее берут. Девки и робяты вечерку играют, всяки песни поют...
 - А потом?..
- Само собой венчанье. Вечером перед венчаньем невесту в баню ведут. А в бане девки мылами кидаются: ежели попадешь, то замуж выйдешь... Утром, как в церкву идти, заходят друзья и подружки невесты. На стол ставят три закуски, обязательно три закуски надо! После венчанья весь свадебный поезд едет в дом жениха, а хрестный к его невесте по постель. Ну, а девки-то там уж рядятся, выкуп просят.

Ну, даст он им какой рублишко... А на свадьбе обязательно три жарка положено: поросеночек, гусь и жаркое — скотско мясо, тоже по разности подают... Но обязательно три жарка!..

Истончась на последней ноте, улетев высоко, стихла песня, отзвенел в воздухе звук тонкой струны — и дом на секунду замер, очарованный, охваченный тихой грустью. Потом послышались голоса — очевидно, дети просили отца спеть еще, к ним присоединился голос матери и, кажется, Дуняшкин; Иван Васильевич, однако, всем отказал, повесил гитару. Такой уж он человек: если сказал «нет» — никто не уговорит его, упрямца.

«Ну, все,— подумала Лиза,— сейчас взбегут Катя с Васей и станут канючить, чтобы бабушка рассказала им сказку...»

Наталья Афанасьевна Сурикова умерла 20 мая 1852 года. Так все и произошло, как предсказал блаженный Феодор Кузьмич в тот заснеженный октябрьский вечер, святой образ которого одна только она, старая казачка, и увидела через окно. Старец был в длинной белой рубахе, перехваченной в талии пояском,— точно такой же, каким она узнала его еще раньше, на богомолье. Он сказал ей: «Зиму переживешь!» — и этой зимы хватило, чтобы достойно подготовиться к смерти. Она умерла в день памяти святого Фалалея — врача Алексия, митрополита московского. Накануне исповедалась и причастилась.

День был сухой, знойный — сущий летний день; от пылающих на горах за Енисеем лесов над городом стояла удушливая мгла, в воздухе растворилась черная изгарь; через серую пелену солнце смотрелось зловещим красным шаром. К двум часам по полудни мгла и изгарь сгустели, стало трудно дышать. Между тем, и по всему было видно, где-то далеко, за Куйсумскими горами, прошел обильный дождь — тянуло влажностью. Только к вечеру воздух в городе посвежел, сделался прозрачней, однако запах горелого леса был неистребим. Засуха превратила землю в пыль, и эта тончайшая кисея, гонимая слабым ветром, вместе с изгарью стлалась над Енисеем. С наступлением темноты за рекой все эти «палы», зажигаемые крестьянами и станичными казаками, походили на праздничную иллюминацию.

Как правило, в апреле и мае губерния страдает без дождей: брошенное в землю зерно замирает, лежит сухим в горячей пыли, а после, в июне и июле, нарождается на обгорелой земле кобылка — страшный бич посевов. А причина одна — бессмысленные «палы» лесов и кустарников, выжигание на полях сорной травы. Как отмечают умные люди, «палы» в эти месяцы делают атмосферу сухой, горючей, безжизненной, они не допускают собраться в воздухе влаге, отгоняя дожди. Подгородные крестьяне и станичные казаки на этот счет имеют свое суждение: «С незапамятных лет палим леса, но и доселе не выпалим!» Безумцы! Они полагают, что очищают места для хлебопашества. Но это только предлог. Горит чаще всего там, где никогда не будет полей, например, вершины гор и ребра ущелий, или же на таком расстоянии от жилья (на несколько дней пути), где заведомо уже не появятся хлебопашцы.

И вот в такой памятный день, называемый в народе «Фалалей-тепловей» или «Фалалей-огуречник», в день, когда завершается высадка в грунт рассады овощных культур, в том числе огурцов, Наталья Афанасьевна скончалась. В последние минуты, перед тем как удалиться в вечность, будучи еще в сознании, она пожалела, что не проследила, как идет высадка рассады. Ее успокоили, все, мол, в порядке, и она хотела перекреститься, но руку ко лбу не донесла. В воздухе стояла изгарь, даже в доме при закрытых окнах нечем было дышать, старуха задыхалась,— и вдруг дыхание пресеклось. Сделав усилие, она шагнула за порог между жизнью и смертью с облегчением, которого так долго вымаливала у Господа.

Для Лизы это было так страшно и так неожиданно просто, что она не выдержала,

зарыдала в голос, когда увидела, как бабушка испустила дух и голова ее скатилась с подушки. Глядя на нее, заревела и Катя, а Вася нахмурился и смотрел на них исподлобья, как бы осуждая. Он не понимал, что происходит вокруг; ему казалось, что бабушка просто заснула, а эти дуры почему-то взяли и разревелись. Одним словом,—девчонки! И отец с матерью отчего-то поникли, и у обоих на глазах блестят слезы. Вот бабушка маленько поспит и откроет глаза, тогда все успокоятся, и он, Вася, подразнит сестриц по-уличному: «плакса-вакса...».

На похороны собралась вся родня: Торгошины, Суриковы, Черкасовы. Пришли два брата Натальи Афанасьевны — отставной урядник Александр и отставной фельдфебель Иван с женою Анфисой. Пришла Гликерия с мужем Антонином Вонгродзким, секретарем Енисейского земского суда. Пришла Ольга Матвеевна Дурандина, в девичестве Торгошина, высокая сероглазая казачка, бездетная вдова, крестная мать маленького Васи. Были и тетки, и дядья, и чиновники, и соседи, и военные, и казаки, не было только младшего сына покойной — Марка Васильевича, командующего пятой казачьей сотней, который, как ни поверни, все равно не смог бы прибыть на похороны из своей забытой Богом Таштыпской станицы, прижавшейся к каменному хребту Кузнецкого Алатау.

Как положено, отпели покойницу в Покровской церкви на третий день после смерти и справили третины. После богатого приношения церкви душа умершей должна получить облегчение в скорби, каковая бывает от разлучения с телом, и вознестись на небеса для поклонения Богу.

За поминочным столом, который пришлось накрывать три раза, поскольку всех сразу не вмещал, велись тихие разговоры в память усопшей: какая это была славная казачка, Наталья Афанасьевна, да только вот счастья ей Господь поскупился дать полной мерой ни с мужем, ни с детьми. В пятьдесят два года осталась вдовой, потом потеряла и сына Ивана, сотника казачьего, а сколько было всяких других потерь — подсчитают на небесах. Вспомнили всю ее несладкую жизнь. Вели краткие поминальные речи, старухи вытирали платочками глаза, раскрасневшиеся мужчины после третьего стакана водки стали развязней и уже не могли говорить вполголоса. Когда становилось очень уж шумно, по чьей-то команде — и никто никогда не знает, по чьей,— одна партия поминальщиков сменяет другую. И так до тех пор, пока все желающие не выпьют по три стакана водки, не отведают кутьи, не съедят блин, не выпьют кружку ягодного киселя.

Отдельный стол накрывался во дворе — для бродяг и нищих. И любой прохожий мог войти и помянуть усопшую, помолиться перед вынесенным из дома образом Девы Марии.

Нищим, казалось, не будет конца; они приходили и уходили, приняв положенное, прихватив с собою закуску, иные предпочитали немного посидеть и поговорить; это были обычные подонки общества, сброшенные на дно суровой жизнью,— оборванные, грязные, завшивленные, полунагие, босые, убогие и калеки, молодые и старики, женщины и мужчины. Поминная закуска для них, конечно же, поплоше, однако водка, блины, кутья и кисель — с общего стола. И разговоры у них особенные — богобоязненные, благоговейные, умные; и если бы они не были одеты в рубища или если бы их послушать, закрыв глаза, то без сомнения можно было бы сказать, что сидят, беседуют грамотные, интеллигентные люди. И то верно, Сибирь полна нищенствующими разночинцами, бывшими дворянами, а ныне все они — либо варнак, либо «закаленный челдон», либо «челдон желтопупый», которые после переселения не сумели приспособиться к местным условиям жизни. А в основном это поселенцы, «белая котомочка», и часто не из простых смертных.

— Вот сейчас мы тут сидим, рабу Божию поминаем, а душа-то ее стоит перед Богом и поклоняется,— говорил оборванец с большой черной бородой, в которой отча-

янно жужжит, запутавшись, бестолковая муха.— И повелевает Он своим ангелам показать ей различные и приятные обители святых, красоту рая. И станет она рассматривать с удивлением все это шесть дней, прославляя Создателя. И забудет она скорбь свою по бренному телу, с которым разлучили ее... Значит, через шесть дней опять угощенье будет!

- Ну, угощенье-то не ахти, конечно,— сказал другой оборванец, помоложе, с реденькой бородой, похожий на татарина.— А могли бы и мясца подать, и пельмешек...
- Ишь ты какой, пельмешек ему подавай... Что взять с маленького чиновника? Вот если бы у богатого купчишки теща померла!..
 - Купцы все жадные, зимой снега не выпросишь.
- Что верно, то верно! Чернобородому надоело, видно, жужжание мухи, он ее осторожно выпутал из волос и отпустил, сказав: Лети, Божья тварь! Да не попадайся мне!
- Эх,— вздохнул сосед чернобородого, лысый, босый мужик с офицерской выправкой,— мне бы ваши заботы! Муху пожалел. Она ведь муха, ее и прихлопнуть не грех, а я человека убил. Че-ло-века! По молодости, по глупости. За что и каторгу отбыл. Вот иду теперь в Иркутск на поклонение мощам святого Иннокентия, кормлюсь тем, что кто подаст. А потом домой, в Ростов. Хочу на праздник попасть.
 - А что за праздник у вас там, в Ростове?
- Как? Вы не знаете, какой праздник? Извольте-с! В этом году будет праздноваться столетие обретения мощей святого Димитрия Ростовского, в миру Даниила Савича Туптало, сторонника реформ Петра Великого, исследователя раскольничьих толков. Торжество будет проходить в храме Иоакима и Анны, где почивают мощи святого Димитрия.
 - Ох, и отъешься ты там, однако, дядя! ввернул молодой оборванец.
 - У голодной куме одно на уме...

И здесь вроде кто команду подал; побросав остатки пищи в свои холщевые котомки, нищие встали, помолились, а уж очередные, вытесняя их с доски, заменяющей скамью, занимали места. Дуняшка и три расторопные женщины, приданные ей в помощь, от усталости с ног валились, но и этот стол накрыли мгновенно, после чего наглухо заперли ворота. Этакую поспешность в деле объяснили просто:

— Эвон сколь нищих — тыщи, всех не напоишь, не накормишь! Мало того, что задарма жрут, они еще и воруют! Шесть блюдечков, девять ложечек, четыре стакана, семь кружек недосчитались! Одним словом, поселенец — что младенец: что видит, то и тащит!

Так прошли третины. В России установлены церковью поминальные дни покойника: третий, шестой, девятый, двадцатый и сороковой. Отсчет ведется с точной даты смерти, записанной в синодик. И все эти дни положено отмечать. «Бог не попустил ничему быть в церкви своей неблагопотребному и бесполезному, но устроил в ней небесные и земные таинства и повелел совершать их»,— говорится в уставе православного богослужения. Но в Сибири отмечают лишь третины, девятины и сороковины.

На девятый день — к девятинам, когда в продолжение шести дней душа Натальи Афанасьевны созерцала радости праведных, а потом вознесли ее ангелы снова на поклонение Богу,— неожиданно приехал в Красноярск зауряд-хорунжий Марк Суриков. Все-таки вызвал его полковой атаман Александр Степанович личной депешей — не на похороны, а раньше, когда старуха еще была жива,— чтобы сын простился с матерью. Но то ли почта по дороге застряла, то ли еще какая задержка случилась, только Марк не поспел даже на похороны.

На девятины сошлись только самые близкие покойной. Марк приехал как раз вовремя.

— Как только я получил депешу, так сразу и выехал, назначил за себя командо-

вать сотней старшего урядника Тита Чанчикова, — рассказывал он. — До Минусинска скакал, чуть лошадей не запалил, оставил их у князя Кострова. От Минусинска до Усть-Абаканска сам князь доставил меня в своем экипаже. Там пришлось ждать, по-ка сплотят плот люди купца Ананьина. Енисей-батюшка домчал меня до Красноярска, да вот... не успел я!

На кладбище он встал на колени перед могилой, перекрестился и заплакал.

— Прости меня, матушка родимая, что не смог проводить тебя в последний твой путь!..

Потом он долго кашлял, катаясь по земле. И когда наконец успокоился, встал, отряхнулся, вид его был жалок: лицо сухое, бледное, с синюшным оттенком, щеки ввалились, карие глаза болезненно блестели. «Как он постарел, несчастный мальчик!» — подумала Прасковья, разглядывая деверя. И вправду, за этот год Марк сильно изменился и в свои двадцать три года выглядел на все тридцать: в черных усах и на висках просверкивала на солнце ранняя седина, под глазами набухли серые мешки, на высоком лбу просеклись темные морщины.

— Ничего, брат, ничего, крепись,— неопределенно пробормотал Иван Васильевич, наливая в стаканы водку. Прасковья вынула из корзинки закуску: соленые огурцы, блины, кутью в чашечке и кисель в бутылке, несколько ломтей черного хлеба.

Братья выпили, пожелав покойной матери царства небесного, Прасковья лишь помочила губы. Остатки вылили на могильный холмик, на котором уже начала пробиваться трава. Прасковья достала блюдечко, положила в него ложку кутьи и три блина, поскольку Бог троицу любит, и пристроила его под крестом на разровненном ею пятачке земли. Иван Васильевич поставил рядом стакан с водкой, сверху накрыл куском хлеба,— это чтобы душа покойницы, которая все еще витает где-то рядом, видела, что ее помнят, и чтобы какой-нибудь бродяга выпил бы за помин этой души.

От спиртного Марк ожил, повеселел и стал рассказывать, как ему хорошо там, в Таштыпе, служится, и он бесконечно благодарен дядюшке Александру Степановичу, пославшему его туда. Рассказывая, он то и дело повторял: «у нас в Таштыпе», или «а у нас в Таштыпе», как если бы там родился, вырос и вот после долгой разлуки воротился назад.

- У нас в Таштыпе великолепная кедровая тайга,— мечтательно говорил Марк, отщипывая от блина маленькие кусочки и бросая их в рот.— Заготавливаем орехи, масло сбиваем дело выгодное и для нашей сотни, и для полковой казны. Нынче пойдем на Саяны к пограничному знаку, и товар с собою берем на продажу иноземцам. Любят они наше масло. А в кедрачах в изобилии белка, изюбр, косуля и другие звери, есть и боровая дичь. Можно и капитал нажить. Только не ленись.
- Ну, а со здоровьем-то у тебя как? поинтересовался Иван Васильевич, обеспокоенный худобой брата, его тяжелым, изнуряющим кашлем.
- А что здоровье! Вот выпью и вроде как полегчает. У нас в Таштыпе один только воздух чего стоит! Там почему-то мне легче дышится.
 - Живешь-то как?
- Хорошо живу, весело. С казаками лажу, татары меня любят. Ни в чем не стеснен пока. Первое время скучно было, а сейчас привык. Так что, на жизнь я не жалуюсь, брат!
 - И татарочки, поди, там есть славные? вставила Прасковья.
 - Есть, конечно, засмущался Марк.
 - А станица-то большая?
- Как вам сказать? Таштып это казачий форпост, а станицей он стал именоваться совсем недавно...

Для Ивана Васильевича это сообщение не было новостью: в Казенную палату пришла бумага из Иркутска, и он, коллежский регистратор, одним из первых с нею

ознакомился. Приказом генерал-губернатора Восточной Сибири, говорилось в той бумаге, бывшие казачьи форпосты станичных казаков Шадатский и Кибежский переименованы в казачьи станицы Каратузскую и Суетукскую. Документ подписан генерал-лейтенантом Н. Н. Муравьевым 23 марта 1852 года. А тремя днями позже другая бумага предписывала: бывшие казачьи форпосты станичных казаков Таштыпский и Саянский впредь именовать казачьими станицами Таштыпской и Саянской. Реформирование Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев начал с укрупнения и усиления казачьих полков «на случай могущих встретиться при занятии Амура надобностей». На Амур же были выведены губернские пехотные батальоны.

Еще в прошлом году, по получении в Сибири Положения об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках, утвержденного 4 января, муравьевская реформа действовала уже вовсю. Для усиления, например, Енисейского казачьего полка были опрошены крестьяне «заранее намеченных местностей, не пожелают ли они перечислиться из государственных крестьян в казаки». После некоторого колебания деревни Дрокина, Торгошина, Базаиха, Мининская, Бугачевская, Солонцы, Еловка, расположенные в Красноярском округе, изъявили свое согласие и были перечислены в военное ведомство — в Енисейское казачье войско, управление которым сосредоточено было в городе Красноярске. Здесь же располагалась и первая сотня полка. В казаки была также обращена и часть городских мещан. Красноярская станица имела в своем составе 160 дворов с населением 379 душ мужского и 270 душ женского пола...

- За четыре года управления Восточной Сибирью генерал-губернатор Муравьев сделал немало,— сказал Марк.
- Да, размахнулся наш генерал-губернатор! прибавил Иван Васильевич.— Умная голова! Это же надо тихо, мирно и мещан в казаки! А крестьянам, понятное дело, было не по вкусу, но ведь согласились же! Гениальная голова!

И дома за столом во время поминовения, выпив водки, Марк опять плакал и говорил, что без матушки он вовсе теперь сирота, и что сам он долго, наверное, не протянет: один татарский шаман посмотрел на него и сказал, что жить ему осталось четыре года.

- Вздор! Все вздор! вспыхнул Иван Васильевич.— Ни один шаман и никакая гадалка не могут знать, сколько лет жизни нам Богом отпущено! И думать об этом, дурак, не смей, понял?
- Прости, брат! Марк вытер слезы, улыбнулся, пряча глаза. В Красноярске Марк пробыл три дня. И все эти дни дети не отходили от него ни на шаг, прося дядю то почитать книжку, то покачать на ноге, то покатать на жеребце Карке.

Только Лиза оставалась грустна и смотрела на их ребяческие шалости со стороны печальными глазами. Потеряв бабушку, видно, и она, как дядя Марк, еще сильнее почувствовала себя одинокой.

Катя и Вася своими играми, капризами, шалостями, на которые была так богата их детская фантазия, немного отвлекли Марка от грустных мыслей, и он попрежнему шутил, даже бывал остроумен. Однако Прасковья, отвыкшая от его грубоватых острот, чаще всего обижалась и как-то даже оскорбилась, когда деверь назвал ее потомком Чингисхана.

- Да чё ж ты, батюшко Марко Василич, выдумывашь-то? сердито выговорила она ему свое несогласие.— Пошто ж это мы от нехристей-то, всяких там немытых туземцев произошли? Такого не может быть!
- Я и не говорю от нехристей, а все же... непременно чужая кровь примешалась. Вот матушка сказывала...
 - Не надо покойницу поминать всуе, душа ее еще над нами летат, все слышит.
 Марк умолк, замкнулся в себе и больше не заговаривал на эту тему.

Перед отъездом в свою сотню он еще раз побывал на кладбище, попрощался с

дорогой могилкой матери, потом сходил в полковую канцелярию: отметил командировочное предписание, получил новенькое офицерское обмундирование, выложив за него кругленькую сумму.

Новая форма казачьей одежды, утвержденная Положением 1851 года, очень Марку понравилась, особенно чекмень с чешуйчатыми эполетами на плечах, пристегнутыми белой металлической пуговицей. Эти парадные эполеты с вензелем «Е.П.», красным просветом на серебряном поле и двумя звездочками сразу же казаки в шутку прозвали «ватрушками», они и впрямь походили на домашнюю сдобную булку.

Шитый из темно-зеленого сукна чекмень, с красным воротником и темнозелеными обшлагами, застегивающийся изнутри металлическими крючками, плотно облегал стройную фигуру молодого офицера и даже по длине оказался впору недоставал до колен ровно пять вершков, как и указано в Положении... Чекмень был снабжен двумя патронниками на груди, слева и справа, по типу кавказских газырей; черные, бархатные, с внутренними карманами, они обложены были вокруг широкой серебряной тесьмой; втулки газырей выточены из карельской березы, с высеребренными головками, на восемь патронов каждая. Вместо обычного казацкого ремня из черной кожи тонкую талию Марка обхватывал пояс из серебряной тесьмы, подшитый черным сафьяном, с серебряными же — двойной и малой — пряжками, наконечником и гайкой, а через плечо перекинута портупея, и тоже из серебряной тесьмы, без просвета, и также подбитая черным сафьяном.

Серого сукна шаровары, с кожаными стременами и красной выпушкой, заправлялись в блестящие хромовые сапоги с железными шпорами; сапоги хрустко поскрипывали, шпоры сочно позвякивали, издавая тонкий звон, и было видно, что Марку это нравилось. Обязательным приложением к сапогам выдавались и полусапожки, носимые с шароварами навыпуск.

К форме полагались черный шелковый галстух, белые замшевые перчатки, обыкновенный кавалерийский темляк, чушка для вкладывания пистолета, сшитая из черного сафьяна, с двумя ушками, со строчкой по краям, и сам пистолет — огнестрельное оружие, употребляемое в кавалерии; чушка с пистолетом крепится слева на поясе, там же, где и казачья шашка.

Оглядев себя в зеркало, хорошо ли подогнаны чекмень и шаровары, Марк похвалил Прасковью и Лизу, что постарались на славу, и стал примерять шинель.

Офицерского покроя шинель, серого сукна, с таковым же серым воротником и красными на нем клапанами, застегивалась на белые гладкие металлические пуговицы, ярко блестевшие на солнце. Марк подвигал плечами, сделал руками движения, будто машет шашкой,— нет, не стесняет, не сковывает шинель,— и остался доволен. Надев шапку и чуть сдвинув ее к правой брови, он придирчиво всмотрелся в зеркало, в собственное отображение. Шапка тоже была особенная: из красного сукна, верх круглый, стеганый на вате, обложен вокруг широкой серебряной тесьмой и переложен четырьмя полосами узкой — серебряной же — тесьмы. Околыш казацкой шапки — из черной мерлушки, подбородник — из черного кожаного ремня.

Сняв шинель и шапку, Марк примерил фуражку. Сшитая из темно-зеленого сукна, с красным околышем и красной выпушкой поверху, с черным блестящим козырьком, она сидела на голове плотно и немного сдавливала надбровные дуги,— ну да ничего, обносится.

Похрустывая сапогами, Марк прошелся по комнате, испытывая некоторую неловкость от еще необмятого обмундирования, и, придерживая шашку, сделал несколько строевых приемов — четко, по-уставному, повернулся через левое плечо, пристукнул каблуками, отозвавшимися мелодичным звоном шпор, и, печатая шаг, направился к выходу.

— Чисто генерал! — похвалила Прасковья.

— Это вам не голубые мундиры жандармов! Не полиция со стоячим красным воротником! Казачья форма — лучшая из всех! Это вам не солдат — кислая амуниция! — прихвастнул Марк, а про себя тоскливо подумал: вот посмотрела бы на него сейчас родимая матушка!..

Уезжая, он попрощался с каждым домочадцем в отдельности: обнял брата, поцеловал в щечку его жену, поцеловал протянутую руку Лизе, отчего она смутилась и покраснела, взял на руки Катю и пощекотал ее усами. Васю он отыскал наверху, в комнате постояльцев: тот сидел на полу и что-то рисовал на клочке серой бумаги. Марк опустился рядом на корточки и в неумелом детском рисунке сразу узнал то, что отдаленно напоминало скачущего коня, а на нем казака с пикой в одной руке и саблей в другой. И этот рисунок, и это поведение мальчика, уединившегося в своем творческом порыве, растрогали Марка до слез. Он сгреб Васю в охапку и, задыхаясь от волнения, от болезненной стесненности в груди, от любви к этому теплому родному существу, дрожащим голосом произнес:

- Рисуй, рисуй, милый ты мой казачок! В другой раз я тебе карандаши и бумагу привезу.
- Дядя, это я тебе нарисовал. На память,— сказал мальчик, польщенный похвалой. Он уже говорил чисто, не присусыкивал, как, бывало, посмеивалась над ним Лиза, поддразнивая: «зелебенок с колокольцыком!» Но вот оканье, на которое раньше никто не обращал внимания, осталось как отголосок далекого-далекого родства с первыми завоевателями Сибири.— А ты когда приедешь, дядя? спросил он, обнимая Марка.
 - Не знаю, Вася, но я напишу тебе письмо...
 - Я еще читать не умею.
 - Научишься. Лиза тебя научит, она грамотная.
 - А когда бабушка вернется?

Марк опешил.

- Она не вернется, Вася, она умерла.
- Совсем-совсем?
- Совсем-совсем. Тело ее закопали в землю, а душа осталась; она с Богом сейчас разговаривает. Вот они поговорят, и Бог решит, куда бабушкину душу отправить в ад или в рай.
- Рай это на небе, я знаю, туда все хотят, там сады, реки и всегда лето! Там все святые собрались и живут припеваючи...
- В сороковой день Божий судия и определит ей место в раю. Там хорошо ей будет, Вася!..

Сороковины отметили еще более тесным семейным кругом. Сходили на кладбище, возложили на могилку цветы, посидели, помолились и воротились домой, к уже накрытому столу. На этот раз Прасковья брала с собою и Катю с Васей, и они, как обещали матери, взбираясь на высокую Троицкую гору, не хныкали, не канючили и не просились на руки, если уставали. Обратный путь был не менее труден, потому что следовало постоянно сдерживать ноги, чтобы не разбежались под уклон. От такой ходьбы малыши пожаловались на истомную боль в коленках. Прасковья пожалела Васю и решилась было подхватить его на руки, но Иван Васильевич строго на нее прикрикнул:

— Это еще что такое? Пусть идет, не маленький уже! Казак должен все терпеть, а он — казак! Хватит, наездился на материной шее!

Прасковья взяла детей за руки и, чтобы отвлечь их, чтобы не стали они хныкать, рассказала, как она с Лизой ранним утром была в церкви; они выстояли на ногах всю литургию и не устали, поставили по свечечке на помин души усопшей бабушки, сладко помолились, ибо сегодня — в сороковой день после смерти — бабушкина душа опять вознеслась на поклонение Богу.

- А где она была раньше? спросила Катя.
- В раю, вот где! сказал Вася и прибавил.— Мне дядя Марко сказывал, что Боженька бабушкину душу в рай отправит.

Прасковья рассмеялась и поправила сына:

- Не так, Васенька, все это!.. Лишь сегодня Судия определит приличное по ее делам место пребывания. Должно быть, к вечеру только. А перед тем, как вознестись к Богу, душа тридцать дней по велению владыки блуждала по аду, смотрела, как души грешников мучаются, рыдают и скрежещут зубами, и сама трепетала от страха быть осужденной так же вот мучиться.
 - Боженька может сделать так, чтоб душа не мучилась?
- А для этого надо вести жизнь праведную и каждый день молиться, сынок. Ты знаешь, что такое молитва?
- Это Божья песня, которую читают и поют, чтобы попасть в рай... А бабушка, я видел, всегда молилась и жила праведно.
- Ответ довольно остроумен,— с улыбкой заметил Иван Васильевич и потом всем рассказывал, как его сын понимает учение церкви.

И в этот последний день июня стелилась над городом плотная кисея, сотканная из дыма и изгари пылающих за Енисеем лесов. С Троицкой горы хорошо просматривались далекие заречные просторы, одни лишь макушки синих гор, с которых стекают сизоватые ручейки дымов, а каменный перст скалы Такмак или, как его называют подгородные крестьяне, Базайский Камень, еле виден даже отсюда. Спустившись ниже, к мосту через Качу, нельзя было уже ничего увидеть: дым покрыл весь горизонт, светит багровое солнце, в воздухе густая мгла. Дышать стало труднее. Все вокруг точно замерло. Жители города позакрывались в домах, даже окна захлопнули в этакую жару. Все с нетерпением и надеждой ждут, когда подует с Долгой гривы ветер и разгонит мглу или пойдет спасительный дождь. Но ни дождя, ни ветра вот уже несколько дней подряд — словно кара Всевышнего за неизвестно какие грехи красноярцев.

- Прямо наказанье Господне! вырвалось у Прасковьи, и Вася тут же подхватил:
- А я знаю про наказанье Господне, мне бабушка говорила. Она говорила, что Бог это очень старенький добрый дедушка, он еще и лысый, как на иконе, и бывает строгий-строгий! Если я не буду носить крестик на шее, то в первую же грозу он меня покарает, как покарал тетю Фросю из Дрокинской деревни ее громом убило. А тетя Дуня сказала это наказанье Господне за то, что тетя Фрося много грешила и потеряла свой крестик...
- Ну, ты у нас не иначе философом станешь! насмешливо сказал отец. Рассуждаешь, как батюшка с амвона!
- Никакого худа я в том не вижу, если Васенька священником станет, как вырастет, вставила мать.

К поминальному столу подоспели и гости: полковой атаман Александр Степанович и его адъютант зауряд-сотник Василий Матвеевич Суриков в темно-зеленом мундире с аксельбантами. На обоих вместо эполет были погоны, причем у Александра Степановича, имеющего штаб-офицерский чин, приравненный к чину майора с 1754 года, на погонах было по два красных просвета и по три звездочки. По новому Положению, он теперь носил казачье звание войскового старшины, а недавно получил орден святой Анны за многолетнюю и непорочную службу и впервые пристегнул его к своему мундиру.

— Теперь вот нужно внести в Капитул пятьдесят рублей — весьма чувствительный расход, — беззлобно ворчал он, пока хозяева дома и их дети рассматривали орден. — И за повышение в чине тоже, поди, платить надобно: Казенная палата строго следит за этим. Ты, Ваня, там служишь — знаешь: за все надо платить! Сам, поди,

половину жалованья отдал, когда тебя в чин коллежского регистратора произвели, верно? — Иван Васильевич кивнул.— А когда я получил звание сотника, что равносильно чину четырнадцатого класса, то есть коллежского регистратора, а это было в одна тысяча восемьсот двадцать пятом году, то с моего жалованья удержали сорок шесть рублей и одиннадцать копеек. Через четыре года я стал полковым атаманом — стало быть, чиновником десятого класса — коллежским секретарем,— то удержали уже пятьдесят шесть рублей и тридцать восемь с половиной копеек. Для чиновника среднего достатка по тем временам сумма внушительная. А ныне Капитул вздул цены в три раза. Непостижимо! Но ничего, ничего, скоро со всем этим будет покончено.

- Что вы имеете в виду, дядюшка? спросил Иван Васильевич, наливая в стаканы водку — ему, Василию Матвеевичу, себе.— Не помирать ли собрались?..
- Помирать не помирать, а с этим делом еще подождем, хотя здоровье мое совсем никудышное: плохо ноги ходят, и зрение ослабло ни читать, ни писать не могу. Все бумаги за меня адъютант пишет, а я лишь расписываюсь.
- Ну и что? Василию, наверное, это не в тягость! На то он и адъютант командующего полком! Верно, господин сотник?

Приученный не лезть «поперед батьки в пекло», Василий Матвеевич скромно промолчал, но головой кивнул.

В отличие от дядюшки, про которого покойница Наталья Афанасьевна в шутку, бывало, говаривала: «черен, как голенище»,— Василий Матвеевич был посветлей лицом, но такой же смуглый до синевы, с черными, как вороново крыло, усами. Лицо Александра Степановича, быть может, стало черней оттого, что голова его и усы были белыми. Поседел он как-то сразу, в последние несколько месяцев, и через какие переживания — никто не знает. А может, просто от старости! К примеру, Наталья Афанасьевна седеть начала с того случая, когда ей пригрезился блаженный старец Феодор Кузьмич, а за какие-нибудь три месяца до смерти и вовсе побелела. Значит, и Александр Степанович знает, когда ему помереть?..

Иван Васильевич заглянул в темные, некогда блестящие, а ныне выцветшие, как истлевший бархат, глаза дядюшки и тоскливо подумал: «Наверно, и впрямь знает...»

Александр Степанович поднял свой стакан и глуховатым, тоже как бы истлевшим, голосом произнес:

— Что ж, помянем старую казачку, рабу Божию Наталью, царство ей небесное! — И выпил залпом.

Особым богатством закусок стол на сей раз не славился. И на то были свои причины. Дуняшку хозяйка отпустила в деревню, у них там вовсю идет сенокос, а сама почти ничего не успела сделать. Правда, вместе с Лизой они сварили кутью, кисель, напекли блинов,— то, что и полагается для поминовения. А под водку, как говорится, «хороша закуска — капустка: на столе много, и съедят — не жалко!» Помимо квашеной капусты, приправленной мелко порезанным лучком и растительным маслом, были тут и соленые огурчики, и ядреные сочные груздочки, и клюква моченая, и даже пропастинка — туземным способом вяленое оленье мясо, считавшееся деликатесом в богатых домах Красноярска, Енисейска и Канска. Кусок пропастинки — фунтов примерно в пять-шесть — привез из Туруханска сам Иван Васильевич, бывши там вместе с губернатором Падалкой во время объезда края в прошлое лето. Мясо ели помалу, и то по праздникам, осталось и для такого случая...

Закусивши хрустким груздочком, Александр Степанович подцепил вилкой ломтик пропастинки, долго жевал, наконец проглотил и сказал с сожалением:

- Вкусно мясцо, да не по зубам старику!
- Жестковато олень, поди, старый попался,— высказала предположение Прасковья.— Вот и покойница-матушка, живая еще была, так сказала: «Жестко мясо, не

по зубам!..» Так и померла, не попробовавши. А ведь Иван Васильич для нее расстарался! Как память, говорил, о ее прошлой жизни в Туруханске.

— Нет, мясо как мясо, и вкусно,— возразил Василий Матвеевич, кладя в рот очередной ломтик пропастинки, пряно пахнущий дымком, солнцем и северными травами.

Выпили по второму и по третьему стакану, причем каждый раз Прасковья лишь мочила губы; она и на собственной-то свадьбе не пила, а так же вот мочила губы в шампанском. Лизе, почти что уже невесте, тоже наливали. Но и она не пила, говорила: «Вино — дьяволово зелье, яд!», но стакан к губам подносила и, не помочив губ, ставила на стол.

Мужчины повеселели, разговорились, и Александр Степанович, вытирая вспотевший лоб, шею, слезящиеся глаза, повел речь о том, что и его жизнь кончается, что служить он больше не может по причине предельного возраста, установленного государем императором в войсках, после которого офицер перестает быть полезным, и его удаляют в отставку.

- Предельный возраст у нас в России таков: для капитанов и есаулов пятьдесят пять лет, для подполковников и войсковых старшин шестьдесят. До предельного возраста мне остается два года, но я уже сегодня смертельно устал и не могу должным образом относить походную службу. Я подал прошение на имя генералгубернатора и командующего войсками генерал-лейтенанта Муравьева. Думаю, Николай Николаевич войдет в мое положение.
 - А кто же заменит вас, дядюшка?
 - Свято место пусто не бывает, кого-нибудь пришлют.
- Прислать-то пришлют, но кого? Попадется какой-нибудь сатрап жестокий, злой человек, и начнет он бедных казаков палками потчевать, забивать насмерть. Как подумаю мороз по коже!
- А тебе-то, статскому, чего бояться, Иван? пожал плечами Василий Матвеевич, при этом изобразив на лице удивление.

Иван Васильевич скользнул взглядом по его гладкому, до синевы бритому лицу, по его безукоризненно отутюженному мундиру с витыми серебряными аксельбантами и, не скрывая раздражения, воскликнул:

- Как это чего? У меня два казака растут! Да еще, может быть, сыновья будут, и я не хотел бы видеть их битыми! С нашим-то суриковским характером, сам знаешь, брат, палок не избежать, гауптвахты не миновать.
- Ох, Господи,— вздохнула Прасковья. И зашептала, крестясь: Преславная Приснодева, Мати Христа Бога, принеси нашу молитву Сыну Твоему и Богу нашему, да спасет Тобою души наши...
- Уж на гауптвахте-то мы и при дядюшке насиделись довольно,— рассмеялся Василий Матвеевич,— пока в офицеры не вышли. А сейчас вроде как неудобно держать нас в кутузке вместе с рядовыми казаками, так дядюшка придумал назначать провинившихся караульными начальниками на гауптвахту, и причем на свой счет.
- Это не я придумал,— возразил Александр Степанович,— я только злоупотреблял, чтобы не доводить до суда чести, старался избежать лишнего шума.
 - И сам, бывало, получал выговора...
- Ну, хватит об этом! День-то какой сороковины, а мы про службу языки чешем. Нехорошо, господа!

Василий Матвеевич опять изобразил на лице удивление:

— Прости нас, Господи, за греховные речи наши! — И плеснул из графинчика понемногу водки мужчинам.— Помянем рабу Божию Наталью, царство ей небесное!

Хмель действовал на полкового адъютанта настолько возбуждающе, что это заметил его непосредственный начальник. Он что-то шепнул зауряд-сотнику на ухо, тот покивал головой и, как ни в чем не бывало, заговорил о детях Ивана Ва-

сильевича, мол, что-то не видно их и не слышно — не к тетке ли, Ольге Дурандиной, их отправили?

— Играют, поди, во дворе, где ж им быть-то? — ответила Прасковья и велела Лизе глянуть в окно.

Лиза подошла к одному окну, к другому, к третьему и, задержавшись, облокотившись на подоконник, стояла и смотрела, как резвятся дети. Им не было никакого дела до смерти бабушки и до традиционных сороковин.

Сухая мгла мало-помалу истаивала. Высоко-высоко стояло горячее солнце, без лучей, в сером дрожащем мареве, и, казалось, вот-вот погаснет.

Через месяц после похорон старой казачки Натальи Афанасьевны, вдали от России, а от Сибири еще дальше,— в местечке Манциано, в 30 милях от Рима,— скоропостижно скончался русский художник, автор «Последнего дня Помпеи» Карл Брюллов. Он страдал болезнью сердца. Поехал пользоваться тамошними минеральными водами и, как писали газеты, умер, «задушенный хлынувшей ему из сердца в горло кровью». Это был человек маленького роста — «Маленький творец», но в среде русских живописцев его называли Карлом Великим. Работал он весело, беззаботно, был строг к себе и нетерпелив. С утра 23 июня был на ногах, обедал, «как вдруг — припадок удушья, и часа через три испустил дух, в совершенной памяти...»

Эту скорбную весть газеты разнесли по всему миру. Красноярские обыватели узнали о ней на день-два раньше, чем получили газеты, вечно опаздывающие,— из переписки Петра Ивановича Кузнецова с одним из своих заграничных агентов по торговым делам.

А потом в Красноярске были получены и газеты. О кончине Брюллова говорилось в конце «Сообщения из-за границы», и совсем немного, зато целые страницы заполняли статьи, спокойно и обстоятельно рассуждающие о революционных событиях в Европе.

ઉજ્ઞાસ્ત્ર

Александр Матвеичев (г. Красноярск)

МОЯ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Александр Васильевич Матвеичев родился 9 января 1933 года в Татарстане, в деревне Букени Мамадышского района. С 1959 года живет в Красноярске. Окончил суворовское (1944—1951) и пехотное училища (1951—1953). Лейтенантом командовал пулеметным и стрелковым взводами в Китае и в Прибалтике. После демобилизации из армии в декабре 1955 года шесть лет учился в Казанском авиационном и Красноярском политехническом институтах (1956-1962). Диплом инженера-электромеханика.

В студенческие годы работал токарем-револьверщиком, разнорабочим, электриком, инженером-конструктором.

Пройдя все ступени инженерных должностей, карьеру завершил первым замом генерального директора — главным инженером НПО и директором предприятия. Депутат райсовета трех созывов. Баллотировался в Красноярский краевой совет.

В 70-х годах XX века более двух лет проектировал электроснабжение и автоматизацию цехов никелевого комбинате на Кубе; этот период жизни стал основой его крупного романа «El Infierno Rojo — Красный ад».

С 1993 года работал: журналистом в редакциях газет, переводчиком с английского и испанского языков с иностранными специалистами, помощником депутата Госдумы, а затем — Законодательного собрания Красноярского края. В 90-х годах избирался сопредседателем и председателем демократических общественных организаций: Красноярского народного фронта, Демократической России, Союза возрождения Сибири и Союза объединения Сибири. Входил в состав политсовета и исполкома Красноярского отделения партии «Демократический выбор России».

В настоящее время является президентом Английского клуба при Красноярской научной библиотеке и Почетным председателем «Кадетского собрания Красноярья».

Первые рассказы опубликовал в районной газете г. Вятские Поляны в 1959 году. Издал книги: «Сердце суворовца-кадета» (стихи, проза), «Вода из Большого ключа» (сборник рассказов), «ФЗА-ЕЗА. Прошлое. Настоящее. Будущее» (публицистика), «ЕІ Іпfierno Rojo — Красный ад» (роман), «Нет прекрасней любимой моей» (поэзия), «Кадетский крест — награда и судьба» (стихи, проза), «Признания в любви» (поэзия), «Благозвучие» (поэзия, проза), «Привет, любовь моя!..», «Три войны солдата и маршала» (проза), «Война всегда с нами» (проза). Его стихи, повести и рассказы постоянно публикуются в альманахах и антологиях, издаваемых в Красноярске.

Член Союза российских писателей. Первый заместитель Правления Красноярской региональной общественной организации «Писатели Сибири».

Лев Толстой

Год 1941-ый

Враг топчет мирные луга, Он сеет смерть над нашим краем...

Федор Кравченко

Солнечным июньским полднем по высокой пустынной дамбе, мощенной щербатыми булыжниками, купая босые ноги в горячей пыли обочины, возвращаюсь, поддергивая короткие штанишки, с утреннего детского сеанса в единственном городском кинотеатре. Нахожусь под впечатлением от фильма «Маузеристы». Вот бы так же расправляться с врагами, как наши, одетые в кожанки бойцы. Стрелять в беляков сразу из двух маузеров!.. Мне восемь с половиной лет, позади первый класс, впереди — первые в жизни летние каникулы. Купайся на вятском пляже, загорай, рыбачь, читай книжки. Играй в войну красных с белыми. В бабки, лапту, лото или домино.

Бреду домой в Заошму — пропахший бардой и опилками рабочий поселок со спиртовым и кирпичным заводами и лесопилкой в районном городишке Мамадыш. Где, как говорит старшая сестра, в сороковом году жителей в нем стало больше восьми тысяч. Если так дело пойдет, думаю я, то скоро и Москву догоним!..

С обеих сторон дамбы — разлившаяся в половодье речка Ошма, приток Вятки. После половодья она превращается в мелководную, с вязкими илистыми берегами, местами поросшими камышом, тальником и ольшаником речку. А сейчас Ошма слилась с Вяткой, превратилась в полноводную красавицу. По ее ослепительной глади снуют катера и смоленые остроносые лодки с рыбаками и хозяйственными мужиками, запасающими бревна. Сосна плывет с верховьев, как будто никому не нужная, из кировских леспромхозов. Самое благодатное время запасать, вопреки запретам властей, лесины на дрова и постройки.

Из громкоговорителя, прибитого на столбе, или с какого-то катера разносится в голубом пространстве музыка, как будто вещает само небо.

Музыка смолкает, диктор трижды, с интервалами, повторяет: «Внимание, говорит Москва! Передаем важное правительственное сообщение!» Репродуктор замолкает, задумчиво хрустит, словно грызет ржаной сухарь. И вдруг из него, как всплеск молнии и удар грома, бесстрастным голосом председателя Совета народных комиссаров Молотова в меня навсегда вонзается страшной реальностью слово: ВОЙНА!...

Было ли это на самом деле, а сейчас мне только кажется, что в тот миг солнце померкло, лодки и катера на водной глади замерли, как в стоп-кадре, и только люди метались на них и что-то кричали. В мир природы и в души людей вошло нечто, что грозило невозвратимыми потерями и жуткими последствиями. Это я почувствовал на себе, словно постарев на много лет.

И, конечно, подумал о старшем брате Кирилле: осенью сорокового его забрали в армию, и он писал, что учится в Петрозаводске, в школе младших командиров. Значит, мы его не скоро увидим. И увидим ли?.. Недаром мама, слушая радио об оккупации немцами стран Европы, повторяет: «Ой, только бы не война!..» В Гражданскую погиб ее младший брат Борис. А в двадцать девятом и старшего брата Николая Ивановича — сельского учителя и видного чекиста — упрятали в психушку в Сарапуле, и когда и как он умер, никто толком не знает. Ни жена и ни трое их сыновей.

С новостью о войне я забегаю к приятелю по школе, Гришке Хайруллину, и мы, валяясь на лужайке в тени бревенчатого дома наших соседей, обсуждаем, как сбежим

на фронт. А там, подпустив немцев поближе, будем косить немцев из пулемета «максим», как чапаевская Анка.

* * *

Однако родители опередили нас с уходом на позиции. Гришкиного отца как резервиста отправили на фронт от двух сыновей и больной чахоткой жены. А мою маму «подставила» дочь Наталья. У мамы на попечительстве было двое детей — я, восьмилетний, и десятилетняя племянница-сирота Веруська — и ее бы рыть окопы не погнали. А Наташа, патриотка, большевичка, секретарь райкома комсомола, взяла на себя заботу о детях. И мама-сердечница полгода — в холоде, голоде, в борьбе со вшами — копала мерзлую землю на правом берегу Волги. Вместе с тысячами других, собранных из разных республик и областей людей — русских, татар, чувашей, удмуртов, башкир, — в основном женщин и негодных для армии мужиков, — сооружать траншеи, дзоты, опорные огневые и командные пункты на случай падения Москвы и выхода немецких орд к Казани. Много народа полегло там не от пуль, бомб и снарядов, а от мороза, недоедания, тифа и дизентерии. Сотни километров глубоко эшелонированных оборонительных позиций нашей армии не понадобились: немец, после поражения под Москвой, в августе сорок второго ударил, на свою погибель, далеко южнее Казани — по Сталинграду.

Гришкин отец вскоре погиб, мать умерла от туберкулеза. Гришку приютил мамадышский детдом, а его трехлетнего братишку взяла к себе бездетная сестра убитого отца, жившая в Заошме рядом со спиртзаводом.

Наталье, сестре, некогда было прилежно заботиться обо мне и сироте — десятилетней Веруське. Она родилась от неизвестного отца маминой сестры, Лукерьи, умершей перед войной от туберкулеза, полученного от свинцовой типографской пыли. А наша опекунша Наталья пропадала в райкоме комсомола сутками, мобилизуя и направляя молодежь на боевые и трудовые подвиги.

За нами приглядывала бездетная хозяйка дома, почтальонша тетя Надя. С утра она уходила разносить письма и похоронки, поручая нам выполнение многочисленных домашних заданий. Мы с десятилетней Верой пилили и кололи дрова, топили печку, варили картошку и кашу, стирали и мыли пол, кормили моего пса Джека. И вместе спали на просторной русской печке, слушали радиосообщения Совинформборо о положении на фронтах. Перед сном рассказывали друг другу страшные сказки или строили коварные планы борьбы с оккупантами, если они захватят Мамадыш. Городская электростанция, если были исправны локомобили с генераторами, начинала работать с наступлением темноты и останавливалась в полночь. Частенько уроки приходилось делать при свете настольной керосиновой лампы или свечки.

Страшнее зимы с сорок первого на сорок второй год я не помню. Морозы за тридцать градусов с ноября стояли сухие, смертельные. Одежонка, исключая валенки, лишь символически зимняя, школа далеко. Пока добежишь — душа и тело превращаются в ледяную сосульку. А приходилось вставать в пять утра и до школы сбегать, в сопровождении верного лохматого Джека, в очередь за хлебом в центр Мамадыша. Сначала ждать открытия булочной не меньше часа в длинной очереди на улице, а потом, рискуя быть задавленным немилосердными взрослыми, когда магазин открывался,— каждый стремился прорваться к прилавку первым. Взрослых одолевал страх опоздать на работу: за пять минут опоздания можно было угодить в Гулаг на неопределенный срок.

А черный пес терпеливо дожидался меня и хлебного довеска на улице.

От разговоров взрослых в очереди брала тоска: отстоят ли наши Москву; что будет, если немец дойдет до нашего города. Недаром же власть приказала с вечера не зажигать фонари на столбах и плотно занавешивать окна домов. С наступлением темноты было страшно выбегать в надворную уборную, поэтому ходили в ведра. К Казани якобы уже прорывались немецкие самолеты и сбрасывали бомбы. А от столицы Татарии до Мамадыша всего полторы сотни километров — двадцать минут лета. И на весь наш городок не было ни одного бомбоубежища. Говорили, что вотвот заставят рыть укрытия во всех дворах или в огородах.

А в школе ко мне придиралась пожилая учительница, Екатерина Иосифовна. Однажды за разговоры во время урока приказала выйти из класса, я не подчинился. Она подскочила ко мне и стала выдергивать за шиворот из-за парты, как злая бабка репку, силой и едва не задушила меня воротником. Я вцепился за край пюпитра, закашлялся от удушья. И тогда она сдернула с моих ног валенки, вытолкнула ударом колена под зад в коридор. Засеменила в учительскую и позвонила в райком комсомола моей сестре, с полгода назад состоявшей директрисой этой школы.

Наташа приехала довольно скоро на райкомовской кошевке и, увидев меня в коридоре без валенок, спросила, куда я их девал. «Сдал в фонд обороны»,— нашелся я с ответом.

Эта фраза сразу превратилась в домашний анекдот на всю оставшуюся жизнь. Сбор теплых вещей для фронтовиков в фонд обороны был патриотическим почином. На фронт отсылались посылки с вязаными носками и варежками, валенки, портянки, махоркой. Отдельно собирались деньги, драгоценности на производство вооружения — танков, самолетов, пушек.

Все для фронта! Все для победы! Смерть немецким оккупантам! За Родину! За Сталина! Победа будет за нами!..

Сестре валенки вернули, она меня с комфортом, на кошевке, укутав в казенный овчинный тулуп, доставила домой. А вечером попыталась продолжить воспитание невесомым клеенчатым ремешком. Однако я разрушил ее коварный план: нырнул под стол, брыкался, и она не могла меня оттуда вытащить. И кричал, что убегу на фронт и все расскажу брату Кириллу. Мы уже получили от него пару треугольных коротких писем с передовой, написанных каллиграфическим почерком, понятным даже мне, второкласснику.

Навсегда врезалась в память фраза из одного из этих дорогих посланий с бойни: «Ломаю рога фашистскому зверю...»

В начале зимы, по первому снегу, приполз к калитке дома, громко скуля и истекая кровью, мой Джек. Я и Веруська со слезами затащили его во двор и потом в пустой хлев, уложили на солому, и я укрыл его своим пальтишком. Какой-то негодяй выстрелил в пса дробью, ранил в шею и выбил правый глаз. Мы его выходили, но я остался без пальто и вынужден был ходить в школу в старой, мне до пят, шубейке моей сестры, пока портной порол и шил мне обнову из пиджака мужа тети Нади, воевавшего на неизвестном фронте. В кладовке хранилось много его столярного и плотничьего инструмента. Он и этот дом сам поставил из лесоматериала с соседней лесопилки, где работал бригадиром, но брони не имел и сразу попал на фронт. От него не было никаких вестей, и тетя Надя, радуясь, что осталась бездетной, гадала, погиб он или угодил в плен.

А вскоре я пережил потерю моего Джека. Незадолго до его пропажи он преподнес нам с Веруськой сюрприз. Мы пилили дрова на козлах во дворе двуручной пилой, а он прокрался в сени, из них — в открытую кладовку и выскочил во двор, унося в зубах драгоценный кусок мерзлой свинины, завернутой в мешковину. Я бросился к нему с поленом в руке, но он перемахнул штакетник и по глубокому снегу умчался в дальний край огорода. Где запасливый кобель закопал добычу — обнаружить нам не удалось. А потом исчез и сам, и я каждое утро оплакивал без вести пропавшего друга, отправляясь в очередь за хлебом по заснеженным темным улицам один, без охраны, без его заливистого обмена лаем со знакомыми собаками Заошмы.

Нет слов таких, чтоб выразить сполна, Что значит мать и что для нас она.

Шандор Петефи

Наступление Нового, сорок второго, года отмечалось школьным концертом. Я и эвакуированная из осажденного немцами Питера красивая девочка Ира, моя одноклассница, выступили с оглушительным успехом в одноактной пьеске «Петрушка и свинарочка». В финале я в бумажном колпаке и с буратинским, на ниточке, завязанной на затылке, носом и Ирочка, наряженная под Мальвину, взявшись за руки, сплясали и спели под баян ныне забытый шлягер: «Вот танцует парочка — Петрушка и свинарочка...»

За прекрасный дебют мне и Ирочке вручили по карамельке и печенюшке. Мы спрятались в пустом темном классе, и я, безумно влюбленный в Ирочку с первого взгляда, без сожаления и утраты отдал ей печение, и конфетку. Она чмокнула меня в намазанную помадой щеку и захрустела лакомством. А я, лопух, так и не признался ей в своем первом чистом чувстве. Не успел. Поскольку в новогодние каникулы мы от почтальонши тети Нади переехали в другую, близкую от центра, часть города. В предоставленную сестре райкомом комнату с отдельным крыльцом и сенями в новой бревенчатой пристройке к дореволюционному бараку. Так что третью четверть мне пришлось начать в двухэтажной школе-четырехлетке. Тыльная сторона нашего барака была обращена к школьному двору, а торцовая — к скверу с летним кинотеатром и танцевальной площадке. Здесь еще прошлым летом, в ночь на 22 июня, гремел духовой оркестр, а мы, пацаны, подглядывали, как выпускники средней школы, парни и девушки, танцевали и целовались в кустах акации и сирени.

Без помпы отметив в каникулы свое девятилетие, я стал шмыгать в школу со своего двора кратчайшим путем — через дырку в заборе, мимо надворной школьной уборной.

Радость переезда в собственное жилье сразу сменилась тяжелым разочарованием. Квартира оказалась безнадежно холодной: сколько ни топи, тепла не прибавлялось. К утру замерзала вода в ведре, а, бывало, и картошка в мешке, положенном на огромную и бесполезную русскую печку. Сырые мерзлые дрова не хотели гореть в ее упрямом чреве — только потели и выделяли чад не в трубу, а в комнату, выгоняя домочадцев на улицу. Спички, как и соль, а тем более сахар, стали невосполнимым дефицитом. Многие, особенно курильщики самосада и махры, и мы, собиравшие за ними бычки, перешли на добычу огня кресалами и древесным мхом. У меня такого инструмента не было и приходилось, стесняясь и извиняясь, бегать за огнем к соседям и приносить от них лучинку, подожженную от пламени их лампы или затопленной печки.

Так что и мне довелось получить предметное представление о муках советских граждан в ленинградской блокаде. Горячий комсомольский задор сестра щедро растрачивала на воспитание молодежи в духе преданности делу Ленина-Сталина и мобилизацию духа юношей и девушек на трудовые и боевые успехи. А свой быт, потом и семейный уют, не научилась устраивать до конца жизни. Хотя, думаю, тогда у нее, как секретаря райкома, было достаточно власти, чтобы заставить строителей устранить очевидный брак: проконопатить стены, утеплить потолок и пол, довести до ума печку и жить по-человечески.

А может, строителей тех отправили уже на фронт, и они оплачивали кровью вину

перед нами.

В начале нашей жизни в новой квартире в гости к Наташе дня на два появился после лечения в госпитале ее старый знакомый — однокурсник по мамадышскому педтехникуму. Одет он был в командирскую амуницию — шевиотовую зеленую и габардиновые синие галифе, хромовые сапоги и офицерскую шинель. А на широком ремне с командирской пряжкой — кобура с пистолетом «ТТ». Он даже позволил подержать увесистый пистолет в руке и, с вынутой из рукоятки обоймой, пощелкать курком.

Он рассказывал нам за столом, заставленным его продуктами и бутылкой водки, что лечился не от ран, а от пневмонии и ревматизма. Как дважды ему удалось избежать смерти под Ржевом, когда накануне наступления всему командному составу выдали белые полушубки, а ему нет. В ходе атаки немецкие снайперы отстреляли всех наших офицеров в белых шубах, оставив наступающих без руководства и управления. И почти весь полк после этого полег на поле брани. Его же спасла старая шинель.

А глубокой осенью сорок первого, при выходе из окружения, ему, чтобы не заметили немцы, довелось провести долгое время в ледяной воде болота. Даже пришлось с головой скрываться под воду и дышать через соломинку. Из окружения он вышел, а в госпитале едва выжил, и теперь признан негодным к строевой службе. Ждет нового назначения...

Спать в новом жилище при таком холоде было мукой, готовиться к урокам — особенно выполнять письменные задания — просто невозможно: чернила замерзали, руки и ноги коченели. Благо в соседней квартире, в старой части барака, у Грызуновых, было тепло и мне дозволялось к ним приходить. Может, потому, что Мишка, конопатый длинноносый пацан, состоял второгодником в нашем классе, и мать и бабушка надеялись, что с моей помощью их дитя, награжденный с рождения худой памятью и ленью, преодолеет барьер наук и станет третьеклассником. Мишкин отец уже погиб на фронте. Кроме Мишки у его матери, помню, очень доброй розовощекой, крепкой тридцатилетней женщины, на иждивении был еще пятилетний Санька. Плюс свекровь, зловредная, еще не старая, склочница, проливавшая слезы по погибшему сыну. В разговорах с моей мамой она боялась, что невестка в связи с гибелью мужа может отправить свекровь в родную деревню, где ей придется работать в колхозе. А в Мамадыше она от обязательной трудовой повинности была освобождена законно, потому что присматривала за озорным и хитрым не по годам, краснощеким, как и его мать, Санькой.

К Грызуновым подселили эвакуированную из Украины семью — молодую красивую женщину-врача с грудным пацаном и ее мать, удивлявшую дворовую общественность небритыми бородой и усами. Во дворе ей сразу дали имя — Бабушкаеврейка. Потому что за стенкой нашей квартиры жила Бабушка-татарка со своей больной дочерью. А Мишкину бабушку соседи по бараку не любили и давно называли Грызунихой. Летом, как я убедился позднее, в ведренную погоду она днями сидела на крыльце и бдительно следила за перемещением лиц всех возрастов, полов и социального положения. А на лавочке у ворот делилась нелепыми версиями со старухами из других домов о роде и неблаговидных целях соседей.

Переход в другую школу был связан для меня с не легким вхождением в классную элиту. Звездой 2-го-А бесспорно был Левка Шустерман, сын директора строящейся в Мамадыше ткацко-прядильной фабрики, эвакуированной с Запада с оборудованием и частью специалистов. Он был стройным красивым пай-мальчиком с кудрявыми черными волосами. Родители одевали его, как лондонского денди, в костюмы с белыми рубашками. По отношению к двум авторитетам-силачам и их шестеркам Лева проявлял необычайную щедрость — приносил им куски хлеба, щедро сма-

занные маслом, иногда с ломтиками мяса поверх этого недоступного прочим смертным лакомства. Девчонки противно кокетничали с ним, привлекая его внимание ужимками и прыжками, и он небрежно совал им карамельки и открытки. Все было Левкой схвачено, за все заплачено.

С моим крестьянско-пролетарским сознанием смотреть равнодушно на это социальное расслоение коллектива было невыносимо. Еще до школы, в родной деревне Букени, я прочел книжку Николая Островского «Как закалялась сталь». Роман этот был всего на год старше меня и в нем содержался доступный даже шестилетним беднякам инструктаж, как закалять дух, мускулы и тело для борьбы с буржуйскими сынками и дочками. Вокруг меня сплотилась шайка мне подобных нищих, но богатых врожденным классовым сознанием ребятишек: Петька Бастригин, Мишка Грызунов, эвакуированные белорусы — минчанин Вилька Захаров и Витька Баранов, кажется, из Могилевска. Нам сочувствовали и робкие одесситы, тоже эвакуированные сыновья сапожника-инвалида Каца, — Мойша и Абрамка.

Не помню, какой предлог нашелся для перехода от холодной войны к горячей схватке. Но на одном из перерывов, когда Левка раздавал в просторном коридоре бутерброды голодным вассалам, я во главе своих головорезов подлетел к нему для нанесения смертельного удара вознесенной над моей головой липовой «булавой», выпиленной и выструганной мной и Мишкой Грызуном из доски. Левка увернулся, бутерброды из его газетного свертка полетели в толпу, завязалась потасовка. Победителей в ней не нашлось. Зато зачинщика кто-то выдал сразу. Меня разоружили и безотлагательно доставили в учительскую вместе с «вещдоком» — булавой. Учинили допрос с пристрастием и приговорили: в школу без сестры Наташи, которую знал весь просвещенный бомонд города, мне не появляться!..

Зато с этого дня со мной, новичком, и друзья, и противники стали считаться. Особенно Вика, эвакуированная с матерью из Смоленска. Мы сидели с ней за одной партой, и она женским чутьем поняла, как я в нее беззаветно влюблен. По примеру Левки Шустермана, я перетаскал из Наташиного фотоальбома все открытки и подарил ей, такой прекрасной девочке, оказавшейся в захолустном Мамадыше из легендарного города. Там наши бойцы и партизаны сражались на смерть, чтобы не допустить фашистов к Москве. Она уже побывала под обстрелом и бомбежками, осталась жива — и вот сидит рядом со мной, подсказывает, дает списывать. И не бежит с девчонками на перерыв, а терпеливо объясняет мне, как правильно решать примеры по арифметике.

* * *

В огромной очереди на документальный фильм о разгроме немцев под Москвой я едва сам не стал жертвой от руки контролерши на входе. Чтобы сдержать напор толпы в дверь зрительного зала, она уперлась растопыренными пальцами в мое горло, не прикрытое шарфом за его неимением. И быть бы мне задушенным, если бы кто-то из милосердных взрослых не заорал и не оттолкнул взбешенную и напуганную зрительской атакой тетку от моего стиснутого горла. Прикрывая рот ладонью, я прокашлял весь сеанс. По окончании мы с ребятами обсуждали картину на темной улице. Меня вдруг осенила крамольная мысль: почему, мол, нашу победу в битве комментатор фильма приписывает одному Сталину? Друзья со мной согласились, и мы продолжили развивать эту опасную тему почти шепотом.

Родители научили нас бояться упоминать имя отца народов всуе. Не приведи Господь, растоплять печку газетой с его портретом при посторонних свидетелях или подносить его усатое изображение к определенному месту в надворном сортире. Донос бдительного соседа — и ты исчезаешь в неизвестном направлении и месте как

враг народа...

К этому же времени относится и боевой старт моей литературной эпопеи.

Сестра Наталья приносила домой из своего РК ВЛКСМ много газет — почитать и пустить на растопку. Черная картонная тарелка репродуктора не выключалась с утра до полуночи, когда радиоузел замолкал из-за остановки электростанции. Это позволяло быть в курсе главных событий того времени — положения на фронтах. Наташа повесила на стену большую карту СССР и каждое утро, по информации диктора Левитана, отслеживала продвижение немцев с запада на восток черными флажками на булавках.

Большинство книг городской детской библиотеки мной были прочитаны — и проза, и стихи Чуковского, Барто, Михалкова, Маяковского. Так что к радостному событию об уничтожении нашей артиллерией короткоствольной немецкой мортиры по кличке «Толстая Берта» я был. Она успела пульнуть по ленинградскому району Колпино десять снарядов весом около тонны каждый. Это меня наполнило неведомо откуда рожденным приливом вдохновения. Куплеты о гибели толстухи, помещенные в школьной стенгазете, принесли автору первую известность и похвалу учительницы. Во всяком случае, с публикации о Берте я обрек себя на долгие годы безгонорарной корреспондентской и редакторской работы во множестве стенных газет в армии и на гражданке.

* * *

А мартовский солнечный день сорок второго года подарил мне несказанную радость. После последнего урока я, как всегда, со школьного двора протиснулся в дырку забора в наш барачный двор и, глядя под ноги, побежал с портфелем по талым лужам к своему крыльцу. Хотел обогнуть какую-то старуху с изможденным желтым лицом. Остановиться заставил знакомый, певучий, как флейта, голосок:

— Шура, сынок! Ты что, милый, меня не узнал?

Да это же мама! Моя мама!.. Мы стояли посреди большого, с не растаявшими сугробами двора и плакали. И я, уже насмотревшийся за полгода войны на истощенных и опухших от голода людей, рыдал от сострадания, взглядывая на родное мамино лицо. Она, в свои сорок четыре казавшаяся всегда молодой и быстрой, превратилась в бабушку и еле передвигала ноги в валенках с галошами.

— Я вас быстро по адресу нашла, а ключа-то от дома нет,— говорила мама, словно оправдываясь, своим тоненьким детским голосочком.— А ты так вырос, прямо не узнать! Уже с меня ростом, сынок!..

Весной в доме стало теплей. Да еще, по случаю явления мамы с огневых позиций, дров мы не пожалели, натопили печь и подтопок от души. Сварили гороховый суп на конском мясе. И нагрели воды в большом, литров на десять, эмалированном чугуне, чтобы мама, за неимением бани, могла помыться. На плите подтопка или в печке — не помню, каким образом,— прожарили всю мамину одежду, чтобы истребить мириады вшей на нижнем белье. Я и сам давно привык их кормить своей кровью, но при виде такого лениво шевелящегося стада на исподнем меня стало тошнить.

А гороховый суп маму едва не убил. Хорошо, что за бревенчатой стенкой, у Грызуновых жила эвакуированная врачиха. По стуку и крику Наташи, она прибежала к нам вместе с бородатой и усатой матерью. Им чудом удалось спасти мою изголодавшую маму, неумеренно нахлебавшуюся супа, от заворота кишок.

* * *

Летом сорок второго нас троих, маму, меня и Веруську, подстерегало еще одно

событие: Наташа, сказала, что выходит замуж. И, как словом, так и делом, стала женой Ахмета Касимовича Аюпова, заведующего райземотделом райисполкома, до этого дважды женатого без последствий — детьми он брошенных супруг не наградил. А до этого Наташа твердила, что дождется с фронта Александра Пугачева, ее бывшего коллегу-учителя по школе в селе Секинесь. А теперь офицера-артиллериста, который регулярно слал ей письма с театра боевых действий, как поэт Симонов актрисе Серовой: «Жди меня — и я вернусь...»

Измена сестры меня сильно расстроила: дядю Шуру я знал с четырех лет, он подарил мне железный грузовичок. Вскоре, устав таскать дребезжащую игрушку за собой на веревочке, я сунул подарок в печку, чтобы удостовериться, горит ли железо. Потом в избе долго воняло горелой краской и паленой резиной.

Наташа ушла жить к дяде Ахмету в двухэтажный четырехквартирный каменный дом на окраине Мамадыша, недалеко от кладбища с разоренной церковью. В одной квартире с молодыми обитала племянница дяди Ахмета, тетя Фая с кудрявой черноволосой дочкой Лорой, моей ровней. В нее нельзя было не влюбиться, и я забыл о своей соседке по парте Вике. Тем более что после зимнего отката немцев на запад от столицы больше, чем на сто километров, она с мамой после окончания учебного года уехала куда-то к родне в Подмосковье.

Муж тети Фаи, дядя Леша, офицер-летчик, бомбил немцев на фронте, за что она получала хорошие деньги по аттестату, подрабатывая в исполкоме машинисткой.

Наташа жаловалась, что племянница мужа съедала ее, и, если и так дальше пойдет, она вернется к нам. Чего я очень желал. Потому что нам без ее пайка и денег существовать стало трудно. Почти невозможно. Мы голодали, питаясь крапивным и свекольным супом, иногда пшенной кашей и картошкой. Хорошо, что Наташа купила нам козу Маньку, и мы могли забеливать кашу и постный суп ее пенным молоком. От нее родился козленок, превратившийся осенью в солидного кастрированного козла. Лишив его жизни накануне 25-ой годовщины Великого Октября, мы какое-то время поминали озорное животное.

* * *

Мама вскоре после возвращения с окопов пошла подсобной рабочей на строительство ткацкой фабрики: месить раствор, подносить кирпичи, раствор и другие стройматериалы. Я бегал к ней к обеду в фабричную столовую, и она поровну делилась со мной скудными блюдами и отдавала мне незабываемое лакомство — единственную конфетку-подушечку, положенную по норме к чаю.

Летом Наташа достала путевку и отправила Веруську в пионерлагерь. А чтобы как-то подкормить сынка, мама подсказала мне, девятилетнему и ослабшему от хронического голода, пойти в родную деревню, в Букени. Погостить у моей крестной матери, Ени Костровой, жены двоюродного брата моей мамы, матери семерых детей. Ее я звал просто «кокой». Муж коки, дядя Илья, двоюродный брат моей мамы, охотник на дичь — зайцев и куропаток, балагур и любитель самогона, воевал. А старший сын, семнадцатилетний Володя, в ожидании призыва в армию, как грамотей с семилеткой, заведовал колхозными амбарами с зерном и, обращая малую часть его в муку для личных целей, сытно кормил всю семью.

Двадцать пять километров проселка босиком, в одной рубашонке и коротких штанишках от Мамадыша до Букеней,— в полном одиночестве, с одним куском хлеба, парой вареных картошек и бутылкой козьего молока в холщевой кошелке,— запомнились на всю жизнь. Ни одной попутной или встречной подводы, ни одной живой души — только поля недозрелой пшеницы, ржи, овса, а за ними таинственная полоса леса — и я один, затерянный во Вселенной голодный пацан.

А, по слухам, в лесах накопилось много дезертиров, вынужденных грабить на дорогах, уводить в лес колхозный и крестьянский скот и порой пробавляться человечиной. По Мамадышу бродили слухи, что в пирожках с мясом, купленных на колхозном базаре за бешеную цену, обнаруживали ногти и еще какие-то части людского тела. Говорили и о стаях волков, нападавших на скот и людей.

Где-то на половине пути вдруг похолодало, подул влажный ветер, по ржаному полю, как по озеру, забегала тревожная рябь, над лесом нависла, рассыпаясь всплесками молний и грома, черно-сизая туча. И я увидел впервые в жизни, как на меня двинулась стена дождя. Ливень был кратковременный, буйный, можно сказать, озорной. Только мне стало не до смеха: мокрый до нитки, я дрожал, как вытащенный из воды щенок. Хорошо еще, что хлебу не дал размокнуть — успел съесть его сразу после выхода из города.

Солнце, словно обрадованное исчезновением тучи, засияло с удвоенной силой. С ржаного поля, украшенного синими глазами васильков, поднимался в бирюзовое небо душистый пар от ожившей пашни. И, как в дивной сказке, на другой стороне поля возник могучий рогатый зверь — лось, похожий на своих собратьев, каких я видел уже прежде, когда выезжал с райкомовским конюхом и его сыном Хаем в ночное. Сохатый с высокомерно поднятой головой, украшенной крылатыми рогами, глядел в мою сторону, словно раздумывая, стоит ли ему забодать и растоптать беззащитного человечка. Медленно развернулся и растворился в окропленной небесной влагой чаще.

Идти стало трудно: грунтовая дорога прилипала к босым, скользящим по суглинку ногам, грозя падением в липкую грязь. Сняв с себя рубашку и отжав из нее воду, попытался идти по обочине — и в кровь исколол ступни, ошпарив их мелкой крапивой. Присесть на сырую землю и отдохнуть тоже стало невозможно. Зато солнце после грозы светило ярко, и я быстро согрелся.

Удивился, что в деревушке Нижние Кирмени не встретил ни одной живой души. Даже собаки не лаяли, словно и их послали на фронт. Наверное, все от мала до велика работали в поле или на своих огородах.

А через шесть километров, перед закатом солнца, увидел с холма и свои родные Букени, где еще существовала и наша избушка под соломенной крышей, с заколоченными дверью и тремя окошками. Да и вся деревня, как я вскоре с грустью почувствовал, казалась заколоченной. Бедная до войны, она сейчас изнемогала от нищеты и голода. Остались в ней одни старики да бабы. Лошадей, что справнее, забрали в армию, так что пахали, боронили и таскали лобогрейки быки и коровы, не приученные к этому занятию. А за трудодни колхоз расплачивался одними палочками и оставался в вечном долгу перед государством. Питались советские крестьяне с огорода корнеплодами и зеленью, полевыми и лесными травами и ягодами и тем, что удавалось украсть, с риском угодить в тюрьму. К посевной и посадочной поре у многих не оставалось семян — и несчастные попадали в кабалу к односельчанам, как некогда случалось в Букенях и с моей мамой.

Однако семья Костровых благодаря кладовщику Володе жила в завидном достатке. Встретили и откармливали меня хлебом, кашей, молоком и сметаной добрая, как и моя мама, кока Еня и ее дети, мои троюродные братья и сестры, на славу. С моим ровесником Мишкой мы пропадали на речке Дигитлинке — купались, загорали и удили.

Все было прекрасно до того жуткого дня, когда кладовщик Володя не натворил беды. В колхозном амбаре бабы работали под его контролем на веялке — очищали от пыли и сора остатки прошлогоднего зерна для отправки на мельницу. Парень, унаследовавший от отца, дяди Ильи, его шебутной характер, надумал бабенок напугать. Взял в караулке отцовское ружье, с которым по ночам охранял колхозное добро от

голодных односельчан, прокрался за амбар и выстрелил картечью в бревенчатую стену. Одну женщину кусок свинца, без труда пробив паклю и древесину на стыке бревен, сразил на месте, а вторую тяжело ранил. Ее живой довезли до Мамадыша, и я с Петькой Бастригиным через несколько дней видел ее труп на стеллаже, за окном морга райбольницы.

За эту «шутку» Володя бы наверняка угодил в Гулаг на многия лета. Его подержали сколько-то в каталажке до исполнения восемнадцати лет и отправили на фронт. Там он искупил свою вину кровью — потерял ногу, в Букени возвращаться не стал, как и раненый отец. Вся семья обосновалась после войны на Урале, в Сарапуле.

Год 1943-ий

Страдания ведут человека к совершенству.

Антон Чехов

После наступления сорок третьего года, в зимние каникулы, по приглашению какого-то хлебосольного председателя колхоза, Наташе вздумалось отправить Веруську в гости в его семью.

Хаю, пятнадцатилетнему сыну райкомовского конюха, отец поручил доставить девочку на санях в деревню за четырнадцать километров от Мамадыша и возвратиться в тот же день.

Хай (мальчишки часто дразнили угрюмого подростка, плохо говорившего порусски, меняя для забавы гласную в его имени на другую) запряг лошадку серую в легкие сани, и я на них зарылся в сено — проводить сестренку до окраины города. Погода была ясная, безветренная, для января теплая — всего градусов десять мороза. За городом мне не захотелось расставаться с Верой и Хаем, и я вызвался прокатиться за компанию до конечного пункта и обратно. Они в тулупах, а я в своем ватном пальтишке и валенках. С большим опозданием пришлось пожалеть о своем легкомыслии: чтобы согреться, мне периодически приходилось бежать за санями по ускользающему из-под ног снегу. А потом лезть к Веруське под тулуп. Только он до конца не запахивался, и большая часть тела оставалась на холоде.

Где-то в середине пути распушила снежную замять пурга. Дорога — этим маршрутом мы никогда не ездили — скрылась под пухлым саваном, и мы сбились с трассы, несмотря на вешки, воткнутые в снег с правой стороны в качестве ориентиров.

Бес, по Пушкину, долго водил нас по сторонам пропавшей под снегом дороги, наполняя нас паническим страхом окончательно сбиться с пути, заблудиться в белой пурге и надвигающейся ночи. Обрадовались, когда в густых сумерках показалась с возвышенности крохотная, с дюжину домов, деревенька, утонувшая в сугробах. Спустились с горки, и лошадь, потеряв под копытами твердь, затащила сани в глубокий снег, утонула в нем всем крупом и стала судорожно биться передними ногами в белой каше, задрав взнузданную морду в беспросветное, равнодушное к нашим страданиям небо.

Веруська, не покидая саней, уже давно плакала, укутавшись в тулуп. Хай, увидев, что пасть Серого в крови, тоже заревел и отказался от борьбы за существование. Я заорал, захлебываясь снежным ветром, чтобы он хлестал лошадь кнутом. А сам добрался ползком до ее головы, повис на гужах. Мозоля окровавленные губы перепуганного коня стальными удилами, мне каким-то чудом удалось вывести подводу то ли на наст после недавней оттепели, то ли на дорогу под снегом. Во всяком случае, вскоре мы оказались на деревенской улице и стали стучаться поочередно в окна или ворота изб. Добрые люди пустили нас переночевать. И мы сразу, не раздеваясь, улеглись на полу

на одном тулупе и укрываясь другим. Изба оказалась настолько бедной, что нам не предложили ни картошки, ни чая. А единственную комнату осветила хозяйка в рваной телогрейке на пару минут коптящей лучиной. Оказалось, что мы сбились с пути, приехали совсем в другую, близкую к пункту нашего назначения, деревню.

Благо следующее утро выдалось ясным и безветренным. Лошадь отдохнула, съев все сено из саней. Дорога в четыре километра, подметенная ветром, до деревни председателя колхоза заняла совсем мало времени. А день у гостеприимных хозяев прошел для нас, как настоящий праздник,— со щами, пирогами, плюшками, салом и солеными груздями, прикрытыми дубовыми листьями в пузатой кадушке.

На обратном пути в Мамадыш я вспомнил, что сегодня мой десятый день рождения. Которого могло бы и не быть, если бы позавчера меня победил страх. В городе сначала забежал домой к сестре. Она и дядя Ахмет были на работе, а нянька возилась с больной племяшкой Светкой.

Я использовался этим моментом и отлил из пятилитровой бутыли в кладовке чекушку водки-сырца с мамадышского спиртзавода, потребляемой зятем с завидной регулярностью. А вечером мы с Хаем отметили мое десятилетие в райкомовской конюшне. Выпили сивушный напиток, закусывая оладьями, испеченными его мамой из муки, полученной из гнилой картошки.

И как же качалась ночная улица, когда я плелся домой! Во все горло распевая: «На позицию девушка провожала бойца!..» А как меня выворачивало наизнанку весь остаток ночи, мне уже рассказала мама...

* * *

В начале весны сорок третьего года, когда мы с мамой спали на печке, меня посетил вещий сон. В первые мгновения он воспринимался мной фрагментом чернобелого фильма. По заснеженному полю, сквозь разрывы мин и снарядов, бежит в атаку наша пехота. Один из атакующих летит лицом вперед на землю, и я с криком и плачем осознаю, что это мой брат. Мама просыпается, прижимает меня к себе и спрашивает, чего я ее испугался. Мне не хочется говорить, расстраивать ее, но удержать свой страх в себе не в моих силах:

— Я увидел, как Кирилла убили.

Мама не суеверна, верит только в Святую Троицу, всегда троекратно крестится, вставая с постели. После работы долго молится перед сном в дальнем углу комнаты. А сейчас мы, обнявшись, плачем вместе на остывающей печке, и она шепчет непонятные мне слова молитвы.

У Грызуновых отца убили в начале войны. Зато поселившаяся у них бабушкаеврейка похвасталась, что ее дочь-врачиха получила от мужа благую весть. Из лейтенанта он стал старшим лейтенантом и получил медаль «За отвагу». А от Кирилла давно нет писем. Мама скрывает от меня свою тревогу и пытается иногда найти утешение в беседах на крыльце с дежурящей на нем бабкой Грызунихой. И она утешает маму апокалипсическим предсказанием:

— Не кручинься, Дуся, скоро всех убьют, как моего сыночка единственного Алешеньку.

Черную весть принесла Веруська в июне, в жару, за несколько дней до окончания второго года войны. Сестра Наталья после того, как они с Ахметом, после рождения дочки, получили квартиру, забрала Веру к себе. Она подслушала разговор супругов и прибежала, обливаясь слезами, поделиться новостью со мной. Мы недавно вернулись с Вятки; я играл с ребятами в прятки во дворе. Сестренка, не обращая внимания на Грызуниху, зорко следившую с крыльца за нашей беготней, выпалила:

— Кирилла немцы убили! Наташа письмо получила от его друзей: 26 марта, под

Орлом, осколком мины в затылок. Только ты молчи, маме не проговорись: Наташа сама хочет ее подготовить.

Я разрыдался, упал и стал кататься по лужайке, чувствуя, как грудь разрывается, а комок в горле мешает дышать. Веруська испугалась, сбегала домой, вернулась с ковшом воды, плеснула на меня и дала попить.

Потом я умолял Грызуниху ничего не говорить моей маме. Старуха кивала головой и соглашалась. А вечером, едва завидев маму, возвращавшуюся с фабричной смены, в воротах барака, взлетела, как ворона, с насиженного места, ринулась ей навстречу. И, со старушечьим заупокойным подвыванием, вплотную к маминому лицу, запричитала:

— А Кирюху-то твово, как и мово Алешеньку, фашисты проклятые ишшо в марте тоже убили!

Вот старая ведьма!..

Маму страшная весть оглушила — она стояла, покачиваясь и сжав голову руками. Я помог ей дойти до крыльца, а Грызуниха продолжала клевать нам в затылок словами и притворным воем.

И как же мне стало страшно через минуту, когда моя сорокашестилетняя мама, опустившись на ступеньку нашего крыльца, разразилась разрывающим душу рыданием, стала клочьями выдирать волосы и биться головой о бревна барака,— этого не забыть до конца дней моих!..

* * *

С той поры у мамы участились ночные сердечные приступы. Скорой помощи в Мамадыше сроду не бывало. Я стучал молотком в стенку и взывал о спасении мамы. Прибегала добрая эвакуированная врачиха и спасала маму от гибели. Наверное, она же посоветовала маме обратиться в больницу, получить инвалидность, уйти со стройки и перейти на более легкую работу.

Третью группу инвалидности маме дали без особых хлопот. Из подсобных строителей ее перевели охранницей фабричного лабаза и пойманных в половодье бревен на берегу Вятки, пронумерованных и сложенных в штабеля к дощатой стене лабаза. Это означало, что обеды в фабричной столовой маме были не положены, поэтому умеренные пытки голодом для нас обострились до полного отчаяния.

Особенно, когда зимой сорок третьего, в начале февраля, в продуктовой лавке карманник, прижав мое хилое тельце к впереди стоящей тетеньке, стибрил хлебные карточки, выдававшиеся на месяц. Мама восприняла это известие, как смертный приговор нам обоим.

Положение сестры Наташи и дяди Ахмета в партийно-хозяйственной иерархии Мамадыша позволило мобилизовать немногочисленных ментов на поиск карточек. Карманника я не раз видел в этом же магазине и на базаре, его быстро изловили по моему описанию, и через неделю карточки, частично реализованные вором, вернули. Но чего стоила нам эта неделя голода и страха близкой смерти — лучше не вспоминать!..

У сестры пропало молоко, и крошечной Светке требовалось искусственное питание. Молоко, масло, манку и другое необходимое для девочки сестре и зятю приходилось покупать на двух рынках города. А цены на базаре царили бешеные, не доступные простому люду. Так, на месячную мамину зарплату можно было купить разве что пару караваев хлеба. Но тогда бы мы не смогли выкупить продукты по карточкам.

Словом, мы остались без поддержки партии в лице Наташи и правительства в образе дяди Ахмета. Для того чтобы иметь возможность работать во имя победы, они наняли няньку, деревенскую молодую женщину, согласившуюся служить им только за кормежку. И нам лишь изредка перепадало немного рисовой, перловой или горо-

ховой крупы от райкомовско-исполкомовского спецпайка для праздничных трапез с барского стола.

Дважды дядю Ахмета призывали в армию с перспективой понюхать пороха на фронте. Хотя прежде за тридцать пять лет жизни воинская повинность его не коснулась. В семье сестры устраивались проводы, больше похожие на поминки,— с водкой, закусками, песнями и слезами. Он уезжал на исполкомовских лошадях то в Кукмор, то в Казань. Но броня, освобождавшая его от воинской службы и весьма вероятной гибели на фронте, срабатывала, и он вскоре возвращался к семье. А в конце лета его перевели на работу в татарский стольный град инструктором сельскохозяйственного отдела республиканского обкома ВКП(б) и дали квартиру в полуподвале на улице Малой Галактионовской. Наташа со Светкой уплыла к нему на пароходе по Вятке, Каме и Волге на подготовленное мужем место в том же почитаемом учреждении — инструктором отдела народного образования.

Сестренку Веру с собой они не взяли, определив в мамадышский детдом. Она прибегала к нам и умоляла маму забрать ее к себе. Но тогда бы мы точно все умерли с голода. Нас спасали коза, несколько грядок картошки и овощей в общем барачном огороде. Да еще то, что мама в теплое время года на работе, сидя с прялкой или спицами на крыльце лабаза, и по редким выходным дням дома пряла шерсть и вязала носки, чулки и варежки по заказам жен начальников цехов, смен, мастеров своей фабрики. Качество маминой продукции ценилось высоко, но оплачивалась весьма скромно. Заказчицы расплачивались с ней чаще продуктами, чем почти бесполезными деньгами. Изредка маме поступали алименты от незнакомого мне биологического папаши, работавшего продавцом в подмосковной Шатуре.

Практически безнадзорный, я превратился в курящего и виртуозно владеющего матом уличного хулигана. Подбивал своих друзей, чаще всего Петьку Бастригина и Витьку Козырева, лазить по чужим огородам за огурцами, помидорами и подсолнухами. А Хай с памятного новогоднего вояжа к председателю колхоза и потребления водки-сырца непременно приглашал меня в ночное — пасти стреноженных райкомовских и исполкомовских лошадей на лугах на опушке смешанного леса, по соседству с колхозным картофельным полем.

Поездки верхом на лошадях с частыми падениями и со стертым до крови задом, ночи у костра, заполненного ворованными клубнями, греют душу сладкими воспоминаниями о жутком детстве. Страшные истории и сказки про Вия и множестве других гоголевских и андерсеновских персонажей, рассказы о подвигах наших бойцов на фронте, вероятность знакомства со скрывающимися в лесах дезертирами делали летние ночи таинственными и романтичными.

По радио и из журнала «Огонек» летом сорок третьего я узнал об организации в стране суворовских училищ. Мама с трудом собрала нужные документы. Однако почта в войну, как и в нынешнее время, работала в замедленном темпе. Вместо вызова для сдачи вступительных экзаменов поступил ответ, что мои документы в приемную комиссию пришли с опозданием. Предлагалось повторить попытку в следующем году.

Год 1944-ый

Когда приходит голод, уходит стыд.

Грузинское изречение

Вести о победах нашей армии на фронтах поднимали моральный дух советских граждан и никак не отражались на улучшении материальной жизни. Скорее наоборот, выжить тем, кому повезло выжить, с каждым днем становилось сложнее. Об

американской свиной тушенке ходили приятные слухи, а кто ее попробовал среди моих друзей был только один: Вовка Игнатьев — племянник второго секретаря райкома. Но, как он мне сказал, жена секретаря не позволяла ему выносить продукты за пределы квартиры. Хотя, справедливости ради, я благодарен Вовке, что изредка он ухитрялся стянуть из секретарских запасов кое-что и доставать их из-за пазухи дубликатом бесценного груза для меня.

Может быть, и Левка Шустерман тоже шамал американскую тушенку, но поставки бутербродов в наш класс он давно прекратил, и бывшие прихлебатели стали называть жмотом или и того обиднее.

А для рядового люда даже нищенские пайки на продукты, нормируемые по карточкам, полностью никогда не отоваривались. Дети превращались в рахитиков и дистрофиков. Матери не редко пухли и умирали от голода, чтобы спасти детей. Грабежи, воровство и мошенничество, преследуемые жестокими законами военного времени, может, и пугали, но все больше людей, стоящих перед выбором — умереть честными или выжить ворами, становилось преступниками.

И я, в свои одиннадцать, не стал приятным исключением. Голодным щенком блуждая по базару, пару раз безнаказанно стянул с прилавка спекулянток, подобно моему пропавшему без вести Джеку, жареную рыбешку и лепешку.

Едва ли не бедой обернулась для меня, на сегодняшний день последняя в жизни, совершенная кража не из-за голода даже, а по недомыслию.

На базаре, недалеко от дома, где недавно, до отъезда в Казань, жили сестра с зятем и племянницей, торговал разной мелочью благородный с виду старик с седой бородкой. Товаром его в основном были трофеи — фрицевская и гансовская мелочевка. Аккуратными рядами на голубой клеенке лежали зажигалки, губные гармошки, штампованные часы, портсигары, мундштуки, иголки, булавки, нитки, пряжки солдатских и офицерских ремней — советских латунных со звездой и немецких алюминиевых с выдавленными свастикой и буквами «Gott mit uns» — «С нами Бог».

Изо всех этих добытых нашими воинами на полях сражений, у пленных фрицев и в освобожденных от оккупантов российских селениях сувениров и полезных предметов мне понравилась зажигалка в эбонитовом коричневом корпусе. Дня два я любовался на красотку в упор и издали, а на третий не вынес соблазна — подскочил к прилавку, схватил желанную крошку и бросился наутек. Старик что-то крикнул мне вдогонку, визгливо заголосили его товарки-торговки.

Но отход мной был тщательно продуман: ворота базара находились совсем близко, я выбежал на улицу и зашлепал босыми ногами по дощатому тротуару. Оглянулся и обомлел: за моей спиной несся хмырь на голову выше меня в рваной рубашке и штанах, завсегдатай базара. Он уже был готов к смертоносному прыжку, когда из-за угла появился Витька Козырев, крепкий мальчишка на класс выше и на два года старше меня, верный друг и защитник. Козырь уступил мне беговую дорожку, а преследователю подставил ногу. И тот с отчаянным воплем полетел с тротуара на мощенную булыжниками проезжую часть. Мы скрылись, не интересуясь его дальнейшей судьбой.

На следующий день, наигравшись с зажигалкой, для которой не нашлось ни кремня, ни авиационного бензина, я решил вернуть ее законному владельцу. Или тому, наверное, кто брал трофеи под реализацию у списанных по ранению фронтовиков и отпускников. Мой порыв к благородному поступку перекрыл у ворот тот же оборванный татарчонок и с устрашающим зубовным скрежетом жестом потребовал отдать зажигалку.

Предвидя столкновение с завсегдатаем, я шел на базар вооруженным и очень опасным. Вместо зажигалки грабитель награбленного увидел в моей руке приставленное к его впалому брюху перо. Собственноручно мной переделанный напильни-

ком из столового ножа финарь. Беспредельщик-уркаган содрогнулся всем своим голодным костлявым телом, попятился и скрылся в базарном круговороте.

Так, не совсем полюбовно, разошлись наши пути навсегда: я понял, что базар не то место, где надо искать счастье, и забыл туда дорогу.

Кормилицу Машку до лета в живых мы оставить не смогли — не было сена, чтобы ее прокормить. Кое-как дали страдалице дотянуть до рождения серого пушистого козленка Борьки. Роды прошли прямо в нашей квартире, поскольку в барачном сарае, в отведенном для Машки закутке, было слишком холодно. Когда Борьку отняли от вымени, мама, втайне от меня, пригласила мужа своей подруги Пугаса — с ним мама вместе пережила окопную эпопею. Пугас отощавшую после родов Машку заколол. Я застал его у нас за столом и заплакал. Небритый и худой, как скелет, Пугас, допив чекушку сырца и дожевав мясо моей любимицы, ушел в Заошму с завернутой в Машкину шкуру ее же ляжкой подмышкой. Горько оплакивая свою ласковую любимицу, в знак протеста я дня два отказывался притрагиваться к ее сваренной жесткой плоти.

Еще большее горе я пережил в июне, когда Борька, привязанный к колу на длинную веревку на лужайке, обмотал ее вокруг кола и покончил жизнь самоубийством. Словами не передать испытанное мной горе и отчаяние, когда прибежал отвязать Борьку и увести в сарай. Мама рассчитывала из его пуха осенью связать мне варежки и носки. Вместо этого ей пришлось отыскать двухколесную тележку-тачку, отвезти за город и похоронить на кладбище павшего скота.

В начале лета питались хлебом по карточкам, по которым 600 граммов полагалось маме и 400 — мне, и крапивным супом. А по мере роста огородных культур — супом из свекольной ботвы и щавеля, в нетерпеливом ожидании молодой картошки.

Трудно припомнить все способы, как набить свой желудок, изобретенные мной и моими друзьями.

С весны пацаны объедались разной травой. Когда Вятка после половодья начинала входить в свои берега, мы на чьей-нибудь лодке переправлялись на другой, левый, берег реки и собирали на заливных лугах дикий лук, кислицу, дудник, дикушу — подобие сибирской черемши. В песчаных ямах на пляже оставалась вода, в ней беспокойно суетилась рыба, в основном мелочь. Для ее поимки обычно использовались наши рубашки, превращенные в сачки. И жизнь рыбьей молоди заканчивалась без суда и следствия немедленно — на зажженном из хвороста костре. Нанизанные на прутик, как на шампур, малявки плотвы, леща, окуня, хищницы-щуки и бескостной стерлядки после поджарки хрустели на зубах, создавая иллюзию утоления перманентно развивающегося детского аппетита. А ягоды не успевали изменить свой цвет, величину и вкус, как уже попадали в детский организм, вызывая поносы и прочие неприятности. Черемуха, смородина, малина, земляника, клубника съедались, не познав радости созревания и продолжения рода. Только и было слышно: «Война все спишет!..» В моде была и среди нас, оборванцев, скабрезная песенка, раскрывавшая тему торопливого и беспорядочного секса на войне: «Будем жать на все педали все равно война!..»

В июле от Наташи пришло письмо маме с указанием срочно собирать документы по прилагаемому перечню для поступления Шурки, меня то есть, в организуемое в Казани суворовское училище...

Прошлогодний опыт моей неудачной попытки попасть в Сталинградское СВУ пригодился. Заказное письмо в самодельно склеенном конверте со всеми справками — о моем здоровье и подтверждением гибели брата Кирилла на фронте, метрикой, с табелем моей хорошей успеваемости Наташе ушло. Только почта не спешила доставить его, и Наташа бомбила нас бесполезными письмами с требованиями ускорить процесс. Пока, наконец, не поступил от нее вызов на мой приезд в республикан-

* * *

До конца трудного детства было далеко. Да и кончается ли оно?..

О том, как все сложилось дальше — после моего отплытия с мамадышской пристани в казанский порт, до поступления в СВУ и его окончания через семь лет уже рассказано давно, сорок лет тому назад, в моих десяти очерках под общим названием «Казанское суворовское глазами Бидвина». Правда, издание двух книг, включающих это повествование, произошло гораздо позднее: «Сердце суворовца-кадета» — в 2001 году и «Кадетский крест — награда и судьба» — в 2004-ом.

А это беглое описание существования детей в годы Великой Отечественной войны в глубоком тылу я приурочил и посвятил 65-ой годовщине Великой Победы с чувством глубокого поклонения и благодарности Богу и его Сыну, что ценой неисчислимых жертв Добро одолело Зло. С сыновней и братской любовью я низко кланяюсь светлой памяти моей мамы Евдокии Ивановны, брата-фронтовика Кирилла и сестры Натальи, заслуженной учительницы Российской Федерации.

Как легко понять из моего текста, лишь благодаря этим родным людям мне повезло выжить в те жестокие четыре года страшных испытаний для моей Родины и многих стран мира.

Расскажу только, каким мне запомнился тот самый первый День Победы — великий и неповторимый, как в прошлой, так и в будущей истории человеческой цивилизации.

Год 1945-ый. День Победы

Не забывайте, празднуя победу, Какой ценою вам она досталась.

Эдуард Сервус

Этот день начался в четыре утра и превратился в бесконечность, обострив в необъятном солнечном пространстве все самые яркие человеческие чувства. Прежде всего, радость, любовь, гордость, смешанные с сожалениями о невозвратимых потерях дорогих людей, оплакиванием их памяти, скорби по отцам, братьям, сестрам. По тридцати миллионам соотечественников, павших на родной и чужой земле.

Я воспарил всем своим двенадцатилетним телом над матрасом от чьего-то истошного крика: «Победа! Ур-р-ра-а-а! Побе-е-ед-а!» Вскочил на ноги, уцепился за спинку и запрыгал на пружинной кровати, как на батуде, от дикого восторга.

Всей ротой, сотней гавриков, выскочивших из-под простыней в одних трусах, разбрасывая по сторонам подушки, кинулись к распахнутым окнам нашей спальни-казармы на звук беспорядочной пальбы со стороны училищного парка, зеленевшего первой, словно воздушной, листвой. Узнали гораздо позднее: стреляли офицеры и сержанты из неведомо откуда взявшегося у них оружия. Впрочем, все они были фронтовиками, и наверняка, как и многие вояки, прихватили в тыл сувениры — трофейные «парабеллумы» и «вальтеры». Как будто специально для этого великого дня — 9 мая, среду.

Канун экзаменов после первого года учебы в кадетке, а нам на утреннем построении командир роты, подполковник Петрунин, стройный и строгий, похожий выправкой и ледяным взором на Николая I, уже одетый в парадный мундир с орденами и медалями, объявил, что физзарядки, к нашей радости, не будет. А занятий на сегодня — всего три урока. После которых поступила команда: всему училищу: одеться в парадную форму с белыми перчатками, надраить ботинки, пуговицы и

пряжки поясных ремней. Никуда не отлучаться и быть готовыми к торжественному построению всего Казанского суворовского военного училища — пятистам воспитанникам в возрасте от восьми до пятнадцати лет. Хотя в числе моих одноклассников были сыновья полков, воевавшие на разных фронтах: Юрий Брусилов, Виктор Киселев, Борис Овсянников, Иван Пахомов. При поступлении в суворовское они отставали от сверстников по учебе на три-четыре года и были соответственно старше большинства одноклассников. С рождением одного из них, 7 апреля 1929 года, моего закадычного друга, гвардейца-ефрейтора Бориса Овсянникова, ныне отставного полковника, талантливого художника, жителя подмосковной Каширы, я поздравляю каждый год.

Борис, рожденный и чудом выживший в Сталинграде, сын погибшего в бою в начале войны офицера-политрука, сам похоронил умершую от ранения мать в первые месяцы Сталинградского сражения. Угодил в немецкий концлагерь, бежал из него. От голодной и холодной смерти его спасли «боги войны» — артиллеристы, и он подростком-ездовым полтора года воевал наравне с ними. Подобно тремстам тысячам других российских мальчишек и девчонок — солдат и партизан.

В Белоруссии, под Борисовым, при бомбежке санитарного поезда, ефрейтор Овсянников спас раненого в бедро командира и своего фронтового отца — капитана Друкаря. Оба оказались в казанском военном госпитале. Там, в Казани, в сентябре сорок четвертого, капитан сделал все, от него зависящее, чтобы устроить фронтового сына, не имевшего документа об учебе в сталинградской школе, в только что созданное наше, Казанское, СВУ. А сам, не долечившись, еще хромая, снова уехал воевать уже не на Запад, а на Восток — участвовать в разгроме японской Квантунской армии в Маньчжурии. После войны фронтовые родичи нашли друг друга. И Борис со своей женой Майей, тоже пережившей с матерью в развалинах сталинградский кошмар с начала до конца, каждый День Победы отмечали в гостях в Киеве с полковником Виктором Александровичем Друкарем, в те годы начальником окружного военного госпиталя, и его женой-медиком Анной Кирилловной, прошедшей войну рядом с мужем...

А в тот день, 9 мая 1945 года, на обед нам подали, вместе с любимым пирогом с рисом и ливером, нечто, для меня дотоле известное только из прозы дореволюционных классиков,— две или три крупных дольки бледно-коричневого шоколада. Дежурный офицер воспитатель, старший лейтенант-сапер Георгий Кузьмич Рябенков, олицетворявший для меня отца,— своего я никогда не знал,— пояснил, откуда упал на стол чудесный сюрприз:

 — Подарок от евреев Мексики! Так на картонных коробках с шоколадом на русском языке написано.

Грузному высокому начальнику училища, генерал-майору Василию Васильевичу Болозневу, богатырю с интеллигентной бородкой, о построении личного состава училища доложил невысокий, словно родившийся в офицерском мундире вояка,—начальник учебной части СВУ, пышноусый подполковник Иван Иванович Пирожинский, бывший царский кадет. И Болознева, и Пирожинского, воевавших в Первой мировой и Гражданской войнах, отозвали год назад, как и всех наших воспитателей и преподавателей, с фронтов или из госпиталей Отечественной войны для воспитания и обучения нового поколения офицеров.

Генерал произнес с балкона над центральным входом бывшего Института благородных девиц, потом пединститута, а в войну — госпиталя для раненых, краткую речь о нашей Победе. Мы ответили восторженным троекратным «ура», и училище, под марши духового оркестра, вылилось единым телом, поротно, колонной по четыре, на Большую Красную. А потом, у садика Толстого, повернуло на Карла Маркса и, соблюдая равнение, в ногу, пошагало сквозь толпы народа по обеим сторонам улицы,

по трамвайному пути, к центральной площади Свободы.

Иногда гражданские пацаны забегали в просветы между шеренгами, мешаясь под ногами и ломая строй, пока не получали пинка под задницы носками начищенных ботинок и не вылетали с воем в толпу штатских. А с балконов ликующие люди с поднятыми стаканами, с красными пьяными и счастливыми лицами выкрикивали приветствия нам, вроде: «Да здравствуют юные суворовцы, будущие офицерызащитники нашей любимой Родины!»

И как же наполнялась мальчишечья грудь гордостью за Победу над германским фашизмом!.. А может, и детским предчувствием нашего грядущего жизненного подвига ради спасения Отчизны от ее заклятых врагов.

Площадь Свободы была заполнена народом — туда, как мне сказала потом мама, тоже побывавшая на этом ристалище ранним утром, не сговариваясь, сбежались поднятые с постели известием о Победе люди на стихийный митинг. Незнакомые мужчины, женщины и дети смеялись и плакали, кричали, обнимались и целовались в приливе восторженных эмоций, еще не осознавая и даже не веря, что вот оно — свершилось!..

Наш строй повернул на улицу Пушкина и так же — по трамвайным путям, вытесняя на тротуары народ, — продолжил триумфальный марш к Кольцу, в центр города. Куда, как в Москве к Красной площади, радиально сходятся и поныне несколько главных улиц тысячелетней Казани — Пушкина, Бутлерова, Островского, Баумана.

У Ленинского сада строй суворовцев, по команде Пирожинского, замер, пораженный чудом: навстречу нам, важно колыхая серыми тушами, вышагивали слоны. А на них сидели и стояли артисты из группы знаменитого дрессировщика Владимира Дурова с беспокойными мартышками и макаками, кошками и собачками в руках и на плечах.

А дальше, с Кольца, — площади, названной двадцать лет назад именем почившего в бозе царского кадета-большевика Куйбышева, — мы, советские кадеты-суворовцы, втиснулись в узкую, и без нас переполненную народом, главную улицу татарской столицы — Баумана. И здесь снова пожинали плоды пока незаслуженной славы — как аванс за то, что в будущем непременно украсим ряды российской армиипобедительницы. Казань гордилась, что и в ней, «кривой и косой», как некогда показалось поэту Маяковскому, появились недавно мы, суворовцы, — в основном сыновья, внуки и братья погибших на фронтах защитников Родины.

А фельдшерице нашей медсанчасти, матери одного из кадет, Юрки Матвеева из четвертой роты, похоронка на убитого мужа и отца двух сыновей пришла именно в День Победы. Весть об этом облетела все училище, когда я и многие ребята, еще до торжественного построения для марша по городу, видели, как Юркину мать выводили под руки, словно не живую, с крыльца медсанчасти.

После возвращения в расположение суворовского всем, кто пожелал, было предоставлено увольнение в город. Даже тем, кто провинился или имел за неделю плохие оценки. Амнистия в честь Победы!..

Командир роты подполковник Петрунин, за свой нордический характер прозванный нами Каленым Железом, разрешил мне взять с ночевкой у нас дома Вовку Коробова, москвича.

Моя сестра Наталья и ее муж, Ахмет Касимович Аюпов, тогда работали инструкторами обкома ВКП(б). А моя мама возилась с их дочерьми — двухгодовалой Светкой и пятимесячной Гелькой. Суровый дядя Ахмет был старше меня на четверть века и относился ко мне, как к взрослому сыну. Поэтому за праздничным столом он, уже изрядно поддатый, игнорируя протесты жены-педагога, налил в граненые стаканы нам, кадетам с алыми погонами на черных мундирах, водки — по сто граммов «бое-

вых», чтобы за компанию с ним, партийным патрицием, выпить за Победу.

После застолья мне удалось стырить у дяди Ахмета папироску «Казбека». И, помню, мы стояли у нашего дома с Вовкой, на углу улиц Малая Галактионовская и Пушкинская, затягиваясь по очереди сладким дымом стибренной папироски, и вспоминали каждый свою войну — он ту, что пережил в Москве, а я — в Мамадыше. И совместную военную биографию — в суворовском, с сентября сорок четвертого по этот победный праздник. Смотрели, как через улицу, над молодой зеленью лип и кленов Ленинского садика и над невидимым отсюда казанским кремлем, то и дело взлетали в майское небо зеленые, белые и красные ракеты, сохраненные ранеными фронтовиками специально для этого долгожданного дня — Дня Победы.

* * *

Вовка Коробов свою карьеру начал вице-сержантом и помощником командира нашего, второго, взвода третьей роты Казанского СВУ. После пехотного училища он закалялся в необъявленных войнах: усмирял смутьянов в Восточной Германии, Венгрии, Чехословакии. Шесть дней воевал против Израиля на стороне Египта. Стал полковником. Вышел в отставку после службы в Генеральном штабе Вооруженных Сил. Отметил свое семидесятипятилетние и в тот же год завершил земное странствие. Слава Богу, не на поле боя...

Да и автор этих строк относится к числу последних пишущих свидетелей, переживших и запомнивших свою Отечественную с первого дня до последнего.

യതയെ

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР-25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Андрей Ставцев (г. Москва)

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Родился в 1983 г. в г. Орле. Окончил Литературный институт им. А. М. Горько-го. Живет и работает в Москве. В «Приокских зорях» публикуется впервые.

две птицы

Как летели из-за моря, Где сады так заманчивы, В наши степи холодные, В наши страны тоскливые, Как летели две птицы, Как летели две птицы, Как одна из них белая, А другая-то — черная... Как спустились к водице Из двух русел напиться — Как одна из прозрачного, А другая из мутного...

Ключевою водицей Занедужила птица, Занедужила белая — И заплакала черная: Ей лететь-торопиться, Да не бросить сестрицы, И не вылечить милую, И приблизиться боязно...

Нам, как двум этим птицам, Нынче плакать и биться,— Больше небо бессильное Нас не милует ласково... Так уж водится исстари, так уж в мире устроено: Птицы белые — гибельны, Птицы черные — плачущи.

* * *

Я катался в красных трамваях И желаньем чуда томился, Я оглядывался на лица, Все пытаясь найти одно... Заходил я в божью церковь — Как уютно она сияла! Видел свадьбу и слышал певчих, Но ее не нашел нигде.

А потом спешил к остановке Меж домов простых, деревянных, Где старухи, блины и сказки. Где-то здесь бродили и мы... В церкви служит добрый священник, Отвечает всем на вопросы. Ах, священник, милый священник, Как же мне ее отыскать?

ГОГОЛЯ И ДОСТОЕВСКОГО

Неподалеку от места, где улица Гоголя Пересекается с улицей Достоевского, Где проходят две трамвайные линии, По которым навстречу друг другу идут трамваи, Есть небольшая церковь,— В ней крестили меня младенцем.

Через семнадцать лет я туда вернулся: Многое было с ней связано — Надежды на жизнь лучшую, вечную, И на будущее мое, несбывшееся...

Дай нам, Господи, радость сердечную, тихую, Отлучи нас от мрака, любящий Господи, Руку свою протяни детям, блуждающим по миру, Грезящим на перекрестке Гоголя и Достоевского.

ОТРЫВОК

Есть в городе вечернем красота: Как будто неразгаданная тайна, Возникшая из детства золотого, Пытается найти себе названье... Я в это время, если это летом,

Ценю троллейбус светлый и пустой, Ползущий по намокшим остановкам Неторопливым золотым жуком, Когда в стекле оконном проплывают Витрины, кровли, окна, фонари — Чужие и прекрасные. Я помню, Как мне, как будто в огненном бреду, Явился старый контролер однажды И предложил билет в один конец С возможностью сходить на остановках. Там каждая была — особый мир, В котором можно было поселиться, Желание имея, но в итоге В конечном пункте, места на найдя Себе по сердцу, должен был остаться Несчастный странник... Странно, до сих пор Я мучаю себя вопросом: кто он? И где теперь найти его смогу? И что скажу, приму ли предложенье?..

* * *

Скрип качелей, дрожанье листка. Лед сверкает в холодном огне. Хрупизна ледяного мостка Через лужу к обтертой стене.

Трепыханье пожухлой травы У подножия чахлых кустов. Высота и хрусталь синевы Сквозь неверный налет облаков.

Полукругом сирени паук Обежал вкруг заснеженных пней И в сцепленьи немыслимых рук Пляшет танец корявых теней.

Звонко капли летят с гаражей, Из-за крыш поднимается дым — И бежит, как по блеску ножей, По остывшим березам седым.

ЧЕТЫРЕХСТОПНЫЕ ЯМБЫ

1

Цыгане, церкви, избы, реки, Над ними старые мосты, Дороги, взрытые навеки, Березы, хвоя и цветы — Все неразгаданная тайна, Чудесный страннический плот, Закономерно и случайно Берущий душу в оборот.

Мой древний край, мой край родимый, Ты весь — готовность к высоте. Какой восторг необъяснимый В твоей высокой красоте!

Пусть душат слезы неотступно Твоих чудесных дочерей, Пусть боль с любовью совокупно Живут, водою не разлей,

Пусть каждый знает обреченность На холод, злость и нищету... И все же — как мила влюбленность В твою великую мечту,

В твои страдальческие звезды, В твои великие посты, Непрочно слаженные гнезда И деревянные кресты!

2

Я не показываю вида, Считаю, зубы сжав, до ста... Но как чиста была обида, Как неприкрыта и чиста!

Избрав молчание опорой, Я к вам поднялся на этаж, И те же были разговоры, Разнузданность и пошлость та ж.

Но злая девушка сидела От вашей шайки в стороне, В окно осеннее глядела И что-то видела в окне.

К всему живому отвращенье Я на лице ее читал — Одно угрюмое презренье В глазах, рождающих металл.

И я почуял, огорченный, В глухом страдании моем Прилив любви неразделенной И к ней, и к миру за окном.

3

Люблю часы уединенья Под лампой в комнате пустой. Воздушной гостьей дорогой Сюда заходит вдохновенье.

И здесь гостит оно незримо: Поет, волнуется, грустит, В мечтах приобретая вид Всего, что невосстановимо.

Отсюда слышен шум домашних — Земной, крикливый, тяжкий шум, Но я к ним глух, жилец всегдашних Несвязных сумеречных дум:

От взора здесь не оторвутся Мои волшебные леса — В них происходят чудеса И бесконечной цепью вьются.

Но что все время хороводит По потухающим лучам? Что прозревающим глазам На смену зрению приходит?

И кто я — отголосок дней, И не моих, и непонятных, Или вместилище невнятных, Неименованных теней?

* * *

Вот полотно двора с традициями окон: Фонтан угрюм и тих в унынье одиноком. Огни ларька пивного там же, где вчера Мне блещут сквозь туман пустынного двора.

Не слышно детворы. Как призрак, встал автобус. С одышкой тишина вращается, как глобус. Проходит наркоман, безумье затая... О ты, мой край чудес! О родина моя!

НА ПРОЩАНИЕ

1

Любимая, зачем, на память приходя, Ты снова строишь дом без одного гвоздя — Воздушный замок тот, которому не сбыться? Забытое давно никак не пригодится, Как ржавый образец монеты не в ходу. Я долго до тебя под знаменем «Найду!» Отважно воевал... И вот — ты мне явилась. Ты воплотила все, что грезилось и снилось, Но удержать никак с тобой мы не смогли Ни красоты небес, ни радостей земли.

Мне снова кажется, что я — не я, а ты. Я снова навестил березы и цветы, Высокий твой подъезд и третий твой этаж. Я здесь по вечерам бродил, бессонный страж, По этой клетке лестничной, глядел в окно, Где было все — огни, где было все — темно... Вселенной тишина дышала мне в лицо, В какой-то лучший мир мне грезилось крыльцо, И пела благодать, и, светлые лучи В себе соединив, я сам пылал в ночи... Я чувствовал — а что?.. Теперь не передать. Прости, самим собой я снова должен стать. Но кем бы я ни стал, мне вечно будет нов Твой дом и твой район — окраина миров.

БАШМАЧКИ

Григорию Шувалову

Лавки тусклые с запахом кожи, Отчего вы так странно похожи На прибежище вечной души? Знаю: в полночь, как свет зажигают, Феи здесь башмачки примеряют, Как ночные цветы, хороши...

И смеются... Я думаю, можно У витрин постоять осторожно И, таясь, наблюдать их игру. Колокольчик хрустальный-хрустальный, Не тревожь его, станешь печальный И наверно заплачешь к утру...

Мне хотеться всего перестало, И теперь я прошу очень мало: Верить в то, что из кожи моей, Из ночной и тоскующей кожи Справит мастер когда-нибудь тоже Башмачки для смеющихся фей.

* * *

Когда я в комнату ввалюсь, Сорвав тугие двери с петель, Увижу: день в окошке светел... Пристыженный, остановлюсь И, меж сидящими людьми Поймав два-три усталых взгляда, Услышу: «Эй, зайди как надо. Да сбегай плотника найми».

СКАЗКИ СО СМЫСЛОМ

Николай Макаров (г. Тула)

СКАЗКИ О БЕЛОЗЁРЕ

Может сказки, а может и не сказки, может для детей, а может и не для детей.

Через год Белозёру исполнится 24 года — возраст, когда славяне женятся. Недаром Светлана заговорила с Белозёром о невесте. Маленькая-маленькая, но умная, очень умная девочка из племени Ведунов.

ВЕСТА И НЕВЕСТА

- Нет, моя прекрасная племянница, мне невеста не нужна.
- Как не нужна? Почему? возмутилась Светлана.

Белозёр рассмеялся.

- Не переживай так сильно. Кто такая НЕВЕСТА?
- Молодая девушка, которая собирается выйти замуж.
- Прислушайся: НЕ ВЕСТА. То есть это девушка, которая не была вестой, не прошла обучения, хотя и достигла половозрелого возраста. И такая девушка неспособна стать достойной женой и матерью.
 - Кто тогда ВЕСТА?
- ВЕСТА или ВЕСТАЛКА это девочка, которая с четырех лет и до половозрелого возраста, обучается тому, как создать добродетельное потомство: здоровых и красивых сыновей и дочерей.
 - А кто обучает весталок?
 - Как кто? Естественно ВЕДЬМЫ!
 - Это ты так пошутил?

Белозёр опять рассмеялся и пояснил Светлане.

- ВЕДЬМА это такая женщина, которая разбирается в науке создания и воспитания добродетельного потомства и передает свои знания молодым Славянским девушкам. «Вед» ...
 - Знаю, перебила Светлана, «вед» это ведать, знать; а «ма» мама, мать.
 - И получается ВЕДАЮЩАЯ МАТЬ или ВЕДЬМА.

КАК ВЫБИРАЮТ НЕВЕСТ

Вот что рассказал Белозёр Светлане.

— У некоторых народов, на Кавказе, например, невест тайно, силой простонапросто похищают. Не спрашивая желания самих девушек, не считаясь с ее волей. И в наши дни такое происходит, не только в древние времена.

Жители Азии, вернее, молодые и не только молодые мужчины покупают себе невест. Дают калым, то есть выкуп, родителям невесты. Тоже не спрашивая согласия самой невесты, не считаясь с ее волей.

В западноевропейских странах женихи устраивали, так называемые рыцарские турниры, в которых состязались за право завоевать себе невесту. И неизвестно какой жених доставался невесте. Она могла лишь смириться со своей участью, со своей долей.

Славянские девушки выбирали жениха сами из многих молодых людей. Выбирали себе женихов в большие праздники. В эти праздники женихи проходили множество испытаний и состязаний, в которых главным было показать не физическую силу, а уровень развития своей души, свои душевные качества. Поэтому и семьи у Славян были крепкие, большие и дружные.

- Понятно, что веста выберет себе самого лучшего жениха,— подытожила Светлана,— но и веста должна тоже быть с такой же душой, как и жених.
 - Не только.

ШЕСТЬ ОБЯЗАННОСТЕЙ

- По славянским обычаям и традициям,— продолжает рассказ Белозёр,— замужняя женщина должна выполнять ШЕСТЬ ОБЯЗАННОСТЕЙ, которые обеспечивают семейное счастье.
 - Слушаю внимательно.
- В славянском обществе жена относится к мужу бескорыстно. Относится, как мать, которая отдает своему ребенку всю себя и не стремится получить что-либо взамен. К сожалению, в нынешнее время большинство женщин в своих мужьях видят только источник своего материального благополучия и чувственного наслаждения.
- Как я поняла, это первая ОБЯЗАННОСТЬ женщины: быть с мужем, как МАТЬ.
 - Умница.

ПОМОЩНИЦА МУЖА

- A какая вторая обязанность?
- Жена, настоящая жена, всегда помощница своему мужу. Она берет на себя основную тяжесть семейного быта. Именно благодаря ее бескорыстной деятельности, в Славянских книгах женщину сравнивают с лодкой.
 - С лодкой? удивилась Светлана.
- Да, с лодкой, с помощью которой мужчина может пересечь жизненный океан. В настоящее время большинство людей, обманутых темными силами, считают, что женщинам нужно предоставить такие же права, как и мужчинам. В странах, где существует такое положение, не улучшилось, а только намного ухудшилось состояние общества. На самом деле, женщин нужно опекать всю жизнь. В детстве она находится под покровительством отца, в молодости мужа, в старости своих взрослых

сыновей. Современная же цивилизация искусственно создала новое представление о женщине как о независимом существе. Темные силы стараются уравнять мужчин и женщин в правах и обязанностях. Хотя Природа наделила мужчин и женщин различными физиологическими особенностями и способностями. Потому что природное предназначение мужчин и женщин различно. И любое уравнение мужчин и женщин противоестественно. А если противоестественно, то и нравы большинства женщин находятся далеко, очень далеко от идеала, находятся на не высоком уровне. Такие женщины, которые не являются хранительницами семейного очага, теряют связь с Прародителем, лишаются поддержки Богов, теряют связь с Родом.

— В городе,— тяжело, по-взрослому вздыхает Светлана,— постоянно встречаешь таких несчастных женщин.

СТОЙКОСТЬ ЖЕНЫ

- Как понять, что женщина должна быть как Земля? спросила Светлана.
- Несмотря на катастрофы и катаклизмы, случающиеся на планете, Земля стойко, каждодневно, ежесекундно, если хочешь, выполняет свое предназначение в поддержании и сохранении жизни. Так и настоящая Славянская жена при любых катаклизмах и катастрофах, при любых обстоятельствах должна быть стойкой, быть доброжелательной и спокойной. Должна не показывать норов мужу, не противиться ему.
 - А муж каким должен быть?
- Муж не должен стараться придирчиво выискивать недостатки жены. Муж должен благодарить судьбу, когда обнаружит в своей супруге душевную чуткость и миролюбивый характер, преданность и любовь.

КРАСОТА ЖЕНЫ

- И не только.
- Правильно. Жена всегда должна быть привлекательной, красивой для мужа.
- Пришла как-то к своей подруге домой,— вспоминает Светлана,— а там ее мама ходит по квартире в старом потрепанном, грязном халате с непричесанными волосами.
- Мало того, такие женщины на глазах у мужа в основном бывают раздражительными и злыми, но когда собираются в гости, то наряжаются, украшаются, одевают личину веселья и беззаботности, любезности и кротости. Одно сплошное лицемерие.
 - Выходит, что такие жены все это проделывают не для мужа.
- Славянские жены не замечают других мужчин и делают все самое прекрасное только для своих мужей. И любит она в первую очередь своего мужа.
 - А детей своих?
- Детей Славянские жены любят, если так можно выразиться, во вторую очередь. Если жена считает иначе, что с угрожающей частотой наблюдается в современной цивилизации, то она будет обязательно будет страдать сама и обрекает на страдания своих детей.

ЖЕНА — МУДРЕЦ

- Сколько надо знать таких премудростей Славянским девушкам и женщинам?
- Этому и обучают ВЕСТ с раннего детства, обучают быть мудрой женщиной.

Обучают, как быть привлекательной, как вести хозяйство. Обучают, как стать идеальной женой и матерью. Одним словом обучают быть достойной своего мужа, быть мужу мудрой собеседницей, а в некоторых случаях быть и советчицей.

ВЕДЬМА

- Значит, шестая обязанность Славянской жены быть ведьмой? не сбилась со счета Светлана.
- Ведающие женщины, или ВЕДЬМЫ знают, как обрести семейное счастье. Чтобы стать хорошей матерью, прежде надо быть хорошей женой, а еще раньше — хорошей женщиной. В Славянских книгах говорится о том, что настоящая женщина, то есть настоящая ВЕДЬМА должна обладать 64 качествами, необходимыми для полноценной семейной жизни.
 - А Славянские мужчины?
- Славянские мужчины тоже должны обладать 64 качествами, которые делают его совершенным для семейной жизни.

ВЕНЧАНИЕ И БРАКОСОЧЕТАНИЕ

- Белозёр, а как у Славян проходят свадьбы?
- Что такое свадьба? задал вопрос Белозёр и сам на него ответил.— Свадьба у Славян это такой обряд, когда происходит освещение семейного союза молодоженов. «Сва» означает свет, просветление; «дь» добродетель; «ба» уважение. И в целом благословение на добродетельную долгую жизнь. Во время свадьбы наши предки не кричали: «Горько!», а кричали: «Сладко!» И молодожены скрепляли все пожелания собравшихся поцелуем, чтобы вся их жизнь была сладкой, а не горькой.
 - Сейчас тоже играются свадьбы.
- Какая ты наблюдательная! Играются свадьбы. Играются, играются и очень часто вскоре распадаются такие пары молодоженов. Все почему? А потому, что в наших ЗАГСах происходит БРАКОСОЧЕТАНИЕ, то есть происходит сочетание брака хорошее дело браком не назовут! когда каждый из супругов использует другого в своих эгоистических целях. Вначале супруги борются за овладением друг другом, потом борются за то, кто главнее из них и, наконец, борются за свободу друг от друга.
 - Некоторые пары, я сама видела, венчаются и в церкви.
- Такая же игра. Просто-напросто дань моде, сплошная профанация обряда, когда бракосочетание называют венчанием. У Славян ВЕНЧАНИЕ это сведение в одно целое судьбы мужчины и женщины для семейной жизни во имя создания здоровых и красивых сыновей и дочерей.
 - Наверное, сейчас редко такие пары встречаются?
- В далеком-далеком, очень далеком прошлом мужчина и женщина, будучи одним целым, были затем разъединены.
 - Как были одним целым?
- Не это главное. Главное то, что теперь каждая из разъединенных половинок стремится найти свою вторую половину. В древних Славянских книгах содержится наука, как находить свою половину: и мужчине, и женщине. Но темные силы, которые заинтересованы в обратном, уводят людей от этой науки. И поэтому в наше время, в основном, происходят встречи чужих половинок, порой даже враждебных, которые сразу отталкиваются друг от друга.

- И дети у них становятся сиротами, добавляет Светлана.
- Если все-таки такие чуждые половинки как-то притираются друг к другу, то они чаще всего прозябают в серой, постылой жизни.

МИЛОВАНИЕ

Светлана очень любознательная и наблюдательная девочка. Поэтому она всегда о чем-то спрашивает Белозёра.

- Белозёрчик, почему сейчас люди рано стареют? Ты говорил, что наши древние предки жили долго-долго и долго-долго оставались молодыми.
 - Причин старения много. И одна из них это ругань между супругами.
 - Плохие, нехорошие слова так плохо действуют на людей?
- Еще как! Простой пример. Если поставить стакан воды в комнату, где ругаются между собой люди, а второй стакан поместить в место, где люди говорят приятные красивые слова, то вода в стаканах будет разная.
 - Как это узнать?
- Из каждого стакана капля воды помещается на маленькие стекла и замораживается в холодильнике. После замерзания воды на одном стекле наблюдается красивый кристаллический узор, а вода из комнаты, где ругались, будет иметь разрушенную структуру.
- Наши предки...— Белозёр на секунду задумался.— Да, какие там предки наши деды и бабушки в русских деревнях раз в неделю не стеснялись просить друг у друга прощения, даже если и не были виноваты, а случайно обидели. Такие отношения совершенно исключали супружескую неверность, которая не только разрушает семью, но и здоровье.
 - Это и называется МИЛОВАНИЕМ?
- Во время МИЛОВАНИЯ все недомолвки и обиды должны быть вскрыты, обсуждены и устранены.
 - Красиво, только и могла сказать Светлана.

НА РУКАХ

- Ты знаешь, как должна входить молодая жена после венчания в дом мужа? Спросил Белозёр.
 - Ногами, наверное, рассмеялась Светлана.
- Совсем наоборот. Молодой муж должен вносить на руках нареченную в свой дом. Вносить так, чтобы даже подол платья не коснулся порога.
 - Хороший обряд.
- Обряд, конечно, неплохой,— продолжал Белозёр.— Но это делается для того, чтобы невеста, переступая порог нового для себя жилища, не становилась жертвой порчи.
 - Жертвой порчи? переспросила Светлана.
- Вот именно жертвой порчи. Темные силы постарались, чтобы в каждом селении обязательно жила какая-нибудь злокозненная старушенция, которая тем и жила, что делала всяческие гадости людям.
- Да, оказывается не только приятно на руках мужа войти в новый дом, но и безопасно.
 - Это с Запада пришло: «Джентльмены пропускают женщин впереди себя».

ГДЕ СТРОИТЬ ДОМ

- Белозёр,— как-то заметила Светлана,— как легко и радостно в твоем доме! Не то, что в городе. Иногда зайдешь к подругам в гости и сразу хочется уйти.
- Не от подруг это зависит. Хотя, и от них тоже. Просто дом построен на плохом месте.
 - И как же выбрать хорошее место, где нужно строить дом?
- Славяне очень тщательно выбирали место под строительство дома. Они наблюдали, где на ночлег располагаются животные. Потом это место проверялось на наличие подземных вод. Если дом построить на русле подземной реки или ручья, то люди в таком доме будут постоянно болеть.
 - И как можно узнать о такой подземной речке?
- На выбранный участок под застройку, обычно в августе, ставили вверх дном глиняный кувшин. Если рано утром на стенках кувшина появлялись капельки воды, это указывало на наличие под землей водного русла.
 - Значит, в этом месте строить дом нельзя.
- Правильно. Кроме того, после завершения строительства дома, перед его заселением на ночь запускали кошку и наблюдали, какую комнату она выберет для своего ночлега.
 - Что потом?
- Это означает, что в этой комнате нельзя устраивать спальню. Кошки, в отличие от собак, «обожают» негативную для человека энергетику.
 - Как все просто!

О ДОМЕ

- Не только место под строительство дома,— продолжает рассказывать Белозёр,— но и материал, из которого построен дом, играет важную роль в здоровье
- Конечно, в городах в каменных и бетонных домах даже дышится тяжелее, чем в твоем деревянном доме.
- Это потому, что мой дом, как и у наших предков, построен из живого материала из дерева. Живя в деревянном доме, человек избавляется от многих болезней цивилизации. В деревянном доме люди не мучаются головными болями, не страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями и другими различными недомоганиями.
 - Белозёр, а зачем ты начал строит второй дом?
- Ты же сама сказала, что мне пора жениться. А у семейного человека, как и у наших далеких и не совсем далеких предков, должно быть два дома. В одном доме живут дети, в другом родители. Как ты видишь, второй дом будет расположен в центре сада.

САД

- Я таких деревьев, как у тебя в саду, нигде и не видела.
- Согласен с тобой. Но и в моем саду не так много видов плодовых деревьев.
- Не скромничай одних груш несколько сортов.
- Груши-то грушами, но...— Белозёр показывает на деревья, похожие на грушу.— Это дули, это кукиш. А эти, похожие на айву,— армуд, квит, пигва, гунь, гутей.

- Я и не знала этого.
- Такое, как у меня, разнообразие плодовых деревьев не предел. У наших далеких предков в священных садах росло по сто восемь видов и орехов, и фруктов, и ягод.
 - И на огородах тоже выращивали по сто восемь видов овощей?
- На огородах у славян выращивалось по сто восемь видов и овощей, и клубеньковых растений, и злаков, и даже пряностей.
 - Почему именно сто восемь видов?
 - Сто восемь это число наших русских, славянских богов.
- Я тебя не замучила почемучками? Тогда еще: почему сейчас так мало видов съедобных растений?
- Темные силы сделали все, чтобы люди забыли своих богов, поэтому и уничтожили все священные растения, которые соответствовали нашим богам.

КУЛИНАРИЯ

- Белозёр, я заметила, что ты совсем не ешь вареную пищу и мне не даешь.
- Разве то, что мы едим не вкусно?
- Вкусно, вкусно, даже очень вкусно.
- При варке многие полезные вещества уничтожаются высокой температурой. Поэтому пищу надо не варить, а томить в русской печи в глиняных горшках, специально сделанных для этого.
- И кушать,— засмеялась Светлана,— из деревянной посуды, деревянными ложками, вилками и даже деревянными ножами.
 - Ты уже многое умеешь и с послезавтрашнего дня начнешь сама готовить еду.
 - Почему не с завтрашнего?
- Завтра понедельник, а в понедельник, среду и пятницу пищу готовят мужчины, во вторник, четверг, субботу женщины.
 - В выходной день, наверное, вместе?
- Готовить пищу всегда надо в хорошем настроении. Еще лучше напевая песню.
 - Целая наука.
 - Не наука, а колдовство.
 - Колдовство?
- Да, раньше приготовление еды называлось колдовством, но темные силы все исказили, придав колдовству негативную функцию.

ПРО АЛКОГОЛЬ

- Ты знаешь, спросил Белозёр Светлану, почему люди стали так мало жить?
- Экология плохая...
- Не перечисляй дальше. Все началось с того, что темные силы ввели в питание наших предков дрожжевой хлеб и пьянящий кефир. Эти продукты блокируют тонкие механизмы памяти. Еще темные силы вместо четырех основных солей, навязали людям традицию употреблять в пищу лишь одну поваренную соль. Соль, которая увеличивает проводимость клеточных мембран, как алкоголь, и уничтожает память. Кроме того, эта соль ведет к быстрому старению человеческого организма.
 - Начали с кефира, перешли на вино? замечает Светлана.
 - К сожалению, не так все просто. Но люди, употребляющие алкогольные на-

питки, в конечном счете, теряют человеческий образ, деградируя и скатываясь в отбросы общества. И если в малых дозах алкоголь может служить лекарством, то в больших дозах алкоголь является страшным ядом.

- Пиво тоже яд?
- И пиво, и вино, и водка: все страшный яд. В настоящее время повсеместная бесконтрольная торговля любыми спиртными напитками направлена на нравственное и физическое разложение нашего народа. В первую очередь разрушается кора головного мозга, которая больше других подвержена разрушению алкоголем. Давно подмечено, что пьяница вначале пропивает не вещи и деньги, а совесть. Но алкоголь опасен и для физического здоровья, особенно когда употребляют суррогаты алкоголя.
 - У древних славян тоже были алкоголики?
- Нет, у наших далеких предков не было алкоголиков по простой причине: первое вино на Руси появилось вместе с христианством. И с глотка вина из чаши для причащения началось алкоголизация русского народа. Вот с этого времени и появились на Руси первые алкоголики. Наши древние предки употребляли такие напитки, о которых сейчас мало кто знает.
 - Ты знаешь?
 - Это священные напитки славян: СУРИЦА, AMPИТ, COMA.
 - Эти напитки сейчас нигде и не найдешь, наверное?
- Темные силы постарались. Они, не покладая рук и не давая высохнуть винным бочкам, до сиз пор продолжают в немыслимых масштабах спаивать народ. И на сегодняшний день в нашей стране каждый год рождаются около двухсот тысяч умственно отсталых детей. А на три тысячи рождающихся детей только ОДИН является здоровым.
 - Страшная картина получается.

О ТРУДЕ

Как-то раз Светлана спросила Белозёра:

- Скажи мне, пожалуйста, как может из обезьяны получиться человек?
- Какие ты вопросы задаешь? удивился Белозёр.
- Прочитала в одной книжке, что труд может превратить обезьяну в человека.
- Жил в Англии такой ученый Чарльз Дарвин, и он утверждал, что с помощью изменчивости, наследственности и отбора можно создавать любые виды животных и растений. Своей ложной теорией он объяснял всю эволюцию на Земле и дошел до абсурдного вывода, что человек произошел от обезьяны.
 - Почему же Дарвина изучают в школах?
 - Это выгодно темным силам дурачить с малых лет землян.
 - А про труд тоже Дарвин придумал?
- Про то, что труд может превратить обезьяну в человека, придумал его последователь Фридрих Энгельс.
 - Это не так?
- Абсолютно не так! Когда придумали конвейерную систему труда, то всего через шесть месяцев человек превращался в полнейшего идиота. В лагерях же, где работали заключенные, людей доводили до животного состояния за более короткие сроки.
 - Да,— только и смогла вздохнуть Светлана.
- Труд,— продолжал Белозёр,— вернее, работу, темные силы специально для всего Человечества превратили в самоценность для того, чтобы более эффективно и продуктивно эксплуатировать ресурсы нашей планета и самих людей. И эти темные силы, если хочешь, создали на Земле «всемирный трудовой лагерь».

КТО УНИЧТОЖАЕТ КУЛЬТУРУ

- Какие плохие книжки сейчас выпускают для детей,— пожаловалась Светлана Белозёру.
- Не только книги для детей, но и всю нашу культуру, все знание Человечества стараются уничтожить темные силы. К сожалению, темным силам в уничтожении помогают сами люди.
 - Все люди помогают?
 - Конечно, не все. Кратко расскажу о некоторых из них.
 - Слушаю.
- Во-первых это люди без духа. Их можно узнать по бесцельному существованию. Ими легко управляют СМИ.

Второй тип таких особей легко распознается по тому, как они ссорят людей между собой, обманывают их. Они везде видят только плохое и отрицательное. Они не способны генетически видеть что-либо положительное в жизни.

И третий тип — это люди без души.

- Бездушные люди знаю таких, замечает Светлана.
- Эти люди легко обнаруживаются своим поведением, в котором отсутствуют представления о морали и милосердии. Имеются и другие типы людей, которые разрушали, разрушают и будут, к сожалению, разрушать нашу культуру и наши знания.
 - Белозёрчик, неужели так все плохо?
- Плохо, плохо, но не совсем. Были, есть и будут люди, которые возродят Славянскую культуру и Славянские знания.

О КУЛЬТУРЕ

- Основным принципом славянской, русской культуры было,— продолжает Белозёр,— «О человеке только хорошо или ничего». Этот принцип сейчас применяют только для умерших людей.
 - Который, наверное, постоянно нарушается, добавляет Светлана.
- Нарушается, нарушается даже по отношению к умершим людям. Но именно этот принцип и определял созидательные процессы в обществе и в природе.
- Как все просто: говори о людях только хорошее и вокруг будет только хорошее.
- Так-то оно так, но что получается? Кому-то человек признается в своей любви и тут же выливает весь свой негатив на какого-то там политика или артиста.
 - И почему так?
- Потому, что людей запрограммировали жить по принципу: «О человеке только плохо или ничего». И после того, как большинство стало придерживаться этого принципа, в мире начались катастрофы и разрушения. Когда мы говорим и думаем о положительном, тогда мы усиливаем и умножаем положительное.
- И наоборот,— опять добавляет Светлана,— когда мы говорим об отрицательном, тогда мы притягиваем и нагнетаем все отрицательное.

ОБ УЧЕБЕ

- И чему сейчас учат в школах? возмущалась Светлана. Даже посещать ее не хочется.
 - Это у тебя генетическая память сопротивляется нынешнему школьному обра-

зованию, — поясняет Белозёр. — Не только обучение детей наших далеких предков, но и проверка знаний учеников сильно отличалась от теперешней.

- Даже оценки ученикам ставили по-своему, по древнеславянскому?
- Раньше существовала отметочная система проверки знаний, когда сами ученики отмечали удачу другого ученика. Но темные силы постарались и ввели оценочную систему, которая приводит к развитию эгоизма. В результате этой, так называемой «реформы» у детей стало формироваться самоутверждение перед другими.
 - Это плохо?
- Это полностью блокирует в человеке всякое творческое начало и способствует одичанию и развитию крайнего индивидуализма. А индивидуализм препятствует пониманию других людей, поэтому такие люди не могут договориться между собой, тем более сплачиваться в коллектив. Развитие индивидуализма или, что одно и тоже, эгоизма в школе блокирует развитие мышления и делает человека самолюбивым.
 - И самолюбие?
- И самолюбие не позволяет достигнуть высоких коллективных целей, чего и добиваются темные силы.

О МОРАЛИ

- Белозёр,— чем старше становится Светлана, тем сложнее задает вопросы,— у нас в стране сейчас непонятно какой строй. Капитализм ли, социализм или какой другой -изм?
 - Тебе это интересно?
- Не особенно,— Светлана задумалась,— меня больше интересует, как жили наши древние предки, Славяне. Каких принципов они придерживались?

Теперь задумался Белозёр: как популярно и доходчиво объяснить своей племяннице о жизнеустройстве древних Славян.

- Наши предки жили в общине и благодаря этому была сформирована общечеловеческая мораль.
 - Что такое «Общечеловеческая мораль»?
- Все просто: это правила поведения людей по отношению к другим людям. И эти моральные принципы позволили просуществовать Руси как единому целому государству многие тысячи лет. Община в нашем государстве просуществовала до прошлого века, а в других, так называемых цивилизованных, государствах народы утратили общинный уклад полторы тысячи и более лет назад.
 - Значит, русский народ отличается от других народов?
- Конечно. Только русским присущи врожденные, я повторяю врожденные, общинные качества, на которых основана древнерусская мораль. Эти семь врожденных качеств, несмотря на происки темных сил, еще сохранились в нашем, русском народе.
 - Давай разберем эти качества по порядку, попросила Светлана.

ТЕРПИМОСТЬ

- Добродушие или терпимость,— начал свой рассказ Белозёр,— было основной национальной чертой наших предков.
 - Почему было? А сейчас как?
- К сожалению, сейчас этот моральный принцип не поддерживается на государственном уровне. Принцип, благодаря соблюдению которого мы сможем противо-

стоять темным силам, противостоять вырождению и мутациям. Но, в то же время, терпимость не равнозначна пассивности и безынициативности.

- То есть нужно относиться внимательнее друг другу, не кричать, слушать других, не смеяться над другими.
- Правильно. В нашем народе давно подмечено, что не в ругани, не в размахивании кулаками, а в спокойствии настоящая сила. Поэтому состояние терпимости служит для накопления внутренней энергии, которая рождает в человеке устремленность. Устремленность в будущее, устремленность к поставленным целям.

Пословииы:

- Без терпенья нет спасенья.
- Терпенье дает уменье.
- Терпение и труд все перетрут.

УВАЖЕНИЕ

- С моральным принципом уважение связаны такие качества человека, как сострадание, сочувствие, способность войти в положение другого человека и понять причины его состояния.
- В кинофильме «Доживем до понедельника» главный герой в сочинении о счастье написал: «Счастье это, когда тебя понимают».
- Молодец, ты у меня! Главное условие единства нации и государства это взаимопонимание людей. Бытовавшее на Руси взаимопонимание позволило ей просуществовать тысячелетия.
 - Как мало и как много для этого надо.

Пословицы:

- Где совет, там и свет.
- Hem того любе, как люди людям любы.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

- Основой этого морального принципа является характерная для наших предков преданность традициям и национальным святыням. Почитание старших одно из проявлений принципа преемственности было отражено в древнерусском языке наличием звательного падежа.
 - Почему его сейчас в русском языке не существует?
- В процессе разложения темными силами общинной морали этот падеж полностью исчез из нашего языка.
 - Когда это произошло?
- Все началось тогда, когда на Руси стали создавать государство по западному типу, когда древнерусская общинная мораль стала разлагаться. А отказ от прошлого вызывает смертельную болезнь Человечества.
 - Не понимаю тех людей, которые не помнят своих дедов и прадедов.
- В настоящее время встречаются и такие люди, которые не помнят даже своих родителей.
 - Какие же это люди? Они нелюди.

Пословицы:

- Все по-новому, а когда по-старому?
- Своих друзей наживай, а отцовских не теряй!

СООТВЕТСТВИЕ

— Проявление принципа соответствия у нашего славянского народа всегда было крайне обостренное чувство справедливости. Этот принцип на тысячелетия отображен в наших пословицах.

Пословицы:

- Как аукнется, так и откликнется.
- Какую дружбу заведешь, такую жизнь и проведешь!
- С кем поведешься, от того и наберешься.

СОИЗМЕРИМОСТЬ

- Белозёр, что такое соизмеримость?
- Врачи, все медики придерживаются принципа: «Не навреди!» Что для нас с тобой и для всех людей означает соизмерять свое поведение так, чтобы не навредить окружающим. Простой пример: когда соседи среди ночи включают музыку на всю громкость.
 - Или не уступают в транспорте место старушкам.
- С этим тоже приходится сталкиваться постоянно, к сожалению. Тем не менее, люди никогда не жили в своей повседневной жизни по законам конституции, по указам и постановлениям. Наши предки всегда жили, да и сейчас многие русские люди живут по нормам морали, которые передаются из поколения в поколение.
 - Как я поняла: надо, даже необходимо всем жить по совести.
- Правильно. Ведь приоритет морали над правом, который существовал тысячелетия у славян и сейчас существует в России, это не признак отставания нашей страны от цивилизации. Это условие подчинения права морали. Когда же мораль подчиняли праву, в России всегда происходили смуты и бунты.

Пословицы:

- Взялся за гуж не говори, что не дюж!
- Чьим умом живешь, того и песенку поешь.

ОТКРЫТОСТЬ

- Как ты думаешь,— спросил Светлану Белозёр,— почему наш народ так преклоняется перед западом?
 - Честно говоря, даже не догадываюсь.
- Все очень просто. В силу своего общинного характера, русский народ почитает других, как самого себя или даже выше, принимает чужие мысли и идеи, как свои. Эта открытость показатель духовной зрелости человека. Вмещая в себя мысли и чаяния других людей, человек приходит к глубокому пониманию, что происходит вокруг него.
- Почему же тогда, многие, особенно молодые люди, так восхищаются западным образом жизни?
- Если открытость не уравновешивается почитанием предков и их традиций, то проявляются отрицательные, негативные стороны открытости. Задача нашего народа вбирать в свою культуру от других народов только самое лучшее.

Пословицы:

- Кабы знал да ведал всего отведал.
- Не узнав горя, не узнаешь и радости.
- Счастье без ума дырявая сума.

СОТРУДНИЧЕСТВО

- С моральным принципом сотрудничество связана отзывчивость русского характера.
 - Это когда все вместе?
- Наша общинная мораль ведет к общности, а где присутствует конкуренция там и разрушение. Западная мораль всегда проповедует крайний индивидуализм, который порождает глобальный кризис человеческой личности. В результате следования этой морали, человек оказывается отрезанным, отсеченным от общности и духовности, от семьи и друзей, от своей нации и государства.
 - Плохо так жить по принципам западной морали-то.
- Сегодня темные силы стараются изо всех своих сил привить эту мораль и нашему русскому обществу.
 - Вряд ли у них это выйдет.
- Наши предки жили и нам завещали по нормам морали, которые передаются из поколения в поколение.

Пословицы:

- Глуп совсем, кто не знается ни с кем!
- Одна пчела не много меда натаскает.
- Одной рукой и узла не завяжешь.

РАССТОЯНИЯ НАШИХ ПРЕДКОВ

- Белозёр, прочитала недавно про такой размер, как косая сажень в плечах.
- У наших предков древних славян была совсем другая система измерений. В частности, измерения расстояний называлась: Пядевая Система мер длины и расстояний. Косая сажень расстояние от края одного плеча до края другого составляло чуть более трех метров.
 - Такие большие были наши предки?
 - Со временем узнаешь.
 - Про другие размеры расскажи.
- Древней системе измерения расстояний, которой повсеместно пользовались наши предки, позднее были даны бытовые привязки и пояснения, сохранившиеся в сказках и поговорках Русого народа.
 - Семь пядей во лбу 17,78 см х 7 = 124,46 см.
 - От горшка два вершка (вершок = четверть пяди) 4,445 см х 2 = 8,89 см.
 - Mужичок c ноготок (ноготок = четверть вершка) 1,11125 см.
 - Каждый мерит на свой аршин (аршин = 4 пяди) 71, 12 см.
 - Просчитал каждый шаг (шаг = 5 пядей) 88,9 см.
 - На волосок от смерти приблизительно 0, 0434 см.
- Даль чуть больше 227 километров, а точнее 227612,448 м. У нашего замечательного писателя Александра Твардовского, который написал знаменитую поэму про Василия Теркина, есть и другая поэма: «За далью даль».
 - Еще я слышала про светлую даль.
 - Как можно догадаться, *светлая даль* это расстояние от Солнца до Земли.
 - И темная даль есть?
 - Да, и находится она на расстоянии в 65 раз ближе к Земле, чем Солнце.

КАРОВА, КОШКА И ПЕТУХ

- Почему кАрова, а не кОрова?
- Ты знаешь, кто такие Арии? вопросом на вопрос ответил Светлане Белозёр.
- Предки древних славян, древние славяне наши предки.
- Темные силы специально заменили букву «А» на букву «О» в этом слове. По слогам «карова» прочитывается так: К Арию ОВАющая (то есть взывающая). Сегодня вечером послушай нашу карову, когда она будет возвращаться с луга. Внимательно прислушайся утомленное животное кричит не «му-у», а «м-м-о-о-о-в-в-а!».
 - Значит, она напрямую обращается к Арию и, выходит, обращается к нам.
 - Невольно, конечно, обращается.
 - A в слове «кошка» какая буква изменена?
- Буква не изменена, но прислушайся, как она «мУР-Р-Р-лыкает»? Она произносит, хотя и несознательно, священное слово для славян «УР».
 - И петух?
- Да, по этой причине и петух когда-то был очень почитаемый. Он «ку-каречет». То есть очень четко произносит Букову Р-Рекуче.
 - Как ты сказал: «Букову Р-Рекуче»?
 - Точно так, это начало твоего первого урока по Всеясветной Грамоте.

* * *

Белозёр и Светлана — персонажи выдуманные... на чуть-чуть, на самую малость... Этим летом автор провожал Белозёра и Светлану далеко-далеко: Белозёра — за невестой, Светлану — обучаться Всеясветной Грамоте и Мудрости Славян...

Надеюсь, что мы еще встретимся с ними...

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ

ЕДИНЕНИЕ ДУХОМ И ПАМЯТЬЮ

(Дням русской духовности и культуры «Сияние России» — 17 лет)

Святые традиции зародились на нашей гостеприимной сибирской земле. Семнадцатый год подряд (с 26-го сентября по 3-е октября) отмечали в 2010 году иркутяне и гости города Дни Русской духовности и культуры, именуемые «Сиянием России», инициатором которых все это время был писатель Валентин Распутин и областное министерство по культуре и молодежной политике при администрации Иркутской области.

На открытие первого праздника «Сияние России» осенью 1994 года по приглашению Валентина Григорьевича в Иркутск приехали Председатель Правления Союза писателей России Валерий Ганичев, писатели Василий Белов, Владимир Крупин, Семен Шуртаков, Леонид Бородин (гл. редактор журнала «Москва»), поэт Станислав Куняев (гл. редактор журнала «Наш современник»), публицист Александр Казинцев, критик Ксения Мяло, а также известные деятели культуры и искусства. Особую праздничную атмосферу в проведении Дней Русской духовности в ту осень создавали своими выступлениями исполнители русских народных песен Татьяна Петрова и Александр Шахматов. Переполненные зрителями концертные залы, стоя, аплодировали талантливым солистам, заслуженно снискавшим мировую известность...

Много воды утекло за прошедшие 16 лет со дня первого праздника «Сияние России». Невосполнимая потеря постигла нас за эти годы — ушли из жизни дорогие нам люди, неоднократно участвовавшие в Днях Русской духовности и культуры на благословенной иркутской земле... Никогда теперь с живой пламенной речью не выступят в защиту нашего многострадального Отечества, его национальной русской литературы и культуры Всеволод Троицкий, Эдуард Володин, Сергей Лыкошин, Алексапндр Панарин, Георгий Жженов, Юрий Кузнецов, Николай Олялин и др.,— не поддержат их жарким праведным словом и ушедшие за эти годы наши талантливые сибирские поэты и прозаики Геннадий Машкин, Надежда Тендитник, Ростислав Филиппов, Иннокентий Черемных, Евгений Суворов...

Пусть земля им будет пухом, а их трепетные души найдут на небе вечный покой! Мы — живущие и здравствующие сегодня — литераторы и историки, публицисты и музыканты — всегда будем чтить их незабываемый вклад в духовное наследие нашего великого православного народа.

...Нынешние Дни Русской духовности и культуры, «Сияние России», начались 26-го сентября с крестного хода от собора Богоявления до Соборной площади у Спасской церкви, сопровождаемого колокольным звоном. Затем архиепископ Иркутский и Ангарский Владыка Вадим отслужил Молебен «Во славу земли Сибирской и возрождения мощи государства Российского...» В молебне он призвал иркутян и гостей города к духовному единству в это смутное для всех нас время. Говорил о нравственных истоках Русского Православия, о его историческом и духовном наследии, столь важном сейчас для возрождения России. Отметил, что Православная Русь не раз переживала ощущение своей гибели на острие той или иной исторической эпохи, но всегда общими усилиями душ человеческих достойно выходила из кризиса...

В этот же вечер в Доме литераторов им. П. П. Петрова состоялась встреча гостей Дней Русской духовности и культуры «Сияние России» с иркутскими писателями. Среди приглашенных для участия в «Сиянии России» были академики, историки, кандидаты философских наук, а также известные российские писатели и поэты — лауреаты многих российских и международных литературных премий. Среди них можно назвать Владимира Крупина, Андрея Воронцова, Владимира Попова, Игоря Шумейко, Геннадия Иванова, Аркадия Елфимова, Евгения Семичева, Юрия Перминова, Валерия Михайлова, Марину Ганичеву, Сергея Котькало.

Утром, 27 сентября, состоялась встреча участников «Сияния России» с преподавателями и студентами Иркутского государственного университета путей сообщения, на которой, кроме вышепредставленных гостей праздника, выступили со своими произведениями иркутские поэты Владимир Скиф, Андрей Румянцев, Владимир Корнилов и Михаил Трофимов.

На встрече были подняты животрепещущие проблемы, касающиеся дальнейшего выживания отечественной литературы и национальной культуры в условиях разрушительных процессов, происходящих в наше время...

После продолжительного, двухчасового выступления, хозяева этого престижного ВУЗа устроили гостям этой памятной встречи настоящий, по русским обычаям, богатый разносолами и всякими напитками праздник, подарив им коллективное фото и цветы. А писатели отблагодарили их за такое радушное гостеприимство своими книгами.

С глубокой болью и тревогой за судьбу России на этой встрече выступали многие из приехавших к нам на «Сияние России». Отмечалось, — что несмотря на больше-

вистский разор, продолжавшийся более 70 лет и нанесший непоправимый урон духовным силам Отечества и его культуре, а также «новаторские реформы», разорившие страну и обокравшие до нитки народ,— все же созидательные процессы в душах людей ни на минуту не прекращались. Из руин и пепла возрождались и возрождаются маленькие церквушки, большие церковные посады и храмы. Земля продолжала и продолжает родить даже в это «смутное время» своих талантливых музыкантов и художников, поэтов и писателей, ученых и мыслителей.

И мы вправе гордиться такими удивительными писателями и поэтами, снискавшими себе мировую известность даже в годы советской цензуры, как Сергей Есенин,
Михаил Шолохов, Павел Васильев, Николай Рубцов, Василий Шукшин, Александр
Вампилов, Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Федор Абрамов,
Анатолий Иванов, Виктор Проскурин и мн. другими именами, прославившими нашу
отечественную литературу, которая продолжая традиции Александра Пушкина, Льва
Толстого, Федора Достоевского и иных великих мастеров русского художественного
слова,— своими лучшими произведениями всегда воспитывала в людях высокие
нравственные качества, формировала вкус читателя. Вопреки разрушительным реформам, происходящим в последние, так называемые «перестроечные» годы, русская
литература не умерла, не исчезла из нашего бытия, как это предсказывали и не перестают предсказывать зарубежные политологи, а продолжает жить и волновать нас
своими острыми публицистическими и художественными произведениями, исторически достоверно отражая непростое, на изломе двух тысячелетий, время.

Но несмотря на обнадеживающие факторы, в выступлениях с тревогой отмечалось и то, что с годами все заметнее растет в нашем общественном сознании духовное беспамятство. Это один из самых тяжких грехов, лежащих на человеческой совести. Да и что может быть страшнее и ужаснее беспамятства любви, беспамятства корней своих, беспамятства национальной истории и культуры...

После обеда писатели, Владимир Крупин и Игорь Шумейко, провели литературную встречу в Областной государственной универсальной научной библиотеке им. И. И. Молчанова-Сибирского, посвященную актуальным проблемам развития современной отечественной литературы и национальной культуры в условиях жестокого рыночного уклада жизни.

Собравшиеся на встречу — с глубоким вниманием слушали в беседе убежденную речь Владимира Крупина о литературе, — что богата она была и есть талантами, черпающими свои духовные и нравственные поиски тем из кладези народной жизни... многократными аплодисментами встречали его, — напоенную богатыми поэтическими образами, самородную речь, черпали из выступления писателя неистребимую веру в духовное могущество Православной России.

С глубоким интересом и вниманием отнеслись в молчановской библиотеке и к выступлению Игоря Шумейко, который в ярких иллюстративных примерах рассказывал об искаженных фактах в исторических книгах о начале Великой Отечественной войны, об ее первопричинах, а также увлекательно поведал собравшимся об истории создания отечественной водки «Смирнов», золотую марку которой долгие десятилетия пытались подделать спиртопроизводящие государства.

В конце выступления писатели подарили Областной молчановской библиотеке свои книги...

29 сентября в 12-00 и в 14-00 у прозаиков и поэтов прошли также большие литературные выступления перед студентами и преподавателями Байкальского государственного университета экономики и права и Восточно-Сибирской государственной академии образования.

Участниками этих торжественных мероприятий были писатели Владимир Крупин, Игорь Шумейко, Геннадий Иванов, Владимир Попов, Юрий Перминов, Валерий

Михайлов, Аркадий Елфимов, Юрий Баранов, Андрей Румянцев, Евгений Семичев, Владимир Корнилов.

Вечером того же дня в здании Иркутской областной филармонии состоялись два значимых творческих мероприятия — большой вечер поэзии с участием выше перечисленных писателей и открытие фотовыставки Аркадия Елфимова «Ангел Сибири».

Все произведения фотохудожника привлекают нас прежде всего правдивостью изображения, родной сибирской тематикой — будь это старинные тобольские дворики с их живописными в узорчатой резьбе избами-теремами или это церквушки и храмы на взгорьях, возносящие свои золоченые кресты и островерхие маковки к небу, заставляющие нас остановиться среди сумятицы и заполошного бега и хоть на минутку задуматься о сути человеческого бытия, — будь это портреты близких и дорогих ему людей, освещенные душевным теплом.

Великолепны его творческие работы и о сибирской природе — трепетное ли в них пробуждение весны с ее молодыми хмельными побегами, шествие ли плодоносной осени, вылившейся своими красками и щедрым урожаем плодов и ягод в цветистую ярмарку или это взъяренное от бури дыхание Байкала. Здесь Аркадий Елфимов очень требователен не только в выборе красок, но и самих сюжетов и композиций, которые гармонично потом соединяются в единое произведение, отражающее в себе переживания художника, долгие раздумия над жизнью, его сложный внутренний мир.

Все фотоработы Елфимова проникнуты светом любви к человеку и ко всему живому. Они учат нас красоте и добру, возвышают над бытом.

30 сентября состоялась встреча российских писателей на филологическом факультете Иркутского государственного университета, на которой между мастерами художественного слова и присутствующими в аудитории студентами и преподавателями в жаркой и обоюдоострой полемике обсуждались «пути дальнейшего развития отечественной литературы».

И хотя отдельные выступления филологов предопределяли в недалеком будущем тупиковый путь развития нашей национальной русской литературы, ставили под сомнение ее духовно-патриотическое и нравственное влияние на формирование сознания читателя, отрицали ее связующую роль с историей нашего Отечества,— все же дискуссия оказалась, по-видимому, полезной для обеих сторон, так как по окончании этой встречи гостей провожали продолжительными аплодисментами.

Участниками этого неординарного для филологов мероприятия были писатели: Владимир Крупин, Геннадий Иванов, Владимир Попов, Игорь Шумейко, Андрей Воронцов, Андрей Румянцев.

Не менее интересной в этот же день прошла в Областной государственной универсальной научной библиотеке им. И. И. Молчанова-Сибирского и фотовыставка «Вся Сибирь и Тобольск», посвященная 60-летию сибирского мецената и издателя Аркадия Елфимова с участием поэта Юрия Перминова.

О работах А. Елфимова я уже рассказывал чуть ранее. Они, где-бы... на каких-либо фотовыставках не выставлялись, всегда вызывали у посетителей высокий интерес, завораживали своей, вроде бы, ненарочитой простотой,— но в каждой из них чувствовался глубинный талант мастера, идущий от истоков русской национальной культуры...

Тепло и радушно... аплодисментами встречали в «молчановке» и стихи Юрия Перминова, замечательного русского поэта, имя которого на слуху у многих любителей изящной словесности. О его самобытном творчестве неоднократно писали известные российские критики и маститые поэты, в числе которых можно назвать и знаменитую поэтессу Надежду Мирошниченко, предопределившую высокую стезю поэта в русской литературе.

Вот и на этом, юбилейном, вечере звучали прекрасные, по своей духовной сути и гражданской наполненности, стихи Юрия Перминова.

Удивительно теплой прошла в это же самое время встреча поэтов Валерия Михайлова, Владимира Корнилова, Евгения Семичева, Владимира Максимова в Гуманитарном центе — в библиотеке имени семьи Полевых, собравшей полный зал любителей изящной словесности.

После выступления писатели подарили библиотеке свои книги с автографами, а милые, добрые хозяюшки угостили их не только фирменным чаем со всякой домашней и гастрономической снедью, но и кое-чем посущественнее...

Все последующие дни были также наполнены творческими встречами, концертными программами, посещением музеев и художественных выставок. Время приходилось расписывать буквально по минутам: хотелось везде успеть, увидеть, услышать, почувствовать красоту и гармонию человеческой души, воплощенные в фотографии, музыку, стихи, краски... Да и сама сибирская осень с золотом и багрянцем листьев и ясными, с легким морозцем, погожими днями, наполняла душу каким-то глубинным смыслом, неистребимой верой в созидательные силы...

Как я и писал ранее, всех писателей согласно программе фестиваля разделили на творческие группы, которые выступали в различных аудиториях университетов, библиотек, лицеев... Даже с выездом в сельские поселки.

Так 29 сентября состоялись поездки в Усть-Уду, на малую родину русского классика (к счастью нашего современника и земляка), писателя Валентина Распутина, и в Ангу, а 2 октября группой около 20 человек мы посетили Кутулик, родину знаменитого драматурга Александра Вампилова. Везде очень радушно, по-сибирски, встречали нас хлебом-солью местные творческие коллективы и представители поселковых администраций в библиотеках, музеях, клубах. Это были незабываемые поездки, где многие из гостей просто не верили в возможность такого чуда, своими глазами, воочию, увидеть редкие экспонаты из жизни и творчества этих великих мастеров самородного русского слова.

Особым подарком для гостей и писателей Иркутска была поездка 3 октября по Кругобайкальской железной дороге, где путешествуя на комфортабельном поезде вдоль горных сопок Байкала, мы незаметно провели 15 удивительных, незабываемых часов, восторгаясь красотой и мощью огромного, раскинувшегося на сотни километров моря. А 37 памятных тунелей, встретившихся на пути следования, — разве могли пройти для нас незамеченными?! Перед несколькими из них — самыми значительными по протяженности и своей архитектурной привлекательности — поезд останавливался, а экскурсоводы рассказывали нам о тех архитекторах и первостроителях, которые сумели построить такую необходимую для России, в стратегических целях, железную дорогу.

Кроме познавательной стороны знаменательного путешествия,— для ощущения своего физического здоровья, некоторые, из сильно теплокровных писателей, даже купались в студеной байкальской воде. И это очищение духа Байкалом, я думаю, было им на пользу.

А для утоления жажды на заключительном этапе «Сияния России» оргкомитет (в лице Любови Ивановны Васильевой) загрузил в эту поездку огромные запасы всякой снеди и напитков, которые ежеминутно и даже посекундно истреблялись нашим не в меру разыгравшимся аппетитом. Возвращались в Иркутск уже около полуночи...

На следующий день с легкой грустью и надеждой на новые встречи разъезжались мы по домам. Но надолго остались в памяти и по сей день согревают душу воспоминаниями эти незабываемые Дни Русской духовности и культуры на сибирской земле, сумевшие сплотить всех нас воедино и продемонстрировать мощный духовный и творческий потенциал одной из глубинок России.

ПОТАЕННЫЕ МЫСЛИ ВОЖДЯ

«Думаю, что помпезное телешоу «Выбери имя России» (2009), когда среди наиболее почитаемых в народе имен долгое время оставался Сталин, вызвало новый интерес столичных писателей-документалистов к этой исторической фигуре. Станислав Рыбас, Бенедикт Сарнов, Сергей Семанов... Но наибольший интерес, пусть и не сразу, не с первого захода, убежден, вызовет роман Алексея Яшина*. И вот почему: Яшин в своем романе не говорит за Сталина, не описывает вождя с той или иной степенью достоверности или явного художественного вымысла, а предоставляет слово ему са-MOMV».

Так пишет ведущий российский критик Леонид Ханбеков (журнал «Московский Парнас», 2010, № 89 Свой взгляд. 146—150 с.), заслуженный работник культуры России, вице-президент Академии

российской литературы в своем отзыве на новую книгу известного современного русского писателя Алексея Яшина, члена Правления названой Академии и главного редактора всероссийского «толстого» литературного журнала «Приокские зори».

Действительно, книжная Сталиниана растет год от года, уже насчитывая не одну сотню томов. Здесь следует отметить, что почти все изданные книги о Вожде написаны в

жанрах публицистики и документалистики. Из беллетристики можно назвать, пожалуй, только известный роман Владимира Успенского «Тайный советник вождя». И это все до опубликования книги Алексея Яшина с посвящением: «К 130-летию со дня рождения государственного деятеля, создателя сверхдержавы СССР и военно-политического стратега Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили) (1879—1953)».

Так о чем же эта книга, с момента издания сразу привлекшая внимание читателей, столичных и провинциальных литературных критиков? И кто автор в аспекте его отношения к Сталину? — Ярый ли его апологет, коммунист-сталинист, кондово зацикленный на ортодоксальном марксизме-ленинизме? Начнем со второго тезиса-вопроса.

Автор в своем пространном введении «Не сотвори

(Юный Иосиф Джугашвили)

себе кумира» не скрывает своего объективно-критиотношения к нашей «славной» действительности. На то он и типичный представитель русского критического реализма. Ибо по определению настоящий писатель в царской России, в СССР, опять в России, но уже президентской, находился и находится в определенной оппозиции к власти. Главное, чтобы эта оппозиция являлась конструктивной,

290

^{*} Яшин А. А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия Российской литературы, Независимое литературное агентство «Московский Парнас». - М.: «Московский Парнас», 2010. - 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

а не злопыхательской — типа диссидентов-сочинителей 60—80-х годов. Но в то же время автор «Катехизиса» прямо уточняет: «Автору этой книги и в страшном сне не являлось, что он-де член какой-либо политической партии или движения, а юность — самое впечатлительное время в генезисе человека — пришлась на «эпоху Брежнева». Все сказанное в настоящей книге никак не может являться «ностальгией сталиниста», политическим компатриотством или биологически обусловленным возрастным нонконформизмом к окружающей действительности. А является пресловутыми плодами «холодных размышлений и сердца горестных замет».

Ответом на первый же вопрос является последующее содержание настоящего очерка. Именно очерка, а не дежурной рецензии-отзыва.

Как отметил Леонид Ханбеков (см. выше), доминанта романа — предоставить слово самому Вождю. Естественно, в литературно-художественной «аранжировке» автора романа. Как удачно названа одна из книг Сталинианы: «Слово товарищу Сталину». И еще одна ремарка. Среднестатистический читатель, взяв книгу в руки и узнав, что это роман о Сталине, мигом вспомнит прокатившуюся в 2007—2010 гг. на ТВ серию фильмовфантазий о личной жизни Вождя, включая постельные сцены. И решит, что роман Яшина сугубо динамическое действе по схеме «Сталин — Берия — ГУЛАГ» или «Сталин — его жена — жертвы тоталитаризма». И так далее в последовательности перебора штампов от СМИ со времен Хрущева с перерывом на все ту же «эпоху Брежнева».

Ан все наоборот. Действие романа сугубо статическое: ночные размышления простудившегося в слякотный февраль 1953-го года Вождя, которого уже чрез две недели не будет. Останется только созданная им сверхдержава СССР, а для читателя книги — его потаенные мысли. Мысли величайшего в XX веке одновременно практика-политика и идеалиста. Отсюда и название романа-размышления. Полагаем, что этимологию слова «катехизис» особо пояснять не следует (с греч. — общедоступный, изложенный в виде вопросов и ответов... учебник).

Как писал в одном из своих сочинений «на вольную тему» Солженицын — полный антипод государственнику Сталину, злобный разрушитель Советской страны — в лагере он занимался стихотворчеством. А так как записывать (по его словам) их было не на чем и нельзя, то он каждый вечер, перед сном, закреплял их в памяти мысленным повторением. Пример, согласимся, не совсем удачный, но Вождь в романе Алексея Яшина в бессонные, например, по причине болезни, ночи также конспективно в мыслях своих «прокручивает» все важнейшие вехи своей жизни и деятельности. Вся же интрига в том, что это потаенные мысли. Из числа тех, что Вождь не доверяет их даже своей знаменитой фуражке генералиссимуса. И вовсе не потому, что они содержат какую-либо крамолу. Нет, просто в делах и мыслях любого выдающегося государственного и политического деятеля параллельно сосуществуют, подпитывая друг друга, два «лица»: одно ориентировано на сугубую реальность жизни социума, государства, а второе, потаенное, постоянно анализирует, безо всякой, обязательной на людях, политкорректности, сделанное им и прогнозирует, то есть логически синтезирует, ближнее и отдаленное будущее.

Что далеко за примерами ходить — они прямо перед нами. О чем говорили с недавними геополитическими противниками в Лондоне и Нью-Йорке «за закрытыми дверями» первые президенты СССР и РФ? Не говоря уже о ритуально обставленных встречах в таких «конспирологических» местах, как Рейкьявик и Мальта. Сам Горбачев на ЦТВ заявлял, что он знает такие гостайны (речь, понятно, о внешней политике), которые унесет с собой из этого, не лучшего из миров. И ведь понятно почему к отправленному в отставку первому и последнему президенту СССР официально приставили охрану в двадцать человек, явно специалистов своего дела. Не «тело Горбачева» они охраняют, но его потаенные — нет, не мысли, знания о разрушении Советской сверхдержавы.

А вот у Вождя то были именно потаенные мысли, из числа тех, что народу и даже ближайшим соратникам Сталина знать пока рано или вовсе не нужно. Даже догадываться о возможности таких мыслей у Вождя никто не должен быть знать. Ремарка из романа: Сталин то ли с юмором, а может и вполне серьезно рассуждает сам с собой, что-де узнай Ворошилов, друг и соратник с Гражданской, некоторые его мысли, так мигом бы сбегал домой, благо рядом квартирует, вернулся с именной шашкой с георгиевским темляком и снес бы ему голову.

В чем суть и содержание потаенных мыслей Вождя? В основном, это объективная его оценка будущего Советской страны, опередившей в социально-политическом плане свое историческое время. И это время, увы, как мы воочию сейчас видим, показало горькую правоту мыслей — анализа товарища Сталина.

Другая, смертельно опасная для самой жизни Вождя, выверенная мысль Сталина: отлучение партии от хозяйственного администрирования. Оно было необходимо в первые десятилетия советской власти, но уже в 50-е годы стало тормозом. Именно за первые предпринятые в этом направлении шаги Сталина на XIX съезда парии он и был де-факто удален из жизни.

И еще одно горькое предвидение Вождя: лишенная новой политэкономической теории социализма, партия приобретает троцкистскую доминанту: движение все, цель ничто. Хотя бы и воспреемники Сталина декларативно не уставали провозглашать: наша цель — коммунизм.

Вот вокруг и около этих трех основных предвидений Сталина, дробясь на конкретные дела и события, и развивает в ночном бдении Вождь свои потаенные мысли. Которые в текущее время он не может доверить даже своей фуражке.

Книга не была бы романом, что есть по определению жанра квинтэссенцией беллетристики, если бы по его прочтению не вырисовывался образ и характер главного героя. Так каким же предстает Вождь в «Катехизисе идеалиста»?

Это хозяин великой страны, одна шестая части земной суши с примыкающими морями и половиной Ледовитого океана. Еще к его хозяйству к началу 50-х годов «приписана и поставлена на довольствие» (закавычивание наше. — Авт.) треть остального мира в Европе и Азии. А ведь скоро и Африку нужно будет делить с империалистами? А тамошние племенные царьки ох как жадны до денег! Большое хозяйство, большие расходы; глаз да глаз за всем нужен!

Непременный атрибут романного жанра: вырисовывание личности и характера героя, причем ненавязчиво, без дидактики, из его поступков и всего сценического движения — действия романа. Как представляется, даже учитывая избранный автором «статический» вариант сценария, фабулы и сюжета, Алексею Яшину в полной мере удалось справиться с этой сверхзадачей романа. Следует главное: для государственника Сталина все личное и характерное не персонифицированы, но есть едино и не разделимо с делами и заботами страны.

Наконец, Сталин — величайший в истории России—СССР идеалист. Странно звучит это определение в отношении сугубого практика, создавшего сверхдержаву СССР, но это именно так. В отличие от своего главного врага, Троцкого, Вождь движение страны и лагеря социализма сугубо подчинял конечной цели, то есть идеала: построение бесклассового, в высшей степени социально ориентированного, интернационального государства. Даже блока государств. А раз идеал превалирует над практикой, ее направляет, то Вождь такого процесса — экономического, геополитического и прочих — и есть идеалист. Великий идеалист всех времен и народов.

Что сказать в заключении? — Рекомендуем прочитать новый роман Алексея Яшина, причем независимо от политических пристрастий читателя: и левым, и правым, и всем «промежуточным» (это уже слова автора книги). Автор никому не навязывает свое мнение. Он вообще в стороне, а своим пером дает слово товарищу

Сталину.

Несомненным украшением книги является и ее авторское оформление, но особенно — встроенные в текст и приведенные в отдельной подборке стихи юного семинариста Сосепо Джугашвили.

ДЛЯ СПРАВКИ: «Катехизис идеалиста» имеется во всех городских библиотеках Тулы и в главных библиотеках Москвы, некоторых других российских городов.

Владислав Горелик Перепечатано с разрешения редакции из газеты «Тульская правда» № 12(670) om 24.03.2011 г.

G820G850

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Дома учителя, гарнизонного Дома офицеров, Кульпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет «Тула» и «Тульская правда», в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
 - Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
 - Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
 - Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);
 - Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);
 - Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
 - Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
 - Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
 - Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36).

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на сайте www.medtsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одночменный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». Усилия к этому прилагаются серьезные, а итог просматривается вполне оптимистичный. С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь». Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в

журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

- 1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2011, № 1—3.
- 2. Созвучье слов живых. Антология современной поэзии. Т. 6.— М.: «Московский Парнас», 2011.— 288 с. (В томе опубликованы стихи Ларисы Адлиной, Анатолия Богдановича, Николая Бухаринова, Александра Вайнермана, Юрия Деянова, Ирины Лесной, Владимира Мялина, Сергея Овчарова, Александра Остапова, Надежды Охрименко, Ольги Пономаревой-Шаховской, Людмилы Солма, Леонида Фадеева.— Некоторые из названных поэтов являются авторами «Приокских зорь»).
 - 3. Зюганов Г. А. Ленин, Сталин, Победа! М.: Изд-во ИТРК, 2010. 144 с.
 - 4. *Зюганов Г. А.* Перед рассветом.— М.: «Молодая гвардия», 2011.— 303 с.
- 5. *Кальянов Л. К.* Дарите нежность: Стихи.— Узловая: ГП «Узловская типография», 2002.—56 с.
 - 6. Кальянов Л. К. Соловьиная станция: Сб. стихов. Тула: ИНФРА, 2006. 72 с.
- 7. *Авдеева Л. Е.* Вечное солнце надежды.— М.: Об-во дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2010.— 98 с.
- 8. *Авдеева Л. Е.* Осенние силуэты: Стихи.— М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2006.— 56 с.
- 9. *Мы и время*: Сб. стихов. Вып. 4.— М.: Литературная студия «Вдохновение», 2010.— 56 с.
- 10. *Авдеева Л. Е.* Страна любви и легенд: Стихи их непальской тетради.— М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2004.— 32 с. (Серия «Восточный калейдоскоп»).
- 11. *Авдеева Л. Е.* Солнечный мир: Стихи для детей дошкольного и младшего школьного возраста.— М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2001.— 48 с.
- 12. Авдеева Л. Е. Подмосковье глаз отрада: Стихи, песни, историческая баллада. К 500-летию пос. Черкизово.— М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2004.— 48 с.
- 13. Никишов В. Д. Жабынь. История Свято-Введенской Макариевской Жабынской пустыни.— М.: Изд-во ГОУ ВПО «Московский государственный университет леса», 2011.— 384 с., илл.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» в III кв. 2011 года вышли следующие книги:

1. Яшин А. А. Сны и явь полковника Хмурова: Роман-поэма / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2011.— 340 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение

календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;
- поэзия;
- публицистика, включая историко-политическую;
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звание лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2010-го года объявлены в настоящем номере «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2011-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

Исполнилось 75 лет Владимиру Аникееву, писателю и журналисту из Тулы — автору ряда книг и сценариев к документальным фильмам, дважды лауреату премии «ЛГ». Он известен своей деятельностью на посту председателя Общественного комитета спасения музея-заповедника «Ясная Поляна».

(«Литературная газета» № 11—12(6315) от 30.03-05.04.2011, С. 5).

Примечание: Владислав Васильевич Аникеев — автор «Приокских зорь». Редколлегия журнала присоединяется к поздравлению «Литературной газеты».

«Думаю, что помпезное телешоу «Выбери имя России» (2009), когда среди наиболее почитаемых в народе имен долгое время оставался Сталин, вызвало новый интерес столичных писателей-документалистов к этой исторической фигуре. Станислав Рыбас, Бенедикт Сарнов, Сергей Семенов... Но наибольший интерес, пусть и не сразу, не с первого захода, убежден, вызовет роман Алексея Яшина... И вот почему: Яшин в своем романе не говорит за Сталина, не описывает вождя с той или иной степенью достоверности или явного художественного вымысла, а предоставляет слово ему самому»,— так пишет ведущий современный литературный критик Леонид Ханбеков о новой книге Алексея Яшина: Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2010.— 73 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Появились отзывы на роман в «Московском Парнасе», «Приокских зорях», в газетной периодике. В частности, в газете «Тульская правда» № 12(670) от 24.03.2011 г. опубликован очерк Владислава Горелика «Потаенные мысли Вождя», который мы перепечатываем в настоящем выпуске «Приоксих зорь» (см. раздел «Литературоведение, литературная критика, рецензии»).

ДИСКУССИИ

В альманахе (журнале) «Московский Парнас» № 2, 2011 начата открытая дискуссия по публикации Алексея Яшина «Стратегия, тактика и академия» (см. «Московский Парнас» и «Приокские зори» за 2010-й год), посвященной вопросам становления и развития Академии российской литературы (президент В. Н. Мирнев), под эгидой которой с этого года выходит наш журнал. Участники дискуссии отмечают своевременность появления названной (программной) публикации, высказывают свои мнения и предложения.

Редколлегия «Поиокских зорь» планирует также провести в ближайших номерах журнала дискуссию по проекту «Манифеста современного русского критического реализма», опубликованного в № 1, 2011 «Приокских зорь», а также в красноярском журнале «Истоки» (главный редактор Сергей Прохоров).

«ГОЛОС ИЗРАИЛЯ» О «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Журнал «Приокские зори» достоин включения в книгу рекордов Гиннеса!

В наше неустойчивое время, когда земная твердь, и та время от времени взрывается мощными землетрясениями, выпуск нового литературного журнала, само собой, чреват непредсказуемыми стихийными бедствиями — от разгромной критики, до закрытия. Однако, как показала практика последних лет, такой сейсмографический прогноз не всегда состоятелен. И некоторые бумажные журналы, появившись в пору расцвета Интернета, продолжают жить и завоевывать любовь читателя.

Одним из таких феноменов можно назвать ежеквартальный литературный журнал «Приокские зори», который впору считать теперь и международным. Он возник в 2005 году. В Туле. В городе славного Левши — знаменитого героя Лескова, в городе, куда со своим самоваром ездить не следует. Но, как выясняется, это не касается рукописей: со своими рукописями в Туле ездить не возбраняется. Дело в том, что главный редактор «Приокских зорь» Алексей Афанасьевич Яшин уже в предисловии к первому номеру журнала провозгласил, что намерен «Создать печатный орган, свободный от уклонов в элитарность, объединяющий на своих страницах как профессиональных литераторов, так и формально не объединенных в творческие союзы. Главный здесь критерий — наличие таланта...»

По сути дела это и получилось. Впрочем, это и немудрено, если учесть, что — наличие таланта, как главный критерий для отбора рукописей, это не пустые слова. Для Алексея Афанасьевича Яшина — не пустые, ибо вся его жизнь подчинена слу-

жению таланту. Он известный писатель, член Союза писателей России, член Правления Академии российской литературы; вместе с ним я был в 2008 году в Москве представлен в списке кандидатов на Бунинскую премию. Но, кроме всего прочего, он еще и профессор Медицинского института, доктор технических наук, доктор биологических наук, словом, человек многосторонний, видящий наш мир и жизнь в нем в перспективе развития. Наверное, поэтому журнал «Приокские зори» и превратился, как я уже отметил, в международный. С его страниц обращаются к читателю авторы не только России, но и других стран. В первом номере 2011 года в нем печатаются и мои рассказы о рижской моей молодости, о детстве. Ну, и в заключении следует отметить, что журнал достоин включения в книгу рекордов Гиннеса — как единственный «толстый» журнал, который не имеет никакого финансирования от властей. Тираж журнала «Приокские зори» печатает Тульский госуниверситет (ректор Михаил Васильевич Грязев).

Эссе из авторского радиожурнала Ефима Гаммера «Вечерний калейдоскоп», который на волнах радио «Голос Израиля» — «РЭКА» транслируется на Израиль, Россию, Европу, США, Канаду и другие страны, также его можно слышать и в Интернете (http://sradio.ru/live/321). Вышло в эфир 8 апреля 2011 года.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

В редакцию «Приокских зорь»

Привет Вам из Полярного! Извините, что так долго не отвечала на Ваши письма. Журналы получили еще летом. Но летом наша школа переезжала в здание новой школы. В городе произошла оптимизация образовательных учреждений. В результате нас выселили... Мы боролись, писали жалобы и обращения. Но увы! Летом состоялся переезд. Теперь у нас самая многочисленная школа. Кабинетов не хватает. И поэтому музея пока нет. Все материалы музея я храню в лаборантской. Сейчас мы усиленно готовимся к 75-летнему юбилею школы, которое состоится 16 апреля. Спасибо Вам на публикацию. Все журналы остались у нас в школе. Главе города я ничего не передавала. Отношения не те. После нашей борьбы за школу нас не очень жалует администрация города. Пишите.

С уважением, Ирина Осипова, директор музея Полярной средней школы № 1 им. М. А. Погодина, Закрытое административное территориальное образование (ЗАТО) г. Полярный Североморского района Мурманской области.

Примечание редакции: Статус ЗАТО город Полярный имеет в силу того, что является главной базой Краснознаменной Кольской флотилии Краснознаменного Северного флота.

В редакцию журнала «Приокские зори»

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Сообщаем Вам о том, что 15, 16 апреля 2011 года в средней школе № 1 имени М. А. Погодина города Полярного будут проводиться торжества, посвященные 75-летнему юбилею школы. Мы будем очень рады встрече с Вами.

С уважением, В. В. Сулаева, директор Полярной средней школы N 1 им. М. А. Погодина

Главному редактору журнала «Приокские зори» А. А. Яшину Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Получил Ваше обращение, датированное 8 февраля 2011, с 16-ью экземплярами Вашей книги «Катехизис идеалиста» и журналом № 4 «Приокские зори» за 2010 год.

Для организации моего интервью Вашему изданию по тематике современной русской литературы я передал Ваше обращение руководителю пресс-службы ЦК КПРФ и пресс-службы руководителя фракции КПРФ в Государственной Думе, Александру Андреевичу Юрченко.

Желаю Вам здоровья и новых творческих успехов. Направляю свои книги «Перед рассветом», «Ленин, Сталин, Победа» и материалы КПРФ.

С уважением,

Руководитель фракции КПРФ в Госдуме Г. А. Зюганов

В редакцию журнала «Приокские зори»

Добрый день, Алексей Афанасьевич!

Спасибо за статью, буду ждать журнал. Звонил Николаю Николаевичу Минакову. Книгу мою он почему-то не получил, хотя по почте она пошла одновременно и в Ваш, и в его адрес.

Белевские земляки активно ведут работу по присвоению Белеву звания «Город воинской славы», собираются провести ряд мероприятий, посвященных митрополиту Евлогию. Родом он из деревни Сомово – между Одоевом и Белевом. Учился в Белевском Епархиальном училище. Его хорошо знал Никита Алексеевич Струве. В свое время он написал статью о митрополите для сборника «Белевских чтений», который печатался у меня. Ожидается приезд Никиты Алексеевича, и, возможно, он посетит Белев. В Москве мероприятия будут проходить в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Большой интерес к этому проявляет Москвин, директор Дома. Он лично знаком с Н. А. Струве и даже отправил ему мою книгу о Жабыни. Если Вам интересно, то я готов прислать для журнала эту статью.

В. Д. Никишов, профессор Московского государственного университета леса, г. Мытищи Московской области

Примечание редакции: Владимир Дмитриевич Никишов, уроженец города Белева — старейшего в Тульской области — и постоянный автор нашего журнала.

...С интересом познакомилась с обширными планами редколлегии по тематическим номерам. Хочется думать, что и едкому сатирику Щедрину найдется место. Как автора, меня особенно заинтересовал № 4 журнала. После прошлогодней поездки по Волге я заново перечитала всего Некрасова, Никитина, Кольцова, Сурикова (кстати, в 2011 году 140 лет со дня его рождения и столько же со дня смерти Никитина), глубоко народное творчество которых еще раз заставило вспомнить слова В. Г. Белинского: «Все благородное страждет — одни скоты блаженствуют». У меня есть большой цикл, где стихи о Грешнево, селе, где родился Некрасов, и поэма «Кому на Руси жить», фрагменты из которой хочу направить в тематический номер журнала. Так же и о Федоре Михайловиче Достоевском есть интересные литературоведческие заметки и наброски, которые доработаю и перешлю, как запланирован до августа.

Кстати, вероятно, к этому номеру подойдет и новое интервью с Владимиром Вольфовичем Жириновским, в которому наряду с рассуждениями об ответственности государства за состояние современной литературы идет разговор о «совестливости» в творчестве Достоевского и упоминается поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Как я уже писала Вам в своем письме — поздравлении с Днем защитника Отечества — Толстовский номер «ПЗ» и роман «Катехизис идеалиста» В. В. Жириновскому передала. Не буду занимать Ваше время рассказами о том, какой огромный неподдельный интерес вызывает Ваш роман у читающих. Мои же «признания» и «восторги» уже были в предыдущем письме. По ходу чтения делала заметки, записывала свои размышления, которые готовы стать рецензией. Не буду больше злоупотреблять

Вашим временем. Буду ждать новые номера и решение редколлегии о публикации материалов студии «Вдохновение» и моих стихов и статей, которые есть в редакционном портфеле. Примите самые теплые пожелания творческих успехов всему коллективу, а Вам от всей души желаю бодрости, крепкого здоровья и новых ярких произведений.

(Из письма в редакцию Людмилы Авдеевой, постоянного автора «Приокских зорь» и нашего внештатного корреспондента в Государственной думе ФС РФ)

Главному редактору «Приокских зорь»

...Бандероль с журналом и книгой получил 18.02.2011. Спасибо! Журнал передал в нашу Национальную библиотеку (по старому – «публичка»). Книгу о Сталине прочитал. Прочитал с интересом. Многое созвучно моим знаниям и опыту, невольно перекладываешь материал на текущий момент. На сайте КПРФ было небольшое сообщение об этой книге, о поступлении книги. Жаль, что эту полезную книгу немногие прочтут. Для нынешней власти и строя философия и наука об обществе не нужна, тем более коммунистическая. О встрече в Полярном в школе номер 1, намеченной на 16 апреля, мне сообщил старший брат Николай. Возможно, он съездит туда из Мурманска, как написал недавно. Школу закрывают. ЗАТО «Александровск» включает в себя гг. Полярный, Снежногорск и, вроде, Гаджиево.

...Скажу, что везде разорение хуже, чем после войны. Побывал на переписи в районе, проехал почти все населенные пункты. Страшно смотреть на разрушенные здания, заросшие травой огромные поля, отсутствие освещения, отсутствие тепла в домах, безработный люд... В Петрозаводске уничтожена практически вся промышленность: нет Онежского тракторного завода, нет завода «Авангард» (производил катера), нет радиозавода, завода «Онега» (радиоэлектронная промышленность), станкостроительного... Зато понастроили много-много рынков, супермаркетов, увеселительных заведений и пивнушек... А Советский Союз через 20 лет после войны не только восстановился, но и первым отправил в космос человека. О чем говорить...

(Из письма Юрия Михайловича Чернякова, автора нашего журнала, Петрозаводск, Карелия)

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Литературно-художественный и публицистический журнал

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова Компьютерная верстка и изготовление оригинал-макета: С. В. Никитин

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.09.2011 Формат $70\times108/16$. Печ. л. 17,00 Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в издательстве Тульского государственного университета, 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА ТУЛЫ

(фото Геннадия Маркина)

Тула, проспект Ленина. Здесь служил в генеральской должности Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин и обдумывал главы «Города Глупова» (Ныне коммунально-строительный техникум)

Мемориальная доска Н. Я. Москвину на стене нынешней Тульской областной универсальной научной библиотеки

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА ТУЛЫ

(фото Геннадия Маркина)

Памятник-барельеф Сергею Есенину на входе (со стороны улицы Первомайской) в тульский Центральный парк им. П. П. Белоусова. Парку свыше ста лет. О нем вспоминал в своих записях поэт, бывавший здесь

О чем задумался, товарищ главный редактор? — Вход в дом Льва Толстого, Ясная Поляна